ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 11. Ноябрь. 1914.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи: *Стр.*

А. Ѳ. Кони. На службѣ Судебнымъ Уставамъ (памяти Обнинскаго и Джаншіева) 5
В. М. Фриче. Идеологія германскаго имперіализма 33
В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ 49
Р. М. Хинъ. Французскіе писатели въ франко-прусскую войну. 75
В. А. Филипповъ. Театральная публика XVIII вѣка по сатирическимъ журналамъ 95

II. Воспоминанія:

Ю. М. Огарева. Воспоминанія 109
П. И. Торгашевъ. Сибирскія воспоминанія 128
И. И. Старининъ. Записки библейскаго книгоноши 167

III. Матеріалы:

М. Н. Муравьевъ. Письма къ А. А. Зеленому 1857—1862 гг. Съ предисловіемъ **В. И. Семевскаго** 212
А. М. Унковскій. Письма къ Г. А. Джаншіеву 235

IV. Изъ иностранныхъ журналовъ:

А. М. Васютинскій. Турція, Германія и Европа 251

V. Критика и библіографія.

В. И. Пичета. А. Сиротининъ. Россія и славяне. **В. И. Пичета.** Н. С. Державинъ. Болгаро-сербскія взаимоотношенія. **К. В. Сив-**

Библиотека "Руниверс"

Отъ конторы
„ГОЛОСА МИНУВШАГО“.

Открыта подписка на 1915 годъ. Цѣна въ слѣдующемъ (1915) году будетъ **повышена** на **два** рубля на годовой экземпляръ.

Условія подписки: На годъ **10 руб.**, на $^1/_2$ года—**5 р.**, на мѣсяцъ **1 руб.** Для учащихся, народныхъ учителей и пр. допускается разсрочка: при подпискѣ—**3 р.**, 1 апрѣля—**2 р.**, 1 іюля—**3 р.**, 1 октября—**2 р.**

Подписка принимается въ конторѣ: Москва, М. Никитская, д. 29 кв. 6; телеф. 4-50-61.

Подписка принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ.

Библиотека "Руниверс"

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 11. Ноябрь. 1914.

Библиотека "Руниверс"

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной б., Путинковскій пер., соб. д.
1914.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

А. Ѳ. Кони. На службѣ Судебнымъ Уставамъ (памяти Обнинскаго и Джаншіева) 5
В. М. Фриче. Идеологія германскаго имперіализма 33
В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ 49
Р. М. Хиинъ. Французскіе писатели въ франко-прусскую войну. 75
В. А. Филипповъ. Театральная публика XVIII вѣка по сатирическимъ журналамъ 95

II. Воспоминанія:

Ю. М. Огарева. Воспоминанія 109
П. И. Торгашевъ. Сибирскія воспоминанія 128
И. И. Старининъ. Записки библейскаго книгоноши 167

III. Матеріалы:

М. Н. Муравьевъ. Письма къ А. А. Зеленому 1857—1862 гг. Съ предисловіемъ **В. И. Семевскаго** 212
А. М. Унковскій. Письма къ Г. А. Джаншіеву 235

IV. Изъ иностранныхъ журналовъ:

А. М. Васютинскій. Турція, Германія и Европа 251

V. Критика и библіографія.

В. И. Пичета. А. Сиротининъ. Россія и славяне. **В. И. Пичета.** Н. С. Державинъ. Болгаро-сербскія взаимоотношенія. **К. В. Сив-**

Библиотека "Руниверс"

Стр.

ковъ. Путешествіе аббата Жоржеля. **С. П. Мельгуновъ.** Е. Ѳ. Комаровскій. Записки. **Н. П. Кашинъ.** Русская литература XX в. **С. П. Мельгуновъ.** У Троицы въ Академіи. **П. И. Власовъ.** Памятники первыхъ лѣтъ старообрядчества. **Ф. Баллодъ.** А. Морэ. Во времена фараона. Его-же. Цари и боги Египта. **Н. О. Лернеръ.** Къ исторіи «Баллады о Рыцарѣ». 269

VI. Изъ текущей литературы.

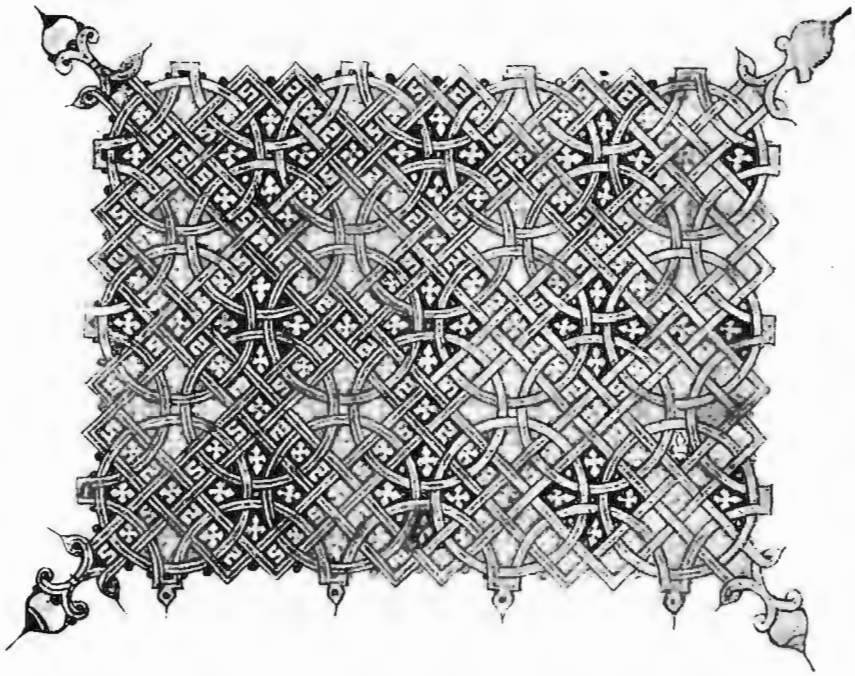
А. А. Кизеветтеръ. Станиславъ Понятовскій и его мемуары. . . 289
Гр. Ф. Г. Де-ла Бартъ. Романтизмъ, какъ патологическое явленіе 300
Л. С. Козловскій. Германія и Польша. 312

VII. Рисунки.

Портреты **П. Н. Обнинскаго и Г. А. Джаншіева. Заставки** изъ евангелій XVI в. въ собраніи А. А. Титова.

VIII. Объявленія.

Библиотека "Руниверс"



На службѣ Судебнымъ Уставамъ.

(Памяти Обнинскаго и Джаншіева).

Судебные Уставы явились однимъ изъ лучшихъ звеньевъ въ послѣдовательномъ ряду преобразованій Императора Александра II. Ими былъ рѣшительно и безповоротно упраздненъ старый судъ, снискавшій себѣ, такъ сказать, всеобщее неуваженіе. Противъ него въ пятидесятыхъ годахъ протестовали не только поэтическое перо Хомякова и выхваченныя Иваномъ Аксаковымъ изъ дѣйствительности картины, «видимый смѣхъ и незримыя слезы» Гоголя и свистъ сатирическаго бича Салтыкова, но и просыпавшееся общественное правосознаніе. Оно не мирилось съ организованнымъ и замкнутымъ въ обветшавшія формы безсудьемъ, вооруженнымъ канцелярскимъ крючкотворствомъ, безгласностью, корыстной волокитой и шедшими въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ и справедливостью пріемами и способами отысканія болѣе чѣмъ сомнительной истины. Поэтому обнародованіе Судебныхъ Уставовъ было встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ. Старые дѣльцы и подъячіе всякаго ранга, затаивъ горечь въ душѣ, покорно уступили дорогу новымъ дѣятелямъ, которые пошли на служеніе этимъ Уставамъ съ увлеченіемъ и довѣріемъ къ духовнымъ силамъ своего народа и съ

Библиотека "Руниверс"

горделивой вѣрой въ прочность своего дѣла. Но, «медовый мѣсяцъ» обновленнаго суда продолжался недолго. По мѣрѣ того какъ гласность, устность, непосредственность въ оцѣнкѣ доказательствъ и правовыхъ доводовъ, а также состязательное начало становились обычнымъ явленіемъ и входили въ плоть и кровь судопроизводства, живой общественный интересъ къ этимъ новшествамъ остывалъ, понемногу замѣняясь лишь нездоровымъ любопытствомъ толпы къ сенсаціоннымъ подробностямъ процессовъ. Рядомъ съ этимъ стали поднимать голову тѣ, которыхъ можно назвать «потерпѣвшими отъ новаго суда»,—недовольные равноправіемъ предъ судомъ и примѣненіемъ новаго закона «не взирая на лица». А затѣмъ на новыя учрежденія и ихъ дѣятелей, обобщая ихъ извинительныя во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ единичныя ошибки и промахи въ общее печальное и тревожное органическое явленіе, пошелъ походомъ вліятельный московскій публицистъ, обратившійся изъ восторженнаго поклонника *началъ* судебнаго преобразованія въ страстнаго и ослѣпленнаго гнѣвомъ противника ихъ *практическаго осуществленія.* У него, конечно, нашлись и услужливые подражатели. Такимъ образомъ людямъ, хранившимъ въ душѣ завѣты Судебныхъ Уставовъ и отдавшимъ всѣ свои силы судебной реформѣ, пришлось во многихъ отношеніяхъ стать въ тяжелое и нерѣдко совершенно беззащитное положеніе противъ инсинуацій и печатныхъ выпадовъ, въ которыхъ злобная односторонность нерѣдко опиралась на невѣжественную неосвѣдомленность.

Можно было бы, однако, несмотря на это, спокойно идти своей дорогой, памятуя утѣшительный совѣтъ старика Крылова, о томъ, что «они полаютъ и отстанутъ», если бы нападенія на судебное вѣдомство не находили для себя благопріятную почву въ области управленія и законодательства, постепенно расходившагося съ коренными началами, вложенными въ реформы шестидесятыхъ годовъ. Изъ этой области стали по временамъ грозить, а иногда и осуществляться различныя увѣчья по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу нашего печальнаго свойства быстро нагрѣваться и скоро остывать, самый образъ служителя первыхъ годовъ обновленнаго суда сталъ подчасъ тускнѣть, расплываться и растрачивать черты *судебнаго дѣятеля* по дорогѣ къ тому, чтобы воспріять образъ *судейскаго чиновника.* Такое положеніе вещей не могло не тревожить тѣхъ, кому были дороги Судебные Уставы и проникающая ихъ человѣчность, и кто не могъ смотрѣть на этотъ величавый и стройный памятникъ законодательства, какъ на обыкновенный, обыденный законъ, выработанный въ бюрократической средѣ и

Библиотека "Руниверс"

измѣняемый подъ вліяніемъ обычныхъ боязливыхъ соображеній о томъ: «Удобно ли это?» «Ловко ли?» «Своевременно ли?» и т. п. Для нихъ, поэтому, настоятельно возникала нравственная задача развивать и осуществлять основныя начала Уставовъ въ ихъ примѣненіи къ жизни—и словомъ, дѣломъ и собственнымъ примѣромъ оберегать ихъ отъ извращенія въ текущей судебной практикѣ. Предстояло въ ячейки огромнаго трудового улья, воздвигнутаго этими Уставами, вложить соотвѣтствующее содержаніе. Слѣдовало:—по схемамъ, начертаннымъ въ нихъ, выяснить и выработать картину правильнаго веденія судебнаго засѣданія; опредѣлить цѣль, границы и содержаніе судебныхъ преній; намѣтить объемъ и смыслъ предсѣдательскаго руководящаго напутствія, сводящагося главнымъ образомъ къ объясненію силы и значенія представленныхъ по дѣлу доказательствъ; установить типическія черты прокурора-обвинителя, являющагося по Судебнымъ Уставамъ *говорящимъ судьею*; намѣтить, безъ компромиссовъ и недомолвокъ, задачи адвокатуры и пріемы ея участія въ общемъ дѣлѣ отправленія правосудія; — и многое другое. Этого, однако, было мало. Чѣмъ дальше шло время отъ составленія и обнародованія Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ больше сходили со сцены ихъ создатели и живые истолкователи намѣреній, въ нихъ вложенныхъ. Въ ихъ рѣдѣющіе ряды протискивались то тутъ, то тамъ практики, въ глазахъ которыхъ временныя условія, случайныя явленія и превратно понимаемыя потребности жизни пріобрѣтали господство надъ «отживающими свой вѣкъ» идеалами составителей Судебныхъ Уставовъ. Поэтому на ряду съ личнымъ служеніемъ этимъ идеаламъ нужно было непрестанно и настойчиво напоминать о нихъ устнымъ и печатнымъ словомъ. Но какъ бы ни были, однако, горячи, вдумчивы и житейски обоснованы эти напоминанія, ихъ однихъ было недостаточно. Люди не любятъ и избѣгаютъ думать логическими посылками. Отъ продуманныхъ соображеній ихъ въ большинствѣ случаевъ удерживаетъ «лѣнь ума» и трудность отрѣшиться отъ привходящихъ впечатлѣній дѣловой или бездѣльной суеты. Отсюда господство картинъ и образовъ, составляющихъ для большинства отправную точку мышленія, освѣщающую и направляющую шаги человѣка или настойчиво рисующую то, что грозитъ или привлекаетъ въ будущемъ.

Такимъ образомъ явилась необходимость не только разсуждать и поучать о томъ, что вложено въ Судебные Уставы, но и описывать трудовой путь и благотворную дѣятельность ихъ составителей. Это особенно *нужно* у насъ, гдѣ *забвеніе* составляетъ такое быстро наступающее и обычное явленіе. Къ сло-

Библиотека "Руниверс"

вамъ великаго поэта: «мы лѣнивы и не любопытны» можно съ неменьшимъ основаніемъ прибавить: «и неблагодарны». Необходимо напоминать *живущимъ* объ *усопшихъ*, вызывая симпатію и уваженіе къ дѣятелямъ правды и справедливости, оживляя ихъ нравственно привлекательные образы. Въ особенности это важно по отношенію къ молодому поколѣнію. Для него не можетъ быть безполезнымъ или безплоднымъ повѣствованіе о почтенной жизни и «непостыдной кончинѣ» тѣхъ, чье служеніе родинѣ было безкорыстно, полно труда и терпѣнія, любви и чувства долга. Въ нашей общественной жизни бываютъ періоды, когда, при быстро наступающей и подолгу господствующей въ ней апатіи, смѣло поднимаются голоса, отрицающіе плодотворное дѣло недавняго прошлаго и взывающіе къ давно отжившимъ порядкамъ и ихъ сошедшимъ со сцены представителямъ. Тогда въ отвѣтъ на извращенный возгласъ: «mortuos voco, vivos plango»! необходимо настойчиво говорить: «нѣтъ! не mortuos voco, а vivos, а plango тѣхъ mortuos, кто подготовилъ великія реформы Александра II и способствовалъ ихъ осуществленію, кто созналъ ихъ историческое значеніе для будущаго и безъ малодушныхъ колебаній служилъ положеннымъ въ ихъ основу началамъ, какъ бы это ни было иногда, выражаясь словами Пушкина, «горестно и трудно».

Скоро наступаетъ полвѣка существованія Судебныхъ Уставовъ и невольно приходятъ на память два имени... Они принадлежатъ людямъ, послужившимъ Уставамъ своимъ трудомъ и дарованіями каждый въ своей сферѣ дѣятельности и многое сдѣлавшимъ для уясненія ихъ происхожденія и условій дальнѣйшаго ихъ практическаго развитія. Въ этотъ свой трудъ они вложили свое духовное «я» и до конца жизни стояли на своемъ посту, несмотря на физическіе недуги и нравственныя испытанія.

Первый изъ нихъ—*Петръ Наркизовичъ Обнинскій*. Когда въ послѣднее десятилѣтіе его жизни приходилось видѣть его прикованнымъ къ креслу, изможденнаго нервнымъ недугомъ, съ ослабѣвшимъ слухомъ, казалось, что его «пѣсенка спѣта» и что въ мучительно догорающей жизни у него уже нѣтъ возможности отзываться на важные и тревожные вопросы и запросы дѣйствительности. Но стоило, однако, коснуться этихъ вопросовъ, стоило раскрыть страницы его многочисленныхъ статей, чтобы услышать и увидѣть, какъ великъ въ немъ запасъ душевныхъ силъ и какимъ умомъ, изяществомъ формы и тонкостью ироніи богаты его мысли, всегда и неуклонно направленныя въ защиту того, что онъ вынесъ изъ стѣнъ университета и изъ первыхъ лѣтъ активной дѣятельности по крестьянской и судебной реформамъ.

Библиотека "Руниверс"

Университетъ и работа по введенію въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ подъ руководствомъ одного изъ благороднѣйшихъ и чистѣйшихъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ оставили въ душѣ Обнинскаго неизгладимый слѣдъ. Онъ имѣлъ радость слушать Грановскаго,—имѣлъ счастье служить съ Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ... Образы того и другого свѣтили ему и грѣли его и въ годы жадной на дѣятельность молодости и въ годы страдальческой старости. Онъ самъ соединялъ ихъ въ одно благодарное воспоминаніе, говоря, что Арцимовичъ *дѣлалъ* то, чему *училъ* Грановскій. Въ университетѣ ему пришлось пережить тотъ переломъ взглядовъ и вѣяній, который произошелъ во всемъ русскомъ обществѣ со вступленіемъ на престолъ Александра II—и окончить курсъ въ то время, когда, по его выраженію, нужно было отдать свои силы на воплощеніе въ жизни идей права и свободы. Въ служеніи этому воплощенію судьба уберегла его отъ безплодности единичныхъ усилій, отъ «кипѣнья въ дѣйствіи пустомъ» и отъ тѣхъ разочарованій на первыхъ же шагахъ, которыя часто кладутъ печать безволія на всю дальнѣйшую жизнь. Онъ получилъ возможность сказать про себя: «блаженъ, кто свой челнокъ привяжетъ къ кормѣ большого корабля». Этотъ корабль—была крестьянская реформа, а кормчимъ въ Калужской губерніи былъ Арцимовичъ, къ дѣятельности и памяти котораго Обнинскій не разъ возвращался съ умиленіемъ и благодарностью, ставя его привлекательную и величавую личность въ непосредственную духовную близость съ дорогими и любимыми московскими профессорами: Грановскимъ, Кудрявцевымъ и Никитой Крыловымъ... Назначенный мировымъ посредникомъ «перваго призыва», Обнинскій сразу попалъ въ область кипучей работы, гдѣ приходилось не только примѣнять Положеніе 19 февраля, еще дѣвственно-чистое и не обросшее циркулярами и всевозможными разъясненіями, но и творить многое, въ немъ лишь намѣченное, но требуемое жизнью,—творить, конечно, въ духѣ Положенія, понимаемаго широко и примѣняемаго безпристрастно. Кругомъ волновались страсти, вопіяли жалобы, пускали «шипъ по-змѣиному» доносы,—но кормчій былъ спокоенъ и непоколебимъ, а группа молодежи, призванной имъ на содѣйствіе святому дѣлу, держалась дружно и сплоченно, поддерживаемая имъ и ободряемая. Благодаря Арцимовичу, Обнинскому не пришлось испытать того холоднаго формализма и высокомѣрнаго отношенія, съ которыми обыкновенно встрѣчали въ то время поступающихъ на службу. Уже на склонѣ дней онъ такъ вспоминалъ первый пріемъ у губернатора: «онъ вышелъ и положилъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

на плечо руку (хотя встрѣчались мы въ первый разъ), и въ этомъ жестѣ было что-то нѣжное, отеческое, человѣчное; его глубокій, грустный («какъ и у Т. Н. Грановскаго»—сейчасъ же мелькнуло у меня) взглядъ, молодое еще и прекрасное смуглое лицо, обрамленное густыми сѣдыми волосами, довершали такое впечатлѣніе. «Я радъ видѣть», сказалъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ, «будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, гражданина, полезнаго своему отечеству. Люди съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу; я ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во-первыхъ, молоды, чисты душой, не испорчены жизнью и существующими служебными порядками, а во-вторыхъ, что не менѣе важно для дѣла, независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать, тяжко и славно работать!.. Вѣрьте въ свое дѣло, чтите законъ во что бы ни стало, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ—я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня»...

Съ уходомъ Арцимовича, «обезвреженнаго» назначеніемъ въ московскіе департаменты Сената, настали иныя времена и другое отношеніе къ мировымъ посредникамъ, но главное дѣло—введеніе Положенія 19 февраля и составленіе уставныхъ грамотъ—было сдѣлано, а между тѣмъ начала осуществляться другая великая реформа—судебная. Къ ней пріобщился, въ качествѣ участковаго мирового судьи, Обнинскій и слился съ нею и съ ея основоположеніемъ—Судебными Уставами—всею душою, служа словомъ и перомъ выясненію необходимыхъ условій успѣха первой и защищая вторые отъ передѣлокъ, искаженій и прикосновенія нечистыхъ рукъ, движимыхъ личнымъ честолюбіемъ или трусливой угодливостью. Онъ еще засталъ старый, дореформенный судъ, а въ нѣдрахъ собственнаго его семейства жили воспоминанія о полицейскомъ произволѣ по отношенію къ его дѣду, подвергнутому оскорбительному обыску и содержанію въ одиночной торьмѣ, съ утѣшительнымъ затѣмъ заявленіемъ, что онъ оказался «къ дѣлу совершенно неприкосновеннымъ». Вспоминая старый судъ, Обнинскій далъ слѣдующую картину, выхваченную прямо изъ жизни. «Въ канцеляріи толпятся просители и шепчутся съ чиновниками. Изрѣдка сѣдой вахтеръ съ медалями во всю грудь важно отворяетъ половину двери въ «присутственную комнату», куда, сгорбившись и какъ-то робко избочась, прошмыгиваетъ вицмундиръ съ охапкою бумагъ подъ мышкой, а въ отворенную дверь вы видите красное сукно, блестящую золотую раму, такое же зерцало и вокругъ него нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколько неподвижно-возсѣдающихъ фигуръ съ плѣшивыми головами, вплоть до ушей ушедшими въ высокіе, хомутовидные золотые же воротники... Внушительно,—но вы тотчасъ же почему-то чувствуете, что это не болѣе, какъ какая-то никому не нужная, торжественная и мертвая декорація, а вся сила въ томъ заваленномъ бумагами, залитомъ чернилами и засыпанномъ пескомъ столикѣ, у котораго вы только что совѣщались со столоначальникомъ—тѣмъ, что понесъ подписывать «члену» бумагу по вашему дѣлу; вы чувствуете, что вся сила, вся суть, вся судьба вашего дѣла не тамъ, откуда мелькнули вамъ золотые рамы, орлы и воротники, а въ этомъ столоначальникѣ въ засаленномъ вицмундирѣ, съ сизымъ, запачканнымъ табакомъ носомъ, хищными глазками и перомъ за ухомъ; вы чувствуете, что подпись въ этой парадной «присутственной комнатѣ» ничего не прибавитъ и не убавитъ въ томъ, что этотъ вершитель судебъ вашихъ, написалъ на своемъ грязномъ столѣ». Для русскаго человѣка двадцатаго и конца девятнадцатаго столѣтія картина эта можетъ показаться неправдоподобной и, во всякомъ случаѣ, ушедшею въ невозвратное прошлое, но для Обнинскаго и для очень немногихъ, еще находящихся въ живыхъ, стариковъ—она была изображеніемъ правдивой и современной имъ дѣйствительности. Отсюда его горячая любовь къ новымъ формамъ и пріемамъ суда, даннымъ Судебными Уставами, отсюда его негодующая тревога за неприкосновенность послѣднихъ, за цѣлость вложенныхъ въ нихъ началъ. Вотъ почему, когда стали появляться различныя «новеллы», урѣзывавшія подсудность суду присяжныхъ, расширявшія въ ущербъ послѣднему область суда съ сословными представителями, замѣнявшія по ряду дѣлъ слѣдственные акты записями административнаго дознанія,—и когда Судебные Уставы были разбиты на части, втиснутыя въ чуждый имъ по духу, системѣ и языку Сводъ Законовъ,—онъ, прибѣгая къ любимымъ имъ метафорамъ и картинамъ, сравнивалъ дорогіе ему Уставы съ покидаемымъ дворцомъ, съ котораго спускается вѣнчающій его флагъ. Флагъ этотъ спустился еще рѣшительнѣе и ниже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, при упраздненіи мировыхъ судей и замѣнѣ ихъ участковыми земскими начальниками, вооруженными судебною властью съ правомъ, во многихъ случаяхъ, усмотрѣнія, не нуждающагося въ доказательствахъ,—и подчиненными въ служебномъ отношеніи администраціи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ нарушеніемъ коренного начала Судебныхъ Уставовъ—отдѣленія судебной власти отъ административной—былъ, по огромной массѣ дѣлъ, упраздненъ единый кассаціонный судъ, и на мѣсто его поставлены губерн-

Библиотека "Руниверс"

скія присутствія, въ которыхъ представители судебнаго элемента, составляя меньшинство, играли мало завидную роль. Въ горячей и богатой фактами статьѣ «Мировые судьи и ихъ преемники», подводя итоги сравнительной параллели обоихъ учрежденій, старый мировой посредникъ и мировой судья рисовалъ безотрадную картину замѣны *піонера* правосудія въ безсудной предъ тѣмъ странѣ—*реставраторомъ* стараго полицейскаго суда. Но живой умъ его и сатирическая жилка, бившаяся въ немъ, не давали ему ограничиться строгой литературно-юридической картиной. Друзья его получили отъ него злую и тонкую сатиру на своеобразную эволюцію Судебныхъ Уставовъ, подъ названіемъ «любопытной исторіи о томъ, какъ въ городѣ Пошехоньѣ построился, перестроился, заселился и развалился нѣкій новый домъ, оконченный постройкой 20 ноября 1864 года». Умѣя хорошо рисовать въ буквальномъ смыслѣ слова, Обнинскій очень талантливо составилъ «живописное сказаніе о томъ, какъ двѣ подруги M-elle Администрація и M-elle Юстиція поссорились и черезъ 25 лѣтъ помирились» и въ центрѣ рисунка, подъ книгой Судебныхъ Уставовъ, помѣстилъ символическое яблоко раздора...

Но въ сердцѣ Обнинскаго жила надежда, что тучи, нависшія надъ Судебными Уставами, разсѣются и пронесутся и что онъ еще увидитъ, какъ, выражаясь словами поэта, съ «беззаконнаго рисунка спадутъ ветхой чешуей чуждыя краски». Съ такой надеждой встрѣтилъ онъ образованіе комиссіи о пересмотрѣ законоположеній по судебной части подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи Муравьева и поспѣшилъ предложить ей свои услуги. «Профессоръ Духовской предложилъ мнѣ принять участіе въ трудахъ отдѣла уголовнаго судопроизводства,—писалъ онъ,—путемъ письменныхъ замѣчаній по очереднымъ вопросамъ. Понятно, какъ соблазняетъ меня это предложеніе, открывающее возможность адресовать свои замѣчанія не въ редакціи частныхъ изданій, *а прямо къ источнику* и такимъ путемъ заявить свои свидѣтельскія показанія въ защиту началъ, узаконенныхъ 20 ноября 1864 года. Въ присланныхъ мнѣ матеріалахъ я нашелъ не мало тлетворныхъ зародышей, убить которые интересно въ самомъ началѣ... Возможность подать свой голосъ, еще не уставшій на службѣ святому дѣлу правосудія, и сдѣлать это въ переживаемый имъ кризисъ, сулящій оздоровленіе, соблазняетъ меня, и я составилъ двѣ записки: о предѣльной области дознанія и о несовмѣстимости судебной и слѣдственной части въ одномъ лицѣ; теперь работаю надъ третьей—объ узурпаціи слѣдственныхъ функцій полиціей»...

Но еще старикъ Кюнеръ училъ насъ, что «spes est incerta et

Библиотека "Руниверс"

dubia». Открытая и закрытая молебнами и широковѣщательными рѣчами своего предсѣдателя Муравьева и организованная въ весьма широкомъ масштабѣ комиссія, внеся въ Судебные Уставы нѣкоторыя мелочныя измѣненія,—по отношенію къ Учрежденію Судебныхъ Установленій и въ особенности къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства, вступила на путь искаженія Судебныхъ Уставовъ. Во всеподаннѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи комиссіи было высказано, что «*отдѣленіе суда отъ администраціи* и неудачно формулированное начало судейской *несмѣняемости* имѣли своимъ послѣдствіемъ ошибочный взглядъ на незыблемость правительственнаго направленія суда и судебнаго вѣдомства и на намѣреніе законодателя поставить представителей судебной власти въ особое исключительное положеніе въ ряду прочихъ правительственныхъ органовъ».—Въ развитіе этихъ взглядовъ Муравьева судебная власть земскаго начальника была всецѣло сохранена въ обширномъ проектѣ «упорядоченія» суда, составленномъ комиссіей, несмотря на согласіе министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина на освобожденіе земскихъ начальниковъ отъ судебныхъ функцій; кассаціонный судъ предположено окончательно лишить единства, передавъ пересмотръ рѣшеній не обладающихъ несмѣняемостью участковыхъ судей, которыми должны были быть замѣнены городскіе и немногіе изъ уцѣлѣвшихъ мировыхъ судей, въ Судебныя Палаты; предварительное слѣдствіе было рѣшено вручить въ руки полиціи, шагнувъ такимъ образомъ далеко назадъ не только за Судебные Уставы, но и за Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 года; проектирована отмѣна апелляціоннаго производства и, наконецъ, были всемѣрно намѣчены такія ограниченія въ правахъ и преимуществахъ лицъ судебнаго вѣдомства, которыя сводили ихъ, во многихъ отношеніяхъ, къ служебному уровню заурядныхъ чиновниковъ, призваніе которыхъ опредѣлялось полученіемъ жалованья ежемѣсячно 20-го числа. Тѣмъ немногимъ, которые не соглашались видѣть въ *пересмотрѣ* законоположеній по судебной части вмѣсто *ремонта* Судебныхъ Уставовъ *разрушеніе* ихъ основныхъ положеній, приходилось подавать «особыя мнѣнія». Однако, эти мнѣнія,—этотъ присущій коллегіямъ и комиссіямъ «гласъ вопіющаго въ пустынѣ»,—встрѣчаемыя съ неудовольствіемъ, не облегчали подававшихъ эти мнѣнія. Имъ приходилось присутствовать при поспѣшномъ и податливомъ отреченіи многихъ видныхъ дѣятелей отъ того, чему они до тѣхъ поръ служили, и, видя, какъ нещадно и безцѣльно ломаются учрежденія и пріемы, завѣщанные создателемъ Уставовъ и лучшими людьми его царствованія, чувствовать себя

Библиотека "Руниверс"

какъ бы въ роли свидѣтеля поруганія чести женщины, которая была ихъ «первой любовью», безъ всякой реальной возможности ей помочь.

Горечь, вызванная всѣмъ этимъ въ Обнинскомъ, не возлагавшимъ большихъ упованій и на Государственный Совѣтъ стараго устройства, куда долженъ былъ поступить проектъ «пересмотра», была очень велика и остра. Она выражалась въ его частныхъ письмахъ и въ статьяхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ онъ старался разбить риторическіе выверты предсѣдателя комиссіи, торжественно провозглашавшаго въ своемъ заключительномъ сообщеніи при закрытіи послѣдней, что въ ея работахъ сохранены всѣ основныя начала Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Считая, повидимому, дѣло окончательно проиграннымъ, Обнинскій съ конца девяностыхъ годовъ замолкъ въ отношеніи всего, что касалось дорогого ему суда. Роль безплоднаго критика была не по немъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, въ чьихъ словахъ всегда звучитъ живое дѣло и чье дѣло проникнуто божественнымъ дуновеніемъ «Слова». Его служба Судебнымъ Уставамъ никогда не ограничивалась только ихъ защитой и критикой работы ихъ исказителей. Онъ принялъ живое участіе въ разработкѣ тѣхъ вопросовъ техники и судебной этики, которыхъ, по существу своему, не могъ коснуться положительный законъ, онъ проводилъ въ своей прокурорской дѣятельности тѣ начала и пріемы, въ которыхъ долженъ былъ проявиться типъ обвинителя, соотвѣтствующій намѣренію и ожиданію творцовъ судебной реформы. Вопросъ о томъ, чѣмъ будетъ на практикѣ русскій публичный обвинитель, представлялъ особую важность. Можно было, осуществляя обязанности по этой новой, не имѣвшей прошлаго въ Россіи, должности, руководиться примѣромъ Запада: этотъ примѣръ былъ соблазнителенъ уже потому, что существовали готовые образцы для подражанія, преимущественно въ рѣчахъ французскихъ прокуроровъ. Но эти рѣчи научали страстности, односторонности и запальчивости борьбы, въ которой человѣческое достоинство подсудимаго часто приносилось въ жертву красивому слову и цвѣтистой фразѣ. Обвиняемый являлся какъ бы личнымъ врагомъ прокурора, съ которымъ нечего церемониться, лишь бы достигнуть главной и даже единственной цѣли—обвинительнаго приговора. Нѣкоторые французскіе мыслители съ порицаніемъ обращали вниманіе на это свойство обвинительныхъ рѣчей во французскомъ судѣ и недалекъ былъ отъ истины тотъ изъ нихъ, который, рисуя одного изъ современныхъ ему обвинителей и характеризуя его пріемы, представлялъ его ставящимъ въ вину

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"
Библиотека "Руниверс"

подсудимому то, что онъ въ раннемъ дѣтствѣ показалъ языкъ своей матери, похитилъ кусокъ сахару у своего дѣда, не гнушался брать яблоки въ саду сосѣда—и только потому не оказался отцеубійцей, что имѣлъ счастье быть сиротою. Притомъ паѳосъ французскихъ обвинителей, объясняемый въ значительной мѣрѣ ихъ темпераментомъ, былъ бы совершенно неумѣстенъ предъ русскими судьями, производя впечатлѣніе травли подсудимаго. Нѣмецкія обвинительныя рѣчи были мало извѣстны и скорѣе представляли канцелярско-академическія разсужденія, не вяжущіяся со свободой живого слова. Рѣчи англійскихъ обвинителей, въ виду существеннаго различія между конструкціей англійскаго и нашего уголовнаго процесса, едва ли были удобны для подражанія. Поэтому нужно было пойти своей дорогой и самостоятельно выработать типъ обвинителя. Эту задачу, нравственно обязательную для дѣятелей перваго десятилѣтія судебной реформы, облегчили составители Судебныхъ Уставовъ. Создавая прокурора-обвинителя и указавъ ему его задачу, они начертали и нравственныя требованія, которыя облегчаютъ и возвышаютъ его задачу, отнимая у исполненія ея формальную черствость и бездушную исполнительность. Они вмѣнили въ обязанность прокурору отказываться отъ обвиненія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ оправданія подсудимаго уважительными, и заявлять о томъ суду по совѣсти, внося, такимъ образомъ, въ дѣятельность *стороны* элементъ безпристрастія, которое должно быть свойственно судьѣ. Обрисовывая, насколько это возможно въ законѣ, пріемы обвиненія, Судебные Уставы даютъ прокурору внушительныя наставленія, указывая ему, что въ рѣчи своей онъ не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе доказательствъ и уликъ или важности преступленія. Такимъ образомъ, въ силу этихъ этическихъ требованій, прокуроръ приглашается сказать свое слово и въ опроверженіе обстоятельствъ, *казавшихся* при преданіи суду сложившимися противъ подсудимаго, при чемъ въ оцѣнкѣ и взвѣшиваніи доказательствъ онъ вовсе не стѣсненъ цѣлями обвиненія. Иными словами, онъ—*говорящій публично судья.* На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго, и если подведенный имъ итогъ, съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ достоинствомъ исполняемаго грустнаго долга, безъ па-

Библиотека "Руниверс"

ѳоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не непремѣннымъ *согласіемъ* суда съ доводами обвинителя, а непремѣннымъ *выслушаніемъ* ихъ. Такъ именно понималъ задачу обвинителя Обнинскій, и всѣ его рѣчи, между прочимъ и въ знаменитомъ московскомъ дѣлѣ игуменьи Митрофаніи, были всегда проникнуты спокойствіемъ тона, человѣчностью и убѣдительностью доводовъ безъ преувеличеннаго толкованія уликъ и доказательствъ. Сострадательный и мягкій тамъ, гдѣ для этого въ обстоятельствахъ дѣла, въ личности и въ жизни подсудимаго были какія-либо данныя, онъ былъ требователенъ и настойчивъ по отношенію къ представителямъ закона и власти, когда они нарушали первый или злоупотребляли второю. Живымъ личнымъ примѣромъ и въ печати онъ старался установить прочный взглядъ на судебныя пренія и на ихъ задачу служить лишь всестороннему выясненію доступной человѣческому пониманію правды въ дѣлѣ, а не личному самолюбію или стремленію къ успѣху иногда съ ущербомъ для справедливости. Подвергая тщательному, основанному на опытѣ, анализу такъ называемое судебное краснорѣчіе, онъ находилъ, что «даръ слова», т.-е. способность изъ немногихъ фактовъ сразу изобразить сильно дѣйствующую на первый взглядъ картину, играетъ въ судебныхъ преніяхъ не только второстепенную, но даже и вовсе ненужную роль. Вдумчивость въ тщательно изученныя и удержанныя въ памяти обстоятельства, раскрытыя изслѣдованіемъ до суда, находчивость при провѣркѣ ихъ на судѣ, глубокое и искреннее убѣжденіе, послѣдовательность и ясность изложенія простымъ и лишеннымъ вычуръ языкомъ— вотъ что нужно, по его мнѣнію, для судебной рѣчи. Каждый опытный судебный дѣятель, конечно, не можетъ не согласиться въ этомъ съ нимъ, какъ и съ рядомъ всесторонне развитыхъ изслѣдованій современнаго положенія слѣдственной части и нравственнаго строя адвокатуры въ его интересной книгѣ «*Законъ и бытъ*». Въ этихъ очеркахъ и изслѣдованіяхъ, написанныхъ ярко и доказательно, языкомъ, идущимъ изъ «жаждущаго и алчущаго правды» сердца,—заключается разработка ряда больныхъ вопросовъ, возникшихъ при примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ законъ, опредѣляя въ общихъ чертахъ *что* надо дѣлать, оставляетъ нравственному чувству свободу рѣшить, *какъ* это дѣлать. Горькая иронія по поводу отступленій отъ этого чувства, на ряду съ богатыми примѣрами изъ русской и иностранной практики, дѣлаетъ эти страницы особо поучительными и ничуть не утратившими своего значенія и въ самые послѣдніе годы русской жизни.

Библиотека "Руниверс"

П. Н. Обнинскій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Не на одни, однако, судебные вопросы откликался Обнинскій. Онъ чутко прислушивался къ наболѣвшимъ вопросамъ нашей внутренней жизни, въ какой бы области они не возникали. Лишеннымъ основанія «препонамъ», которыя такъ часто ставились у насъ частной иниціативѣ даже въ дѣлѣ благотворенія, въ безцѣльномъ стремленіи «не пущать», посвятилъ онъ статью «Разрозненныя силы»; авторскому праву, до сихъ поръ толкуемому въ ущербъ обществу, которому, по прошествіи нѣкотораго срока со смерти автора, должно принадлежать его умственное наслѣдіе, какъ результатъ творческой работы народнаго духа, посвящена имъ статья «Посмертное проявленіе и преемственность»; вопросъ о разлученіи супруговъ, только въ прошломъ году дошедшій, да и то не въ откровенномъ видѣ, а въ видѣ измѣненій въ порядкѣ выдачи видовъ на жительство, до нашей Верхней Палаты, разработанъ имъ въ статьѣ «Фактъ и право въ вопросѣ о разлученіи супруговъ по дѣйствующему законодательству».

Нужно ли говорить, что и внѣ служебной жизни и литературнаго труда, онъ, покуда позволяли разрушаемыя тяжкимъ недугомъ силы, отдавался съ любовью дѣятельности, направленной на предусмотрительную помощь людямъ, сознавая, что большинству жить не только тяжело, но и больно. Много лѣтъ былъ онъ предсѣдателемъ Московскаго Общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ попеченіи дѣтяхъ, впервые въ Россіи введя въ практическія задачи этого общества— защиту дѣтей отъ жестокаго обращенія. Горестно слагалась въ физическомъ отношеніи его жизнь въ его послѣдніе, скупо отсчитанные судьбою годы, изъ которыхъ при томъ была жестоко учтена возможность общественной дѣятельности. Да и въ нравственномъ отношеніи ему было нелегко... Идеалы молодости были разбиты жизнью и многимъ уже казались непонятными и «непрактичными»; знамя, подъ которымъ съ гордой вѣрой выступилъ онъ въ жизни, во многихъ мѣстахъ изорвано, а въ другихъ неумѣло и грубо заштопано. Все кругомъ измѣнилось— и не к лучшему, и онъ—«съ головы до ногъ» человѣкъ шестидесятыхъ годовъ часто сознавалъ себя одинокимъ и не могъ уже сказать словами поэта: «жизнь хороша,—когда мы въ мірѣ— необходимое звено—со всѣмъ живущимъ заодно». Вѣрный себѣ и своей привычкѣ душевную боль отъ созерцанія непригодныхъ условій и явленій современности выражать ироніей, онъ думалъ закончить свои обращенія къ читателю статьею «Ограбленныя слова», въ которой образно и ярко разсказывалъ, во что выродились слова: благонамѣренный, либералъ, консерваторъ, па-

Библиотека "Руниверс"

тріотъ и гражданинъ. О настроеніи, въ которомъ была она написана, свидѣтельствуетъ эпиграфъ: «Erlöschen sind die heitern Sonnen die meiner Jugend Pfad erhellt»...

Но старому судебному дѣятелю не удалось *такъ* закончить... За десять дней до смерти ему еще пришлось написать статью «Закрытое общество», въ которой онъ горячо протестовалъ противъ закрытія министромъ народнаго просвѣщенія Юридическаго Общества при московскомъ университетѣ за рѣчь, произнесенную предсѣдателемъ его Муромцевымъ на Пушкинскомъ юбилеѣ, и приводилъ соображенія, изложенныя въ жалобѣ своей на это распоряженіе Сенату.

Благородный боецъ за Судебные Уставы не дожилъ до нашихъ дней. Его встревоженная душа успокоилась бы, узнавъ, что труды Муравьевской Комиссіи не получили хода и «requiescant in pace»,—что судебная власть земскихъ начальниковъ упразднена, и выборные мировые судьи возстановлены съ болѣе обширной, чѣмъ прежде, подсудностью, и что Государственной Думой уже утвержденъ проектъ отмѣны соединенія слѣдственной и судебной власти въ одномъ лицѣ.

Единомышленный съ Обнинскимъ въ убѣжденіяхъ и побужденіяхъ, въ идеалахъ и цѣляхъ, *Григорій Аветовичъ Джаншіевъ* отличался отъ него свойстами своей природы и характеромъ своей дѣятельности. Это былъ человѣкъ другого темперамента, болѣе страстный и впечатлительный. Тамъ, гдѣ Обнинскій спокойно развивалъ свои взгляды, отмѣчая холоднымъ сарказмомъ то, что имъ грубо противорѣчило или ихъ оскорбляло, Джаншіевъ пылалъ трудно сдерживаемымъ негодованіемъ и спѣшилъ высказаться горячимъ словомъ, подкрѣпляемымъ цитатами, сравненіями и поэтическими образами. Человѣкъ разносторонне и глубоко образованный, онъ черпалъ изъ богатаго запаса своей выдающейся памяти историческіе и философскіе аргументы, примѣры и сравненія, украшавшіе его основную мысль и переплетавшіеся съ нею. Въ его отношеніи къ реформамъ Александра II, обновившимъ и преобразившимъ общественный бытъ Россіи, неумолчно слышались восхищеніе и ревнивая тревога любящаго сердца. Посвятивъ почти всю свою дѣятельность исторіи этихъ преобразованій, онъ не сдѣлался историкомъ-лѣтописцемъ, который «спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ», а поставилъ себѣ задачей закрѣпить по свѣжимъ слѣдамъ живое преданіе объ эпохѣ и ея дѣятеляхъ. Для этого онъ былъ неутомимъ не только въ разборѣ и разработкѣ архивныхъ матеріаловъ, но и въ отысканіи, выражаясь словами «Русской Правды», видоковъ и послуховъ

Библиотека "Руниверс"

и въ разспросѣ ихъ. Это, если можно такъ выразиться, производство слѣдствія придало особую жизненность его печатнымъ трудамъ, обогатило ихъ интересными подробностями и дало ему возможность повѣдать читателямъ о душевномъ складѣ и житейскихъ испытаніяхъ описываемыхъ имъ дѣятелей. Онъ искалъ знакомства и личныхъ свиданій съ ними, или съ тѣми, кто ихъ близко зналъ, оставляя въ первыхъ, какъ, напримѣръ, въ Арцимовичѣ, Зарудномъ, Ровинскомъ и Стояновскомъ, впечатлѣніе человѣка, умѣвшаго въ мягкой и деликатной формѣ вызвать ихъ на воспоминанія о свѣтлыхъ годахъ лучшей поры ихъ дѣятельности и «о битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они». Такъ составился рядъ монографій, проникнутыхъ исключительною теплотою и свободою мысли и слова, въ которыхъ яркими красками была обрисована трудовая жизнь выдающихся сотрудниковъ Царя-Освободителя въ разработкѣ его послѣдовательныхъ реформъ. Этими монографіями въ общественномъ сознаніи закрѣплялась память о добрыхъ радѣтеляхъ на житейской нивѣ и оставлялся прочный, образный слѣдъ въ душѣ тѣхъ, кто былъ способенъ прислушаться къ голосу автора. Его нельзя было обвинить въ невѣрномъ изложеніи фактовъ, но иногда его упрекали въ томъ, что онъ говорилъ объ излюбленныхъ имъ дѣятеляхъ и ихъ общественныхъ заслугахъ въ возвышенномъ и хвалебномъ тонѣ. Но тонъ этотъ былъ, однако, вполнѣ искренній. И въ частной бесѣдѣ съ Джаншіевымъ, и въ голосѣ его во время публичныхъ чтеній чувствовался тотъ внутренній огонь, который независимо для автора вырывался на бумагу и согрѣвалъ его отзывы. Притомъ Джаншіевъ былъ способенъ и на суровыя характеристики. Достаточно припомнить хотя бы его отзывы о графахъ Панинѣ и Д. А. Толстомъ и о Валуевѣ въ статьяхъ объ освобожденіи крестьянъ, отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о цензурной и судебной реформахъ. Наконецъ, такъ ли у насъ часты и заурядны сочувственные и при томъ заслуженные отзывы объ общественныхъ дѣятеляхъ? Не преобладаютъ ли даже и въ благосклонныхъ оцѣнкахъ разрушающія ихъ добавки, начинающіяся словами «но» и «хотя»? По своему темпераменту Джаншіевъ не былъ способенъ на неопредѣленность, оговорки и недомолвки, и къ нему нельзя было примѣнить словъ Апокалипсиса: «знаю дѣла твои: ты не холоденъ и не горячъ, ты только тепелъ».

Самымъ выдающимся трудомъ Джаншіева безспорно слѣдуетъ признать его книгу: «Эпоха великихъ реформъ». Трудно указать среди работъ по исторіи нашего законодательства болѣе живую, доступную по изложенію и проникнутую глубокой гуманностью и здоровой терпимостью книгу, чѣмъ эта. Не-

Библиотека "Руниверс"

даромъ она въ первые четыре года съ своего появленія выдержала шесть изданій изъ семи, въ общемъ количествѣ около двѣнадцати тысячъ экземпляровъ. Каковъ бы ни былъ кругозоръ и объемъ задачи будущаго историка Россіи въ періодъ преобразованій шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ, онъ не обойдется безъ справокъ съ этой замѣчательной книгой, въ которой тщательное изложеніе хода законодательныхъ работъ переплетается съ яркими образами работниковъ и съ отголосками литературныхъ мнѣній. Предъ читателемъ проходитъ дѣйствительно вся эпоха великихъ реформъ съ вызвавшими ихъ причинами и побужденіями, съ упорной борьбой противъ нихъ за старое и отживающее и со стремленіями свести ихъ «на-нѣтъ», когда онѣ свершились. И въ заключеніе звучатъ—тризна по тѣмъ изъ ушедшихъ, чья жизнь была связана съ ихъ осуществленіемъ, и привѣтъ остающимся въ живыхъ. Въ общемъ она производитъ бодрящее впечатлѣніе и будитъ вѣру въ то, что такая эпоха не только можетъ, но и должна повториться. Книга посвящена Грановскому и Бѣлинскому, къ памяти которыхъ Джаншіевъ относился съ благоговѣніемъ. «Есть имена,—говоритъ Джаншіевъ по поводу Бѣлинскаго,—при произнесеніи которыхъ невольно обнажается голова! Есть писатели, жизнь и творенія которыхъ такъ чисты и возвышенны, что чѣмъ больше съ ними знакомишься, тѣмъ больше проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Такія имена какъ бы очищаютъ человѣка, нейтрализуютъ все, что есть въ немъ мелкаго, низменнаго, мутнаго и, наполняя сознательнымъ умиленіемъ сердца почитателей, вырываютъ дань невольнаго уваженія даже у враговъ». Старинный пріемъ помѣщенія предъ каждой главой умѣло подобранныхъ эпиграфовъ придаетъ этой книгѣ нѣсколько необычный, милый видъ, напоминающій тридцатые и сороковые годы. Половина дохода съ послѣднихъ изданій «Эпохи великихъ реформъ» предназначена была на благотворительныя цѣли. Такимъ образомъ, описывая жизнь и трудъ созидателей этихъ реформъ, Джаншіевъ пріобщалъ ихъ къ доброму дѣлу и послѣ ихъ смерти. Особенною его любовью между ними пользовался такъ много сдѣлавшій для судебной реформы Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Съ глубокимъ уваженіемъ останавливался Джаншіевъ на его плодотворной законодательной дѣятельности въ подготовленіи крестьянской и судебной реформъ и съ особымъ участіемъ на его трагической судьбѣ, лишившей его возможности работать въ новомъ судѣ и замкнувшей его въ обветшалыя стѣны стараго суда, въ которыхъ онъ бился какъ рыба объ ледъ. Джаншіевъ сталъ какъ бы «сторожевою тѣнью» у без-

Библиотека "Руниверс"

временной могилы этого замѣчательнаго человѣка, не оцѣненнаго при жизни, и энергично отражалъ въ печати придирчивую критику узкихъ буквоѣдовъ и невѣжественныя нападенія «Дневниковъ» князя Мещерскаго на юридическіе труды и изданія Заруднаго.

Неприкосновенность главныхъ положеній «Судебныхъ Уставовъ» была предметомъ душевной заботы Джаншіева, но онъ могъ ратовать за нее только въ печати. «Помогите мнѣ Вашимъ богатымъ опытомъ, писалъ онъ оберъ-прокурору кассаціоннаго суда—вѣдь я почти одинъ въ неравной борьбѣ съ врагами новаго суда».—Судьба, дальнѣйшее существованіе и развитіе двухъ институтовъ, подвергшихся наибольшимъ нападеніямъ и особенно ему дорогихъ, заставляла его чутко прислушиваться и приглядываться ко всему, что ихъ касалось.

Въ судѣ присяжныхъ онъ видѣлъ одно изъ лучшихъ созданій составителей Судебныхъ Уставовъ, стоившее имъ не малой и трудной борьбы. И, дѣйствительно, судъ присяжныхъ въ своемъ живомъ осуществленіи соединялъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ общія начала, внесенныя Судебными Уставами въ отправленіе уголовнаго правосудія, а именно—независимость и самостоятельность судьи, внутреннее убѣжденіе при рѣшеніи дѣла, свободное отъ предустановленной оцѣнки доказательствъ, — рѣшительный выводъ о винѣ или невиновности, не подлежащій отмѣнѣ или пересмотру, если только онъ сдѣланъ при соблюденіи формъ и обрядовъ процесса,—господство живого слова взамѣнъ безцвѣтнаго однообразія письменнаго изложенія и связанная съ этимъ непосредственность воспріятія впечатлѣній, вліяющихъ на слагающееся заключеніе относительно подсудимаго, и, наконецъ, участіе самого общества въ отправленіи правосудія. Какъ вдумчивый изслѣдователь подготовительныхъ работъ къ изданію Судебныхъ Уставовъ, Джаншіевъ зналъ, что судъ присяжныхъ въ Россіи имѣлъ очень слабые и сомнительные корни въ дореформенномъ прошломъ Россіи и что всѣ эти *цѣловальники, судные мужи и засѣдатели* нашихъ старыхъ судовъ по характеру и объему своей дѣятельности имѣли очень мало общаго съ присяжнымъ засѣдателемъ, созданнымъ Судебными Уставами; онъ зналъ также, какъ разносторонне и съ какой борьбой разрабатывался этотъ институтъ при составленіи *основныхъ положеній* судебнаго преобразованія. Ему были извѣстны въ подробности отрицательные взгляды на судъ присяжныхъ такого вліятельнаго законодательнаго дѣятеля, какъ гр. Блудовъ, такого опытнаго законовѣда-практика, какъ Корніолинъ-Пинскій, и такого ученаго юриста, какъ Спасовичъ,

Библиотека "Руниверс"

исходившіе изъ предположенія о неспособности русскаго человѣка отличать законъ отъ распоряженія начальства, преступника отъ несчастнаго, справедливость отъ милосердія и служеніе потребностямъ государства отъ личныхъ чувствъ и настроеній. Извѣстна ему была и точка зрѣнія на судъ присяжныхъ, какъ на учрежденіе политическое, несовмѣстимое со строго монархическимъ строемъ Россіи и заимствованное съ «тлетворнаго Запада», на континентѣ котораго этотъ судъ составилъ одно изъ наслѣдій мятежныхъ переворотовъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ прослѣдилъ онъ, какъ видно изъ его ссылокъ въ «Эпохѣ реформъ», за походомъ, предпринятымъ Ровинскимъ, Буцковскимъ и Заруднымъ, противъ позицій, занятыхъ противниками присяжныхъ, походомъ въ защиту какъ нравственнаго достоинства русскаго народа, его способности принять и усвоить себѣ учрежденіе, проникнутое довѣріемъ къ нему, такъ и необходимости въ дѣлѣ суда разумнаго раздѣленія вопросовъ факта и права. Поэтому онъ не могъ не предвидѣть, что учрежденію, не связанному съ прошлымъ, не имѣющему за собой предшествовавшаго опыта и построенному исключительно на довѣріи къ духовнымъ силамъ народа, предстоитъ тернистый путь. Такъ оно и случилось...

Встрѣченный сначала общимъ сочувствіемъ даже со стороны будущихъ настойчивыхъ и ожесточенныхъ враговъ, судъ присяжныхъ недолго могъ похвалиться тѣмъ, что по отношенію къ нему существуетъ «миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». Когда прошелъ интересъ новизны и состоялось нѣсколько рѣшеній, не оправдавшихъ начальственной увѣренности или не удовлетворявшихъ предвзятому общественному взгляду, а также казавшихся лишенными основанія читателямъ поверхностныхъ и одностороннихъ печатныхъ отчетовъ, начались сначала единичныя, а потомъ систематическія нападки на судъ присяжныхъ. Люди, не присутствовавшіе въ самомъ засѣданіи, гдѣ развертывался процессъ съ его неуловимыми для *читателя*, но важными для *слушателя* подробностями и впечатлѣніями, стали считать себя въ правѣ обрушиваться на представителей общественной совѣсти, называя ихъ, подчасъ выстраданныя на пути сомнѣній и сознанія своей нравственной отвѣтственности, рѣшенія возмутительными, а самый судъ присяжныхъ—«судомъ улицы». Все это создало вокругъ этого суда атмосферу недоброжелательства и даже въ лучшемъ случаѣ равнодушія и крайней медленности въ устраненіи недостатковъ въ организаціи и правилахъ дѣятельности этого института. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ не было сдѣлано ничего для улучшенія дѣятельности комиссій, составлявшихъ списки присяжныхъ,

Библиотека "Руниверс"

для прекращенія своеобразной «игры въ прятки» въ видѣ запрещенія говорить присяжнымъ о карательныхъ результатахъ ихъ обвинительнаго приговора, для устраненія излишнихъ и вслѣдствіе этого потерявшихъ свое значеніе обрядностей и т. п. Однимъ словомъ этотъ судъ почти до послѣдняго времени не былъ, «любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ». Мало этого: нелюбящая рука повліяла, чрезъ посредство Сената на то, что недостаточные присяжные засѣдатели изъ сельскихъ обывателей были лишены необходимаго матеріальнаго пособія, выдачу которого охотно принимали на себя многія земства. Дѣятели судебнаго вѣдомства, сознававшіе эти недостатки, не принимали долгое время участія въ нападеніяхъ на судъ присяжныхъ. Они понимали, какое подспорье для правосудія онъ составляетъ, и видѣли на личномъ опытѣ, сколько безкорыстнаго труда и сознанія своей служебной повинности и нравственной отвѣтственности предъ обществомъ вносили присяжные ежедневно въ рѣшерія по массѣ дѣлъ. Среди этой массы лишь рѣдко выдавались рѣшенія, съ которыми можно было не соглашаться со строго юридической точки зрѣнія, но которыя становились понятными съ точки зрѣнія житейской правды и безпристрастнаго отношенія къ судебному матеріалу, развернутому свидѣтелями, сторонами и экспертами предъ судьями общественной совѣсти, для которыхъ «сдѣлалъ» и «виновенъ» не могли быть синонимами. Не такъ, однако, относилось къ русскому суду присяжныхъ центральное вѣдомство—Министерство Юстиціи. Въ его нѣдрахъ постоянно возникали совѣщанія о необходимости подъ давленіемъ вліятельнаго недовольства причинить этому суду то или другое увѣчье, при чемъ это намѣреніе прикрывалось обыкновенно лицемѣрнымъ или близорукимъ желаніемъ *спасти* эту форму суда въ Россіи въ забвеніи, что ей въ концѣ-концовъ придется propter vitam vivendi perdere causas... Эти попытки вылились, наконецъ, въ проектѣ устраненія присяжныхъ отъ участія въ дѣлахъ о преступленіяхъ должности и противъ порядка управленія, получившемъ свое осуществленіе въ законѣ 1878 года, послѣдовавшемъ послѣ громкаго процесса, въ приговорѣ по которому вмѣсто поучительнаго урока усмотрѣнъ былъ лишь поводъ къ сокращенію подсудности суду присяжныхъ.

Все это видѣлъ и предчувствовалъ Джаншіевъ. Его благородная тревога за судьбу суда присяжныхъ отражалась въ его письмахъ, личныхъ бесѣдахъ и статьяхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Онъ былъ особенно взволнованъ заключеніемъ оберъ-прокурора Неклюдова при кассаціонномъ разсмотрѣніи извѣ-

Библиотека "Руниверс"

стныхъ дѣлъ Мельницкаго и Свиридова. Оно могло дать сильное оружіе въ руки противниковъ суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе острое, что было произнесено съ необычнымъ въ подобнаго рода заключеніяхъ паѳосомъ и исходило отъ авторитетнаго и виднаго представителя судебнаго вѣдомства. Не даромъ противъ этого заключенія выступилъ со всей силой своего таланта и аргументаціи знаменитый Спасовичъ, признавъ тѣмъ самымъ ошибочность своего стараго взгляда на этотъ судъ и удостовѣривъ его высокое бытовое и правовое значеніе. Послѣдующія десять лѣтъ прошли для этого суда сравнительно благополучно. Кассаціонный Сенатъ въ значительной степени раздѣлилъ взглядъ тогдашней оберъ-прокуратуры на присяжныхъ, какъ на сложную, тонкую и воспріимчивую организацію, для правильной работы которой необходимо тщательное соблюденіе условій и формъ, связанныхъ съ ея существомъ. Нельзя ожидать удовлетворительнаго вердикта тамъ, гдѣ къ несовершенству уголовнаго закона присоединяется необдуманная или неправильная постановка вопросовъ, гдѣ въ руководящемъ напутствіи не разъясняется составъ и сущность преступленія, а преподаются превратныя понятія о его значеніи, гдѣ страстность и личныя пререканія сторонъ замѣняютъ спокойное достоинство совмѣстной работы,— гдѣ въ дѣло наносится масса ненужнаго матеріала, утомляющаго и отвлекающаго вниманіе отъ сущности дѣла, и гдѣ, благодаря этому, извращается уголовная перспектива, и подсудимый съ потерпѣвшимъ мѣняются ролями. Данное въ этомъ смыслѣ заключеніе по дѣлу Палемъ, обвинявшейся въ убійствѣ студента Довнара, привело Джаншіева въ трогательное восхищеніе. Видя въ немъ не безъ основанія стремленіе перенести центръ тяжести обвиненія присяжныхъ въ постановленіи рѣшенія, несогласнаго со справедливостью, на дѣйствительно виновныхъ въ неправильномъ веденіи дѣла, начиная съ предварительнаго слѣдствія, онъ называлъ это заключеніе въ письмѣ къ тогдашнему оберъ-прокурору и въ статьѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» начинающимъ эпоху въ дѣятельности кассаціоннаго суда (Epochenmachendes). Образованная затѣмъ комиссія о пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева, возбудила въ Джаншіевѣ большія упованія. Онъ надѣялся, что она закрѣпитъ окончательно въ русской жизни любимую имъ форму суда и въ обширной статьѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» восторженно привѣтствовалъ отчетъ о совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ о достоинствахъ и недостаткахъ суда присяжныхъ и суда съ сословными представителями, происходившемъ подъ предсѣда-

Библиотека "Руниверс"

тельствомъ пишущаго эти строки въ декабрѣ 1894 года. И, дѣйствительно, не могло не казаться, что вопросъ о прочности суда присяжныхъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно и безповоротно послѣ того, какъ совѣщаніе, послѣ трехдневнаго обмѣна мнѣній, признало, что «этотъ жизненный судъ, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, не только не долженъ отойти въ область преданій, но, напротивъ, укрѣпиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, въ особенности изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій нерѣдко призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*, честно и стойко выноситъ тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель».—Ознакомясь съ отчетомъ о совѣщаніи, Джаншіевъ писалъ: «Давно уже ничего не приходилось читать съ такимъ отраднымъ чувствомъ; стосковавшаяся, близкая къ отчаянію, душа начинаетъ окрыляться надеждами»...

Но радость Джаншіева была однако преждевременна. Не прошло и года, какъ настроеніе чуткаго къ вѣяніямъ времени руководителя Комиссіи измѣнилось кореннымъ образомъ, и точно по сигналу начался въ юридической печати рѣшительный походъ противъ суда присяжныхъ, атакованнаго съ разныхъ сторонъ судебными дѣятелями, занимавшими видное служебное положеніе, придававшее ихъ голосу особый вѣсъ. Эти нападенія были гораздо опаснѣе, несмотря на свою сравнительно сдержанную у нѣкоторыхъ авторовъ форму, и могли имѣть гораздо большее вліяніе, чѣмъ заключенія Неклюдова по единичнымъ дѣламъ, данныя притомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей своего званія. Здѣсь одновременно крупные судебные дѣятели, выступавшіе съ цѣлыми трактатами, обнимавшими вопросъ о пригодности суда присяжныхъ на основаніи своего личнаго практическаго опыта, котораго у Неклюдова,—бывшаго мирового судьи и старшаго юрисконсульта министерства юстиціи—быть не могло, приходили къ заключенію о непригодности. Двое изъ этихъ авторовъ—В. Ф. Дейтрихъ и Кичинъ—были видными дѣятелями въ прокурорскомъ надзорѣ и въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ, занимая въ томъ и другомъ выдающіяся положенія. Они впервые высказывали печатно свой взглядъ на судъ присяжныхъ. Можно было не соглашаться съ ними и полемизировать спокойно, сожалѣя лишь о томъ, что у суда присяжныхъ въ то время, когда онъ казался упроченнымъ, явились страстные противники, отрицавшіе за нимъ въ значительной степени самое право существованія въ томъ видѣ, какъ оно начертано состави-

Библиотека "Руниверс"

телями Судебныхъ Уставовъ. Въ другой окраскѣ представился третій авторъ И. П. Закревскій, прошедшій большую практическую службу въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ и въ должности прокурора казанской и харьковской Судебныхъ Палатъ и отдыхавшій на курульномъ креслѣ послѣ довольно неудачнаго исполненія обязанностей оберъ-прокурора I департамента. Онъ, когда-то написавшій нѣсколько весьма основательныхъ статей, въ которыхъ, сопоставляя присяжныхъ съ сословными представителями и шеффенами, отдавалъ первымъ блестящее преимущество и предостерегалъ противъ всякихъ поспѣшныхъ преобразованій въ этомъ безупречномъ въ своей цѣлесообразности институтѣ, выступилъ, совершенно неожиданно для всѣхъ знавшихъ и раздѣлявшихъ его прежніе взгляды, съ рядомъ статей и запальчивыхъ фельетоновъ, въ которыхъ рекомендовалъ преобразованія такого рода, что они сводились къ уничтоженію суда присяжныхъ «во имя чувства законности».—Глумясь надъ присяжными и ихъ защитниками, перемѣшивая анекдоты съ инсинуаціями, негодуя на людей, стремящихся сохранить эту форму суда, онъ заявлялъ себя рѣшительнымъ его противникомъ. Такое поведеніе Закревскаго до крайности взволновало Джаншіева. Его письма по этому поводу полны рѣзкихъ характеристикъ «элукубрацій Закревскаго». Но онъ не ограничился высказываніемъ своего возмущенія въ кругу друзей и знакомыхъ. Онъ немедленно выступилъ противъ Закревскаго съ выдержавшей два изданія брошюрой «Судъ надъ судомъ присяжныхъ», въ которой шагъ за шагомъ, разбирая его выпады и выходки показалъ всю ихъ несостоятельность и натянутость, а также легкомысліе и явную тенденціозность автора. Подкопы Закревскаго подъ судъ присяжныхъ были оцѣнены по достоинству въ появившихся затѣмъ статьяхъ Случевскаго и Арсеньева и въ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ въ нарочито устроенномъ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества. Но брошюра Джаншіева не утратила отъ этого своего возвышеннаго характера. Здѣсь не мѣсто приводить изъ нея отдѣльныя извлеченія. Достаточно сказать, что изъ каждой ея главы звучитъ не только полный эрудиціи, остроумія и сдерживаемаго негодованія голосъ истиннаго юриста, но и «святая ревность гражданина». Брошюра Джаншіева, отмѣченная почти всѣми серьезными періодическими изданіями, дала нравственное удовлетвореніе всѣмъ, кому были дороги завѣты составителей Судебныхъ Уставовъ. Быть можетъ, она осталась и не безъ вліянія на Закревскаго, потому что въ спеціально созванномъ статсъ-секретаремъ Муравьевымъ засѣданіи комиссіи для рѣшенія вопроса,

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ ли сохранить на будущее время судъ присяжныхъ, онъ въ разрѣзъ съ Кичинымъ и Дейтрихомъ, прямодушно заявившими, что остаются при высказанныхъ ими въ печати мнѣніяхъ, внезапно отказался отъ своего новаго взгляда и заявилъ, что его критика суда присяжныхъ была лишь *теоретическаго* свойства и что онъ подаетъ голосъ за сохраненіе этой формы суда въ Россіи.

Едва ли нынѣ можно думать, что суду присяжныхъ предстоятъ новыя испытанія, заставляющія опасаться за его прочность. Въ этой мысли между прочимъ укрѣпляетъ рѣчь настоящаго министра юстиціи И. Г. Щегловитова въ Государственномъ Совѣтѣ по законопроекту о порядкѣ преслѣдованія за преступленія по должности, въ которой онъ рядомъ всестороннихъ доводовъ отстаивалъ принятое Государственной Думой возвращеніе къ старому порядку Судебныхъ Уставовъ, состоявшему въ томъ, что судьями по всѣмъ важнымъ преступленіямъ должности являлись присяжные засѣдатели. Еще въ началѣ девятисотыхъ годовъ въ юридическихъ кругахъ вызвало особое вниманіе и сочувствіе его оберъ-прокурорское заключеніе по дѣлу Семенова, окончательно разъяснившее широкое и глубокое значеніе слова «виновенъ» и «не виновенъ» въ вердиктѣ присяжныхъ. Недавняя статья его въ журналѣ Министерства Юстиціи повѣствуетъ о новыхъ попыткахъ измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ и разбираетъ со строгой критикой современныя фальсификаціи суда присяжныхъ и замѣну его сомнительнымъ суррогатомъ, въ которомъ отъ истиннаго суда представителей общественной совѣсти остается лишь формальная скорлупа, облекающая чуждое ей зерно. Все это значительно успокаиваетъ за будущность суда присяжныхъ, но нельзя не признать большой заслуги Джаншіева въ томъ, что онъ неустанно, словомъ и своимъ талантливымъ перомъ, служилъ тому виду суда, въ который онъ увѣровалъ въ его свѣтлые дни и которому оставался вѣренъ, когда этотъ судъ «обрѣтался не въ авантажѣ» и ему наносились предательскіе удары, такими «перегибательными духомъ» судебными дѣятелями, какъ Закревскій.

Поклонникъ и строгій догматикъ Судебныхъ Уставовъ, Джаншіевъ не могъ, однако, ограничиться однимъ разборомъ ихъ внѣшней конструкціи и горячей защитой ея отъ всякихъ посягательствъ подъ вліяніемъ той или другой злобы дня. Присущая ему вдумчивость заставляла его заглядывать, такъ сказать, внутрь Судебныхъ Уставовъ и читать между строкъ тѣхъ статей, которыми устанавливался порядокъ дѣйствій различныхъ органовъ

Библиотека "Руниверс"

правосудія. Судебные Уставы походили на обширную постройку, величественную въ цѣломъ, выдержанную въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, говорившую всей своей совокупностью о высокихъ и широкихъ замыслахъ строителя. Но внутри ея должны были пребывать и дѣйствовать люди, присущія которымъ вообще свойства могли подчасъ итти въ разрѣзъ не только съ замысломъ, но и съ довѣріемъ строителя. Въ задачу послѣдняго, однако, не входило и не могло входить начертаніе подробностей поведенія этихъ людей. Онъ могъ лишь ограничиться самыми общими указаніями на образъ ихъ дѣйствія. Между тѣмъ необходимо было гармоническое соотвѣтствіе величавости зданія съ той жизнью, которая происходитъ внутри его. Отсюда возникла необходимость тщательнаго изученія коренныхъ основъ поведенія лицъ, призванныхъ содѣйствовать отправленію правосудія. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ, начертанномъ Судебными Уставами,—это систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же нравственнымъ побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами, это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебно-бытовой жизни. Не предписанія положительнаго закона, а нравственныя требованія должны играть здѣсь главную роль. На первомъ планѣ тутъ не догма, но этика. Указанія на отступленія тѣхъ или другихъ судебныхъ дѣятелей отъ этическихъ требованій, вытекающихъ изъ внутренняго смысла ихъ правильно понимаемыхъ задачъ, разсыпаны во многихъ статьяхъ и замѣткахъ Джаншіева, помѣщенныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Но съ особенною чуткостью въ этомъ смыслѣ относился онъ къ этическимъ условіямъ дѣятельности адвокатуры. Эта дѣятельность въ виду сложныхъ и многоразличныхъ отношеній защитника и повѣреннаго къ своему кліенту, довѣрителю и къ обществу представляетъ много поводовъ для предъявленія требованій, почерпнутыхъ изъ области нравственной. Цѣлый рядъ общихъ и частныхъ вопросовъ вызывается разнообразіемъ взглядовъ на дѣятельность адвоката. По мнѣнію однихъ эта дѣятельность есть общественное служеніе: адвокатъ долженъ быть vir bonus, dicendi peritus, вооруженный знаніемъ и непоколебимой честностью, умѣренный въ пріемахъ, чуждый корысти, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ правозаступникъ, но не слуга своего кліента и не пособникъ ему въ стремленіи къ неправому прибытку или къ уходу отъ заслуженной кары правосудія. Будучи другомъ и

Библиотека "Руниверс"

совѣтникомъ человѣка, помощь которому онъ принялъ на себя, онъ въ то же время въ своемъ трудѣ является слугою государства и не долженъ дѣйствовать во вредъ его нравственнымъ интересамъ. Адвокатъ, по мнѣнію другихъ, есть производитель труда, составляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести труда и способности работника. Какъ для врача въ его практической дѣятельности не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больные, нуждающіеся въ помощи, такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь случаи развить силу своихъ знаній и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага.

Для Джаншіева, конечно, не было выбора между этими двумя взглядами и, вполнѣ раздѣляя первый, онъ не могъ не сознавать, какую опасность должно представить широкое внѣдреніе второго изъ нихъ въ пріемы и нравы адвокатуры. Присяжный повѣренный по Судебнымъ Уставамъ, пришедшій на смѣну старыхъ ходатаевъ и дѣльцовъ съ задняго крыльца, былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ и въ обществѣ, и въ печати. Но годы такого сочувствія вскорѣ миновали. Общество стало смѣшивать присяжныхъ повѣренныхъ съ частными ходатаями, созданными послѣдующимъ законодательствомъ, не имѣющими корпоративнаго устройства и вносившими въ судебную практику нерѣдко образъ дѣйствій, не соотвѣтствовавшій тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя можно предъявлять къ адвокату. А сатирическая литература, въ несправедливомъ обобщеніи, выработала нѣсколько типовъ и создала нѣсколько типическихъ названій, примѣняя ихъ «для краснаго словца» огульно ко всей адвокатурѣ. Это обобщеніе было уже потому несправедливо, что не слѣдовало забывать про многолѣтнюю безкорыстную дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ во множествѣ дѣлъ, ведомыхъ по порученію суда. Вотъ почему Джаншіевъ съ особой тревогой относился къ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ *адвокатской дисциплины*, между которыми, на первомъ мѣстѣ, съ особой остротой возникалъ вопросъ о веденіи такъ называемыхъ *неправыхъ дѣлъ*. Являясь въ своихъ трудахъ защитникомъ правъ адвокатскаго сословія и отстаивая ихъ въ горячо написанныхъ статьяхъ и особыхъ изслѣдованіяхъ, богатыхъ справками изъ исторіи законодательства, онъ въ то же время настойчиво предостерегалъ адвокатуру отъ ложнаго толкованія и примѣненія понятія о свободѣ въ выборѣ дѣлъ и пріе-

Библиотека "Руниверс"

мовъ для ихъ успѣшнаго веденія. Онъ ставилъ присяжнымъ повѣреннымъ въ непремѣнную обязанность придерживаться нравственныхъ основъ въ своей дѣятельности, опасаясь, что замѣна этихъ основъ одними практическими соображеніями о *юридической возможности* вести дѣло неминуемо должна приводить къ внутреннему и внѣшнему паденію въ обществѣ уваженія къ адвокатурѣ. Въ этомъ предусмотрительномъ опасеніи сказывался настоящій другъ необходимаго для гарантіи правосудія учрежденія въ современномъ судѣ, построенномъ на состязательномъ началѣ. Джаншіевъ ясно сознавалъ, что нужно итти къ приведенію нравственнаго чувства лучшей части общества въ гармонію съ задачами и пріемами повѣренныхъ и защитниковъ. Эта гармонія нарушается и можетъ обратиться въ справедливую тревогу при видѣ того, какъ защита *обвиняемаго* обращается въ защиту *преступленія*, въ которомъ онъ обвиняется, или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе эксплуататору чужой нужды, притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ, алчному искателю «неправеднаго прибытка» или, наконецъ, расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій. Несмотря на это, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ судебно-дисциплинарной практикѣ былъ высказанъ взглядъ, что присяжный повѣренный, которому Совѣтомъ поручено веденіе дѣла лица, пользующагося правомъ бѣдности, ни въ коемъ случаѣ не можетъ отказаться отъ предъявленія иска, хотя бы онъ находилъ основанія для него грязными и возмутительными. Незадолго передъ этимъ прошло по всѣмъ инстанціямъ дѣло присяжнаго повѣреннаго, присужденнаго Совѣтомъ къ исключенію изъ сословія именно за веденіе неправаго дѣла. Этотъ талантливый и ученый, но неразборчивый въ оцѣнкѣ нравственной стороны дѣла и неопрятный въ своихъ циническихъ пріемахъ, адвокатъ доказывалъ на судѣ, что въ поступкѣ студента, прикинувшагося женихомъ старой богатой женщины и выманившаго у нея деньги и домъ, изъ котораго онъ ее затѣмъ выгналъ, нѣтъ признаковъ преступленія, несмотря на ихъ «безнравственность и возмутительность». Затѣмъ, однако, онъ выступилъ противникомъ этой женщины въ гражданскомъ отдѣленіи этого же суда, защищая право молодого, но предпріимчиваго *альфонса* на законное владѣніе ея домомъ. Судебная Палата утвердила постановленіе Совѣта, но Сенатъ отмѣнилъ его значительнымъ большинствомъ голосовъ, по соображеніямъ формальнаго свойства. Такимъ образомъ, веденіе неправыхъ дѣлъ, повидимому, могло считаться допустимымъ. Противъ этого съ особой настойчивостью возсталъ Джаншіевъ

Библиотека "Руниверс"

въ исполненныхъ ироніи и справедливаго протеста двухъ брошюрахъ, получившихъ широкое распространеніе. Доказывая, что составители Судебныхъ Уставовъ никогда не имѣли въ виду стѣснять совѣсть присяжнаго повѣреннаго, возлагая на него безусловную обязанность вести всякое дѣло лица, пользующагося правомъ бѣдности, а предоставили Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, насколько вѣски доводы, приводимые повѣреннымъ въ оправданіе своего отказа отъ предъявленія иска, — онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячо возражалъ противъ *«свободы отъ постоя* какихъ-либо этическихъ началъ» въ принятіи веденія дѣла по соглашенію. «Едва ли нужно доказывать,—писалъ онъ,—что если укоренится обратный взглядъ на адвокатскія профессіональныя обязанности, то онъ создастъ невыносимое положеніе для человѣка, мало-мальски дорожащаго своимъ личнымъ достоинствомъ. Самая загрубѣлая натура не можетъ не признать несогласною съ своимъ нравственнымъ достоинствомъ обязанность—дѣлаться сознательнымъ и дѣятельнымъ пособникомъ и, такъ сказать, юридическимъ завершителемъ разныхъ плутней и обмановъ, ловкихъ, но грязныхъ махинацій, совершаемыхъ in fraudem legis et honestatis. Грабить ближняго во имя закона и получать изъ награбленнаго пай по соглашенію или по таксѣ присяжныхъ повѣренныхъ—вотъ та ужасная услуга или, скорѣе, безчеловѣчная жертва, которую хотятъ требовать отъ присяжнаго повѣреннаго во имя профессіональнаго долга!»... Не соглашаясь по существу вопроса съ рѣшеніемъ Сената по дѣлу двуликаго Януса московской адвокатуры, Джаншіевъ, тѣмъ не менѣе, считалъ разсмотрѣніе высшимъ судомъ Имперіи кассаціонныхъ жалобъ присяжныхъ повѣренныхъ, присужденныхъ къ исключенію изъ сословія или къ запрещенію практики,— необходимой гарантіей ихъ правъ. Возражая вполнѣ убѣдительно противъ отказа Сената, вопреки его прежней практикѣ, въ принятіи подобныхъ жалобъ, какъ относящихся къ дисциплинарнымъ, а не судебнымъ дѣламъ, онъ говорилъ: «Неужели мы за двадцать лѣтъ настолько утратили способность понимать истинный духъ Судебныхъ Уставовъ, что можно спорить о томъ, что лицу, подвергшемуся пожизненному лишенію права и положенія, пріобрѣтеннаго четырехлѣтнимъ университетскимъ курсомъ ученія, пятилѣтнимъ стажемъ и многолѣтнимъ упорнымъ трудомъ, можетъ быть отказано въ такой бездѣлицѣ, въ такой элементарной гарантіи, какъ возможность обращенія къ высшему кассаціонному суду. Уличный буянъ, приговоренный къ кратковременному аресту или штрафу, кабатчикъ,

Библиотека "Руниверс"

закладчикъ, лишенные права заниматься своимъ промысломъ, могутъ искать защиты и провѣрки поразившаго ихъ приговора у высшаго кассаціоннаго суда, и только присяжные повѣренные очутились въ такомъ безправномъ положеніи, при которомъ они не имѣютъ даже права жаловаться Сенату!».

Такъ и притомъ по ряду другихъ вопросовъ, касавшихся корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, высказывался онъ за широту правъ ея членовъ, за необходимость нравственнаго элемента въ ихъ дѣйствіяхъ и за дѣйствительную ихъ свободу, требующую, прежде всего, повиновенія голосу совѣсти, не заглушаемому соблазномъ возможности успѣха.

Воспріимчивая и отзывчивая душа Джаншіева, склонная къ нѣжному пониманію природы, сказалась и въ его путевыхъ очеркахъ «Среди баловней и пасынковъ природы», «По Европѣ» и «Перлъ Кавказа». Въ этихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ туриста разсыпано много интересныхъ бытовыхъ и историческихъ замѣчаній, оригинальныхъ взглядовъ на искусство и политическихъ соображеній. Въ ряду послѣднихъ не малое мѣсто занимаютъ указанія на угрожающій ростъ германскаго милитаризма, вѣющаго духомъ ожесточенной вражды, военнаго задора и неумѣреннаго хвастовства,—указанія, нашедшія себѣ черезъ 26 лѣтъ полное подтвержденіе въ переживаемыхъ нами нынѣ событіяхъ. Послѣдніе годы жизни Джаншіевъ посвятилъ лихорадочной работѣ въ пользу своихъ несчастныхъ соплеменниковъ, сдѣлавшихся жертвою турецкихъ насилій и гоненій, вызвавшихъ вопіющую нищету. Онъ предпринялъ изданіе и редактированіе обширнаго сборника «Братская помощь армянамъ». Достаточно взглянуть на богатое и разнообразное содержаніе послѣдняго, на превосходные портреты и факсимиле, на пестрое собраніе извѣстныхъ въ литературѣ и наукѣ именъ авторовъ статей, чтобы понять, какихъ трудовъ, хлопотъ, личныхъ объясненій и разъѣздовъ стоило все это слабому здоровьемъ Джаншіеву. Сборникъ вышелъ двумя изданіями и принесъ шестьдесятъ тысячъ рублей въ пользу пострадавшихъ. Этой широкой помощью несчастнымъ почти заключилась общественная дѣятельность Джаншіева. Его сердце устало тревожно биться за дорогія ему учрежденія и болѣзненно сжиматься за страждущихъ; отдыхъ въ прелестномъ «Джаншіевомъ уголкѣ» близъ Георгіевскаго монастыря, на южномъ берегу Крыма, уже не возстановлялъ его силъ, и онъ скончался въ 1900 году, черезъ два года послѣ второго изданія «Братской помощи».

А. Ѳ. Кони.

Библиотека "Руниверс"

Г. А. Джаншіевъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Идеологія германскаго имперіализма.

Въ послѣднія десять лѣтъ германская культура находилась явно подъ знакомъ имперіализма.

Подъ вліяніемъ роста населенія, которому тѣсно въ предѣлахъ объединенной имперіи, и роста промышленности, нуждающейся въ рынкахъ для вывоза продуктовъ и для ввоза сырья, все опредѣленнѣе созрѣвала идея о необходимости расширенія германской территоріи, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она все рѣшительнѣе превращалась въ идею мірового господства Германіи.

Въ имперіалистской идеологіи, завоевавшей себѣ въ послѣдніе годы множество сторонниковъ, можно подмѣтить два теченія.

Одно связано преимущественно съ развивающимся капитализмомъ, другое—съ потребностями сельскаго хозяйства. Одно отражаетъ главнымъ образомъ интересы буржуазіи, другое—интересъ юнкерства. При всемъ своемъ сходствѣ въ основныхъ пунктахъ, оба эти теченія имѣютъ каждое свои оттѣнки, свои специфическія особенности.

Каждое изъ нихъ уже выдвинуло своихъ философовъ, своихъ публицистовъ, своихъ беллетристовъ.

Одни имперіалисты усматриваютъ главную задачу, стоящую передъ Германіей, въ пріобрѣтеніи новыхъ колоній, необходимыхъ для развивающейся промышленности, а отчасти и для избыточнаго населенія, проповѣдуютъ превращеніе Германіи въ колоніальную державу.

Въ своей извѣстной книгѣ «Unsere Zukunft», представляющей болѣе популярное изложеніе его большого, переведеннаго на многіе языки, труда «Deutschland und der nächste Krieg», генералъ Бернгарди замѣчаетъ:

«Въ эпоху, когда образовались современныя большія европейскія государства, Германія (въ силу разныхъ причинъ) не могла принять участія въ внѣевропейской міровой политикѣ и только въ самое послѣднее время мы съ трудомъ пріобрѣли нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

жалкихъ колоній, совершенно неспособныхъ удовлетворять потребностямъ страны. Пусть даже эти колоніи способны къ дальнѣйшему развитію, онѣ не въ силахъ освободить насъ отъ нашей зависимости отъ чужихъ странъ, такъ какъ въ отношеніи сырья мы зависимъ всецѣло, а въ отношеніи вывоза продуктовъ въ значительной степени отъ заграницы... Вмѣстѣ съ тѣмъ крупныя иностранныя государства стремятся все болѣе отгородиться отъ насъ, чтобы поднять свою собственную индустрію и самимъ стать въ экономическомъ отношеніи независимыми. Вопросъ же о безпрепятственномъ расширеніи нашей дѣловой сферы становится для насъ вопросомъ жизни и смерти, если мы хотимъ доставить нашему растущему населенію работу и хлѣбъ. Лѣтъ черезъ десять у насъ будетъ 80 милліоновъ населенія и они не найдутъ себѣ пропитанія въ предѣлахъ старыхъ границъ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы поняли, какое важное значеніе имѣетъ колоніальная дѣятельность для культурнаго престижа народа... Отъ размѣровъ ея будетъ зависѣть вопросъ, въ какой степени каждый отдѣльный народъ будетъ участвовать въ дѣлѣ господства надъ міромъ бѣлой расы, и очень возможно, что страны, у которыхъ не будетъ колоній, не будутъ стоять въ рядахъ великихъ европейскихъ державъ, какъ бы ни были они могущественны во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ».

Насущной «исторической» задачей, стоящей передъ Германіей, является поэтому «созданіе колоніальной имперіи».

На такой же точкѣ зрѣнія стоятъ и нѣкоторые представители праваго или реформистскаго крыла соціалъ-демократической партіи. Или иначе: существуютъ и имперіалисты-соціалисты, существуетъ особая «соціалистическая» колоніальная политика.

Въ этомъ отношеніи очень показательна брошюра Гильдебранта: «Socialistische Auslandspolitik».

Подъ «соціалистической» колоніальной политикой авторъ подразумѣваетъ такую, которая, во первыхъ, признаетъ право *всѣхъ* націй на пріобрѣтеніе колоній, разъ онѣ въ нихъ нуждаются, а не нѣкоторыхъ только, монополизировавшихъ это право. «Несправедливо», если Англія и Франція мѣшаютъ Германіи устроиться въ Африкѣ, «несправедливо», если маленькія страны, въ родѣ Португаліи или Голландіи, владѣютъ большими колоніями, а Германія, а также Австро-Венгрія и Италія съ ихъ болѣе плотнымъ населеніемъ и развивающейся индустріей ихъ почти не имѣютъ. Подъ «соціалистической» колоніальной политикой Гильдебрантъ подразумѣваетъ далѣе такую, которая требуетъ гуманнаго обращенія съ туземнымъ населеніемъ, наконецъ, такую, которая предпочитаетъ рѣшать вопросъ о распредѣленіи

Библиотека "Руниверс"

колоній не силою меча, а путемъ мирныхъ переговоровъ и договоровъ.

Но и для соціалиста-имперіалиста пріобрѣтеніе колоній насущная необходимость,—въ виду опредѣлившихся съ достаточной очевидностью «тенденцій мірового хозяйства» колоніи необходимы для «здороваго развитія хозяйства національнаго».

Такъ какъ съ другой стороны матеріальное и соціальное положеніе рабочаго класса будетъ тѣмъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ больше рынковъ для сбыта своихъ продуктовъ и для полученія сырья будетъ къ услугамъ нѣмецкой промышленности, то всякое «стремленіе расширить сферу германской дѣловой жизни» должно встрѣтить поддержку со стороны пролетаріата, какъ всякая попытка со стороны другихъ державъ «стѣснить нѣмецкое хозяйство» должна вызвать энергичный отпоръ съ его стороны.

Чѣмъ болѣе широкіе слои нѣмецкаго общества проникались сознаніемъ, что очередной «исторической» задачей, стоящей передъ страной, является «созданіе колоніальной имперіи», тѣмъ чаще появлялись романы, изображавшіе будущія войны Германіи во имя пріобрѣтенія колоній.

Такъ какъ главной конкуренткой Германіи на міровомъ рынкѣ является Англія, то обычно эти романы повѣствуютъ о войнѣ именно съ Англіей. Какъ на примѣръ, можно указать на романъ А. Нимана «Міровая война» («Weltkrieg», 1905).

Единственной возможностью сокрушить міровое господство Англіи авторъ считаетъ союзъ между Германіей, Россіей и Франціей. Понимая утопичность подобнаго тройственнаго союза, Ниманъ назвалъ свой романъ «мечтами нѣмца» («Träume eines Deutschen»).

Въ романѣ изображается, какъ русскія войска вторгаются въ Индію, какъ они одерживаютъ побѣду при Лагорѣ (отчасти благодаря измѣнѣ индусскихъ войскъ), какъ соединенныя франко-германскія эскадры разбиваютъ англійскій флотъ, какъ сначала нѣмцы, а потомъ и французы и русскіе высаживаютъ десанты на англійской почвѣ, и какъ, наконецъ, союзныя войска побѣдителями вступаютъ въ Лондонъ.

Изъ неудачной войны Англія выходитъ разгромленной и вынуждена уступить Германіи часть своихъ африканскихъ колоній.

Сторонникомъ энергичной колоніальной политики выступаетъ въ романѣ Нимана имперскій канцлеръ. На вопросъ главнокомандующаго десантной арміей принца Генриха, намѣренъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ отнять у Англіи ея колоніи и вступить на путь твердой колоніальной политики, канцлеръ отвѣчаетъ:

«Да, я считаю это однимъ изъ наиболѣе важныхъ требованій

Библиотека "Руниверс"

времени. Мы обязаны восполнить пробѣлъ, оставленный политикой нашихъ предшественниковъ. Пруссія могла бы уже цѣлымъ столѣтіемъ раньше стать сильной морской державой. Нашимъ несчастіемъ было то, что дальновидная политика великаго курфюрста разбилась о недостаточность его средствъ. Если бы его преемники пошли по его стопамъ, то никогда Великобританія не достигла бы такого могущества, а мы и раньше обезпечили бы себѣ свою долю въ внѣ-европейскихъ владѣніяхъ».

Ратуя за энергичную колоніальную политику, канцлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникъ идеи созданія могучаго военнаго флота. Когда принцъ Генрихъ указываетъ ему, предостерегая, на отрицательное отношеніе почти всѣхъ партій въ рейхстагѣ къ правительственнымъ предложеніямъ объ увеличеніи флота, канцлеръ увѣренно восклицаетъ:

«Теперь (послѣ побѣды надъ англійскимъ флотомъ) я этого не боюсь. Нѣмецкій народъ теперь сумѣлъ оцѣнить значеніе флота. Мы вышли, къ счастію, изъ полосы ученическихъ лѣтъ, за которыя дорого заплатили. Нынѣ мы обязаны удержать то, что имѣемъ, и взять назадъ, что нами было упущено. Нѣмецкій народъ будетъ отнынѣ питать довѣріе къ нашей колоніальной политикѣ» [1]).

На ряду съ романами, посвященными описанію будущихъ войнъ Германіи во имя пріобрѣтенія новыхъ колоній, появлялись въ послѣдніе годы все чаще и романы, изображавшіе или въ бытовыхъ тонахъ нравы населенія уже пріобрѣтенныхъ колоній, въ особенности африканскихъ, какъ, напр., романъ Фриды фонъ Бюловъ «Im Lande der Verheissung», или же съ примѣсью фантастики и символики колонизаторскую дѣятельность германскаго народа на далекихъ сказочно-прекрасныхъ и сказочно-богатыхъ островахъ, затерянныхъ среди безбрежности южнаго океана, какъ, напр., романъ Геуке «Rust».

Такъ какъ осуществить свою колоніальную программу Германія сумѣетъ только въ томъ случаѣ, если обезпечитъ себѣ политическую гегемонію въ самой Европѣ, то съ требованіемъ пріобрѣ-

[1]) Такъ точно въ анонимномъ романѣ «Voelker Europas! Der Krieg der Zukunft», гдѣ изображается (нынѣ ставшая фактомъ) обще-европейская война, кончающаяся разгромомъ Англіи, Германія получаетъ цѣлый рядъ колоній, принадлежащихъ ея соперницѣ, а именно бурскую республику, Родезію, Сѣверную часть Капланда, кромѣ того Казабланка и Магадиръ въ Мароко, а изъ португальскихъ владѣній Мадеру и Азорскіе острова. Такъ какъ послѣ войны Голландія, сражавшаяся въ союзѣ съ нѣмцами, входитъ, какъ составная часть въ германскую имперію, то и богатыя голландскія колоніи (Ява, Борнео и т. д.) также становятся въ сущности собственностью Германіи, превращающейся такимъ образомъ въ первоклассную колоніальную державу.

Библиотека "Руниверс"

тенія колоній идеологи имперіализма обычно связываютъ идею сильной континентальной Германіи.

«Въ настоящее время,—замѣчаетъ генералъ Бернгарди,—мы находимся въ очень затруднительномъ положеніи. Почти со всѣхъ сторонъ насъ окружаютъ враждебныя государства, противодѣйствующія всѣмъ нашимъ устремленіямъ въ области внѣшней политики. Наша первая задача—разъ навсегда покончить съ такимъ положеніемъ вещей. Если мы хотимъ стать міровой державой, то мы должны прежде всего вновь завоевать свою политическую независимость. Необходимо всѣми силами укрѣпить наше могущество на континентѣ, расширить сферу нашего вліянія въ самой Европѣ».

Генералъ Бернгарди спѣшитъ при этомъ оговориться, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не о «завоевательной политикѣ», ибо послѣдняя противорѣчитъ какъ «духу времени», такъ и «истиннымъ интересамъ» Германіи: «въ Европѣ мы могли бы получить лишь такую область, населеніе которой навсегда останется намъ враждебнымъ».

Передъ взорами имперіалиста обычно носится идея новаго политическаго союза подъ главенствомъ Германіи, и эта идея облекается въ имперіалистской литературѣ въ форму все новыхъ комбинацій.

Такъ, генералъ Бернгарди считаетъ необходимымъ въ интересахъ «улучшенія военнаго положенія» Германіи, въ интересахъ «упроченія ея колоніальной дѣятельности» окончательно сломить Францію и послѣ побѣдоносной войны расширить тройственный союзъ въ «союзъ центрально-европейскихъ державъ».

Порою эта идея облекается въ форму мечты о Соединенныхъ Штатахъ Европы, при чемъ иногда Англія вступаетъ въ этотъ союзъ только послѣ пораженія, нанесеннаго ей Германіей въ союзѣ съ Франціей, какъ въ анонимномъ романѣ «Völker Europàs! Der Krieg der Zukunft», а Россія часто и совсѣмъ изъ него исключается или потому, что она стала въ политическомъ отношеніи une quantité negligeable, какъ въ романѣ Л. Розеггера «Der Golfstrom», или въ виду ея явно аггрессивныхъ намѣреній противъ остальныхъ европейскихъ державъ, какъ въ анонимной повѣсти «Krieg—mobil 19...» Но всегда главную роль въ правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ Европы играетъ Германія, добывшая себѣ побѣдоносной войной политическую гегемонію на континентѣ, а иногда (какъ въ романѣ Розеггера) президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Европы является германскій императоръ.

Наконецъ, иногда новый политическій союзъ, во главѣ ко-

Библиотека "Руниверс"

тораго стоитъ Германія, какъ наиболѣе сильная континентальная держава, получаетъ въ имперіалистской литературѣ характеръ спеціально федераціи германскихъ государствъ и народностей.

Когда въ романѣ Нимана «Міровая война» императоръ спрашиваетъ канцлера, каковы по его мнѣнію задачи предстоящей обще-европейской войны, тотъ отвѣчаетъ:

«Я вѣрю, что въ славное царствованіе вашего величества всѣ германскія государства континента сольются въ единый великій народъ, къ которому всѣ германскія народности сѣвера: шведы, датчане и норвежцы будутъ тяготѣть въ силу закона притяженія, ибо мы живемъ въ эпоху, характернымъ признакомъ которой является стремленіе образовывать крупныя государства».

Имперіалистская мечта о «союзѣ центрально-европейскихъ державъ» или о «Соединенныхъ Штатахъ Европы» превращается, такимъ образомъ, иногда въ идею единой, охватывающей всѣ германскія народности, Германіи, ein pangermanisches Deutschland.

Если одни имперіалисты, тѣ, которые выражаютъ преимущественно интересы промышленнаго капитала, считаютъ очередной «исторической» задачей, стоящей передъ Германіей, пріобрѣтеніе новыхъ колоній, то другіе, противники индустріализма, сторонники преимущественно аграрнаго строя, подразумѣваютъ подъ «расширеніемъ германской территоріи» завоеваніе годной подъ пашню земли (Ackerboden) въ самой Европѣ.

«Едва ли,—говоритъ небезызвѣстный историкъ Виртъ въ своей книгѣ «Rasse und Volk»,—можно усмотрѣть что-нибудь положительное въ развивающейся индустріализаціи Германіи, въ томъ, что воздухъ, которымъ мы дышемъ, становится все хуже и темнѣе, въ томъ, что растутъ механизація и озвѣреніе жизни, въ томъ, что фабричный рабочій все болѣе превращается въ раба».

Такъ какъ грандіозное развитіе промышленности является безусловнымъ зломъ, то необходимо «отклонить не только туманныя утопіи соціалистовъ, но и всякую міровую политику (Welt und Machtpolitik), считающуюся исключительно съ интересами индустріи». «Достойное человѣка существованіе» возможно только тамъ, гдѣ достаточно «воздуха и свѣта», достаточно «полей и лѣсовъ», только тамъ, гдѣ человѣкъ можетъ «вернуться отъ своихъ неестественныхъ профессій на лоно природы».

Вмѣсто далекихъ заморскихъ колоній, которыя къ тому же нелегко отстоять въ случаѣ войны, гораздо полезнѣе пріобрѣсти хорошій Ackerboden. Виртъ считаетъ неудобнымъ назвать по имени ту область, которую получить было бы для Германіи

Библиотека "Руниверс"

выгоднѣе любого куска «гдѣ-то въ Марокко». «Важно вообще расширеніе территоріи». Тѣмъ не менѣе онъ не можетъ воздержаться отъ прозрачнаго намека: «обѣтованная страна» лежитъ, оказывается, на «юго-востокѣ» Европы.

Подобно тому, какъ первое изъ охарактеризованныхъ теченій имперіалистской идеологіи породило цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, такъ и идея сильной аграрной Германіи нашла себѣ отраженіе въ изящной литературѣ.

Довольно яркой иллюстраціей къ этой теоріи является романъ Людвига Розеггера (сына извѣстнаго писателя-народника Петера Розеггера): «Гольфштромъ» (Der Golfstrom).

Подобно Вирту, Розеггеръ усматриваетъ въ одностороннемъ развитіи индустріи (со всѣми ей присущими чертами, какъ-то: ростъ городовъ, роскоши и т. п.) великое зло, причину вырожденія современнаго человѣчества.

Противъ вреднаго культа промышленности во имя торжества «простоты нравовъ» тщетно поднималъ свой голосъ мудреца императоръ Вильгельмъ II, его называли «человѣкомъ отсталымъ», «романтикомъ-аскетомъ», «запоздалымъ ученикомъ Руссо». Находились и другіе благоразумные люди, осмѣливавшіеся утверждать, что «техническій прогрессъ не сдѣлалъ людей болѣе счастливыми», но ихъ высмѣивали и «юмористическіе листки совѣтовали имъ лучше отправиться въ домъ умалишенныхъ, гдѣ ихъ настоящее мѣсто».

Зловѣщія послѣдствія этой переоцѣнки индустріализма сказались очень скоро. Люди вырождались физически и психически, становились все изнѣженнѣе и слабѣе, и когда наступилъ грозный моментъ конфликта между Европой и Америкой, то европейскія державы были разгромлены въ грандіозной битвѣ подъ Нью-Іоркомъ. Повсюду въ Европѣ вспыхивали революціи и одна за другой всѣ страны погружались въ безпросвѣтное варварство.

Объясняя императору Фридриху-Вильгельму V причины великаго европейскаго кризиса, канцлеръ говоритъ:

«Никто не хотѣлъ быть земледѣльцемъ, крестьянинъ бросалъ свою землю, всѣ вѣрили только въ всеспасающее значеніе индустріи. Эти превратные принципы, эти противоестественныя устремленія подточили силы народа и вызвали всеобщій упадокъ».

Изъ страшнаго кризиса, охватившаго всю Европу, Германія выходитъ въ концѣ-концовъ возрожденной: земледѣліе становится снова краеугольнымъ камнемъ народнаго хозяйства, а съ нимъ возвращаются и времена простыхъ нравовъ и здоровой жизни, нашедшія когда-то такого восторженнаго апологета въ

Библиотека "Руниверс"

лицѣ императора Вильгельма II. И не только духовно и физически возрожденной выходитъ Германія изъ великаго обще-европейскаго кризиса, но и съ расширенной территоріей, въ обладаніи новыми годными подъ пашню землями, Ackerboden. Правда, авторъ точно не опредѣляетъ новыхъ границъ германской имперіи, стоящей во главѣ Соединенныхъ Штатовъ Европы, но если принять во вниманіе, что на совершенно перестроенной послѣ великаго кризиса картѣ Европы Россія занимаетъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто [1]), то нетрудно понять, что вновь пріобрѣтенныя хлѣбородныя области лежатъ, если не на «юго-востокѣ», какъ мечтаетъ Виртъ, то во всякомъ случаѣ—на востокѣ.

Стремясь къ «расширенію германской территоріи», имперіализмъ, естественно, проникнутъ воинственнымъ духомъ, культомъ войны.

Имперіалистъ—убѣжденный противникъ пасифизма, противникъ идеи мира вообще и въ частности вѣчнаго мира.

«Среди насъ,—замѣчаетъ Виртъ въ своей книгѣ «Rasse und Volk»,—все еще найдется не мало людей, считающихъ всѣ расы равноцѣнными, а вѣчный миръ возможнымъ». Такіе «космополиты»—умы «отсталые». Они не видятъ «знаменій времени», не хотятъ понять «смысла современности». Бебель, «защищавшій готтентотовъ и негровъ», соціалисты, «мечтающіе объединить рабочихъ всѣхъ странъ»,—всѣ они представители прошлаго. Миновали безвозвратно времена Гердера, когда идея космополитическаго гуманизма могла воспламенить умы и сердца. Нынѣ царитъ суровая формула «глубокомысленнаго» Гераклита: «война—начало всѣхъ вещей».

И нечего бояться войны.

«Пусть грядущая война,—разсуждаетъ тотъ же Виртъ въ другомъ мѣстѣ (въ брошюрѣ: «Unsere äussere Politik»),—обойдется Германіи даже въ 50 милліардовъ (по вычисленіямъ Peez'a), эта сумма вѣдь только незначительная часть общаго богатства страны. Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что всякая война, даже неудачная, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ даже на энергію побѣжденнаго, вызывая въ немъ чувство соревнованія, стремленіе снова подняться наверхъ. Примѣры: Франція послѣ 1870 г., Россія послѣ конфликта съ Японіей. Не война, хотя бы сопряженная съ пораженіемъ, опасна для націи, а слишкомъ продолжительный миръ, ибо послѣдній ведетъ неизбѣжно къ «изнѣженности и пресыщенности», «къ неспособности творить

[1]) Отъ Россіи осталась собственно только небольшая часть на берегу Чернаго моря, съ столицею Одессой.

Библиотека "Руниверс"

новыя крупныя цѣнности». «Милліардеры вырождаются уже въ третьемъ, а то и во второмъ поколѣніи, и то же самое бываетъ и съ цѣлыми народами». Пусть далѣе война унесетъ 200.000 человѣкъ убитыми и ранеными, ежегодный приростъ населенія въ Германіи составляетъ почти милліонъ.

Такимъ же апологетомъ войны является и генералъ Бернгарди.

Въ его глазахъ война не только неизбѣжность политическая—ибо населеніе страны и ея промышленность растутъ безпрерывно,—но и благо съ біологической точки зрѣнія. «Если бы не было войны, то малоцѣнныя или вырождающіяся расы могли бы легко вытѣснить своей массой и своими капиталами расу здоровую, способную къ развитію, а послѣдствіемъ этого былъ бы всеобщій регрессъ». Великое положительное значеніе войны и состоитъ въ томъ, что она отбираетъ наиболѣе жизнеспособные народы. «Именно потому, что она, и только *она*, совершаетъ этотъ подборъ, становится она біологической необходимостью». Являясь «регуляторомъ, безъ котораго нельзя обойтись въ интересахъ прогресса», война вмѣстѣ съ тѣмъ благо и съ моральной точки зрѣнія. Она «объединяетъ всѣхъ въ общемъ напряженіи», «срываетъ маски съ лица мнимыхъ величинъ, взращенныхъ продолжительнымъ миромъ», «отводитъ каждому подобающее ему мѣсто», заставляетъ «личное я исчезать передъ великой идеей государства». «Только благодаря войнѣ сохраняется надолго въ націи та энергія, которая дѣлаетъ людей способными развить всѣ свои духовныя силы и создавать такимъ образомъ все болѣе высокую культуру». Несомнѣнное благо съ «біологической» и «моральной» точекъ зрѣнія война вмѣстѣ съ тѣмъ высшій нравственный долгъ передъ лицомъ культуры. Разъ тотъ или иной народъ представляетъ собой крупный культурный факторъ, разъ онъ стремится расширить, какъ можно больше, районъ господства *своей* культуры, являющейся въ его глазахъ всегда синонимомъ истинной культуры, то война, какъ средство къ достиженію этой цѣли, становится «высшимъ выраженіемъ воли къ культурѣ», высшимъ проявленіемъ «идеализма».

А если война благо съ «біологической» и «политической», съ «моральной» и «культурной» точекъ зрѣнія, то необходимо пробуждать и укрѣплять въ націи не любовь къ миру, а культъ войны, или, выражаясь словами историка-публициста Вирта, «волю къ власти», «волю къ насилію».

Эту задачу охотно брала на себя въ послѣднія десять лѣтъ изящная литература. Война—одна изъ обычныхъ темъ новѣйшей нѣмецкой беллетристики. Писатели описываютъ и поэтизируютъ войны прошлаго и будущаго, войну на сушѣ, на морѣ и въ воз-

Библиотека "Руниверс"

духѣ. войну между европейскими державами или между Европой и Америкой, или между бѣлой и цвѣтными расами. Одинъ перечень этихъ изображеній войны, часто звучащихъ, какъ апологія войны, занялъ бы слишкомъ много мѣста. И именно на долю такихъ произведеній выпадалъ въ послѣдніе годы въ Германіи наибольшій успѣхъ. Другіе писатели, изображая войну, ставятъ себѣ уже прямо цѣли педагогическія, стремятся воспитать публику въ воинственномъ духѣ, привить ей «волю къ власти», «волю къ насилію».

Въ такомъ духѣ написаны разсказы Гайдемарка «Герои» (1913). Подзаголовокъ гласитъ весьма знаменательно: «Эпизоды изъ современнаго мира и изъ будущей войны».

Мирному времени посвящено, впрочемъ, только нѣсколько страницъ, да и то онѣ или дышатъ глубочайшимъ презрѣніемъ къ мирнымъ профессіямъ, или изображаютъ маневры, игру въ войну, репетицію войны. Большинство разсказовъ воспроизводятъ сцены изъ предстоящей (нынѣ уже ставшей фактомъ) войны Германіи съ Россіей и съ Франціей.

Въ одномъ изъ нихъ происходитъ слѣдующій разговоръ между лейтенантомъ и запаснымъ:

— Вы очень хотѣли бы, чтобы была война?—спрашиваетъ послѣдній.

— На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить. Во всякомъ случаѣ я нисколько не закрываю глаза на то, что война, которая намъ предстоитъ, никакой матеріальной выгоды намъ не принесетъ. Напротивъ, она потребуетъ отъ насъ жертвъ не только людьми, но и деньгами. Но именно въ этомъ я и вижу ея положительную сторону. Я могу поэтому сказать съ спокойной совѣстью: да, я радуюсь войнѣ. Она позволитъ мнѣ отвѣтить на вопросъ: сумѣлъ ли я такъ воспитать моихъ солдатъ, что они готовы, не колеблясь, пожертвовать высшимъ, что есть на свѣтѣ—своей жизнью. Ибо готовность отдать свою жизнь и есть признакъ мужества и героизма.

— Да, да, это такъ!—соглашается собесѣдникъ лейтенанта.—Боже! Какъ это должно быть хорошо вдохновить товарищей своимъ примѣромъ.

И онъ разсмѣялся.

— Что васъ такъ радуетъ?

— Я думаю о томъ, кто изъ насъ совершитъ первый геройскій подвигъ?

— Поживемъ, увидимъ! Быть можетъ, ждать придется недолго.

Разсказы Гайдемарка и повѣствуютъ о такихъ «геройскихъ

Библиотека "Руниверс"

подвигахъ», совершаемыхъ въ предстоящей войнѣ съ Россіей и Франціей летчиками и лейтенантами, рядовыми и даже обывателями. Вмѣстѣ взятые эти разсказы звучатъ восторженнымъ гимномъ войнѣ и воинской доблести. Всѣ они написаны во славу «германскаго народа подъ оружіемъ». Въ нихъ то и дѣло слышится на разные лады одинъ и тотъ же лейтмотивъ, слова одного изъ выведенныхъ лейтенантовъ:

«Какое счастье сражаться и побѣждать, какое счастье быть героемъ!»

Недаромъ эпиграфомъ къ своимъ разсказамъ авторъ выбралъ слова Ницше: «Вы спрашиваете, что хорошо! Хорошо—быть храбрымъ» («Was ist gut, fragt ihr. Tapfer sein ist gut»).

Завоевательныя тенденціи имперіализма нуждались въ нѣкоторомъ моральномъ оправданіи, и вотъ на помощь пришла «наука».

Историки и антропологи принялись доказывать, что исторія есть не что иное, какъ борьба и смѣна *расъ*, что есть расы, одаренныя положительными качествами, и расы, отличающіяся одними только недостатками, и что первыя призваны къ господству надъ послѣдними.

Впервые развитая въ извѣстномъ сочиненіи французскаго графа Гобино теорія «неравенства расъ» нашла въ Германіи почву, весьма благопріятную для своего дальнѣйшаго развитія, породила здѣсь цѣлую школу историковъ-публицистовъ (Чемберленъ: «Die Grundlagen des XIX j.») и антропологовъ (Вольтманъ, Ланцъ-Либерфельсъ, Гентшель и др.).

Первоначально (Гобино, Чемберленъ) расой, призванной къ господству надъ всѣмъ міромъ, считались вообще арійцы (кельты, германцы, славяне). Въ этой своей фазѣ развитія теорія расъ служила, какъ нетрудно видѣть, оправданіемъ для стремленія всей *бѣлой* расы подчинить своей власти расы желтую, черную и т. д. То была, другими словами, философія колоніальнаго имперіализма.

До какого высокомѣрнаго самообожанія доходили поклонники арійскаго племени, видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ одного изъ сторонниковъ указанной теоріи (Augustin: «Die Arier und der Krieg»):

«Вся земля—царство арійцевъ. Аризмъ и человѣчность—синонимы. Только аріецъ истинный человѣкъ, и истиннымъ человѣкомъ является только аріецъ (Nur das allgemein arische ist das allgemein menschliche und das allgemein menschliche nur das allgemein arische)».

Если у первыхъ піонеровъ этой теоріи избранной расой счи-

Библиотека "Руниверс"

тались всѣ представители арійскаго начала, то нѣмецкіе ея послѣдователи выкинули послѣдовательно кельтовъ и славянъ и отожествили въ концѣ-концовъ термины «арійцы» и «германцы». Если первоначально родиной арійцевъ считалась Индія, потомъ Памиръ, Туркестанъ, то постепенно она все болѣе отодвигалась въ направленіи къ Германіи или къ берегамъ сѣвернаго и балтійскаго морей (или еще дальше—къ Скандинавіи). Когда въ 1883 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ засѣдалъ конгрессъ антропологовъ, то одинъ изъ его нѣмецкихъ участниковъ (Sepp) даже доказывалъ, что колыбелью арійцевъ и была та мѣстность, гдѣ нынѣ находится Франкфуртъ на Майнѣ. Въ своемъ увлеченіи идеей германцевъ, какъ избраннаго народа, ученые доходили до того, что все хорошее у итальянцевъ и французовъ сводилось ими къ наличности въ ихъ психофизикѣ германскаго начала (Вольтманъ: Germanen und die Renaissance in Jtalien; Germanen in Frankreich), или что даже семиты у нихъ превращались въ германцевъ (напр., Марія, мать Іисуса, собственно арійская или благородная мать: M+aria; Іисусъ, собственно германецъ: Jesus-Gerus, а такъ какъ us—латинское окончаніе мужскихъ именъ, то, слѣдовательно: Ger-us=Ger+man), или, наконецъ, до того, что всюду на всемъ земномъ шарѣ имъ мерещились германцы, даже на канарскихъ островахъ (напр., извѣстному писателю Ю. Гарту).

Какъ ни карикатурна расовая теорія въ интерпретаціи большинства ея нѣмецкихъ послѣдователей, она пользовалась и еще теперь пользуется въ Германіи огромнымъ успѣхомъ,—издается, напр., спеціальный журналъ для разработки ея тезисовъ подъ заглавіемъ Nornen (Monatschrift für deutsche Wiedergeburt und arisch-germanische Kultur),—такъ какъ отвѣчаетъ опредѣленной, широко распространенной потребности, а именно: обосновать «научнымъ» путемъ стремленіе германской націи къ міровому господству.

Для тѣхъ идеологовъ имперіализма, которые усматриваютъ очередную «историческую» задачу, стоящую передъ Германіей, не въ пріобрѣтеніи новыхъ заморскихъ колоній, а въ расширеніи германской территоріи въ предѣлахъ самой Европы, гдѣ сталкиваются не столько расы, а народности, терминъ «народность» важнѣе и существеннѣе термина «раса». Въ своей книгѣ «Rasse und Volk» Виртъ подвергаетъ поэтому довольно рѣзкой критикѣ теорію расъ, вскрываетъ всѣ ея нелѣпыя несообразности и всю ея ложную постройку, противополагая расѣ, понятію въ сущности неопредѣлимому, народность, т.-е. всѣхъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ. Такъ какъ уже поднимаются разговоры о томъ,

Библиотека "Руниверс"

какая изъ нѣмецкихъ народностей является истинной представительницей арійскаго начала, то теорія расъ, не выдерживающая самой снисходительной критики, кромѣ того, по мнѣнію Вирта, еще и чрезвычайно опасна, ибо грозитъ «распаденіемъ объединенной имперіи».

Нѣтъ надобности особенно подчеркивать, что какъ сторонники теоріи «расы», такъ и сторонники термина «народность» одинаково преисполнены вѣры въ конечное торжество германскаго начала.

Такъ, въ романѣ Розеггера «Гольфштромъ» послѣ великаго кризиса, охватившаго всю Европу, вымираютъ всѣ расы, за исключеніемъ германской, и хозяиномъ земли остается истинно-нѣмецкій типъ.

Исчезли, по словамъ автора, всѣ «выродки», раньше занимавшіе «первые ряды»,—люди «низкорослые, приземистые, съ черными волосами, темными глазами, приплюснутыми носами и монгольской скулой». Восторжествовалъ «германскій типъ», освобожденный, наконецъ, отъ «паразитическихъ элементовъ кельтійской, средиземной и восточной расъ».

Всюду «тонъ задавали» люди «высокаго роста, съ свѣтлыми волосами и голубыми глазами», т.-е. истинные арійцы-германцы.

Каковы же соціально-политическіе идеалы германскаго имперіализма? Каковы его представленія о благоустроенномъ общественномъ и политическомъ порядкѣ?

Имперіалистъ прежде всего—монархистъ.

Сопоставляя въ своей книгѣ «Unsere Zukunft» монархическій и республиканскій режимъ, генералъ Бернгарди приходитъ къ тому выводу, что «республика всегда приводитъ къ господству большинства и къ угнетенію меньшинства», тогда какъ «монархическій принципъ стоитъ выше частныхъ интересовъ» и потому способенъ не только «обезпечить права меньшинства», но и «придать государственной воли больше послѣдовательности и цѣльности», чѣмъ это возможно при господствѣ «колеблющагося большинства, задающаго тонъ въ республиканскомъ строѣ». Генералъ Бернгарди усматриваетъ поэтому одну изъ самыхъ «важныхъ культурныхъ задачъ» въ томъ, чтобы «въ противовѣсъ столь моднымъ нынѣ радикальнымъ политическимъ тенденціямъ» укрѣпить въ нѣмецкомъ народѣ «монархическую идею». Если бы нѣмецкій народъ отрѣшился отъ этого принципа, «вскормленнаго въ немъ всей его исторіей», «перешедшаго въ его кровь и плоть», то онъ погрузился бы въ «анархію» и пересталъ бы существовать, какъ «культурная нація».

Библиотека "Руниверс"

Имперіалистъ не только монархистъ, но и сторонникъ неравенства классовъ (а также, конечно, и неравенства половъ).

«Никогда,—восклицаетъ Виртъ въ своей книгѣ «Rasse und Volk»,—не было произнесено слова болѣе пустого и лживаго, чѣмъ слово: «равенство людей». Природа и исторія знаютъ только «неравенство». И Виртъ съ восхищеніемъ цитируетъ слова англійскаго романиста Бульвера: «Во всей природѣ, отъ архангела Михаила и до жалкаго червя, отъ горы Олимпа и до крошечнаго камня, отъ сіяющей, прекрасной въ своемъ совершенствѣ, планеты и до туманности, изъ которой она образовалось, всюду царитъ прежде всего законъ неравенства».

И потому нація, стремящаяся къ «равенству», не можетъ быть «свободной»(!).

Стоя на точкѣ зрѣнія незыблемости соціальнаго неравенства, имперіалистъ—убѣжденный противникъ рабочаго движенія.

Не отрицая необходимости итти навстрѣчу «экономическимъ, нравственнымъ и умственнымъ запросамъ пролетаріата», генералъ Бернгарди считаетъ, однако, болѣе существеннымъ напоминать рабочимъ объ ихъ «обязанностяхъ». Рабочіе должны понять, что только при условія «взаимнаго довѣрія» выполнятъ капиталъ и трудъ свою культурную миссію и что, находясь во власти «безсовѣстныхъ демагоговъ», они пойдутъ не впередъ, а погрязнутъ лишь въ «варварствѣ». Не «классовое» а «національное» самосознаніе необходимо развивать въ рабочихъ массахъ.

Даже наиболѣе либеральные имперіалисты, тѣ, которые отражаютъ въ своихъ взглядахъ преимущественно интересы и настроенія буржуазіи, относятся глубоко отрицательно къ соціалъ-демократіи.

Такъ, авторъ романа «Weltkrieg», Ниманъ, влагаетъ въ уста своего идеальнаго канцлера рѣчь, въ которой тотъ рѣзко возстаетъ противъ царящаго въ Германіи военно-бюрократическаго духа во имя истинно-буржуазнаго строя жизни. Между тѣмъ, какъ въ Англіи «купецъ всегда стоялъ выше офицера и чиновника», въ Германіи купецъ занимаетъ лишь «второе мѣсто» на лѣстницѣ соціальной іерархіи. Этимъ «пренебрежительнымъ отношеніемъ» къ буржуазіи и объясняется «медленное хозяйственное развитіе» Германіи и ея сравнительно «ничтожное политическое вліяніе», тогда какъ Англія стала такой могущественной державой именно потому, что всегда была и всегда оставалась «націей купцовъ». Имперскій канцлеръ еще и потому такой большой поклонникъ «коммерческаго духа», проникающаго всѣ ткани государственной жизни Англіи, что именно «этотъ коммерческій духъ» лишилъ въ Англіи почвы соціализмъ, который въ Германіи

Библиотека "Руниверс"

«крѣпнетъ съ каждымъ годомъ». Правда, канцлеръ намѣренъ объявить всю землю въ колоніяхъ государственной собственностью, чтобы потомъ осуществить націонализацію земли и въ предѣлахъ самой метрополіи, но, какъ извѣстно, подобная мѣра не заключаетъ въ себѣ ничего соціалистическаго.

Такъ точно и въ романѣ Геуке «Rust» мудрый колонизаторъ благословенныхъ симсинійскихъ острововъ, затерянныхъ среди южнаго океана, провозглашаетъ всю землю племенной собственностью и вмѣстѣ съ тѣмъ, желая разъ навсегда дискредитировать въ глазахъ молодежи идеи соціализма, разрѣшаетъ ей устроить небольшую коллективистическую общину, миніатюрный Zukunftsstaat: крушеніе этой затѣи и излѣчиваетъ обитателей счастливыхъ острововъ навсегда отъ всякихъ вредныхъ, по мнѣнію автора, соціалистическихъ «утопій».

Отрицательное отношеніе къ демократіи и къ соціализму звучитъ еще рѣзче у тѣхъ имперіалистовъ, которые являются противниками индустріализма и сторонниками аграрнаго строя жизни.

Авторъ романа «Der Golfstrom», Розеггеръ, объясняетъ наступившій въ Европѣ и въ частности въ Германіи упадокъ не только преобладаніемъ промышленности надъ земледѣліемъ, но и тѣмъ, что всюду «демократизировался» государственный строй и всюду развивалось соціалистическое движеніе: и только когда Германія не только вернулась къ сельскому хозяйству и къ простотѣ нравовъ, но и покончила съ республиканскими и соціалистическими тенденціями, вступаетъ она снова на путь расцвѣта, становится она могущественнѣйшей европейской державой.

«Соціалисты марксистскаго направленія, — повѣствуетъ авторъ,—мобилизовали нижніе слои пролетаріата и объявили всеобщую забастовку. Рабочіе промышленныхъ районовъ Рейна основали какую-то туманную (nebelig) «Германскую республику», при чемъ столицей вновь испеченнаго народнаго суверенитета былъ объявленъ старый епископскій городъ Кёльнъ. Тогда Пруссія послала своихъ надежнѣйшихъ восточно-эльбскихъ стрѣлковъ, которые и одержали верхъ въ трехдневной битвѣ при Ганноверѣ. Войско пролетаріевъ, мечтавшихъ о господствѣ надъ міромъ (sic!), разсѣялось во всѣ стороны, а *изъ кризиса возродилась въ новомъ блескѣ монархическая идея, символъ порядка и дисциплины* (das Symbol von Zucht und Ordnung)».

Въ возрожденной послѣ кризиса аграрной и монархической Германіи вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно упраздняется демократическій принципъ равенства гражданъ.

Стоящему во главѣ Соединенныхъ Штатовъ Европы германско-

Библиотека "Руниверс"

му императору Фридриху-Вильгельму V канцлеръ слѣдующими словами описываетъ новый политическій курсъ, котораго будетъ держаться правительство Германіи, завоевавшей себѣ политическую гегемонію въ Европѣ.

— Вмѣстѣ съ французской революціей,—говоритъ онъ,—положившей въ основу государственнаго строя права человѣка и гражданина, восторжествовалъ принципъ, противорѣчащій природѣ, создающей всюду разнородное. Было провозглашено равенство всѣхъ: сильныхъ и слабыхъ, здоровыхъ и больныхъ, атлетовъ и калѣкъ, глупыхъ и умныхъ, философовъ и идіотовъ. Люди называли это гуманностью и справедливостью и очень гордились этими чувствами. Все въ общественной жизни было разсчитано на потребности менѣе цѣнныхъ и въ виду всегда имѣлись желанія и претензіи массы. А послѣдствія? Европеецъ совершенно утерялъ свой расовый инстинктъ и усматривалъ въ каждомъ человѣкѣ равнаго себѣ.

—Вы, стало быть, осуждаете демократію?—спрашиваетъ его императоръ.

— Я презираю ее, какъ господство слѣпого большинства!—спокойно отвѣчаетъ канцлеръ на поставленный вопросъ.—Пусть правятъ лучшіе!

Принимая во вниманіе отрицательное отношеніе автора романа о Германіи, стоящей во главѣ Соединенныхъ Штатовъ Европы, какъ къ индустріаламъ-капиталистамъ, такъ и къ рабочимъ-соціалистамъ, нетрудно понять, что подъ этими «лучшими», подъ этими aristoi подразумѣвать надо классъ помѣщиковъ—аграріевъ, прусское юнкерство.

Сильная монархическая власть, опирающаяся главнымъ образомъ на землевладѣльческое дворянство (Розеггеръ), отчасти и на крупную буржуазію (Ниманъ), упраздняющая вѣковыя «права человѣка и гражданина» (Розеггеръ), прививающая рабочимъ вмѣсто «классоваго»—«національное» самосознаніе (ген. Бернгарди), въ случаѣ надобности подавляющая республиканскія и соціалистическія симпатіи пролетаріата ружьями померанскихъ стрѣлковъ (Розеггеръ), таковы соціально-политическіе идеалы германскаго имперіализма, таковы представленія о благоустроенномъ обществѣ и государствѣ тѣхъ, кто мечтаетъ о гегемоніи Германіи въ Европѣ!

В. Фриче.

Библиотека "Руниверс"

Политика Гогенцоллерновъ.

I.

Одно время въ популярныхъ обзорахъ исторіи было въ большой модѣ противополагать политику прусскихъ Гогенцоллерновъ политикѣ французскихъ Бурбоновъ дореволюціоннаго времени. Дѣйствительно, съ перваго взгляда трудно найти бо́льшую противоположность и въ личныхъ характерахъ государей обѣихъ династій, и въ общемъ направленіи ихъ политики и въ конечныхъ результатахъ ихъ правленія. Въ грубыхъ чертахъ типъ французскаго короля XVII и XVIII вѣка рисуется въ видѣ расточителя и bon-vivant'а, все достоинство государя полагающаго въ умѣніи съ большой помпой представить королевскую власть; неумѣніе работать, страсть къ наслажденіямъ и удовольствіямъ, манія величія, презрительное отношеніе ко всему, выходящему за предѣлы салонной болтовни, нежеланіе считаться съ общественными настроеніями—вотъ не особенно привлекательныя общія черты схематизированной фигуры французскаго короля дореволюціоннаго времени; сюда войдутъ и фривольныя забавы Людовика XIII, и чопорное высокомѣріе Людовика XIV, и эгоистическое легкомысліе Людовика XV и апатичная тупость Людовика XVI. И рядомъ съ этой непривлекательной фигурой обычно рисуется типъ государя-работника, перваго слуги своей родины, съ величайшимъ напряженіемъ силъ созидающаго будущее величіе родной страны. Для разрисовки этого коллективнаго образа пользуются въ качествѣ отдѣльныхъ штриховъ и колоссальной энергіей великаго курфюрста Фридриха Вильгельма, и грубоватой простотой и пресловутой бережливостью короля Фридриха Вильгельма I, и здоровымъ практицизмомъ и военнымъ геніемъ Фридриха II. Историки обыкновенно съ особеннымъ удовольствіемъ цитируютъ красивыя слова Фридриха II: «Государь—не болѣе, какъ первый слуга государства, обязанный поступать добросовѣстно, мудро и вполнѣ безкорыстно, памятуя, что онъ каждую минуту

Библиотека "Руниверс"

долженъ быть готовъ дать отчетъ согражданамъ въ своемъ управленіи». Этимъ словамъ обычно противопоставляется знаменитая фраза Людовика XIV: «Государство—это я» и его высокомѣрный девизъ: «Король—меньше Бога, но больше земного шара (Dei minor, sed orbis maior)». Въ политикѣ тоже какъ будто бы полная противоположность: съ одной стороны разумная бережливость, забота о поднятіи экономическихъ силъ страны, о заселеніи опустошенныхъ войною странъ, полная вѣротерпимость, созданіе первоклассной арміи, уже скоро съ лучшей стороны проявившей себя на поляхъ сраженій; съ другой — неимовѣрная расточительность двора, огромныя пенсіи и подачки въ пользу аристократіи, разорительная податная система, пренебреженіе къ наиболѣе жизнеспособному сословію—буржуазіи и вѣроисповѣдная исключительность (отмѣна Нантскаго эдикта). Результатомъ этого было то, что Пруссія при Фридрихѣ II стала первоклассной военной державой съ хорошими финансами и создала у себя еще раньше прекрасное, работоспособное чиновничество, съ тѣхъ поръ въ теченіе полуторастолѣтій являющееся образцомъ для всѣхъ государствъ, а Франція вплоть до самой революціи постепенно теряла свое военное могущество и вѣрными шагами шла къ разоренію и финансовому краху. Потребовалось огромное потрясеніе въ видѣ революціоннаго десятилѣтія, чтобы снова оздоровить ея экономическое и политическое бытіе.

Это—очень грубая, въ общихъ чертахъ нарисованная картина; но можно съ увѣренностью сказать, что ея духомъ пропитаны не только многія изъ популярныхъ книгъ, но и большинство нашихъ учебниковъ; въ умахъ большой публики запечатлѣваются какъ наиболѣе яркіе образцы—съ одной стороны, сотканная вся изъ придворныхъ условностей, изысканно чопорная и изломанная въ угоду этикету фигура «короля-солнца», а съ друго—геніально простая, исполненная силы и энергіи, постепенно выроставшая на поляхъ брани фигура «стараго Фрица» (Фридриха II); противоположеніе довершалось тѣмъ, что первому приписывали только династическіе интересы, которыми въ его глазахъ заслонялась нація, а во второмъ видѣли истинно національнаго государя, прежде всего стремившагося къ «общему благу» (часто употреблявшееся Фридрихомъ II выраженіе).—Вѣрна ли эта картина? Дѣйствительно ли политика прусскихъ королей второй половины XVII и XVIII вѣка отвѣчала общенаціональнымъ интересамъ? Обыкновенно апологеты «великаго курфюрста» и «великаго» короля заканчиваютъ свою апологію временами Фридриха II; разгромъ Пруссіи при Іенѣ, ея пол-

Библиотека "Руниверс"

ную неудачу на международномъ экзаменѣ эпохи революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ они объясняютъ крайне неразумной и вялой политикой его преемниковъ—Фридриха Вильгельма II и Фридриха Вильгельма III, поставившихъ у власти бездарности и замѣнившихъ систему просвѣщеннаго абсолютизма режимомъ ханжества и трусости. Но, конечно, если бы «система» Фридриха Великаго была построена на прочномъ основаніи, то она дала бы Пруссіи силы для борьбы съ Наполеономъ, и Пруссія не пришла бы на край гибели всего черезъ два десятилѣтія послѣ смерти «стараго Фрица». Вѣрнѣе предположить, что въ самой этой «системѣ», первые камни которой были заложены еще предшественниками короля-просвѣтителя, было много непрочнаго матеріала. Въ политикѣ Фридриха и его предшественниковъ было дѣйствительно много рѣшительности, энергіи и молніеносной быстроты дѣйствій, способной ошеломить противника, но мало уваженія къ настоящей культурѣ, мало довѣрія къ творческимъ силамъ самой націи и къ чужимъ мнѣніямъ, мало истинно бережливаго отношенія къ народному труду. Въ этомъ отношеніи «просвѣщенный» абсолютизмъ Фридриха II недалеко ушелъ отъ простого, ничѣмъ неприкрытаго абсолютизма французскихъ королей, а пресловутая система финансовой бережливости и самого Фридриха II и его предшественниковъ—также мало спасала прусское крестьянство отъ экономическаго разоренія, какъ и расточительность французскихъ государей.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ прусское государство было военнымъ по преимуществу, и военныя цѣли заслоняли для прусскихъ правителей всякія другія. Тридцатилѣтняя война, закрѣпившая раздробленіе Германіи на массу мелкихъ, но вполнѣ самостоятельныхъ княжествъ, вмѣстѣ съ тѣмъ открыла широкое поле для агрессивныхъ намѣреній крупныхъ германскихъ государствъ; миніатюрныя нѣмецкія княжества, предоставленныя каждое своимъ собственнымъ силамъ, не могли, конечно, оказать никакого сопротивленія своимъ болѣе крупнымъ сосѣдямъ. Баварія, Пфальцъ, Ганноверъ успѣшно принялись теперь за округленіе своихъ владѣній. Но больше всего выгоды изъ общегерманскаго несчастія, завѣщаннаго тридцатилѣтней войною, извлекло прусско-бранденбургское государство. Въ XVII и XVIII вѣкахъ система открытаго разбоя, жертвами котораго становились мелкія княжества и плохо защищенныя области, даже у крупныхъ сосѣдей получила въ этомъ государствѣ самое широкое примѣненіе. Пруссія захватывала все, что лежало плохо, не считаясь ни съ историческими традиціями, ни съ гео-

Библиотека "Руниверс"

графическимъ положеніемъ захватываемыхъ областей. Сначала новыя прусскія земли не имѣли даже общихъ границъ, были отдѣлены другъ отъ друга большими черезполосными владѣніями, и только путемъ величайшихъ усилій прусскимъ государямъ, наконецъ, удалось придать имъ замкнутый въ себѣ, округленный видъ,—конечно, путемъ новыхъ захватовъ. Прослѣдимъ территоріальный ростъ Пруссіи отъ тридцатилѣтней войны до конца XVIII в. Уже по Вестфальскому миру (1648 г.), заключившему эту войну, Пруссія получила восточную Померанію по правую сторону Одера съ церковнымъ княжествомъ Камминомъ, Магдебургъ, Гальберштадтъ и Минденъ. Черезъ 18 лѣтъ послѣ этого ей достаются довольно далеко отстоящія отъ границы мелкія княжества Клеве, Маркъ и Равенсбургъ (1666 г.). Въ началѣ XVIII вѣка она расширяетъ свои владѣнія въ Вестфаліи (1702—1713) и пріобрѣтаетъ княжество Невшательское (1707 г.). Въ 1720 г. она получаетъ отъ Швеціи другую часть ея померанскихъ владѣній (съ гор. Штеттиномъ и островами Узедомомъ и Воминомъ). Въ 1744 г., послѣ прекращенія дома фрисландскихъ графовъ, къ ней отходитъ восточная Фрисландія[1]). Во время войны за австрійское наслѣдство Пруссія занимаетъ австрійскую Силезію (1741), и ахенскій миръ 1748 г. санкціонируетъ это пріобрѣтеніе. Въ 1772 г., по первому раздѣлу Польши, она получаетъ такъ называемую Западную Пруссію (безъ Данцига и Торна), благодаря чему уничтожается черезполосица между бывшимъ герцогствомъ прусскимъ (Восточная Пруссія) и Бранденбургомъ. Въ концѣ царствованія Фридриха II Пруссія получаетъ два маленькія маркграфства въ Южной Германіи—Байрейтское и Ансбахское. Въ 1793 г., по второму раздѣлу Польши, Пруссія пріобрѣтаетъ Данцигъ, Торнъ и часть Познани (южная Пруссія). Наконецъ, въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, ей досталась Варшава и западная часть Краковскаго воеводства (т. н. Новая Восточная Пруссія); все нижнее и среднее теченіе Нѣмана было теперь въ ея рукахъ. Пруссія стала изъ маленькаго и ничтожнаго княжества сильнымъ и компактнымъ государствомъ; но черезполосица еще не была уничтожена, и нѣкоторыя области на Западѣ (Клеве, Маркъ, Равенсбургъ, Фрисландія и др.) и на югѣ (Невшатель, Байрейтъ, Ансбахъ) были отдѣлены большими чужестранными землями отъ главнаго ядра прусскихъ владѣній.

Въ этомъ странномъ конгломератѣ литовскихъ, славян-

---

[1]) Скоро, однако, Фрисландія снова была утрачена Пруссіей, и присоединена къ ней вновь только уже во второй половинѣ XVIII в. (послѣ присоединенія Шлезвигъ-Гольштейна).

Библиотека "Руниверс"

скихъ и нѣмецкихъ народностей и разорванныхъ территорій, казалось, господствовалъ только одинъ случай; каждое изъ нихъ до присоединенія къ Пруссіи имѣло свою исторію, жило своими традиціями. Передъ прусскими государями выростала очень серьезная и трудная задача—объединить эти случайно собравшіяся подъ одною властью владѣнія въ одно государство, создать націю. Внѣшняя политика, построенная на системѣ постоянныхъ полуразбойничьихъ захватовъ, такимъ образомъ должна была опредѣлить и политику внутреннюю; все новыя и новыя завоеванія задавали вмѣстѣ съ тѣмъ прусскимъ правителямъ такую колоссальную работу въ смыслѣ укрѣпленія ихъ власти во вновь завоевываемыхъ земляхъ и сплоченія ихъ, что ни на что другое не оставалось ни времени, ни силъ; съ другой стороны постоянная завоевательная политика уже сама по себѣ предъявляла повышенныя требованія къ прусскимъ финансамъ и къ военнымъ силамъ государства; подъ вліяніемъ нуждъ военнаго времени финансовые вопросы пріобрѣтали необычайную важность, и интересы фиска заслоняли всѣ другіе вопросы, заставляли прусскихъ правителей жертвовать ради нихъ всѣми насущными нуждами страны. Ни въ какомъ другомъ государствѣ внѣшняя политика и военныя потребности не поглощали такъ много силъ, не господствовали въ такой степени надъ умомъ и волей правящихъ круговъ и не нависали такой грозной тяжестью надъ платежными силами населенія. Въ этомъ отношеніи съ Пруссіей нельзя сравнивать старыя государства Запада—Францію и Англію, которыя уже давнымъ давно завершили процессъ своего территоріальнаго образованія къ тому времени, когда Пруссія только начинала опредѣляться территоріально; незначительныя измѣненія границъ во Франціи или новыя колоніальныя пріобрѣтенія въ Англіи не носили завоевательнаго характера и не поглощали въ такой мѣрѣ всѣхъ силъ государства, какъ въ Пруссіи. Даже и Австрія, которая въ теченіе XVII и XVIII вѣка тоже увеличивалась очень сильно, тратила гораздо менѣе энергіи на устроеніе завоеванныхъ областей, чѣмъ Пруссія. Въ противоположность Пруссіи, которая по большей части дѣлала свои пріобрѣтенія внутри самой Германіи (за исключеніемъ польскихъ провинцій) и притомъ мелкими кусками, пріобрѣтенія Австріи дѣлаются большими территоріями, на которыхъ жили не нѣмецкія народности, обладавшія своей культурой и своей системой управленія, совершенно отличной отъ австрійской культуры и австрійскаго управленія: такими территоріями были Венгрія, Трансильванія, Кроація и Славонія, отошедшія къ Австріи отъ Турціи

Библиотека "Руниверс"

по Карловицкому договору 1699 г., придунайскія владѣнія Турціи (Темешварскій банатъ и Малая Валахія), пріобрѣтенныя Австріей въ 1718 г. (по миру въ Пассаровицѣ), Буковина (1776—86 г.), Испанскіе Нидерланды, Миланская область и королевство Неаполитанское, полученныя Австріей послѣ войны за испанское наслѣдство (1713), Галиція (1772 г.), Малая Польша и Червонная Русь (1795 г.), отошедшія къ Австріи по первому и третьему раздѣлу Польши. Въ этихъ румынскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ, венгерскихъ, польскихъ, русинскихъ и славонскихъ областяхъ нельзя было и думать вводить чисто австрійское управленіе; онѣ были для этого слишкомъ самобытны. Поэтому ихъ соединеніе съ Австріей носило характеръ уніи, и большинству изъ нихъ приходилось предоставить довольно значительную свободу въ управленіи. Поэтому-то австрійскіе правители тратили меньше усилій на централизацію этихъ областей, чѣмъ прусскіе, для которыхъ объединительная дѣятельность уже въ силу одного преобладанія нѣмецкаго языка и нѣмецкой національности въ вновь присоединяемыхъ провинціяхъ сулила больше успѣха.

Для успѣха своихъ завоеваній, для объединенія и сплоченія завоевываемыхъ земель прусскіе государи нуждались, главнымъ образомъ, въ трехъ вещахъ: въ хорошей арміи, въ хорошихъ финансахъ и въ хорошихъ чиновникахъ. Безъ финансовъ нельзя содержать арміи, безъ преданнаго и послушнаго чиновничества нельзя ни успѣшно использовать платежныя силы населенія въ интересахъ государственной казны, ни бороться съ самостоятельностью старыхъ земскихъ чиновъ, ни вообще осуществлять на дѣлѣ принципы объединительной политики. Вся политика Гогенцоллерновъ въ XVII, XVIII и въ значительной степени и въ XIX столѣтіи направлена къ созданію, развитію и укрѣпленію этихъ трехъ орудій всякой завоевательной и объединительной политики—арміи, финансовъ и бюрократической администраціи. Первые шаги въ этомъ направленіи дѣлаются уже «великимъ курфюрстомъ» Фридрихомъ Вильгельмомъ (1640—1688). По натурѣ это былъ типичный пруссакъ; крутой, упорный въ достиженіи своихъ цѣлей, онъ не останавливался въ случаѣ необходимости передъ насиліемъ; онъ обладалъ той относительной честностью, которая требовала добросовѣстности по отношенію къ друзьямъ, но допускала хитрость и жестокость по отношенію къ врагамъ. Въ немъ нашла себѣ довольно яркое выраженіе та черта, которая позднѣе повторялась у многихъ изъ Гогенцоллерновъ: онъ обладалъ той трезвостью взгляда, которая заставляла его высоко цѣнить мате-

Библиотека "Руниверс"

ріальныя силы—деньги, войско и количество подданныхъ, и той практичностью, въ силу которой онъ умѣлъ подчинять свои личныя симпатіи соображеніямъ выгоды и пользы. Кальвинистъ по убѣжденіямъ, онъ оказывалъ покровительство не только гугенотамъ и лютеранамъ, но даже деистамъ и евреямъ, потому что надѣялся на ихъ промышленную энергію и на ихъ дѣловитость въ коммерческихъ дѣлахъ; но гордо заявленный имъ принципъ религіозной вѣротерпимости не помѣшалъ ему подвергать преслѣдованію католиковъ; въ Помераніи и Бранденбургѣ, гдѣ онъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ Восточной Пруссіи, онъ запретилъ имъ отправлять богослуженія и занимать какія-либо должности, и выразилъ желаніе, чтобы это запрещеніе было дѣйствительно вплоть до Страшнаго Суда. Воюя со шведами, онъ тѣмъ не менѣе преклонялся передъ военной организаціей Швеціи, войско которой онъ, подобно русскому Петру, считалъ для себя образцомъ. Военному дѣлу онъ придавалъ, конечно, огромное значеніе; свое царствованіе онъ началъ съ того, что распустилъ доставшееся ему по наслѣдству отъ предшественника маленькое войско—только на томъ основаніи, что оно присягало не только ему, курфюрсту Бранденбургскому, но и его сюзерену, германскому императору. Онъ набралъ новое войско наемниковъ, сначала только въ 8 тысячъ человѣкъ, но уже къ 1655 году увеличилъ его до 26 т. По тогдашнимъ временамъ и такое миніатюрное войско было уже значительной силой, потому что оно было постояннымъ и находилось въ распоряженіи короля; ни съ прежнею земской милиціей, ни съ дворянскимъ ополченіемъ, которыя собирались очень туго и были притомъ плохо вооружены и совершенно не обучены, это *постоянное* войско не имѣло ничего общаго. При немъ офицера изъ своего рода самостоятельныхъ атамановъ, на свой страхъ набирающихъ войска и подчасъ даже содержащихъ ихъ на свой счетъ, стали превращаться въ правительственныхъ чиновниковъ, получающихъ казенное жалованье и во всемъ послушныхъ своему государю. Дѣло продовольствія арміи постепенно передавалось въ руки особыхъ бюрократическихъ учрежденій (военныхъ комиссаріатовъ), хотя этотъ переходъ совершался довольно медленно и закончился уже послѣ смерти великаго курфюрста въ началѣ XVIII вѣка; военные комиссаріаты вѣдали и сборъ налоговъ акциза и прямого налога, шедшихъ на военныя цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и военное обученіе арміи стало производиться по одному общему шаблону, и армія получила болѣе планомѣрную организацію и единообразную форму. И въ гражданской сферѣ при немъ шелъ тотъ же процессъ. Чиновники все сильнѣе и силь-

Библиотека "Руниверс"

нѣе привязывались къ государству, все больше отрывались отъ мѣстныхъ и частныхъ интересовъ, и курфюрстъ все болѣе становился центромъ всей государственной жизни; конечно, такая бюрократизація правительственной машины пока могла еще касаться только центральныхъ учрежденій; о проникновеніи вліянія правительственныхъ чиновниковъ на мѣста, въ мелкіе города и деревни тогда еще не могло быть рѣчи: въ деревняхъ всецѣло властвовала патримоніальная власть помѣщика, надѣленная судебными, административными и полицейскими полномочіями, а города пользовались довольно широкими правами самоуправленія. Но берлинскій «тайный совѣтъ», членами котораго были важнѣйшіе чиновники и генералы курфюрста, теперь сталъ дѣйствительно высшимъ учрежденіемъ въ странѣ, и ему было передано разсмотрѣніе всѣхъ главнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ провинціяхъ дѣлаются попытки образовать подчиненныя ему административныя коллегіи, также организованныя бюрократически, попытки, впрочемъ, пока еще безуспѣшныя.

На все это—и на армію, и на бюрократію—требовались, конечно, деньги, и великій курфюрстъ съ величайшимъ усердіемъ изыскивалъ средства для пополненія государственной казны. Но въ его безконтрольномъ распоряженіи находились только деньги, поступавшія къ нему изъ его собственныхъ доменовъ и нѣкоторыя регаліи; этого было слишкомъ мало, а за другими доходами ему приходилось обращаться къ провинціальнымъ штатамъ отдѣльныхъ областей, которые съ недовѣріемъ смотрѣли на усиливавшуюся власть курфюрста и крайне неохотно давали ему деньги даже на самыя необходимыя вещи. И «великій курфюрстъ» повелъ крайне энергичную борьбу противъ этихъ финансовыхъ правъ штатовъ; для этого онъ обратился къ очень простому, но тѣмъ не менѣе дѣйствительному средству: онъ сталъ стремиться къ замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными, взиманіе которыхъ уже по самому своему характеру легко ускользало отъ контроля со стороны земскихъ чиновъ. Введеніе «акциза» въ городахъ и поднятіе прямыхъ налоговъ въ деревняхъ вчетверо увеличило доходы курфюрста (съ 500 тыс. талеровъ до 2 мил.), но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило противъ него большое раздраженіе со стороны штатовъ. Особенно сильно было неудовольствіе противъ курфюрста въ герцогствѣ Прусскомъ, гдѣ его власть была слабѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ бранденбургско-прусскаго государства. Штаты отказывались утвердить налоги, вызванные войною, и даже требовали распущенія войскъ. Три города—Кенигсбергъ, Кнейпгофъ и Лобе-

Библиотека "Руниверс"

нохтъ—оказали особенно упорное сопротивленіе. Въ Кенигсбергѣ горожане поставили даже въ видѣ угрозы на городскомъ валу пушки. Граждане отказывались платить налоги, и намѣстникъ Пруссіи жаловался на отсутствіе денегъ и людей. Дворянство во главѣ съ полковникомъ Калькштейномъ завело сношенія съ польскимъ королемъ, недавнимъ вассаломъ котораго былъ курфюрстъ (въ качествѣ герцога прусскаго [1]) и искало у него помощи въ борьбѣ противъ своего государя. Однимъ словомъ, абсолютистская политика «великаго курфюрста» вызвала настолько сильное волненіе въ странѣ, что оно граничило съ прямой революціей. Но это была уже одна изъ послѣднихъ вспышекъ сопротивленія со стороны прусскихъ сословій. Ихъ самостоятельность и значеніе земскихъ чиновъ, какъ и всюду въ то время въ Европѣ, мало-по-малу уступали мѣсто идеѣ монархической централизаціи, проводившейся прусскими государями. Великому курфюрсту,—правда, съ огромнымъ напряженіемъ силъ,—удалось подавить и городское движеніе, и дворянскую фронду. Главари горожанъ были посажены въ тюрьму, полковникъ Калькштейнъ схваченъ и казненъ; штатамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ, и послѣ его смерти они стали собираться все рѣже и рѣже.

Стремясь ограничить политическую независимость дворянства, великій курфюрстъ, однако, никогда не доводилъ своей борьбы противъ него до послѣднихъ предѣловъ. Въ періодъ самыхъ горячихъ столкновеній съ дворянствомъ онъ не отказывался отъ той идеи, которая на долгое время осталась руководящимъ принципомъ всей внутренней политики Гогенцоллерновъ,—отъ идеи, что дворянство есть главная опора трона и что этому сословію должно быть предоставлено главное и наиболѣе значительное мѣсто въ государствѣ. Онъ никогда не переставалъ думать, какъ и многіе изъ его преемниковъ, что создаваемое имъ военно-монархическое государство только тогда будетъ сильно, если оно будетъ пользоваться въ качествѣ орудія для монархической централизаціи государства и для завоевательныхъ цѣлей только дворянскимъ сословіемъ, и поэтому всегда выбиралъ руководителей арміи и администраціи изъ однихъ дворянъ; вся задача его внутренней политики заключалась только въ томъ, чтобы превратить дворянство изъ самостоятельной силы въ орудіе монархической власти, но орудіе, облеченное общественнымъ почетомъ и экономическою независимостью. Поэтому-то «великій курфюрстъ» оставилъ въ полной силѣ всѣ вла-

[1]) Вассальная зависимость герцогства Прусскаго отъ Польши была уничтожена только въ 1657 г.

Библиотека "Руниверс"

дѣльческія права помѣщиковъ надъ крестьянствомъ. Крестьянинъ при немъ стоялъ такъ низко, что собственно принадлежалъ не государству, а помѣщику; государство не имѣло въ то время возможности вступать съ крестьяниномъ въ непосредственныя отношенія; въ деревняхъ у курфюрста (и даже у первыхъ прусскихъ королей) еще не было агентовъ, помощью которыхъ онъ могъ бы пользоваться при управленіи. Помѣщикъ былъ для своихъ крестьянъ и судьею, и администраторомъ, и полицеймейстеромъ,—не говоря уже, конечно, о томъ, что онъ былъ верховнымъ собственникомъ крестьянской земли и распорядителемъ крѣпостного крестьянскаго труда. Въ силу этого каждое дворянское имѣніе того времени образовывало маленькое государство въ государствѣ, а каждый помѣщикъ былъ своего рода маленькимъ князькомъ.

Такимъ образомъ, уже при «великомъ курфюрстѣ» намѣчались наиболѣе характерныя черты прусскаго государственнаго и общественнаго строя, удержавшіяся послѣ этого на долгія времена: наверху—вся строгость монархической организаціи, вся сила централизованной власти, давившей одинаково тяжело и на высшія, и на низшія сословія, а внизу, въ деревняхъ—всѣ основные элементы патримоніальнаго государства съ помѣщичьей юстиціей, полиціей и администраціей. Но при «великомъ курфюрстѣ», которому еще приходилось вести упорную борьбу съ дворянской и городской оппозиціей, первая изъ этихъ сторонъ еще только начинала давать себя знать; въ полной силѣ административная централизація проявилась уже въ XVIII вѣкѣ. Обычно историки, характеризуя внутреннее состояніе прусскаго государства въ этомъ вѣкѣ, обращали вниманіе или на одну, или на другую его сторону; поэтому-то часто Пруссія XVIII вѣка характеризовалась разными историками на первый взглядъ почти противоположными чертами: то какъ типъ монархической централизаціи, то какъ образецъ аристократической децентрализаціи. На самомъ дѣлѣ въ немъ были черты и того и другого, сплетенныя въ видѣ соціально-политическаго компромисса, причемъ олигархическое положеніе дворянства въ низахъ общества вполнѣ мирно уживалось рядомъ съ абсолютистскимъ строемъ наверху.

Въ сущности интересами дворянскаго сословія объясняется и направленіе завоевательныхъ стремленій какъ «великаго курфюрста», такъ и его ближайшихъ преемниковъ.

Прусскіе помѣщики уже съ XVI столѣтія стали все болѣе переходить къ хозяйству на широкую руку, съ обширной площадью собственной запашки и съ широкимъ примѣненіемъ бар-

Библиотека "Руниверс"

щиннаго труда. Въ этомъ отношеніи они представляли полную противоположность хозяевамъ Западной Германіи и Франціи, гдѣ самостоятельное хозяйство помѣщиковъ все болѣе исчезало и гдѣ ихъ доходы слагались главнымъ образомъ изъ разнаго рода арендныхъ и оброчныхъ платежей, поступавшихъ въ ихъ пользу отъ зависимыхъ отъ нихъ держателей мелкихъ крестьянскихъ участковъ. Прусскіе помѣщики рано перестали удовлетворяться оброкомъ отъ крестьянъ и протянули руку къ самой крестьянской землѣ; разными способами—законными и незаконными,—пользуясь крестьянскимъ безправіемъ и запустѣніемъ крестьянскихъ участковъ во время тридцатилѣтней войны, имъ удалось «округлить» свои владѣнія и увеличить размѣръ собственной запашки до размѣровъ большихъ имѣній; такъ образовалось типичное юнкерское помѣстье, обрабатываемое принудительнымъ трудомъ барщинниковъ и дворовой челяди. Такое хозяйство не могло, конечно, само потребить всего добывавшагося въ немъ сырья,—главнымъ образомъ, хлѣба; оно работало для внѣшняго сбыта и нуждалось въ свободныхъ путяхъ для экспорта своихъ продуктовъ. Пруссія стояла уже тогда—и позднѣе въ XVIII вѣкѣ—въ ряду восточныхъ государствъ (другія восточно германскія государства на востокъ отъ Эльбы, Данія, Польша и Россія), которыя снабжали своимъ хлѣбомъ различныя мѣстности Нидерландовъ и Франціи, а также и Италію и Пиринейскій полуостровъ. Но торговля хлѣбомъ шла тогда, главнымъ образомъ, по морю; сухопутный транспортъ хлѣба стоилъ слишкомъ дорого. Поэтому-то для прусскихъ дворянъ-экспортеровъ пріобрѣтеніе морскихъ береговъ имѣло огромное значеніе,—особенно если къ этимъ морскимъ берегамъ вели удобные рѣчные пути. Въ началѣ правленія «великаго курфюрста» изъ его владѣній только одно герцогство Прусское имѣло выходъ къ морю; Бранденбургъ же былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ сушей. Пріобрѣтеніемъ восточной Помераніи (1648 г.) теперь и Бранденбургъ былъ соединенъ съ Балтійскимъ моремъ, хотя устье Одера съ гор. Штеттиномъ и островомъ Рюгеномъ находились еще въ рукахъ Швеціи. Бранденбургскимъ дворянамъ былъ теперь значительно облегченъ путь къ балтійскимъ портамъ, гдѣ хлѣбъ ихъ на расхватъ покупался голландскими купцами, грузился на голландскіе корабли и переправлялся въ западно и южно-европейскія страны. Юнкера не могли не быть довольны внѣшней политикой своего курфюрста.

Мы потому такъ долго остановились на политикѣ «великаго курфюрста», что при немъ намѣтились основныя линіи почти всей будущей политики Гогенцоллерновъ. Въ оцѣнкѣ прусскихъ

Библиотека "Руниверс"

историковъ курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ потому и получаетъ названіе «великаго», что онъ предвосхитилъ многіе изъ идей своихъ наиболѣе блестящихъ преемниковъ и заложилъ первые камни будущаго прусскаго могущества. Такой дальновидностью ни въ какомъ случаѣ не можетъ похвастаться его сынъ и преемникъ курфюрстъ Фридрихъ III (1688—1713), который послѣ пріобрѣтенія въ 1701 г. королевскаго титула сталъ именоваться королемъ Фридрихомъ I. Среди бережливыхъ, расчетливыхъ и сухо-практическихъ государей XVII и XVIII вѣка онъ представляетъ собою нѣсколько необычное явленіе; это—маленькій Людовикъ XIV на прусскомъ престолѣ; его любовь къ внѣшнему блеску, его погоня за титулами, его пристрастіе къ этикету и его безконечныя траты на дворъ и на костюмы заслужили презрительный отзывъ его внука, Фридриха II, что онъ—«великъ въ мелочахъ и ничтоженъ въ серьезныхъ дѣлахъ». Ограниченный отъ природы, онъ всѣ свои силы, а также и средства государства тратилъ на то, чтобы его дворъ по роскоши и помпезности не уступалъ другимъ европейскимъ дворамъ, а его личная титулатура была бы не менѣе импозантна, чѣмъ титулатура самого французскаго короля. Уже 16 лѣтъ отъ роду онъ добивается ордена Подвязки; возмужавъ, онъ всѣми силами стремится къ тому, чтобы Людовикъ XIV именовалъ его братомъ, а испанскій король—свѣтлостью; но болѣе всего онъ, конечно, цѣнитъ королевскій титулъ и не жалѣетъ денегъ на то, чтобы получить его отъ германскаго императора. Онъ даетъ Леопольду новыя субсидіи, уступаетъ даже въ его пользу небольшой округъ (Швибусскій) въ своихъ владѣніяхъ, льститъ императору и интригуетъ при его дворѣ черезъ своихъ министровъ. Въ концѣ-концовъ онъ добивается своего и становится королемъ—и притомъ не бранденбургскимъ, къ чему склонялся императоръ, а прусскимъ. Дѣло въ томъ, что Бранденбургъ входилъ въ составъ германской имперіи, и потому король бранденбургскій оставался бы вассаломъ императора, между тѣмъ какъ Прусское герцогство было совершенно независимо отъ имперіи. Въ восторгѣ отъ согласія императора на новый титулъ, онъ на 30.000 перемѣнныхъ лошадяхъ отправляется со своимъ дворомъ въ Кенигсбергъ, и тамъ справляетъ свою коронацію съ такимъ блескомъ, которому могъ бы позавидовать самъ Людовикъ XIV: одинъ его коронаціонный костюмъ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями, и пурпурная мантія съ пуговицами изъ бриллiантовъ стоили по тогдашнимъ временамъ бѣшеныхъ денегъ, а вся коронація обошлась въ 6 мил. талеровъ. Однако, вся эта нѣсколько смѣшная бутафорія и погоня за ти-

Библиотека "Руниверс"

тулами имѣли свой смыслъ: королевское званіе подняло международный престижъ Пруссіи, и теперь уже никто не осмѣлился бы посмотрѣть на нее, какъ на маленькое, лишенное политическаго вѣса, княжество. Титулъ короля былъ вполнѣ естественнымъ преддверіемъ къ позднѣйшимъ притязаніямъ Гогенцоллерновъ на гегемонію въ Германіи; не даромъ австрійскіе министры упорно убѣждали императора не удовлетворять желанія прусскаго курфюрста и предупреждали его, что королевское званіе прусскаго государя можетъ съ теченіемъ времени подвергнуть «знаменитую австрійскую династію опасности утратить съ теченіемъ времени свое имперское могущество или вслѣдствіе соперничества гогенцоллернской династіи или по причинѣ раздробленія имперіи». И въ глазахъ прусскихъ подданныхъ королевское званіе Фридриха, конечно, подняло вѣсъ его монархической власти, и онъ могъ смѣлѣе вмѣшиваться во внутреннюю жизнь страны, чѣмъ это дѣлали его предшественники.

Все-таки царствованіе Фридриха I не отмѣчено ничѣмъ крупнымъ ни во внутренней жизни Пруссіи, ни во внѣ, хотя и при немъ произошло незначительное расширеніе Пруссіи (пріобрѣтеніе Невшателя и нѣкоторыхъ вестфальскихъ владѣній). Гораздо значительнѣе было царствованіе его сына Фридриха-Вильгельма I. По своей натурѣ онъ, казалось, прямо былъ призванъ къ тому, чтобы царствовать на прусскомъ престолѣ XVIII вѣка. Культъ военнаго дѣла, бюрократическія симпатіи и финансовое скопидомство при немъ не только дѣлаются руководящими нитями практической политики, но и возводятся въ принципы, облекаются въ форму краткихъ и рѣшительныхъ афоризмовъ, сказанныхъ по поводу того или другого частнаго случая. Онъ былъ одновременно и хорошимъ фронтовымъ солдатомъ, и исправнымъ педантомъ-чиновникомъ, и бережливымъ до скаредности хозяиномъ. Невыносимо грубый въ обращеніи съ окружающими, онъ выше всего въ мірѣ цѣнилъ покорность и послушаніе. Слова «Affront leide ich hicht» («я не терплю сопротивленія») были его любимымъ выраженіемъ. Когда однажды его вербовщики безъ всякихъ законныхъ основаній забрали одного изъ студентовъ богословскаго факультета въ Галле въ солдаты и факультетъ выступилъ съ протестомъ противъ этого, онъ отвѣтилъ знаменитымъ афоризмомъ: «не разсуждать» («nicht resonieren»). Конечно, такой король не могъ допускать никакого самостоятельнаго образа дѣйствій отъ штатовъ и сословій. Въ своемъ политическомъ завѣщаніи, въ которомъ онъ кратко характеризовалъ для своего наслѣдника дворянство отдѣльныхъ провинцій, онъ совѣтуетъ ему обратить особенное внима-

Библиотека "Руниверс"

ніе на восточно-прусскихъ юнкеровъ. При этомъ онъ записалъ: «я разрушаю авторитетъ юнкеровъ и утверждаю мой суверенитетъ, какъ бронзовую скалу». Онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ по адресу дворянства и другихъ областей: «что касается Клеве и графства Маркъ, пишетъ онъ въ завѣщаніи, то дворяне тамъ—тупые быки, но они коварны, какъ чортъ». Онъ подробно перечисляетъ для своего наслѣдника тѣ изъ дворянскихъ фамилій, которыя кажутся ему особенно опасными; для современнаго читателя можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что въ этомъ перечнѣ на ряду съ фамиліями Шуленбурговъ, Альвенслебеновъ, Дона и Финковъ встрѣчается и фамилія Бисмарковъ. О своемъ королевскомъ санѣ онъ былъ необычайно высокаго мнѣнія, но относился съ большимъ пренебреженіемъ къ этикету и при дворѣ завелъ такую скудную обстановку, что даже мелкіе нѣмецкіе князья не могли бы ему позавидовать. Онъ не прочь былъ иногда сослаться и на божественное происхожденіе своей власти, но практическій смыслъ всегда отклонялъ его отъ мистическихъ характеристикъ королевскаго достоинства и онъ предпочиталъ болѣе конкретныя, хотя и грубоватыя сравненія: «я твердъ, какъ булыжникъ на улицѣ», говорилъ онъ: «я долженъ быть еще болѣе твердымъ, потому что мои предки сдѣлали народъ празднымъ и лѣнивымъ». Въ его практической душѣ, конечно, не могло найтись мѣста ни для какихъ другихъ цѣнностей, кромѣ его трехъ кумировъ—войска, чиновничества и хорошей казны;—даже о Лейбницѣ онъ отзывался съ нескрываемымъ презрѣніемъ и называлъ его «никуда негоднымъ человѣкомъ, который неспособенъ даже стоять на часахъ». Его собственная дочь писала о немъ: «этотъ человѣкъ считалъ грѣхомъ всѣ удовольствія,—даже музыку и охоту; онъ приказывалъ говорить только о словѣ Божіемъ и запрещалъ всякіе посторонніе разговоры за столомъ. Но говорилъ лишь онъ одинъ, а всѣ остальные должны были слушать его, словно онъ былъ оракулъ. При всемъ томъ онъ былъ человѣкъ очень работоспособный и любилъ теоретизировать насчетъ обязанностей государей». «Господь», говорилъ онъ, «создалъ царей не для того, чтобы они проводили время въ наслажденіяхъ, а для того, чтобы они управляли своею землей». Но даже самое его пристрастіе къ труду ложилось невыносимымъ гнетомъ не только на его подчиненныхъ, но и на всю страну. Отъ своихъ чиновниковъ онъ требовалъ прямо непосильной работы и за малѣйшую неисправность наказывалъ ихъ жестокими штрафами. Даже министры за пропускъ лишь одного засѣданія лишались шестимѣсячнаго содержанія. «Мы платимъ имъ», гово-

Библиотека "Руниверс"

рилъ король о своихъ чиновникахъ, «за то, чтобы они работали». Но вся энергія королевской бюрократіи направлялась главнымъ образомъ къ одной цѣли—къ лучшему сбору налоговъ, къ наиболѣе удобнымъ способамъ использованія платежныхъ силъ страны. Самое названіе новаго центральнаго учрежденія, созданнаго королемъ, указываетъ на эту по преимуществу фискальную цѣль всей королевской администраціи; оно называлось «генеральнымъ верховнымъ управленіемъ финансовъ, войны и удѣловъ (доменовъ)». Это «генеральное управленіе» образовалось изъ сліянія «военныхъ комиссаріатовъ», вѣдавшихъ вербованіе солдатовъ, содержаніе войска и изысканіе средствъ для его содержанія, съ «палатами доменовъ», вѣдавшими доходы отъ собственныхъ королевскихъ имѣній; «военные комиссаріаты» завѣдывали сборомъ и акциза въ городахъ, и прямого налога въ деревняхъ (называвшагося контрибуціей), и потому въ рукахъ новаго центральнаго органа, собиравшагося подъ предсѣдательствомъ самого короля, сосредоточены были всѣ финансовыя средства страны. Сборъ налоговъ пошелъ теперь гораздо энергичнѣе, были заново переписаны всѣ крестьянскіе дворы, ускользнувшіе по разнымъ причинамъ во времена прежнихъ переписей, увеличены косвенные налоги, и королевская казна значительно пополнилась.

Но налоговый гнетъ надъ крестьянами еще болѣе увеличился. Вообще положеніе крестьянъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, несмотря на его самыя рѣшительныя заявленія о томъ, что онъ неустанно работаетъ на благо своихъ подданныхъ, не улучшилось, а ухудшилось. Въ теченіе всего его царствованія помѣщики продолжали прогонять крестьянъ съ земли; только за годъ до своей смерти (1739 г.) онъ издалъ указъ, которымъ помѣщикамъ запрещалось сгонять крестьянъ съ земли «безъ основательной причины и безъ немедленной замѣны прогнаннаго другимъ». У короля были очень вѣскіе мотивы для такого распоряженія: крестьянинъ былъ главнымъ плательщикомъ податей (съ земель, принадлежавшихъ къ господскому хозяйству, не брали никакихъ налоговъ) и потому уменьшеніе крестьянскихъ земель и переходъ ихъ въ помѣщичье пользованіе грозили серьезною опасностью государственнымъ финансамъ. Но даже и это запрещеніе Фридриха-Вильгельма I, преслѣдовавшее только фискальные интересы, отнюдь не обезпечивало положенія каждаго отдѣльнаго крестьянина: помѣщикъ попрежнему могъ согнать его во всякій моментъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, взявъ только на себя обязанность посадить на мѣсто согнаннаго другого землепользователя. Найти такого замѣстителя не могло

Библиотека "Руниверс"

представить никакого труда въ силу обязанности всякаго крѣпостного принимать вакантные надѣлы. Такимъ образомъ та «охрана мужика», которую началъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, создавала только «коллективную гарантію», относящуюся ко всему крестьянству, а не покровительствовала отдѣльнымъ крестьянамъ. Она могла только предупредить обезлюденіе Пруссіи и фиксировать число крестьянскихъ надѣловъ. Къ тому же даже и въ такомъ своемъ видѣ «охрана мужика» еще плохо соблюдалась при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, что видно хотя бы изъ того, что его преемникъ долженъ былъ много разъ повторять ордонансъ своего отца, иногда воспроизводя его почти дословно. Поэтому-то настоящая «охрана мужика» (въ вышеобъясненномъ смыслѣ) есть по преимуществу фактъ царствованія Фридриха II, а не Фридриха-Вильгельма I.

Армія, конечно, занимала въ политикѣ Фридриха-Вильгельма первое мѣсто; для нея онъ безъ устали работалъ, для нея создавалъ финансы и централизировалъ управленіе, ибо безъ бюрократически централизированной администраціи нельзя было бы хорошо поставить и финансовое дѣло. Благодаря его стараніямъ армія увеличилась въ теченіе его царствованія до 84 тысячъ. Изъ континентальныхъ державъ только Австрія, имѣвшая войско въ 100 тысячъ, Россія (въ концѣ царствованія Петра В.—около 160 тысяъ) и Франція (160 тыс.) превосходили теперь своей военной силой Пруссію. По населенности Пруссія стояла на 13-мъ мѣстѣ въ Европѣ, по военной же силѣ—только на 4-мъ. Конечно, такая армія должна была поглощать огромныя денежныя суммы, и изъ 7 мил. талеровъ ежегодныхъ доходовъ въ Пруссіи на военное дѣло тратилось цѣлыхъ 5 мил. Составить такую армію было нелегко. Въ первую половину своего царствованія Фридрихъ-Вильгельмъ пользуется по примѣру своего дѣда главнымъ образомъ системой найма солдатъ, и притомъ, главнымъ образомъ, за границей. Изъ его войска цѣлыхъ $^2/_3$ состояли изъ не-пруссаковъ. Но эти иноземцы обыкновенно, получивъ свое жалованье, черезъ короткое время убѣгали къ себѣ на родину, а вмѣстѣ съ ними пропадали и потраченныя на ихъ обученіе деньги. Поэтому-то въ послѣдніе годы своего царствованія Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлалъ попытку перейти къ системѣ обязательной воинской повинности и раздѣлилъ страну на округа, каждый изъ которыхъ долженъ былъ поставлять пѣхотные или кавалерійскіе полки. Конечно, отъ этой обязательной повинности привилегированные классы были освобождены: для нихъ существовали кадетскіе корпуса. Но новая система Фридриха-Вильгельма получила крайне ограниченное примѣненіе и только очень не-

Библиотека "Руниверс"

значительная часть арміи была составлена согласно съ этой системой. Бо́льшая же часть ея вербовалась еще по-старому, пріемами, заимствованными изъ временъ тридцатилѣтней войны,— наймомъ солдатъ изъ разныхъ мелкихъ нѣмецкихъ и крупныхъ не-нѣмецкихъ государствъ, окружавшихъ Пруссію. Но и такая армія по тогдашнимъ временамъ была сильна, и съ ея помощью Фридриху-Вильгельму удалось пріобрѣсти отъ Швеціи еще одинъ кусокъ ея владѣній у Балтійскаго моря съ такимъ важнымъ торговымъ центромъ, какъ г. Штеттинъ (у устья Одера). Одеръ уже тогда былъ столбовой дорогой для прусскаго хлѣбнаго экспорта, и пріобрѣтеніе Штеттина, который, находясь въ шведскихъ рукахъ, запиралъ до сихъ поръ дорогу хлѣбному вывозу, имѣло, конечно, для землевладѣльческаго класса Пруссіи огромное значеніе.

Фридрихъ-Вильгельмъ I умиралъ, окруженный скрытымъ нерасположеніемъ своихъ придворныхъ, министровъ и всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ къ нему близко; его сухость и педантическая требовательность отталкивала отъ него даже и самыхъ вѣрныхъ его слугъ. Тѣмъ съ большимъ ожиданіемъ и надеждой смотрѣли тогда на его молодого наслѣдника. Всѣмъ были извѣстны его прежніе нелады съ отцомъ, вытекавшіе изъ пристрастія кронпринца къ французской литературѣ, которую ненавидѣлъ старый король, и изъ его легкомысленной любви къ развлеченіямъ и удовольствіямъ. Въ сынѣ надѣялись увидать болѣе мягкую и податливую натуру, найти въ немъ болѣе отзывчивости и теплоты. Мало этого, многимъ было извѣстно, что кронпринцъ, сосланный своимъ отцомъ на должность инспектора удѣльныхъ земель въ мелкій городокъ, прекрасно справился со своей новой должностью и оказался образцовымъ чиновникомъ; знали и про то, что отданный ему подъ начальство полкъ онъ сумѣлъ превосходно обучить. Потому-то многіе ожидали, что мягкость натуры соединится въ немъ съ отцовской дѣловитостью и энергіей. «Мягкость принца возбуждала восхищеніе всѣхъ», писалъ въ это время одинъ дипломатъ. Но новый король съ самаго начала своего царствованія разочаровалъ тѣхъ, кто ожидалъ встрѣтить въ немъ мягкаго и податливаго правителя. Еще за нѣсколько лѣтъ до своего вступленія на престолъ онъ говорилъ сестрѣ: «весь міръ удивится, что я совсѣмъ не тотъ, какимъ всѣ меня представляютъ. Всѣ воображаютъ, что я буду швырять деньгами, и что въ Берлинѣ деньги станутъ также дешевы, какъ булыжники. Но этого не будетъ: всѣ мои помыслы направлены лишь на то, какъ бы увеличить мою армію; все же остальное останется, какъ и при отцѣ». И, дѣйствительно, черты отцовской практичности и отцовскаго

Библиотека "Руниверс"

культа военной силы выступили въ немъ необычайно ярко съ первыхъ же шаговъ его царствованія; тѣ, кто указывалъ на фамильное сходство его съ отцомъ въ этомъ отношеніи, не ошиблись; только реалистическая и воинственная политика отца была имъ не смягчена и не ослаблена, а усилена и еще болѣе рѣзко выражена. Его царствованіе началось со знаменитой войны за австрійское наслѣдство; объясняя потомъ причины этой войны, Фридрихъ говорилъ въ своихъ мемуарахъ: «истинными причинами, побудившими меня вступить въ борьбу съ Маріей-Терезіей, были наличность постоянно готовой къ дѣлу арміи, полнота казны и живость моего характера... Честолюбіе, желаніе заставить говорить о себѣ увлекли меня, и вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ». Но нельзя никакъ думать, что на войну съ Австріей Фридрихъ рѣшился легкомысленно, только подъ вліяніемъ воинственнаго молодого задора. Реальный смыслъ его никогда не покидалъ, и соображеніе о выгодахъ для него всегда стояло на первомъ планѣ. «Не говорите мнѣ о величіи души!—говорилъ онъ одному англійскому дипломату—государь долженъ имѣть въ виду только свои выгоды». Его практичность дала право герцогу де-Брольи сказать о немъ: «онъ пускалъ въ оборотъ свой геній и свое оружіе, какъ купецъ—свои капиталы». Дипломатическіе договоры и законныя права націй для него не имѣли никакого значенія, и ради соображеній о выгодѣ онъ готовъ былъ пожертвовать всѣми трактатами въ мірѣ. Международные трактаты онъ третировалъ, какъ архивные документы, и въ лучшемъ случаѣ находилъ возможнымъ ими воспользоваться лишь какъ основаніемъ для новыхъ притязаній. Весной 1771 года, когда возникалъ вопросъ о первомъ раздѣлѣ Польши, онъ говорилъ австрійскимъ дипломатамъ: «поройтесь хорошенько въ вашихъ архивахъ и посмотрите, не имѣете ли вы права еще на что-нибудь... Вѣрьте мнѣ, надо пользоваться случаемъ. Я также возьму кусокъ, и Россія сдѣлаетъ тоже».

Выше всего въ жизни Фридрихъ цѣнилъ славу и думалъ, что только стремленіе къ ней способно толкать людей на великіе поступки. «Что сталось бы», говорилъ онъ уже въ старости, «съ добродѣтельными и похвальными поступками, если бы мы не любили славы?» «Пусть послѣ нашей смерти молва о насъ будетъ для насъ такъ же безразлична, какъ все, что говорилось при постройкѣ вавилонской башни,—однако, привыкши къ мысли о жизни, мы чувствительны къ приговору потомства, и короли—въ большей степени, чѣмъ частныя лица, ибо это—единственное судебное мѣсто, котораго они должны бояться. Кто обладаетъ хоть нѣкоторой чуткостью, тотъ стремится къ уваженію со сто-

Библиотека "Руниверс"

роны своихъ согражданъ; люди хотятъ хоть чѣмъ-нибудь блистать, не хотятъ смѣшиваться съ прозябающей толпой». Но даже и это стремленіе къ славѣ не накладывало на расчетливую и практическую натуру Фридриха II романтическаго отпечатка. Выше всего онъ цѣнилъ ту славу, которая добывается на поляхъ битвъ, но не безудержной рыцарской отвагой, не ранами, полученными въ бояхъ, а прочнымъ успѣхомъ надъ противникомъ, захватомъ новыхъ территорій и умѣлымъ хозяйственнымъ использованіемъ ихъ. Потому-то воинъ соединялся въ немъ съ расчетливымъ хозяиномъ, полководецъ обнаруживалъ способность ловкаго коммерсанта. Какъ и его предшественники, онъ былъ убѣжденъ, что зданіе прусскаго величія будетъ строиться главнымъ образомъ въ области внѣшней политики, и потому не жалѣлъ средствъ на увеличеніе своей арміи: при немъ она достигла уже внушительной цифры въ 200 т., но воинственная политика, по его мнѣнію, всегда должна была идти рука объ руку съ политикой финансовой. Силезія, къ захвату которой онъ упорно стремился и на удержаніе которой онъ потратилъ позднѣе такъ много силъ, была важна для него и какъ центръ мануфактурнаго производства, и какъ средство захватить въ свои руки такой важный торговый путь, какъ теченіе Одера: до пріобрѣтенія Силезіи Пруссіи принадлежало только среднее и нижнее теченіе Одера, послѣ ея захвата— весь Одеръ. Еще въ началѣ своего царствованія онъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ Бреславля центральный ярмарочный пунктъ, который долженъ былъ стать средоточіемъ русской, польской, венгерской и австрійской торговли; онъ стремился даже привлечь на Одеръ товары, шедшіе до сихъ поръ по Эльбѣ, прервавъ рѣчное судоходство по Эльбѣ изъ своего пріэльбскаго владѣнія— Магдебурга и парализовавъ этимъ торговое значеніе Гамбурга и Лейпцига. Стремленія короля въ этомъ отношеніи остались безуспѣшны; въ Бреславлѣ не возникло никакой международной ярмарки, Гамбургъ къ концу его царствованія не упалъ, а расцвѣлъ, Лейпцигъ остался центромъ, къ которому тяготѣла австрійская торговля. Но король угадалъ, по крайней мѣрѣ, на будущее время важное значеніе Одера, какъ торговаго пути; коммерческая жилка не обманула здѣсь прусскаго короля.

Но всѣ коммерческіе расчеты Фридриха II, а также и всѣ его хозяйственныя заботы объ устроеніи и заселеніи Пруссіи носили рѣзко выраженный фискальный характеръ. Фридрихъ много говорилъ о своей любви къ отечеству и о своихъ обязанностяхъ предъ народомъ, но понятіе народа онъ слишкомъ очевидно смѣшивалъ съ понятіемъ «государства», а заботы о процвѣтаніи народнаго хозяйства съ заботами объ обогащеніи государствен-

Библиотека "Руниверс"

ной казны. Вся его экономическая политика была въ сущности политикой финансовой, и ни въ какой другой области такъ рѣзко не выяснилось, что «общее благо», заботу о которомъ онъ постоянно подчеркивалъ, было благомъ только для государственной власти, хотя, конечно, въ своихъ словесныхъ и письменныхъ заявленіяхъ онъ не упускалъ случая поговорить о выгодахъ народа и о пользѣ для гражданъ. Для того, чтобы поднять доходы государственной казны, Фридрихъ II, во-первыхъ, старался увеличить число плательщиковъ прямыхъ податей, а во-вторыхъ, поднять количество производящихся внутри страны и привозимыхъ въ страну товаровъ, подлежащихъ косвенному обложенію. Для первой цѣли надо было прежде всего заселить опустѣвшія въ прежнія времена—во время войны или повальныхъ болѣзней—или еще ни разу не заселявшіяся мѣстности. Во многихъ мѣстахъ Пруссіи было еще очень много лѣсовъ и болотъ, другія мѣста были мало заселены; очистить болотистыя и лѣсистыя мѣста и привлечь въ Пруссію новыхъ поселенцевъ было заботой и предшественниковъ Фридриха II, его отца и прадѣда, но только при немъ туда широкой струей потекла колонизаціонная волна—изъ Польши, Богеміи, Саксоніи, Гессена, Мекленбурга и пр. Въ одной Силезіи за время царствованія Фридриха II была поселена 61 тысяча колонистовъ; въ Бранденбургѣ за 23 года (съ 1763 по 1786 г.) численность населенія увеличилась на 163 тысячи, при чемъ изъ этого числа меньшая половина (78 тысячъ) падаетъ на новыя рожденія, а бóльшая (85 тысячъ) на пришлыхъ людей. Въ некультурныхъ мѣстахъ появились новыя деревни и поселки; особенно много ихъ возникло среди болотъ и лѣсовъ Фрисландіи, Помераніи и Восточной Пруссіи. Въ общемъ, въ годъ смерти Фридриха изъ всего населенія Прусскаго королевства отъ 15 до 20% приходилось на однихъ колонистовъ. Мы уже не говоримъ здѣсь о томъ при ростѣ, которое дало ему завоеваніе новыхъ провинцій (Силезіи и западной Пруссіи). Въ своей заботѣ объ увеличеніи народонаселенія Фридрихъ не останавливался предъ запрещеніемъ эмиграціи для нѣкоторыхъ, по его мнѣнію, наиболѣе полезныхъ слоевъ населенія: такъ ремесленнымъ подмастерьямъ было запрещено ихъ обычное странствованіе по Германіи, и они не должны были оставаться въ предѣлахъ Пруссіи. Безъ своего разрѣшенія онъ вообще запрещалъ выѣзжать за границу, а чтобы тѣ, кто это разрѣшеніе получили, не увозили съ собой за границу слишкомъ много денегъ, онъ запрещалъ брать съ собой—дворянамъ болѣе 400 талеровъ, а купцамъ—болѣе 250 талеровъ. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ развитію торговли и промышленности онъ въ первое время своего царствованія выступилъ въ качествѣ

Библиотека "Руниверс"

врага машиннаго производства на томъ основаніи, что машины замѣняли слишкомъ много людей и препятствовали увеличенію народонаселенія. Не менѣе усилій было потрачено королемъ и на увеличеніе доходовъ, слагающихся изъ косвенныхъ налоговъ. Его чиновники по финансовому управленію должны были усердно слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ товаръ не ускользнулъ отъ обложенія. Они получили право производить обыски въ частныхъ домахъ во всякое время дня и ночи. Зная, что особенно искусны въ выжиманіи налоговъ французскіе чиновники, Фридрихъ заполнилъ финансовыя учрежденія Пруссіи французами, поставивъ во главѣ всего финансоваго управленія Пруссіи также пятерыхъ французовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ въ своемъ политическомъ завѣщаніи Фридрихъ II высказывалъ прекрасныя мысли о томъ, что косвенному обложенію должны подлежать только предметы роскоши: «при финансовомъ управленіи должны быть въ содружествѣ справедливость и благожелательность къ людямъ; благожелательность должна стоять на первомъ планѣ и указывать родъ налоговъ; справедливость требуетъ, чтобы никто въ государствѣ не платилъ сверхъ своихъ силъ..: кто проживаетъ 100 талеровъ, не долженъ платить болѣе 2-хъ талеровъ, но кто имѣетъ доходовъ на 1000 талеровъ, безъ отягощенія для себя можетъ уплачивать 100 талеровъ. Налоги не должны касаться ни рабочихъ, ни солдатъ, ни бѣдняковъ, но только состоятельныхъ и богатыхъ гражданъ». Однако эти слова, какъ и большинство прекрасныхъ фразъ Фридриха II, остались безъ исполненія. Налоги на мясо, пиво и водку, сначала незначительные, стали быстро расти и достигли скоро уже значительныхъ размѣровъ. Всего шесть лѣтъ спустя (1774 г.) послѣ того, какъ король писалъ вышеприведенныя слова, онъ въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ назвалъ освобожденіе отъ налоговъ предметовъ первой необходимости «ошибочнымъ и глубоко опаснымъ финансовымъ принципомъ»; «доходы государства», говорилъ онъ тогда, «которые могутъ пріобрѣсти гарантію своей прочности *лишь въ главныхъ потребностяхъ людей*, предоставляются согласно съ этимъ принципомъ на волю произвола и каприза». Результатомъ этой перемѣны во взглядахъ было то, что продукты и первой необходимости подверглись очень значительному обложенію, и цѣны на всѣ предметы стали быстро расти. На короля посыпались нападки; его обвиняли въ томъ, что по его винѣ населеніе принуждено голодать, что страна не можетъ выносить установленныхъ имъ налоговыхъ тяжестей, и по мѣрѣ того, какъ увеличивалась наличность его казны, достигшая къ концу царствованія до внушительной цифры въ 55 милліоновъ талеровъ,—падала популярность

Библиотека "Руниверс"

«стараго Фрица»: на него все болѣе привыкали смотрѣть не какъ на расчетливаго хозяина родной страны, а какъ на солдата par exellence, готоваго принести въ жертву завоевательному кумиру всѣ насущные рессурсы страны.

Еще въ большей степени поднимала цѣны на всѣ товары торговая политика короля. Еще въ 1748 г. онъ говорилъ, что изъ всѣхъ возможныхъ видовъ торговли самый полезный—тотъ изъ нихъ, который ведетъ къ продажѣ туземныхъ продуктовъ за наличныя деньги. Это былъ взглядъ, вполнѣ выдержанный въ духѣ меркантилизма. Онъ велъ къ тому, что король подвергалъ главные предметы иностраннаго ввоза очень высокимъ пошлинамъ; послѣ 1763 г. 490 самыхъ разнообразныхъ предметовъ были совершенно запрещены имъ къ ввозу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запрещалъ вывозъ изъ Пруссіи туземнаго сырья и поощрялъ ввозъ сырья изъ-за границы. Но въ странѣ не хватало тогда главнаго элемента, необходимаго для развитія туземной промышленности, именно капиталовъ; Фридрихъ пробовалъ помочь этому казенными субсидіями, но очень скоро убѣдился, что это ведетъ только къ ослабленію частной иниціативы и предпріимчивости. Кое-какія отрасли индустріи ему удалось развить (полотняная промышленность въ Силезіи, мануфактура платковъ въ Маркѣ, шелковое производство въ Берлинѣ и нѣкот. др.), но, въ общемъ, промышленность стояла при немъ еще на очень низкой ступени развитія, и общая производительность всей прусской индустріи не превышала 35 мил. талеровъ. Бывали при этомъ случаи, что интересы военной политики заставляли короля пренебрегать мѣрами, важными для развитія торговли: такъ онъ предпочиталъ видѣть дороги въ плохомъ состояніи, чтобы затруднить проходъ по нимъ непріятельскихъ войскъ.

Что касается до соціальной политики Фридриха II, то вся она въ сущности была направлена на то, чтобы закрѣпить сложившійся уже до него общественный строй, поддержать существовавшее въ немъ соціальное неравенство и заключить дѣятельность каждаго сословія въ наиболѣе тѣсныя рамки. Вся дѣятельность Фридриха II ушла на внѣшнее увеличеніе государства, на его колонизацію, на изысканіе новыхъ финансовыхъ рессурсовъ для военныхъ цѣлей. Потому-то у него не осталось силъ не только на борьбу со сложившейся до него соціальной организаціей, но даже и на хоть сколько-нибудь значительную реформу ея. Онъ принялъ существующее общественное неравенство, какъ нѣчто должное; но отъ него не укрылось то, что привилегированное положеніе дворянства и его господство надъ другими сословіями построено на зыбкой почвѣ и что общественное устройство

Библиотека "Руниверс"

старой Пруссіи каждую минуту готово разрушиться. Поэтому-то онъ долженъ былъ принять мѣры къ тому, чтобы поддержать непрочное зданіе сословныхъ привилегій въ Пруссіи, но для этого надо было еще болѣе усилить общественное неравенство и еще болѣе рѣзко подчеркнуть феодальныя черты въ строѣ Пруссіи. Поэтому-то король-просвѣтитель въ своей соціальной политикѣ оказался вынужденнымъ протянуть руку апологетамъ сословнаго феодализма.

Его отецъ еще не прочь былъ скупать рыцарскія имѣнія, чтобы увеличить королевскіе домены; но Фридрихъ II былъ того мнѣнія, что скупка дворянскихъ имѣній приличествуетъ какому-нибудь мелкому князьку, въ родѣ Циппель-Цербскаго князя, но не прусскому королю. Всего важнѣе для него было то, чтобы офицеры его арміи имѣли достаточныя средства, ни въ чемъ не нуждались и могли бы съ честью носить свой мундиръ. Его взглядъ на дворянство имѣлъ въ себѣ нѣчто средневѣковое: «раса» дворянъ, говорилъ онъ, «настолько хороша, что она должна быть почитаема и сохраняема всѣми возможными способами». Въ дворянствѣ онъ цѣнилъ людей, которые лучше другихъ умѣютъ защищать страну, и былъ, въ общемъ, о немъ очень высокаго мнѣнія. Характеризуя дворянство разныхъ прусскихъ провинцій, онъ, въ противоположность своему отцу, находилъ для него по преимуществу свѣтлыя краски, видѣлъ въ немъ хорошихъ и вѣрныхъ слугъ, нуждающихся въ хорошемъ воспитаніи, но въ общемъ «добрыхъ ребятъ» (gute Kerle). Ему уже не нужно было бороться съ дворянами, какъ его предшественникамъ, дворяне при немъ уже забыли о своихъ политическихъ притязаніяхъ, и монархическая самодержавная власть укрѣпилась уже съ достаточной прочностью; поэтому онъ могъ теперь безъ всякихъ опасеній не только поддерживать сословныя привилегіи дворянства, но и развивать въ немъ кастовый духъ. Онъ держался того мнѣнія, что сила государства заключается въ дворянской аристократіи, а сила дворянства—въ его поземельной собственности. Онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы бюргеры не покупали дворянскихъ имѣній. «Я желаю видѣть больше земли въ рукахъ дворянства», говорилъ онъ. Въ сущности этимъ онъ наносилъ дворянскому сословію имущественный ущербъ, такъ какъ дворяне, не имѣя возможности продать земли богатымъ бюргерамъ по выгодной для себя цѣнѣ, принуждены были продавать ихъ лицамъ изъ своего сословія, не располагавшимъ капиталами, и потому дешево. Тамъ, гдѣ земельными собственниками все-таки оказывались бюргеры, король лишалъ ихъ почетныхъ правъ помѣщиковъ (патроната надъ церквами и права участвовать въ выборѣ ландратовъ).

Библиотека "Руниверс"

Онъ снова возвратилъ дворянамъ право выбирать ландратовъ и запретилъ бюргерамъ доступъ въ офицерскій корпусъ; только въ наиболѣе тяжелые годы семилѣтней войны недостатокъ офицеровъ заставилъ его допустить, на время, исключеніе изъ этого правила. Онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы дворяне не вступали въ браки съ лицами изъ крестьянскаго сословія или изъ мелкой городской буржуазіи и не роняли своего достоинства, занимаясь коммерціей и другими низкими родами занятій. Когда въ эпоху семилѣтней войны многіе дворяне разорились и ихъ имѣнія подверглись разгрому, король помогъ нуждающимся денежными субсидіями. Въ 1769 г. для нуждъ силезскаго дворянства былъ учрежденъ банкъ, открывавшій дворянамъ кредитъ изъ $4^3/_4$% (раньше они нерѣдко дѣлали займы у ростовщиковъ подъ 10%); въ 1777 г. подобный же банкъ былъ учрежденъ въ Курмаркѣ и въ Новой Маркѣ, въ 1780 г.—въ Помераніи; послѣ смерти Фридриха II такіе же банки были открыты въ Зап. Пруссіи (1787 г.) и въ Вост. Пруссіи (1788 г.). Всѣ они служили нуждамъ только одного дворянскаго сословія.

Соотвѣтственно съ высокимъ положеніемъ дворянства въ обществѣ и государствѣ Фридриха II положеніе крестьянъ должно было оставаться попрежнему приниженнымъ. Король слишкомъ высоко цѣнилъ дворянскую «расу» въ качествѣ боевого матеріала, чтобы осмѣлиться предпринять что-нибудь серьезное противъ ея владѣльческихъ правъ. Несмотря на всѣ его либеральныя заявленія, его забота о помѣщичьихъ крестьянахъ не пошла дальше пресловутой «охраны мужика», которая, какъ мы уже видѣли, создавала только коллективную гарантію по отношенію ко всему крестьянству, но не давала прочныхъ правъ на землю каждому отдѣльному крестьянину. Фридрихъ II заботился лишь о томъ, чтобы помѣщикъ не уменьшалъ числа крестьянъ,—во всемъ остальномъ государство совершенно развязывало ему руки. Даже жалобы крестьянъ на помѣщиковъ въ теченіе всего царствованія Фридриха II или не принимались, или же, если принимались, то обыкновенно разрѣшались въ пользу помѣщиковъ.

Нѣсколько больше сдѣлалъ Фридрихъ II по отношенію къ дворцовымъ крестьянамъ. Земли эти сдавались въ аренду крестьянамъ мелкими участками черезъ посредство крупныхъ арендаторовъ; положеніе этихъ крупныхъ арендаторовъ можно сравнить съ положеніемъ частныхъ владѣльцевъ-дворянъ на помѣщичьихъ земляхъ. Дворяне обыкновенно участія въ арендѣ дворцовыхъ земель не принимали, и король не былъ поэтому связанъ въ реформѣ положенія дворцовыхъ крестьянъ своими дворянскими симпа-

Библиотека "Руниверс"

тіями. Въ 1777 году онъ издалъ указъ, по которому въ дворцовыхъ земляхъ провинцій Помераніи, Курмарки, Новой Марки и нѣкоторыхъ другихъ земля должна была переходить отъ отца къ дѣтямъ. Этимъ было положено начало установленію въ дворцовыхъ земляхъ наслѣдственныхъ правъ крестьянъ на землю, но при Фридрихѣ II эта мѣра еще не получила общаго характера, не была распространена на все королевство (лишь въ 1790 г. было признано повсемѣстно въ Пруссіи право одного изъ дѣтей дворцовыхъ крестьянъ на отцовскій надѣлъ). Кромѣ того Фридрихъ II издалъ въ 1763 г. еще одинъ указъ въ пользу дворцовыхъ крестьянъ: крупнымъ арендаторамъ было запрещено пользоваться принудительной службой крестьянскихъ дѣтей. Этими частичными полуреформами и ограничилась вся дѣятельность Фридриха II въ пользу дворцовыхъ крестьянъ. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и барщина остались на дворцовыхъ земляхъ въ такой же силѣ, какъ и на помѣщичьихъ.

Къ нарисованной нами картинѣ дворянскаго и военнаго государства, какимъ была Пруссія при Фридрихѣ II, надо прибавить еще одну черту: это режимъ необыкновенной репрессіи, которую особенно чувствовали на себѣ дворяне и бюргеры. Фридрихъ вмѣшивался во все,—не только въ управленіе, но и въ частную жизнь своихъ подданныхъ. Онъ не вѣрилъ въ способности прусскихъ гражданъ самостоятельно опредѣлять свои выгоды—до такой степени, что посылалъ своихъ драгунъ наблюдать за культурой яблочныхъ плантацій, разведенію которыхъ въ Пруссіи онъ придавалъ очень большое значеніе. Онъ самъ назначалъ деревни, которыя нужно колонизовать, опредѣлялъ улучшенія, которыя надо произвести, фабрики, которыя надо основать, самое число рабочихъ для нихъ. Онъ не довѣрялъ никому, даже своимъ собственнымъ министрамъ, и, по словамъ Гердера, третировалъ публику, какъ одну только «декорацію для придворныхъ торжествъ». Это систематическое отученіе прусскаго общества отъ всякой самодѣятельности дало себя знать уже при ближайшихъ преемникахъ Фридриха II и было одной изъ ближайшихъ причинъ разгрома Пруссіи при Іенѣ.

Если мы теперь подведемъ итогъ сказанному о Фридрихѣ II, то увидимъ, что и при немъ Пруссія представляла изъ себя компромиссъ между абсолютизмомъ монархической власти и аристократическими привилегіями дворянской касты. За время правленія монарха-просвѣтителя въ Пруссіи не выработалось тѣхъ залоговъ будущаго прогрессивнаго развитія, которые въ то время существовали уже во Франціи—ни образованнаго и активнаго третьяго сословія, ни массъ, уже готовыхъ къ осво-

Библиотека "Руниверс"

божденію. Массы были принижены и задавлены крѣпостнымъ правомъ, горожанамъ же Фридрихъ II всегда предпочиталъ аристократическую касту, и при немъ третье сословіе далеко еще не представляло изъ себя того, чѣмъ оно было во Франціи. Французская монархія XVIII вѣка до извѣстной степени нивелировала общественныя различія, допуская на высшія должности въ государствѣ людей изъ буржуазнаго класса и стѣсняя власть помѣщиковъ на мѣстахъ; прусскіе же пріемы управленія при Фридрихѣ II выдвигали на первый планъ дворянство,—и въ качествѣ главнаго орудія управленія, и въ качествѣ важнѣйшей военной опоры государства, и въ качествѣ первенствующаго на мѣстахъ сословія. Поэтому-то прусской монархіи въ XVIII вѣкѣ едва ли можно отдавать какое-нибудь предпочтеніе передъ французской, какъ это обыкновенно дѣлаютъ нѣмецкіе историки. Одинъ изъ нихъ Дройзенъ утверждалъ, «что жизненнымъ элементомъ новаго монархическаго суверенитета (въ XVIII в.) была трибунская власть». Но это утвержденіе ни на чемъ не основано; наоборотъ слабостью стараго прусскаго режима было то, что онъ былъ основанъ на неравенствѣ и ничего не сдѣлалъ для устраненія этого неравенства.

В. Перцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Французскіе писатели въ франко-прусскую войну.

«Самое прекрасное, это—гнать передъ собой своихъ враговъ, грабить ихъ имѣнья, уводить ихъ коней, видѣть ихъ плачущія очи и обнимать ихъ женъ...»

Эти крылатыя слова приписываются Чингисъ-хану. Другой герой древности, Аттила, гордился, какъ извѣстно по хрестоматіямъ начальныхъ школъ, что тамъ, гдѣ ступило копыто его лошади,—трава ужъ не будетъ расти... Казалось, что все это было и быльемъ поросло, «подобно надписи надгробной на непонятномъ языкѣ»... А между тѣмъ, Чингисъ-ханъ, Аттила и другіе не менѣе знаменитые персонажи всеобщей исторіи, увѣковѣченные лѣтописцами, поэтами и художниками, отличались отъ своихъ далекихъ потомковъ только прямотой и наивностью, съ которой они выражали свои идеалы. Они не считали себя носителями цивилизаціи, защитниками культуры, служителями Христа. Ихъ первобытному воображенію и не грезилось, что пройдутъ вѣка—и ихъ простые, голые лозунги воскреснутъ, преображенные въ формулу: сила есть право.

Война!.. Безсмертный Молохъ, на защиту котораго работаютъ ученые, пастыри церкви, государственные умы, геніальные изобрѣтатели... Воздухъ, огонь, вода, пространство, сталь, желѣзо, золото, нѣдра земли и необъятный сводъ небесъ—все это его рабы... Въ угоду ему люди ненавидятъ, увѣчатъ, убиваютъ другъ друга, и сметается, какъ пыль, трудъ цѣлыхъ поколѣній. А когда «Онъ» пресытится смертью до изнеможенія,—настаютъ передышки. Эти передышки называются миромъ. Какъ только «мечъ вложенъ въ ножны», картина мгновенно мѣняется. Вчерашніе бандиты становятся добрыми сосѣдями. Всѣ начинаютъ жаждать благъ просвѣщенія. Въ храмахъ науки молодежь поучается уваженію великихъ началъ, кои должны способствовать счастью человѣчества. Каждый начинаетъ заниматься своимъ дѣломъ. Поселянинъ пашетъ землю и пьетъ пиво, водку или

Библиотека "Руниверс"

абсентъ, смотря по національнымъ вкусамъ. Буржуа богатѣетъ. Культъ личности, пренебреженіе къ суетѣ дня, самоуглубленіе, служеніе музамъ—предоставляется избранникамъ. Жажда жизни, радости, наслажденія, веселаго шума разливается широкимъ потокомъ. Поля хлѣба покрыли землю, напоенную кровью,—и легкомысленное человѣческое племя ужъ повѣрило, что Молохъ умеръ, умеръ безвозвратно!.. Теперь, когда Германія, которая еще вчера считалась страной философовъ, ученыхъ, музыкантовъ, поэтовъ, страной, куда ѣздили учиться и лѣчиться, вдругъ, какъ сказочный оборотень, явилась міру въ апоѳеозѣ милитаристической культуры,—теперь особенно любопытно вспомнить Парижъ въ послѣдніе мѣсяцы Второй Имперіи. О войнѣ, о пруссакахъ никто не думаетъ. Не говоря о тѣхъ, для кого жизнь всегда и всюду—вѣчный праздникъ, но даже самымъ серьезнымъ людямъ въ голову не приходитъ, что Франція наканунѣ катастрофы. Осторожный, замкнутый, подозрительный Тэнъ въ іюнѣ 1870 года уѣзжаетъ въ Германію и собирается тамъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы вплотную заняться своей книгой о Германіи. Онъ пишетъ матери: «это будетъ повтореніе моего путешествія по Италіи и Англіи. Не знаю только, сохранилъ ли я еще свою способность живой впечатлительности»... Онъ очень доволенъ оказаннымъ ему въ Веймарѣ пріемомъ. «Сколько милыхъ людей я здѣсь встрѣтилъ. И не я, а они меня благодарятъ, что я пріѣхалъ»...

Изъ Веймара онъ собирается на мѣсяцъ въ Берлинъ, и если бъ не случайное семейное обстоятельство—болѣзнь родственника,—вызвавшее его возвращеніе на родину, Ипполитъ Тэнъ, вѣроятно, очутился бы военно-плѣннымъ въ Берлинѣ.

Жоржъ-Зандъ, Флоберъ, Ренанъ, Теофиль Готье, Зола поглощены литературными интересами, текущими событіями въ жизни друзей и знакомыхъ, проваломъ или успѣхомъ новой пьесы... Вечеръ у принцессы Матильды, послѣдній обѣдъ у Маньи, пикантная сплетня, теоретическіе споры объ искусствѣ—вотъ главныя темы, около которыхъ вертится бесѣда и переписка корифеевъ французской мысли.

Императрицѣ Евгеніи показалось, что Ж.-Зандъ въ «Malgré tout» изобразила ее въ непривлекательномъ видѣ. Заваривается цѣлая исторія. Въ дѣло вмѣшивается M-me Hortense Cornu, подруга дѣтства Наполеона III, умная, образованная, прелестная женщина, пріятельница Флобера и Ренана. Она зоветъ къ себѣ Флобера и умоляетъ его повліять на Ж.-Зандъ, чтобы та написала опроверженіе. Флоберъ, хоть и неохотно, однако беретъ на себя роль посредника и въ подробномъ письмѣ докладываетъ маститой

Библиотека "Руниверс"

писательницѣ, въ чемъ дѣло. «Императрица очень обижена. Она говорила М-мъ Корню: теперь всѣ на меня нападаютъ. Что я сдѣлала Ж.-Зандъ! Отъ нея я этого не ожидала!.. Я хотѣла провести ее въ Академію и т. д., и т. д. Коротко говоря, она страшно огорчена и императоръ тоже. Онъ не возмущенъ, а потрясенъ (sic!). М-мъ Корню тщетно имъ объясняла, что вы были далеки отъ всякихъ намековъ.—Если это вѣрно,—сказала императрица,—то пусть Ж.-Зандъ напишетъ въ газетахъ, что она не хотѣла меня задѣть.—«На это она никогда не согласится», возразила М-мъ Корню.—Ну, пусть она вамъ это скажетъ на словахъ.—«Да я никогда не рѣшусь ей это предложить», отвѣтила М-мъ Корню.—Но я хочу знать правду!.. Если вы сами не можете, найдите кого-нибудь...—И вотъ тогда М-мъ Корню указала на меня. Я, видите ли, долженъ просить васъ написать мнѣ письмо, изъ котораго бы явствовало, что не императрица послужила моделью для вашего произведенія. Письмо это я долженъ послать М-мъ Корню, а она его покажетъ императрицѣ. Разумѣется, вся эта исторія нелѣпа до крайности, и я удивляюсь чувствительности этихъ людей. Когда подумаешь, чего только не говорятъ про насъ! А теперь, дорогой учитель, поступайте, какъ вамъ заблагоразсудится. Императрица была ко мнѣ всегда очень мила и я съ своей стороны желалъ бы оказать ей любезность. Я прочелъ инкриминируемыя строки и ничего обиднаго въ томъ, что вы написали, не нахожу. Но вѣдь женскія головы такъ странно устроены!..»

Ж.-Зандъ исполнила желаніе своего друга. Флоберъ положилъ ея записку въ свое письмо къ М-мъ Корню, а копію этого письма немедленно препроводилъ Ж.-Зандъ. Вотъ это письмо:

«Какъ я и думалъ, chère Madame, чувство вѣрнопреданности причинило вамъ совершенно напрасную тревогу. Посылаю вамъ отвѣтъ г-жи Зандъ, полученный мной съ обратной почтой. Свѣтскіе люди склонны усматривать намеки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Когда я написалъ «Мадамъ Бовари», меня много разъ спрашивали: вы хотѣли изобразить г-жу Иксъ? Я получилъ массу писемъ отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, между прочимъ отъ какого-то господина изъ Реймса, который поздравлялъ меня за то, что я отомстилъ за него «измѣнницѣ». Всѣ аптекаря Нижней Сены узнали себя въ Homais и грозились надавать мнѣ пощечинъ. Но лучше всего (я узналъ объ этомъ пять лѣтъ спустя), что въ Африкѣ тогда проживала жена военнаго доктора по фамиліи Bovaries, очень похожая на мою героиню, имя которой я передѣлалъ изъ Bouvaret. Первая фраза, съ которой ко мнѣ обратился нашъ другъ Мори послѣ появленія «Сантиментальнаго

Библиотека "Руниверс"

воспитанія», была: скажите, вы не знавали итальянца Иксъ, учителя математики? Вѣдь вашъ Сенекаль его живой портретъ, тѣлесно и духовно. Точь-въ-точь, вплоть до прически! Другіе увѣряютъ, что въ «Арну» я изобразилъ издателя Бернара Латта, котораго я никогда не видалъ, и т. д., и т. д. Все это я говорю, чтобы убѣдить васъ, что публика ошибается, приписывая намъ намѣренія, которыхъ мы не имѣли. Я былъ увѣренъ, что г-жа Зандъ не желала писать ничьего портрета. Между нами, мнѣ кажется, что такое подозрѣніе ее даже немножко обидѣло. Газеты каждый день обливаютъ насъ грязью, и мы никогда на это не отвѣчаемъ, хотя наше ремесло—дѣйствовать перомъ. Можно ли допускать мысль, что мы ради эффекта станемъ нападать на то или другое извѣстное лицо? Нѣтъ и нѣтъ! Наше честолюбіе выше этого и наша честность глубже. Уваженіе къ своему призванію запрещаетъ опускаться до пріемовъ, которые обезпечиваютъ успѣхъ у черни. Вѣдь вы меня понимаете, chère Madame, не правда ли? Однако, довольно. Надѣюсь скоро быть у васъ, а въ ожиданіи этого удовольствія цѣлую ваши руки. Весь вашъ...»

Это письмо писано въ мартѣ 1870 г.

Въ то время не было Каліостро, который бы осмѣлился предсказать блестящей императрицѣ самаго блестящаго европейскаго двора, что, подобно жертвѣ античнаго рока, она уже обречена на великую скорбь, что черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца жизнь ея превратится въ безысходную трагедію. Но если бы даже такой Каліостро нашелся, ловкая наполеоновская полиція живо бы убрала этого дерзкаго «шарлатана» изъ предѣловъ Франціи... Не мало изумился бы и Флоберъ, перечитавъ черезъ три мѣсяца свое письмо,—такими пустяками показалось бы ему то, что его недавно занимало. Гроза надвинулась такъ внезапно, что Флоберъ еще не можетъ съ ней освоиться,—до того самая мысль о войнѣ кажется ему ужасной. Но душевное равновѣсіе уже нарушено и въ тихую келью этого художника-отшельника ворвалось *нѣчто*—властное, страшное и неумолимое, какъ стихія. За нѣсколько дней до войны (письмо безъ числа) онъ пишетъ Ж.-Зандъ:

«...Я возмущенъ глупостью своихъ соотечественниковъ. Неотвратимое варварство человѣчества наполняетъ меня черной печалью. Странный энтузіазмъ, не имѣющій за собой никакой идеи! Право, мнѣ хочется околѣть, лишь бы не видать этого. Добрый французъ желаетъ драться, во-первыхъ, потому, что ему кажется, что Пруссія его провоцируетъ; во-вторыхъ, потому, что дикость есть натуральное состояніе человѣка; въ-третьихъ, потому, что война, видите ли, несетъ въ себѣ мистическій эле-

Библиотека "Руниверс"

ментъ, вдохновляющій массы... Неужели мы возвращаемся къ борьбѣ расъ!.. Я очень этого боюсь... Я началъ писать Св. Антонія—и работа бы пошла недурно, если бы не призракъ войны»...

Призракъ, увы, оказался безпощадной дѣйствительностью. Гуманистка, идеалистка, Жоржъ-Зандъ, эта «Эолова арфа XIX вѣка», какъ ее называлъ Ренанъ, потрясена до самыхъ нѣдръ своего существа разразившимися событіями... «Люди—хищные и тщеславные звѣри», пишетъ она Флоберу (26 іюня 1870 г.). «У насъ 40—45° жары въ тѣни. Жгутъ лѣса. Какая варварская глупость! Волки приходятъ къ намъ во дворъ. Листья опадаютъ съ деревьевъ. Скоро у насъ не будетъ воды, урожай ничтожный... Но зато—у насъ война!.. Ты правъ! Чтобъ работать, необходима душевная бодрость... А гдѣ ее найдешь въ это проклятое время!..»

По мѣрѣ того, какъ развертываются событія и прусскія войска растекаются по Франціи, радикально мѣняется тонъ и все настроеніе переписки. Но въ началѣ войны никто не могъ себѣ представить ея значительности и тѣмъ болѣе ея послѣдствій.

Эдмондъ Гонкуръ, всецѣло поглощенный болѣзнью брата, заперся въ своемъ Отейльскомъ домѣ и точно пересталъ интересоваться внѣшнимъ міромъ. Со второй половины 70-го года онъ ужъ одинъ ведетъ знаменитый «Дневникъ» братьевъ, въ которомъ, какъ въ зеркальныхъ струяхъ глубокой рѣки, отражается все, что волнуетъ и забавляетъ Парижъ. Братья Гонкуры представляютъ въ пантеонѣ всемірной литературы совершенно исключительное явленіе идолопоклонниковъ своего призванія. Все на свѣтѣ—дружба, любовь, природа, красота, уродство, добродѣтель, злодѣйство, наука, ремесло, судьбы народовъ, вѣра и безвѣріе—для нихъ, главнымъ образомъ, только литературный матеріалъ. Даже собственное ненасытное честолюбіе, болѣзненная чувствительность и горечь неуспѣха эти мученики искусства подвергаютъ самому безпощадному психологическому анализу. Мудрено ли, что младшій, Жюль, дошелъ въ сорокъ лѣтъ до полнаго истощенія мозга. «Какъ черны мысли бѣлыхъ ночей!»—одна изъ послѣднихъ фразъ, записанныхъ Жюлемъ на страницахъ общаго «Дневника». Потребность наблюдать непрерывно и фиксировать свои наблюденія на бумагѣ преобладаетъ надъ остальнымъ, и рука Эдмонда, точно покоряясь сверхъестественной силѣ, отмѣчаетъ длительную агонію любимаго брата до послѣдняго вздоха. Строки «Дневника» по мѣрѣ приближенія къ роковому исходу—сплошное самоистязаніе. Рядомъ съ безпристрастнымъ показаніемъ наблюдателя все чаще раздается стонъ и возму-

Библиотека "Руниверс"

щеніе человѣка, измученнаго зрѣлищемъ страданія самаго близкаго существа.

Приводимъ нѣсколько отрывковъ.

«...Присутствовать день за днемъ при разрушеніи всего, что составляло отличительныя черты этого молодого человѣка, избраннаго среди избранныхъ, видѣть, какъ онъ суетъ рыбу въ солонку, держитъ въ кулакѣ вилку, ѣстъ, какъ бѣдный, маленькій ребенокъ... Ахъ, это слишкомъ, это слишкомъ!.. Неужели было недостаточно, что этотъ творческій мозгъ не можетъ больше творить!.. Неужели нужно было убить въ этомъ существѣ всю грацію, все изящество породистаго, благовоспитаннаго человѣка! Точно древняя месть боговъ обрушилась на все, что было въ немъ аристократическаго, что было свойственно его кожѣ и принизило его до животнаго состоянія»...

Наканунѣ смерти, когда Жюль лежалъ уже парализованный, безмолвный, Эдмондъ записываетъ въ «Дневникѣ», часъ за часомъ, каждое измѣненіе въ состояніи умирающаго и каждое движеніе своей души.

«...Подумать только, что эта неразлучная, двадцатидвухлѣтняя близость, что эти дни и ночи, проведенные вмѣстѣ со времени смерти нашей матери въ 1849 *г.*, что это долгое время, въ теченіе котораго мы разставались лишь два раза на двадцать четыре часа, подумать только, что все это кончено... кончено навсегда!.. Онъ ужъ больше не будетъ шагать рядомъ со мной во время прогулки, не будетъ сидѣть передо мной за нашей трапезой... Во время сна я не буду чувствовать его сна въ сосѣдней комнатѣ... Вмѣстѣ съ моими глазами его глаза не будутъ смотрѣть на природу, на картины, на новую жизнь... Не будетъ его родственнаго ума, предвосхищающаго мою мысль, повторяющаго то, что я только что сказалъ... Черезъ нѣсколько дней, черезъ нѣсколько часовъ, въ мою жизнь, которая была наполнена нѣжностью къ нему, въ которой онъ составлялъ единственное счастье,—войдетъ ужасное одиночество стараго человѣка...»

«...Какого искупленія мы жертвы? Я спрашиваю себя объ этомъ, перебирая въ воспоминаніи все его существованіе, которое продлится еще нѣсколько часовъ!.. Что ему дала литература, кромѣ презрѣнія, оскорбленій, свистковъ!.. Пять лѣтъ онъ изнемогаетъ среди ежедневныхъ страданій, которыя привели его къ этой моральной и физической агоніи. Во всѣ времена, куда я ни обращаю мысленно взоръ,—его преслѣдовалъ убійственный фатумъ...

О, божественное милосердіе, божественное милосердіе, какъ правы мы были, сомнѣваясь въ немъ!..»

Библиотека "Руниверс"

Жюль Гонкуръ умеръ 20 іюня 1870 г. 15 іюля была объявлена война съ Пруссіей, и хотя Эдмондъ почти не прерываетъ «Дневника», но всѣ страницы его посвящены умершему брату, воспоминаніямъ дѣтства, юности, годамъ литературной борьбы... Войны какъ будто нѣтъ. Точно это не Франція истекаетъ кровью подъ ударами безпощаднаго врага, а какая-то далекая, чужая страна. Почти жутко думать, что сила личнаго горя можетъ заслонить зрѣлище народнаго бѣдствія даже въ душѣ такого большого художника, какимъ былъ Эдмондъ Гонкуръ. Первую запись о войнѣ мы находимъ въ «Дневникѣ» лишь 6-го августа. Увидавъ изъ окна Національной Библіотеки, гдѣ онъ разсматривалъ гравюры, что по улицѣ Вивьенъ бѣгутъ люди, онъ инстинктивно бросилъ книгу и побѣжалъ вслѣдъ за толпой. Вернувшись домой, онъ тщательно отмѣчаетъ: «Около биржи, по всей площади, обнаживъ головы и бросая въ воздухъ шляпы, толпа поетъ марсельезу. Никогда я не видалъ подобнаго энтузіазма. Я пробираюсь среди взволнованныхъ, блѣдныхъ мужчинъ, прыгающихъ дѣтей, лихорадочно жестикулирующихъ женщинъ. На площади Биржи, стоя на крышѣ омнибуса, Капуль поетъ марсельезу... Марсельезу поетъ и Мари Сассъ, стоя въ своей каретѣ, а восторженная толпа почти несетъ эту карету по бульвару.

Но телеграмму, возвѣщающую пораженіе кронпринца и взятіе въ плѣнъ 25.000 пруссаковъ, эту телеграмму, которая, говорятъ, расклеена внутри Биржи, я ее ищу, спрашиваю людей, заявляющихъ, что они ее читали, но я ее не вижу. Въ странной галлюцинаціи люди думаютъ, что они ее видятъ и показываютъ пальцами, говоря: вотъ она! а на стѣнѣ ничего нѣтъ. Я бѣгаю и ищу эту телеграмму во всѣхъ углахъ Биржи—и не нахожу нигдѣ»...

Эдмондъ Гонкуръ словно проснулся отъ душевной летаргіи. Тоска по любимому брату гложетъ его сердце, но ужасъ за судьбу родины, возмущеніе противъ нѣмцевъ, отчаяніе и негодованіе заполняютъ уже всѣ страницы «Дневника»... «Ахъ, эта страшная тишина на бульварахъ! Ни стука проѣзжающей кареты... ни одного радостнаго дѣтскаго крика... На горизонтѣ Парижъ, въ которомъ, кажется, умеръ шумъ»...

«...Я меньше чувствую свое одиночество среди этихъ огромныхъ волнующихся массъ—и я хожу по цѣлымъ днямъ, до полнаго изнеможенія, двигаюсь. какъ автоматъ...

...Волненія послѣднихъ восьми дней наложили точно печать болѣзни на лица парижанъ. На этихъ желтыхъ, осунувшихся, напряженныхъ лицахъ видно, какъ подымалась и падала надежда. начиная съ 6-го августа».

...*21 авг.* «Въ Булонскомъ лѣсу. Смотрѣть, какъ падаютъ,

Библиотека "Руниверс"

покачиваясь, словно смертельно раненые, эти огромныя деревья, видѣть поле острыхъ столбовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно была сплошная завѣса зелени,—отъ одного этого зрѣлища въ душѣ поднимается ненависть къ пруссакамъ, несущимъ убійство самой природѣ...»

«...Каждый вечеръ, возвращаясь домой по желѣзной дорогѣ, я встрѣчаю въ вагонѣ одного старика, умнаго и болтливаго. который, повидимому, вращался во всѣхъ слояхъ общества и знаетъ многое изъ самой интимной его хроники. Вчера, заговоривъ объ императорѣ, онъ разсказалъ своимъ сосѣдямъ по купэ о его женитьбѣ. Анекдотъ этотъ будто бы передавалъ ему Морни, который самъ его слышалъ отъ императора. Однажды вечеромъ, императоръ обратился къ M-elle Монтихо съ настойчивымъ вопросомъ, какъ обращаются въ дѣлахъ чести къ слову мужчины, прося ее сказать ему, была ли у нея въ жизни серьезная привязанность. M-elle Монтихо отвѣтила: я бы васъ обманула, государь, сказавъ, что мое сердце до сихъ поръ молчало. Нѣтъ, оно говорило и не одинъ разъ. Но, въ одномъ я могу васъ увѣрить— я до сихъ поръ все еще M-elle Монтихо. Императоръ на это отвѣтилъ: M-elle, вы будете императрицей...»

Недавно St. Victor мнѣ говорилъ: «Что за время! Нѣтъ никакой возможности прочесть книгу»...

23 августа. «Вечеромъ, у Brebant, мы кинулись къ окнамъ, привлеченные криками толпы, которая привѣтствовала уходившій на войну полкъ. Ренанъ быстро отошелъ и съ презрительной усмѣшкой произнесъ: «во всей этой толпѣ не найдется никого, кто былъ бы способенъ на добродѣтельный подвигъ».—«Какъ!», закричали на него со всѣхъ сторонъ, «по вашему это не высочайшій подвигъ добродѣтели и самоотверженія—эти безыменные, эти *анонимы* смерти, отдающіе свою жизнь безъ расчета на славу!..»

3 сентября. «Жить въ этой огромной, страшной неизвѣстности, которая окружаетъ и давитъ васъ со всѣхъ сторонъ... Развѣ это жизнь!..

...На что похожъ сегодня вечеромъ Парижъ! Ошеломляющее извѣстіе: Макъ-Магонъ разбитъ! Императоръ взятъ въ плѣнъ! Невозможно передать удрученное выраженіе лицъ, безсмысленное снованіе взадъ и впередъ по асфальту этой черной массы людей, которая толчется у мэрій, осаждаетъ кіоски, читаетъ газетные листки подъ фонаремъ, испуганное перешептываніе консьержей и лавочниковъ на порогахъ дверей, а за прилавками, въ открытыхъ каморкахъ, точно остолбенѣли женщины, оставшіяся однѣ, безъ своихъ мужей...

Библиотека "Руниверс"

И вдругъ страшный ревъ толпы! Оцѣпенѣніе смѣнилось гнѣвомъ... Она бѣжитъ по бульварамъ съ крикомъ: «Пораженіе! Да зравствуетъ Трошю!..»

Съ каждымъ часомъ атмосфера въ Парижѣ становится все напряженнѣе. Чувствуется, что отчаяніе цѣлаго народа достигло крайняго предѣла и вотъ-вотъ зловѣще притаившійся вулканъ извергнетъ свое пламя на виновныхъ и невинныхъ. День провозглашенія третьей республики удивительно ярко и послѣдовательно отмѣченъ въ «Дневникѣ»...

«*4 сентября*... «Утро. Сѣрое небо. накладывающее на все печать грусти... На землѣ пугающее безмолвіе. Вотъ внѣшній видъ Палаты около четырехъ часовъ. Выдѣляясь на сѣроватомъ фонѣ фасада, люди толпятся у колоннъ, сидятъ кучками на ступенькахъ, синія и бѣлыя пятна рабочихъ блузъ мелькаютъ среди черныхъ сюртуковъ. У большинства въ рукахъ зеленыя вѣтки и на шляпахъ пучки зеленыхъ листьевъ.

Вдругъ, поверхъ головъ, подымается рука и чертитъ большими красными буквами на колоннѣ имена членовъ временнаго правительства. Въ то же время на другой колоннѣ появляется черная надпись: *Республика провозглашена*! Тогда сразу все кругомъ наполняется кликами, восторгомъ: въ воздухъ летятъ шляпы, люди карабкаются на пьедесталы монументовъ; какой-то рабочій усѣлся на каменныя колѣни статуи и закурилъ трубку, женщины, какъ гроздья, обвили рѣшетку противъ моста Согласія.

Повсюду люди обращаются другъ къ другу со словами: «наконецъ-то». На фронтонѣ какой-то человѣкъ обрываетъ отъ трехцвѣтнаго флага синюю и бѣлую полосы, оставляя лишь одну красную. На рѣшеткахъ Тюильри, у большого бассейна, золотые иниціалы «N» покрываютъ газетными листами, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только что еще красовались императорскіе орлы, ужъ висятъ вѣнки иммортелей. На огромныхъ дверяхъ дворца, на черныхъ мраморныхъ дощечкахъ—надпись мѣломъ: «подъ охрану гражданъ»! Люди въ бѣлыхъ блузахъ, обнимая одной рукой колонну перистиля, прижимая другой ружье, орутъ: «входъ въ базаръ открытъ»... Нескончаемый крикъ... Толпа валомъ-валитъ въ раскрытыя двери, загромождаетъ лѣстницу, заполняетъ дворецъ, а внизу, на скамьяхъ, противъ дворцовыхъ кухонь, усѣлись женщины съ кокардами въ волосахъ. Какая-то молодая мать тихо кормитъ грудью младенца въ бѣлыхъ пеленкахъ. Тротуары, мостовыя, все полно, все занято мужчинами и женщинами, которые, словно въ большой праздникъ, вывалили изъ домовъ на улицу. Милліонъ существъ словно забыли, что пруссаки находятся въ трехъ-четырехъ переходахъ отъ Парижа. Въ этотъ

Библиотека "Руниверс"

жаркій опьяняющій день они бѣгутъ на удачу, подгоняемые лихорадочнымъ любопытствомъ—взглянуть на разыгрывающуюся великую историческую драму.

...Вдоль улицы Риволи группы солдатъ поютъ марсельезу... Картина революціи полная, вплоть до масляничнаго кортежа. Въ открытой фурѣ мужчины, съ козлиными бородками, украшенные красными гвоздиками, машутъ огромными флагами, и среди нихъ пьяный тюркосъ обнимаетъ пьяную женщину...

...Площадь Hôtel de Ville кишитъ народомъ, какъ муравейникъ... На крышахъ каретъ стоятъ любопытные, мальчишки влѣзли на фонари... Отъ этой огромной, сплотившейся въ лихорадочномъ ожиданіи массы вѣетъ глухимъ ропотомъ... Отъ времени до времени мелькаютъ мимо насъ фигуры изъ крайней лѣвой... Вотъ показался на минуту Рошфоръ... лицо нервное, сухое, съ революціонной шевелюрой... Толпа привѣтствуетъ его, какъ спасителя Франціи...

Да!.. Республика!.. Въ настоящихъ обстоятельствахъ это, кажется, единственное, что можетъ насъ спасти, если только это будетъ республика съ Гамбеттой во главѣ, съ самыми выдающимися силами страны, а не скопище посредственностей и тупицъ, старыхъ и молодыхъ изъ крайней лѣвой...

Вечеромъ цвѣточницы по всей линіи бульваровъ продавали только красную гвоздику...»

5-го сентября, черезъ день послѣ провозглашенія республики, вернулся въ Парижъ послѣ долголѣтняго изгнанія Викторъ Гюго. Несмѣтная толпа встрѣчала великаго поэта на Сѣверномъ вокзалѣ и проводила его до авеню Фрошо, гдѣ жилъ Поль Мерисъ. Викторъ Гюго поселился у своего вѣрнаго друга и оставался въ его домѣ во все время осады Парижа.

Поэтъ-гуманистъ, пѣвецъ свободы и братства народовъ, ненавидѣвшій и презиравшій «маленькаго Наполеона», конечно, не могъ спокойно сидѣть въ Брюсселѣ, когда рѣшалась судьба Франціи.

«Я вѣрю въ конечный результатъ,—пишетъ онъ П. Мерису.—Эта война должна положить конецъ всѣмъ войнамъ. Это ужасное столкновеніе монархій приведетъ къ Соединеннымъ Штатамъ Европы. Вы это увидите. Я—нѣтъ. Почему? Потому что я это предсказалъ. Я первый (среди воплей возмущенія) 17 іюля 1851 г. произнесъ это слово: Соединенные Штаты Европы. Но вѣдь Моисеямъ никогда не суждено видѣть Ханаанъ. Теперь,—пишетъ онъ П. Мерису,—быть демократомъ, значитъ быть патріотомъ. Защищать Парижъ, значитъ защищать міръ. Homo sum!.. Я защищаю Парижъ»...

Библиотека "Руниверс"

Борецъ по темпераменту, мудрецъ, моралистъ, гражданинъ, заступникъ гонимыхъ и слабыхъ, легендарный «Дѣдушка», поэтъ дѣтей, Викторъ Гюго былъ слишкомъ огроменъ, чтобы пристать къ тому или другому литературному кружку. Онъ внѣ партій. Онъ «le père Hugo»... Всѣ знаменитости реальной школы почтительно несутъ дань восторга и любви великому романтику, пѣвцу «Несчастныхъ». Ему чужды эпикурейскій скептицизмъ Ренана и объективизмъ Флобера, утонченный эгоизмъ Гонкура и хитросплетенія натуралистическаго метода Зола. Къ нему идутъ всѣ, всѣ превозносятъ его доброту, простоту и полное отсутствіе «священнодѣйствія». Но ни въ письмахъ современниковъ, ни даже въ «Дневникѣ» Гонкура ни разу не отмѣчено участіе Виктора Гюго въ какомъ-нибудь интимномъ писательскомъ обѣдѣ или ужинѣ. Да и трудно какъ-то представить себѣ этого титана, напримѣръ у Brebant—хотя бы и въ такомъ избранномъ обществѣ, которое описываетъ Гонкуръ...

«*6 сентября.* Въ красной залѣ, за большимъ столомъ сидитъ Ренанъ и читаетъ газету, прерывая чтеніе отчаянными жестами... Пришелъ С. Викторъ, грузно опустился въ кресло и, словно передъ нимъ появилось какое-то страшное видѣніе, сталъ выкрикивать не своимъ голосомъ: блѣдные кони! Апокалипсисъ!..

Нефтзеръ, дю-Мениль, Бертело и т. д., и т. д. Усаживаемся за столъ... Обѣдъ проходитъ въ уныломъ настроеніи. То тутъ, то тамъ прозвучитъ печальное слово—и оборвется. Говорятъ о большомъ пораженіи, о невозможности сопротивленія, о бездарности правительства «Національной Обороны», его ничтожномъ вліяніи на дипломатическій корпусъ и нейтральныя государства... Ругаютъ прусскую дикость, которая возвращаетъ насъ къ временамъ Гензерика. Ренанъ говоритъ: нѣмцамъ недоступны многія наслажденія... Самое сильное, что они могутъ себѣ разрѣшить, это—ненависть и мстительность... И всѣ начинаютъ припоминать, сколько ненависти накопила Германія отъ Даву...

Кто-то замѣчаетъ: точныя орудія противны французскому темпераменту. Сразу выстрѣлить, кинуться на врага въ штыки—вотъ это въ духѣ нашего солдата. Если же это невозможно, онъ парализованъ. «Механизація» индивидуальности — не по насъ, и въ этомъ, конечно, преимущество пруссаковъ. Ренанъ отодвинулъ тарелку и поднялъ голову.—Во всемъ, что я ни изучалъ, сказалъ онъ, меня всегда поражало превосходство нѣмецкаго ума и нѣмецкой работы. Неудивительно, что и въ военномъ искусствѣ, которое какъ-никакъ—есть искусство хотя и сложное, но все же низшее, неудивительно, что и въ этомъ искусствѣ они достигли того совершенства, которое поражаетъ у нихъ во всемъ, рѣши-

Библиотека "Руниверс"

тельно во всемъ... Да, господа! нѣмцы — высшая раса!..— Ну!.. ну!.. раздалось со всѣхъ сторонъ. —Да! Они гораздо выше насъ, повторилъ Ренанъ, воодушевляясь. Католицизмъ—*кретинизація* индивидуальности. Іезуиты и монахи, воспитатели нашихъ школъ, дѣйствуютъ подавляюще на развитіе личности, тогда какъ протестантизмъ наоборотъ...

Кроткій и болѣзненный голосъ Бертело приглашаетъ собесѣдниковъ опуститься съ софистическихъ вершинъ до угрожающей дѣйствительности.—Господа, говоритъ онъ, вы, вѣроятно, не знаете, что у воротъ Парижа скопилось громадное количество петроля, котораго не успѣли вывезти изъ-за городской пошлины. Пруссаки его перехватываютъ и выливаютъ въ Сену. Если они его зажгутъ, огненная рѣка уничтожитъ оба берега... Такимъ вѣдь образомъ—греки сожгли арабскій флотъ...

— Но, почему не предупредить Трошю?!

— Ахъ, у него ни на что нехватаетъ времени,—возражаетъ Бертело и продолжаетъ,—надо взорвать шлюзы Марнскаго канала, иначе вся тяжелая, осадная артиллерія пруссаковъ подкатитъ къ Парижу, какъ по маслу... Но догадаются ли это сдѣлать во-время?..

Гонкуръ, подавленный общимъ уныніемъ, полюбопытствовалъ, почему въ комитетѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ Бертело, не займутся изобрѣтеніемъ новаго взрывчатаго вещества, которое оказало бы противодѣйствіе нѣмецкимъ снарядамъ.

«..Бертело вздохнулъ.—Нѣтъ, мы ничего, не можемъ, сказалъ онъ. Мнѣ не дали ни людей, ни денегъ. Я получаю 250 писемъ въ день... На опыты просто нѣтъ свободной минуты... Можно бы, конечно, сдѣлать попытку, можетъ быть, мы бы и добились... Но для большихъ опытовъ нужно время... Да и какъ еще на это посмотрятъ! Я какъ-то заговорилъ съ однимъ важнымъ артиллеристомъ—о петролѣ. Знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ?—Этимъ еще пользовались въ IX вѣкѣ!—А какъ же, говорю, американцы въ послѣднюю войну?.. Да, это, вѣрно, согласился онъ, но это черезчуръ опасная штука и мы вовсе не желаемъ взлетѣть на воздухъ... Вотъ и все у насъ такъ, прибавилъ Бертело...

Ренанъ упрямо отстаиваетъ свою теорію о превосходствѣ нѣмецкаго народа. Его перебиваетъ дю-Мениль—ну ужъ, что касается чувства достоинства, то у вашихъ нѣмецкихъ мужиковъ его нѣтъ! Я самъ видѣлъ, какъ на охотахъ, въ Баденѣ, помѣщики, пинкомъ ноги въ задъ, толкали ихъ подбирать дичь.

И прекрасно, сказалъ Ренанъ, сразу отступаясь отъ собственной теоріи. По-моему мужики, которыхъ можно пихать въ задъ, лучше, чѣмъ наши. Всеобщее избирательное право передѣлало

Библиотека "Руниверс"

ихъ въ нашихъ господъ! А крестьяне, что ни толкуйте, низшій элементъ цивилизаціи. И ужъ если кто виноватъ, что мы двадцать лѣтъ терпѣли, это правительство, такъ это они... Среди этого спора, Бертело потихоньку все продолжаетъ свои разоблаченія...

Общій пессимизмъ совершенно разстроилъ бѣднаго Гонкура.

— Значитъ, все кончено,—воскликнулъ онъ,—и намъ остается только вырастить поколѣніе для мести. Нѣтъ, нѣтъ, закричалъ Ренанъ, весь красный и стоя. Не надо мщенія! Пусть погибаетъ Франція, пусть погибнетъ родина. Есть нѣчто высшее—царство Долга, Разума...—Нѣтъ и нѣтъ!—завопили кругомъ. Ничего нѣтъ выше родины!..

Совсѣмъ вышелъ изъ себя С. Викторъ. Онъ кричитъ громче всѣхъ.—Сейчасъ не до эстетизма! Нашли когда византійствовать!.. Все къ чорту!. Ничего нѣтъ выше родины...

Ренанъ всталъ и принялся шагать кругомъ стола, покачиваясь, подымая вверхъ свои коротенькія руки и громко цитируя отрывки изъ священнаго писанія. Потомъ онъ подошелъ къ окну, передъ которымъ взадъ и впередъ сновали безпечные парижане, и сказалъ: «насъ спасетъ мягкотѣлость этого населенія»...

Какое смятеніе, какая растерянность въ этомъ блестящемъ кружкѣ знаменитостей, которыхъ оглушилъ грохотъ прусскихъ пушекъ! Изъ мирной обстановки рабочихъ кабинетовъ, великолѣпныхъ аудиторій и библіотекъ они попали въ самую гущу толпы, до которой, въ нормальное время, эти олимпійцы нисходили лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Не даромъ Ренанъ любилъ приговаривать послѣ тонкаго обѣда и остроумной causerie у принцессы Матильды: «право, недурно жить въ эпоху декаданса». И Ренанъ былъ правъ. Тотъ, кого Гюго называлъ злодѣемъ, а Рошфоръ идіотомъ и жуликомъ, не мѣшалъ ученымъ и художникамъ, которые вели себя «тихо, благородно», заниматься своимъ дѣломъ. Незадолго до войны, подъ вліяніемъ принцессы Матильды, Наполеонъ III даже замыслилъ создать спеціальный фондъ для «неимущихъ» поэтовъ. Однимъ изъ первыхъ пенсіонеровъ былъ намѣченъ Теофиль Готье. Но Седанъ положилъ конецъ «трагической буффонадѣ» и бѣдный «Théo», какъ самъ себя называлъ этотъ вдохновенный поэтъ-мечтатель, вѣковѣчный бѣднякъ, беззаботный и незлобивый, какъ ребенокъ, такъ и не воспользовался наполеоновскими щедротами. Нашествіе пруссаковъ было для него роковымъ ударомъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться. Другіе возмущались, надѣялись на «реваншъ», а бѣдный «Théo» молчалъ и плакалъ.

Въ Парижѣ отчаяніе находило хоть нѣкоторый исходъ въ сутолокѣ уличной толпы, въ самообольщеніи, что нѣмцы не по-

Библиотека "Руниверс"

смѣютъ посягнуть на «столицу міра». Тамъ, наконецъ, можно было отвести душу въ пріятельской бесѣдѣ. Гораздо тяжелѣе жилось тѣмъ, кто былъ прикованъ къ своимъ мѣстамъ, какъ Жоржъ-Зандъ, Флоберъ или Тэнъ, скитавшійся между Туромъ и По.

Флоберъ совершенно потерялъ самообладаніе. Вся страстная натура этого человѣка, который въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ не разрѣшалъ себѣ ни одного лирическаго восклицанія, изливается въ негодующихъ письмахъ къ друзьямъ.

...«Самое ужасное», пишетъ онъ Жоржъ-Зандъ, «это разноголосица мнѣній. Одни стоятъ за борьбу до послѣдней возможности, другіе за миръ во что бы то ни стало. Я умираю отъ горя. Во что обратился мой домъ! Четырнадцать человѣкъ, которые стонутъ и теребятъ мои нервы. Я проклинаю женщинъ... Изъ-за нихъ мы погибаемъ... По-моему, Парижу грозитъ судьба Варшавы, и вашъ восторгъ передъ республикой меня огорчаетъ. Мы загублены позитивизмомъ, а вы еще вѣрите въ призраки! Что бы ни произошло, люди, стоящіе сейчасъ у власти, обречены на жертву—и республику постигнетъ та же участь! Замѣтьте, что я защищаю эту несчастную республику, только я въ нее не вѣрю. Хотѣлъ бы вамъ сказать еще многое, но моя голова не дѣйствуетъ. На меня словно обрушились водопады, рѣки, океаны печали... Минутами мнѣ кажется, что я схожу съ ума. Больше страдать, чѣмъ я,—невозможно. А когда я гляжу на лицо своей матери, я теряю послѣднее мужество... Насъ ждетъ судьба Польши, Испаніи... А тамъ наступитъ чередъ и для Пруссіи, которую проглотитъ Россія. На себя я смотрю, какъ на конченнаго человѣка... Нельзя писать, когда не уважаешь себя. У меня одно желаніе—поскорѣе околѣть...»

Трезвая, добрая Жоржъ-Зандъ старается образумить своего друга.

«...Не надо отчаиваться во Франціи», пишетъ она. «Франція искупаетъ свое безуміе, но она возродится, что бы ни случилось. Насъ съ тобой, можетъ быть, унесетъ вихрь... Но умереть отъ воспаленія легкихъ или отъ пули—все равно смерть... Умремъ, по крайней мѣрѣ не проклиная свой народъ. Мы всѣ тебя любимъ и цѣлуемъ. Жоржъ-Зандъ».

А бѣдный Тэнъ! Какъ быстро разсѣялись его симпатіи къ Германіи! Въ началѣ войны онъ ѣздилъ въ Парижъ чуть не каждый день и возвращался оттуда въ полномъ уныніи. Офиціальный шовинизмъ, видъ мальчишекъ, бѣгавшихъ по бульварамъ съ воплями «à Berlin», ничтожество и невѣжество камарильи, съ легкимъ сердцемъ толкнувшей Наполеона III на войну съ Пруссіей, первыя пораженія на театрѣ войны—все наполняетъ

Библиотека "Руниверс"

его душу самыми мрачными предчувствіями. 9-го августа (70 г.) онъ пишетъ матери изъ Шатенэ: «Ты уже знаешь о печальныхъ извѣстіяхъ изъ арміи. Общее управленіе плохо, а одной храбрости солдатъ недостаточно. У насъ нѣтъ командировъ, тактиковъ, нѣтъ выдающагося вождя. Очень возможно, что пруссаки дойдутъ до Парижа... Многіе думаютъ, что если наши неудачи продолжатся, въ Парижѣ произойдетъ смута, а можетъ быть и революція. Я не вижу никого, кто бы могъ объединить общественное мнѣніе. Передъ нами абсолютная темнота. Никто ничего не знаетъ и страсти разгораются. Работать невозможно. Всѣ въ отчаяніи... Повсюду трауръ и несчастье»...

Прошло пять мѣсяцевъ. Въ несчастьи часы тянутся мучительно, а время летитъ, какъ стрѣла. Нѣмцы окружили желѣзнымъ кольцомъ Францію; парижане еще острятъ по привычкѣ, но духъ унынія и безнадежности чернымъ туманомъ ползетъ по странѣ.

Тэнъ и въ эту тяжелую пору заставляетъ себя работать.

«Я кончаю свои замѣтки объ Англіи (пишетъ онъ—уже въ февралѣ 1871 года—изъ По своему пріятелю Эмилю Плана), но у меня нѣтъ книгъ и получилось много пробѣловъ. О Германіи я ничего уже не буду писать. Чувства, которыя мы къ ней питаемъ, таковы, что врядъ ли и черезъ десять лѣтъ найдется французъ, который бы пожелалъ ѣхать къ нѣмцамъ или писать о нихъ. По возвращеніи въ Парижъ, я, вѣроятно, буду писать политическія статьи, несмотря на мое отвращеніе къ этому занятію. Теперь каждый долженъ приложить свои руки къ общему дѣлу. Но, увы, слово такъ безсильно въ борьбѣ съ учрежденіями и національнымъ характеромъ!.. Ты знаешь мое мнѣніе о нашемъ отечествѣ... Оно сложилось годами. Самый крупный нашъ недостатокъ въ томъ, что мы любимъ только то, что занятно. Умѣнье скучать—составляетъ силу нѣмцевъ. Они умѣютъ исполнять самыя скучныя, самыя однообразныя работы, о которыхъ у насъ никто бы и слушать не захотѣлъ. Конечно, благодаря войнѣ вышло наружу все дурное и злое нѣмецкаго характера, прикрытое лишь коркой цивилизаціи...»

И, совершенно потерявъ обычную сдержанность, историкъ и философъ Тэнъ кончаетъ свое письмо словами: «Германскій звѣрь грубъ, деспотиченъ, варварски жестокъ, а прусскій вдобавокъ алченъ и вороватъ. Какое отвращеніе!..»

Веселый, элегантный городъ сталъ неузнаваемъ. То, что представлялось невѣроятнымъ, вдругъ приблизилось и приняло отчетливую, рѣзкую форму—надъ Парижемъ стали разрываться нѣмецкія гранаты. По улицамъ потянулись безконечные обозы ра-

Библиотека "Руниверс"

неныхъ и оборванные, сконфуженные солдаты, вырвавшіеся, по ихъ увѣреніямъ, изъ прусскаго плѣна. Повсюду—національные гвардейцы. Иные изъ нихъ въ туфляхъ, иные продѣлываютъ разныя военныя упражненія. У булочныхъ и мясныхъ—длинный хвостъ людей, терпѣливо ожидающихъ очереди. Тутъ и рабочіе, и скромныя буржуазки, и мальчишки, и старухи-нищенки. За прилавками мясники и булочники въ формѣ офицеровъ національной гвардіи раздаютъ билетики на полученіе «пайка». Совсѣмъ какъ во время французской революціи... Атмосфера становится все напряженнѣе. «Очевидцы» передаютъ, что въ такомъ-то мѣстѣ разорвалась граната или что поймали прусскаго шпіона. Страхъ такъ же заразителенъ, какъ и отвага. Нервность сильнѣе и сильнѣе охватываетъ населеніе. Надъ городомъ рѣетъ зловѣщій призракъ голода.

Но можно привыкнуть ко всему, даже къ грохоту канонады. Гонкуръ признается, что, когда гулъ слабѣетъ и рѣже сотрясается воздухъ, онъ невольно напрягаетъ слухъ и ему уже чего-то недостаетъ. У него чаще прорываются жалобы, что нарушенъ весь строй прежней жизни—нельзя ни читать, ни говорить, ни думать о чемъ-либо, кромѣ «проклятой войны». Но какъ художникъ-наблюдатель, онъ уже вошелъ въ новую жизнь, глазъ его запечатлѣваетъ новыя очертанія, ухо ловитъ новые звуки и въ воображеніи уже мелькаютъ новыя комбинаціи человѣческихъ отношеній. Съ утра до ночи шагаетъ Э. Гонкуръ по городу. Въ Булонскомъ лѣсу, куда еще недавно стекался «весь Парижъ», теперь упражняется въ пальбѣ національная гвардія. Для парижанъ, лишенныхъ обычныхъ развлеченій, это—новое зрѣлище! Женщины въ колясках старяются подъѣхать поближе, чтобы видѣть орудіе, слышать его страшный гулъ. Мелькаютъ извѣстныя лица... Рошфоръ, Жюль Ферри, Пельтанъ...

Во всѣхъ магазинахъ, начиная линіей большихъ бульваровъ и кончая лавченками на Монмартрѣ и Батиньолѣ, всѣ предметы какъ-то само собой обратились въ предметы военнаго обихода. Выставлены лагерныя кровати, лагерныя одѣяла, лагерныя шапки, перчатки и т. д. А изъ оконъ гастрономическихъ лавокъ исчезла вся живность и вмѣсто аппетитныхъ окороковъ, колбасъ и дичи блестятъ только жестянки съ консервами.

Глухой ропотъ захватываетъ всѣ сердца. Перегородки, раздѣляющія слои общества, сами собой пали. Умные и глупые, мѣщане и аристократы одинаково несчастны. Въ маленькихъ кафе отдаленныхъ кварталовъ и въ красной столовой у Бребана—всѣ ищутъ виноватыхъ, всѣ—разница только въ стилѣ—бранятъ Трошю, Гамбетту, генераловъ, «Изидора» (Наполеонъ III)

Библиотека "Руниверс"

и въ этомъ находятъ нѣкоторое сердечное облегченіе. Самое ужасное—это что никто, въ глубинѣ души, не вѣритъ въ возможность достойнаго исхода. Тонъ Гонкуровскаго дневника становится грустнѣе съ каждымъ днемъ. «Въ этой осадѣ начинаешь испытывать скуку, какъ въ трагедіи, которой не видно конца», пишетъ онъ во второй половинѣ ноября... «Старьевщикъ нашего бульвара теперь служитъ въ маленькой харчевнѣ и дежуритъ каждое утро въ хвостѣ—на рынкѣ. Онъ разсказывалъ Pélagie, что кошекъ онъ покупаетъ 6 фр. штука, крыса стоитъ франкъ, собачье мясо 1 фр. 50 сант. фунтъ...»

26 ноября. «...Сегодня послѣдній день, когда открыты городскія ворота. Завтра Парижъ будетъ кончаться у заставъ, и Булонскій лѣсъ уже будетъ находиться за городомъ...

26 ноября. ...Ночью меня разбудила канонада. Я всталъ и прошелъ въ верхнюю комнату... Поглядѣлъ въ окно. Беззвѣздное, прорѣзанное вѣтвями деревьевъ небо, а въ промежуткахъ—на огромномъ пространствѣ—то вспыхиваютъ, то гаснутъ огоньки, точно мигающіе газовые рожки... И сейчасъ же за этимъ—протяжный трескъ. Голосъ смерти въ тишинѣ ночи... Какъ это волнуетъ!.. Потомъ, къ этому рокоту бронзы присоединяется вой собакъ... боязливый шопотъ проснувшихся людей... звонкій крикъ пѣтуховъ... Потомъ все смолкаетъ. Пушки, собаки, пѣтухи, мужчины и женщины... Мое насторожившееся ухо еле улавливаетъ далекій, очень далекій звукъ выстрѣла»...

У Бребана всѣ говорятъ объ общей нуждѣ, о бѣдности, въ которую впали вчера еще состоятельные люди... Говорятъ о тяжеломъ будущемъ, о томъ, что, быть можетъ, многимъ изъ тѣхъ, кто здѣсь обѣдаетъ, придется покинуть страну... Разговоръ переходитъ на эту тему. Одни считаютъ, что изгнаніе равносильно смертному приговору, что и римляне такъ думали. Космополитъ Нефтзеръ возражаетъ на это, что изгнанія нѣтъ. Удивительно, что для нѣкоторыхъ людей чувства родины не существуетъ, особенно у мыслителей, у идеалистовъ. По этому поводу Ренанъ замѣтилъ, что чувство родины было вполнѣ естественно у древнихъ, но что католицизмъ перемѣстилъ самое понятіе объ отечествѣ, а такъ какъ идеализмъ есть наслѣдіе католицизма, то идеалисты не могутъ признавать узкихъ привязанностей къ почвѣ, ничтожной этнографической прилѣпленности къ одному мѣсту—родинѣ. «Родина идеалистовъ,—восклицаетъ онъ,—тамъ, гдѣ имъ позволено мыслить!..» Его прерываетъ Бертело, но увлеченный своей основной идеей, Ренанъ ничего не слышитъ и доказываетъ, что въ иноземномъ владычествѣ нѣтъ ничего унижающаго... и это вызываетъ противъ него общее негодованіе»...

Библиотека "Руниверс"

Дни текутъ. Нужда въ осажденномъ городѣ становится все ощутительнѣе, и блестящее общество, пріютившееся въ ресторанѣ Brebant, такъ же, какъ самые простые смертные, больше всего интересуются вопросомъ, кто что ѣстъ и что вообще можно ѣсть. Избалованные гастрономы доказываютъ, что отвращеніе къ собачьему мясу—смѣшной предразсудокъ, такъ какъ собачьи котлеты, напр, ничѣмъ не хуже бараньихъ, и т. д. Къ голоду присоединился холодъ. Противорѣчивыя извѣстія съ театра войны, вспышки надежды и снова отчаяніе измотали нервы парижанъ. Видъ мерзнувшихъ раненыхъ, разсказы солдатъ о переносимыхъ лишеніяхъ, о бездарномъ начальствѣ, которое ведетъ ихъ—неодѣтыхъ, необутыхъ, голодныхъ, зябнущихъ—на убой, разсказы о томъ, что пруссакамъ хорошо побѣждать, когда у нихъ все есть, когда у нихъ все предусмотрѣно,—вызываютъ слезы жалости, стыда и зависти къ счастливымъ врагамъ... «Дневникъ», какъ чувствительнѣйшій барометръ, отмѣчаетъ малѣйшія колебанія общественнаго настроенія... «Ничто не можетъ быть ужаснѣе состоянія, когда не знаешь, гдѣ находятся провинціальныя арміи, въ Корбейль или Бордо, не знаешь даже, существуютъ эти арміи или нѣтъ. Ничто не можетъ быть болѣе жестоко, чѣмъ эта жизнь въ темнотѣ, въ тьмѣ—при полномъ сознаніи надвигающагося на васъ ужаса. Право, можно подумать, что г. фонъ Бисмаркъ заперъ весь Парижъ въ одиночную тюремную камеру...» Приближается Рождество, и такъ велика въ человѣческомъ сердцѣ жажда праздника, что, несмотря на пруссаковъ, Парижъ покрывается милыми, наскоро сколоченными новогодними палатками. Конечно, это не то, что бывало, это не старый, добрый Noël. Теперь, вмѣсто конфетъ, дарятъ дамамъ тщательно завернутыя въ бумажку печеныя яйца. Но иллюзія праздника все-таки сохранена, хотя 27-го декабря нѣмцы и принялись за серьезную бомбардировку Парижа. Собравшійся у Бребана «Кружокъ» рѣшилъ, что пруссаки нарочно выбрали этотъ «психологическій» моментъ, чтобъ окончательно сокрушить духъ парижанъ. Опять потянулись безконечные споры о нѣмецкой жестокости, нѣмецкомъ варварствѣ, о ничтожествѣ Трошю, популярности Рошфора и т. д. Нефтзеръ высмѣиваетъ лукавую сантиментальность Жюля Симона. Гонкуръ выражаетъ вообще свое недовѣріе къ моральнымъ книжкамъ, въ родѣ: «Домъ», «Работница» и т. д., и тутъ же прибавляетъ, что изъ всѣхъ литераторовъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своей жизни, онъ знаетъ лишь одного чистаго человѣка въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова, это—Флобера, книги котораго принято считать безнравственными. Ренанъ сравниваетъ Ж. Симона съ Кузеномъ,

Библиотека "Руниверс"

который, по его мнѣнію, лучшій стилистъ XIX вѣка. Это выводитъ изъ себя С. Виктора и Гонкура. Литераторы встрепенулись и загорѣлся ожесточенный споръ. Всѣ забыли о войнѣ, о нѣмцахъ, о собачьихъ котлетахъ. Ренанъ сѣлъ на своего любимаго конька и повторяетъ, что «писать разучились», что надо вернуться къ словарю XVII вѣка, что когда имѣешь счастье обладать классическимъ языкомъ, то надо его держаться, что этотъ языкъ «побѣдилъ Европу». Ему кричатъ: «да о какомъ языкѣ XVII вѣка вы говорите? О языкѣ Масильона? С. Симона? Боссюэта? О языкѣ M-me de Sevigné?» Вѣдь языкъ именно XVII в. былъ особенно многообразенъ. Гонкуръ говоритъ, что большой писатель всегда познается по особенному, ему одному свойственному, языку. Каждая страница, каждая строчка для знатока отмѣчена этой личной особенностью стиля. «А ваша теорія,— возражаетъ онъ Ренану,—это приговоръ, лишающій XIX и слѣдующіе вѣка права имѣть великихъ писателей».

Но такіе литературные споры слышатся все рѣже въ столовой Brebant. Чувство опасности сближаетъ людей, но у человѣка, привыкшаго къ утонченной дѣятельности, оно не можетъ выражаться въ непосредственной формѣ, какъ у массы. Масса, охваченная ужасомъ, защищается до послѣдней капли крови или бѣжитъ, какъ стадо, или покорно сдается. Человѣкъ книги и пера разсуждаетъ и опускаетъ руки. Страданія его, можетъ быть, и глубже, но они не привлекаютъ сочувствія. Крохотный островокъ въ бушующемъ морѣ—не убѣжище, и дружескій кружокъ философовъ уже не находитъ въ общеніи за трапезой ни утѣшенія, ни удовольствія.

Побѣдоносный маршъ нѣмцевъ, дезорганизація французской арміи, раздоръ и интриги въ правительствѣ, растерянность національной гвардіи, хвастливый задоръ губернатора, генерала Трошю, который увѣрялъ, что онъ никогда «не допуститъ Парижъ до капитуляціи» и который въ послѣднюю минуту трусливо покинулъ свой постъ — все это угнетающимъ образомъ дѣйствовало на населеніе. Некому было вѣрить, некого было уважать, и массы уже начали поддаваться тому роковому чувству равнодушія, тому «будь, что будетъ», когда борьба представляется безсмысленной. Такое «изнеможеніе духа» на поляхъ сраженій бьетъ сильнѣе, чѣмъ чудовищныя пушки, а въ битвахъ жизни оно обращаетъ народъ въ раба, гражданина въ холопа и большого человѣка въ пигмея.

«Самый чистый», по признанію Гонкура (вообще не склоннаго къ восхваленію современниковъ) человѣкъ, смѣлый, прямой, одаренный почти геніальной интуиціей, Флоберъ, до того упалъ

Библиотека "Руниверс"

духомъ, что онъ у е не ждетъ спасенья, и хотя по обязанности «маіора» онъ ходитъ каждый день въ Руанъ учить руанскихъ «буржуа» военнымъ пріемамъ, но въ глубинѣ души онъ презираетъ это безцѣльное занятіе. Его письма къ друзьямъ—сплошныя жалобы и проклятія.

«...Я еще живъ, chère Maître (пишетъ онъ Жоржъ-Зандъ), но все равно ни на что негоденъ, до такой степени я исполненъ печали... Когда во мнѣ вдругъ шевельнется надежда, я гоню ее прочь, хотя въ глубинѣ души такъ хочется, несмотря ни на что, надѣяться—хоть капельку, хоть чуть-чуть... Во всей Франціи, кажется, нѣтъ человѣка несчастнѣе меня... Я умираю съ горя. Меня сокрушаетъ: 1) человѣческая свирѣпость и 2) убѣжденіе, что мы вступаемъ въ эру глубочайшей тупости. Все будетъ заполнено утилитаризмомъ, милитаризмомъ, американизмомъ и католицизмомъ. Больше всего католицизмомъ. Вы увидите! Прусская война кончаетъ и разрушаетъ французскую революцію... Какое паденіе! Какое несчастье! Какіе ужасы!.. Можно ли вѣрить въ прогрессъ и цивилизацію, когда видишь то, что происходитъ? Чему же служитъ наука, если этотъ народъ, у котораго столько ученыхъ, совершаетъ мерзости, достойныя гунновъ... Нѣтъ, хуже! Потому что это—мерзости систематическія, холодныя, которыхъ нельзя извинить ни страстью, ни голодомъ. За что они такъ насъ ненавидятъ? Неужели васъ не убиваетъ ненависть сорока милліоновъ человѣкъ!.. Я слышу шаблонныя фразы: Франція воспрянетъ!.. Не надо отчаиваться! Это цѣлительное искупленіе!.. Мы были слишкомъ безнравственны и т. д. О, вѣчное шутовство! Нѣтъ! послѣ такого удара не оправляются. Я потрясенъ до мозга костей. Бѣдный Парижъ! Героическій городъ! Но когда мы туда вернемся, это будетъ уже не нашъ Парижъ. Всѣ мои друзья или умерли, или исчезли. Литература мнѣ представляется чѣмъ-то тщетнымъ, лишнимъ. Не знаю, въ состояніи ли я буду когда-нибудь ею заниматься... О, если бы я могъ убѣжать въ страну, гдѣ нѣтъ мундировъ, гдѣ не говорятъ о битвахъ, гдѣ не нужно быть гражданиномъ! Но на землѣ нѣтъ такого уголка, гдѣ бы могли жить спокойно бѣдные мандарины...»

Р. М. Хинъ.

Библиотека "Руниверс"

Театральная публика XVIII вѣка по сатирическимъ журналамъ.

Театръ въ XVIII вѣкѣ былъ любимымъ развлеченіемъ двора и знати и вскорѣ сталъ мѣстомъ, гдѣ могли провести время жители обѣихъ столицъ. Существуетъ убѣжденіе, что русскіе спектакли не привлекали зрителей и что лишь французскій театръ собиралъ полный партеръ и ложи. Убѣжденіе это возникло путемъ апріорнаго разсужденія (франкоманія слишкомъ широко распространена — естественно думать. что и французскій театръ болѣе посѣщали, чѣмъ русскій), и оно подкрѣплялось обыкновенно ссылкой на слѣдующія слова современника: «пусть любопытный пройдетъ мимо театра во время Французскаго представленія, увидитъ площадь заставленную шестернями; — во время Русскаго же, гдѣ гдѣ увидитъ шестерню [1]).

Дѣйствительно, эти слова могли бы дать поводъ предположить, что русскій театръ пустовалъ, если бы «охотникъ до театра» (такъ подписана данная статья журнала) не добавилъ «одни пѣшеходы по большей части любятъ видѣть свое». Современники поняли данное утвержденіе такъ же, какъ теперь его понимаютъ историки театра, о чемъ мы можемъ судить по письму къ издателямъ «Зрителя» неизвѣстнаго (часть III, стр. 3—23). Автору пришлось писать отвѣтъ на критику, гдѣ онъ, между прочимъ, указываетъ, что «Россійскій партеръ никогда не бываетъ

[1]) Письмо о театрѣ — «Зритель» 1792 г., часть II — мы цитируемъ по сочиненіямъ П. Плавильщикова, Спб. 1816. Извѣстна, кромѣ того, острота гр. Ѳ. В. Растопчина, когда открылся передъ 1812 годомъ новый театръ въ Москвѣ. «Это хорошо, — сказалъ графъ, — но не достаточно: нужно купить еще 2000 душъ, приписать ихъ къ театру и завести между ними родъ подушной повинности, такъ чтобы по очереди высылать по вечерамъ народъ въ театральную залу: на одну публику нельзя надѣяться». — Изслѣдователи и считаютъ, что «если такъ острилъ Растопчинъ въ началѣ XIX в., то къ XVIII это замѣчаніе могло быть примѣнимо съ еще большимъ основаніемъ» (см. *Варнеке*, «Исторія Русскаго Театра», изд. 2-е стр. 143). Послѣднее замѣчаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: извѣстно, что въ одной Москвѣ было пятнадцать театровъ къ 1796 г., что, конечно, показываетъ широкую театроманію среди баръ Екатерининскаго времени.

Библиотека "Руниверс"

меньше наполненъ, нежели Французскій, площадь только передъ театрами больше цугами обставлена во время Французскихъ, а парами больше во время Русскихъ зрѣлищъ» (Тамъ же, стр. 112).

Такимъ образомъ, на основаніи этого свидѣтельства нельзя говорить о предпочтеніи, оказываемомъ французскимъ спектаклямъ, какъ это видно изъ суммы прихода отъ зрѣлищъ, зарегистрированной документами, хранящимися въ Архивѣ Дирекціи Императорскихъ Театровъ [1]).

Итакъ, на основаніи словъ современника, мы можемъ лишь судить о томъ, что русскій театръ посѣщался главнымъ образомъ не знатью («не цуговыми зрителями»), а средними классами. Оставляя въ сторонѣ характеристику зрителей (къ чему журналы XVIII вѣка не даютъ матеріала), присмотримся къ поведенію публики на спектакляхъ: сатирическіе журналы той эпохи рисуютъ намъ довольно полную картину того шума и безчинствъ, которые были привычнымъ явленіемъ въ зрительномъ залѣ начальнаго періода нашего театра. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, что мнѣніе журналовъ о скандальномъ поведеніи публики «преувеличено... до крайности невозможнаго въ дѣйствительности», какъ признаютъ изслѣдователи [2]), потому что сама цѣль и назначеніе этихъ органовъ поощряли ихъ авторовъ къ одностороннему освѣщенію [3]), но, сопоставивъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ журналовъ, съ фактами, засвидѣтельствованными другими источниками, мы убѣдимся, что картина, нарисованная сатирой того времени, была не очень далека отъ правды. Однако, слѣдуетъ помнить, что это, быть можетъ, были лишь частные случаи, но все же, повторявшіеся на протяженіи цѣлаго полувѣка. Да и трудно требовать уваженія къ театру, когда сами «жрецы» его стояли далеко не на высотѣ. Вотъ слова современника изъ офиціальнаго ордера: «наши комедіанты, когда хотятъ, играютъ, а когда не хотятъ, то изъ половины начатой комедіи или трагедіи перестаютъ и такъ недокончивъ оставляютъ, причиною представляя холодъ» [4]). При такихъ нравахъ неудивительно, что театральному начальству приходилось издавать «Узаконенія для принадлежащихъ къ Придворному театру» (1783 г.), гдѣ назначались штрафы не только за опаздываніе на репетиціи («пробы»), но и за манкированіе ими, при чемъ только въ третій разъ виновный долженъ

---

[1]) См., напр., В. I, Отд. 3, стр. 360, гдѣ данъ сводъ годовыхъ отчетовъ съ 1796 по 1801 г.,—здѣсь сборъ по абонементу съ французской труппы даже меньше, чѣмъ русской; или (стр. 238—289) «Городскіе спектакли съ 1789 по 1801 г. г.» — здѣсь сборы въ среднемъ совершенно одинаковые.

[2]) *В. И. Покровскій*, «Щеголи въ сатирической литературѣ», стр. 57.

[3]) *Варнеке*, 146.

[4]) Изъ ордера Шувалова къ директору Хераскову (1761 г.); см. *Шевыревъ*, «Ист. Импер. Моск. Универс.», стр. 85.

Библиотека "Руниверс"

былъ быть «судимъ, яко нарушитель своихъ обязательствъ, и штрафованъ въ разсмотрѣніи дѣла» [1]). Здѣсь же находимъ штрафы за незнаніе роли, что было, повидимому, явленіемъ обычнымъ, по крайней мѣрѣ, въ первомъ спеціальномъ театральномъ журналѣ XVIII вѣка (1789 г.), вышедшемъ на нѣмецкомъ языкѣ и называвшимся «Russische Theatralien», находимъ статью одного театрала, жалующагося, что актеры плохо учатъ роли, почему суфлера раньше слышно, чѣмъ исполнителей [2]). Но театръ привлекалъ зрителей главнымъ образомъ потому, что тамъ «ожидаютъ ихъ разныя веселія», предназначенныя для «нашихъ молодчиковъ», какъ называютъ журналы петиметровъ. «Вѣдь, портеръ есть для нихъ такое мѣсто сборища, на которое стекаются петиметры, щеголи, модники и вертопрахи разнаго званія и состоянія, тамъ во время представленія сходятся они и опять разходятся, показываютъ другъ-другу разныя обновки и обращики модныхъ суконъ, пуговицъ и всѣхъ мѣлочныхъ галантерейныхъ бездѣлушекъ, читаютъ новыя пѣсенки, любовныя цыдулочки и нѣкоторыя язвительныя и ругательныя сочиненія на щетъ женщинъ, дѣвушекъ, стариковъ, сообщаютъ одинъ другому злобою выдуманныя скаредныя имена для людей заслуженныхъ, и по благоразумію своему, честности праводѣтельности достойныхъ всякаго уваженія, или занимаются нѣжными разговорами съ тѣми щедрыми Нимфами, подругами Цитерской богини, которыми иногда лавки партера, къ предосужденію благонравія, бываютъ заняты такъ, что многія благовоспитанныя дамы, которымъ достатокъ, или другія обстоятельства, препятствуютъ держать готовую ложу, чтобъ не сидѣть вмѣстѣ съ этими подлыми и забывшими весь стыдъ и честь тварьми» [3]).

Не только съ подругами «Цитерской богини» занимались щеголи, но и «поднявъ къ верьху головы и приложа къ глазу лорнетъ смотрѣли на сидящихъ въ ложахъ женщинъ, и какъ скоро сей лорнетъ устремлялся на какую женщину, то она тихонько отворачивалась, пріятно усмѣхалась, и потрогивала искусно, или ленточкою на шее, или опахаломъ; такое жеманство продолжалось непрестанно до того самаго времени, какъ смотритель въ лорнетъ оборачивался къ другой женщинѣ, которая въ ту же минуту принималась за такія же ужимки» [4]).

---

[1]) Арх. Дирекціи. В. I, отд. 2 № 176 (§ 7). Здѣсь же предписывается (§§ 7, 9) не «обижать другого ругательными словами» и не «употреблять другія наглости во время пробы или представленія». Запрещается «дѣлать отмѣны самопроизвольно въ назначенныхъ роляхъ» (§ 5) — все это ясно рисуетъ актеровъ той эпохи.

[2]) Ср. *Варнеке,* тамъ же.

[3]) «Переписка двухъ адскихъ вельможъ Алгабека и Альгамека». 1792 г. I, 96—97.

[4]) «Почта Духовъ», 1789 г., I, 228—231.

Библиотека "Руниверс"

Понятно, что щеголи и щеголихи «назначаютъ театръ мѣстомъ свиданія и переговоровъ» [1]) — недаромъ во многихъ сатирическихъ журналахъ при изображеніи любовныхъ сценъ, начинающагося знакомства или волокитства дѣйствіе всегда происходитъ въ театрѣ [2]). Въ «Почтѣ Духовъ» мы находимъ любопытную сценку, рисующую намъ нравы зрителей: «Многія изъ ложъ были наполнены обоего пола людьми, а нѣкоторыя закрыты были занавѣсками, однакожь примѣтилъ я (пишетъ авторъ письма), что и тамъ въ потемкахъ сидѣли и тихонько оттуда выглядывали, а какъ изъ любопытства спрашивалъ я: для чего сидящіе въ тѣхъ ложахъ не показываются и скрываются въ темнотѣ, то мнѣ сказали, что часто случается тутъ любовникъ съ любовницей, которыя пріѣзжаютъ не для смотрѣнія Піесы, но для любовнаго свиданія».

Конечно мы здѣсь имѣемъ лишь картину поведенія одной, быть можетъ, небольшой части публики, но и остальная часть

---

[1]) «Дѣло отъ бездѣлья», 1792 г., 20.

[2]) Напр., въ «Трутнѣ» 1770 г. находимъ слѣдующую любопытную картинку (стр. 261 и слѣд.). Сидятъ въ ложѣ двѣ дамы и ожидаютъ «начатія комедіи». «Спокойствіе ихъ нарушается, къ нимъ вступаетъ изрядно одѣтой мущина, и они всѣ увидѣвъ другъ друга приходятъ въ замѣшательство. Кавалеръ сей одинъ изъ числа вѣтрѣнныхъ тѣхъ мущинъ, которыя влюбляются во многихъ женщинъ и ихъ обманывать не только почитаютъ за ни что, но и находятъ еще въ томъ удовольствіе. Бѣднякъ сей не ожидалъ, чтобы двѣ его любовницы, которыхъ онъ ложными клятвами и притворнымъ постоянствомъ обманывалъ порознь, случилися тутъ обѣ вмѣстѣ. Онъ надѣялся тутъ найти одну и съ ней поговорить, а послѣ хотѣлъ побывать у другой: но увидя ихъ вмѣстѣ пришелъ въ такое замѣшательство, что не зналъ съ которою начать разговоръ. Смѣлость ево и обыкновенная такимъ мущинамъ живость, предками нашими наглостію называемая, ево оставили. Блѣднѣетъ, краснѣетъ и кажется будто уже и раскаевается. Госпожи совмѣстницы тотчасъ сіе примѣтили, и каждая, скрывая свою досаду, принялася надъ господиномъ волокитою шутить. Язвительныя ихъ насмѣшки усугубляютъ ево замѣшательство. Сіе зрѣлище достойно, чтобы всѣ вѣтрѣныя мущины на оное взирали и остерегалися отъ подобныхъ приключеній. Обезмолвленной волокита собираетъ свои силы, начинаетъ передъ госпожами извиняться. Но что сіи извиненія возмогутъ сдѣлать? Обиженная такимъ образомъ любовница лишъ въ пущую запальчивость приходитъ. Волокита при семъ извиненіи одной любовницѣ больше оказываетъ почтенія, и кажется, что передъ нею больше хочетъ оправдаться. Сугубо обиженная любовница возпламеняется ревностію, видя совмѣстницу свою себѣ предпочитаемую, близъ себя. Она обращаетъ острой свой языкъ не на измѣнившаго ей любовника, но на свою совмѣстницу, торжествовать начинающую. Осыпаетъ ея язвительными насмѣшками. Вдругъ возгорается война. Любовницы досадою, ревностію и злобою возпламеняются. Не древнія на брань ополчаются Амазонки, храбростію своею Грековъ устрашившія. Не смертностныя изъ колчановъ своихъ извлекаютъ стрѣлы. Двѣ любовницы, женщины нашего вѣка, выдергиваютъ изъ шиньеновъ своихъ длинныя булавки, и мгновенно ими другъ друга поражаютъ. Обѣ поединщицы приходятъ во изступленіе: злоба паче возгарается, удары повтаряются, и любовникъ отъ мѣста удаляется. Храбрыя наши героини переколовъ другъ другу и руки и бока и истощивъ свои силы, не побѣдя соперницу, удивляются своей крѣпости. Стыдъ, что на нихъ всѣ обратили взоры, заступаетъ мѣсто злобы, и на лицѣ ихъ показывается. Они встаютъ со своихъ мѣстъ и удаляются».

Библиотека "Руниверс"

была, повидимому, немногимъ выше, какъ говоритъ «Всякая Всячина»: «Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей обыкновенно увѣряютъ, что они большіе охотники до театральныхъ представленій, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣніемъ дожидаются примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они являются. Какъ Дмитревскій, Ле-Сажъ, или Троепольская, Мартеньша и пр. одѣты были, ихъ голоса, движенья, осанка—составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого, Гарпагона гнусная скупость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суеверіе, ополчающее руки чадъ на родителя, исправленіе мота, словомъ всѣ сіи живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, направляющія наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные принуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ и любителями оныхъ, и говорятъ, что балетъ только отъ скуки смотрятъ, но со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничего имъ больше онаго не нравится». (Барышекъ. «Всякой-Всячины» стр. 420—423). Здѣсь не чувствуется злой насмѣшки, это сатира въ «улыбательномъ родѣ», которая даетъ характеристику (примѣнимую и къ современной намъ театральной публикѣ) толпы, большинства, интересующагося больше исполнителями, чѣмъ пьесой или дѣлающаго видъ, что происходящее на сценѣ совершенно не захватываетъ его.

Журналы указываютъ еще причину, почему любили ходить въ театръ: это давало Вѣтроногамъ тему для разговоровъ и для осужденія. Они «Комедію и Актеровъ, Сочинителя и Переводчика ругаютъ безъ милосердія», но главное злорадство начинается «есть ли попадется Русскій Сочинитель, то отъ свисту унихъ самихъ распухнутъ губы». Журналъ «Дѣло отъ бездѣлья», гдѣ помѣщено данное письмо (1792, 19—20) добавляетъ: «когда другіе радуются, видя часъ отъ часу возрастающее просвѣщеніе, они съ язвительными насмѣшками стараются помрачить ихъ хвалу, погашать жаръ подобныхъ Писателей», — извѣстно, что презрѣніе ко всему русскому было тогда велико, недаромъ современникъ восклицалъ: «кажется въ словесностяхъ и на театрѣ нѣтъ врага Россійскому таланту ужаснѣе Россіянина». Въ подтвержденіе своей мысли

Библиотека "Руниверс"

современникъ (извѣстному Плавильщикову [1]) принадлежитъ данная статья) разсказываетъ слѣдующее, что покажетъ намъ правильность утвержденій журналовъ о презрѣніи публики ко всему русскому и о невниманіи ея къ происходящему на сценѣ:

«Нѣкогда будучи въ театрѣ, сидѣлъ я въ ложѣ съ одной новосвѣтскою барынею, играли Недоросля; Аббатъ французъ въ то время проповѣдывалъ ей разныя красоты французскихъ театральныхъ сочиненій и развлекъ ея вниманіе такъ, что она пріѣхавъ домой спрашивала у меня, какая севодня піэса въ театрѣ? (Очевидно не считалось предосудительнымъ быть столь невнимательнымъ къ спектаклю, если можно было предложить такой вопросъ *актеру)*. Недоросль комедія была у меня въ карманѣ — я подалъ ей книгу и сказалъ, что эту комедію представляли. — Гдѣ вы ее купили?—спрашивала барыня; я отвѣчалъ: въ гостиномъ дворѣ въ книжной лавкѣ.—Какъ не стыдно покупать,—закричала она—въ Русской лавкѣ, вѣрно эта книга никуда не годится, для чего вы за ней не съѣздили во Французскій или Англинскій магазейнъ — тамъ все гораздо лучше, нежели у Русскихъ. Когда уже предубѣжденіе до такой степени возходитъ, то какое одобреніе должно ожидать театру Россійскому, сочиненіямъ и представленію, отъ такихъ домовъ, гдѣ приговоръ выходитъ изъ устъ Аббатовъ, а можетъ быть еще и бѣглыхъ. Какъ же ожидать Рускаго вкуса на театрѣ», добавляетъ Плавильщиковъ. (Сочиненія т. IV стр. 35—36).

И, дѣйствительно, русскій авторъ и русскій актеръ съ трудомъ могли добиться признанія. Лишь слава Сумарокова и Дмитревскаго стояла высоко. Самъ Вольтеръ дивился простотѣ трагедій перваго, и Лагарпъ вѣнчалъ трагедію «Синавъ и Труворъ» въ «Mercure de France», послѣдній же удивлялъ Лекена въ Парижѣ и соперничалъ съ Гаррикомъ въ Лондонѣ,—понятно, что ихъ не признать было нельзя и, поэтому, объ нихъ мы найдемъ благопріятныя строки въ журналахъ. Напримѣръ «Пустомеля» (одинъ изъ немногихъ журналовъ эпохи, дававшій нѣчто похожее на отзывы о представленіяхъ) отмѣчаетъ (стр. 110): «Недавно здѣсь на придворномъ Императорскомъ театрѣ представлена была *Синавъ и Труворъ* трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія играна была по переправленному вновь г. Авторомъ подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго Автора сочиненій; они такъ хороши, что кто только ихъ читалъ и кто имѣетъ разумъ, тѣ всѣ отдавая справедливую похвалу удивляются, которыя же не по-

[1]) Плавильщиковъ былъ актеромъ придворнаго театра и преподавателемъ въ Академіи Художествъ (исторіи и русской словесности) и въ Горномъ институтѣ (реторики); извѣстенъ какъ драматургъ и теоретикъ драмы.

Библиотека "Руниверс"

хвалятъ, тѣмъ надобно просить о отпущеніи своего согрѣшенія. Чтожъ касается до Актеровъ представлявшихъ сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. Дмитревскій и г. Троепольская привели зрителей во удивленіе. Нынѣ уже въ Петербургѣ не удивительны ни *Гарики*, ни *Лекены*, ни *Госсенши*. Пріѣзжающія вновь Французскія Актеры и Актрисы то подтверждаютъ» и все-таки, несмотря на убѣдительность послѣдняго аргумента, находились люди, имѣвшіе «слабость и пристрастіе къ Французамъ въ родѣ, напримѣръ», одного господина, который «во время представленія сей Трагедіи, когда г. Д. и г. Т. зрителей искуствомъ своимъ восхищали» сказалъ «вздыхаючи» «жаль, что они не Французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искуствѣ».

Что же касается остальныхъ драматурговъ (кромѣ Екатерины и Фонвизина, которые постоянно сравниваются журналами съ Мольерами) сами сатирическіе журналы относились чрезмѣрно строго и съ большимъ пренебреженіемъ. Извѣстны, напримѣръ, тѣ нападки и упреки, какими забросали Лукина — нашего перваго драматурга-реалиста, написавшаго и «склонившаго на русскіе нравы» много сценичныхъ, живыхъ и остроумныхъ для своего времени пьесъ. Насмѣшки журналовъ надъ авторами были въ родѣ слѣдующихъ: «трагедію Г* недавно напечатанную, полезно читать только тому, кто принималъ рвотное лѣкарство и оно не подѣйствовало» (Трутень I стр. 95), или «въ досаду Мусѣ Ѳалій не перестаетъ марать и перемарывать свои комедіи, и не постижимыми своими умоначертаніями отягощать актеровъ» (тамъ же стр. 156).

Но и объ актерахъ журналы не высокаго мнѣнія, такъ «Сатирическій Вѣстникъ» говоритъ: «По мнѣнію актеровъ, ноги и руки могутъ изъяснять болѣе, чѣмъ лицо. Для сего самаго обычно относятъ они одну руку вверхъ, а другую столь сильно прижимаютъ къ тѣлу, что въ продолженіи всей пьесы представляютъ изъ себя статую въ древнемъ вкусѣ или такого стариннаго бойца, который нажидаетъ на себя соперника. Они также почитаютъ великой красою выпяливать глаза, а пальцы той руки, которою дѣйствуютъ, такъ притягиваютъ, дабы казалось, что никакая сила не можетъ опять согнуть. Въ разсужденія голоса они также весьма знающи. Нѣкоторые изъ актеровъ кричатъ, что есть силы, другіе же произносятъ слова на распѣвъ, такъ что отъ сего почти всегда комедія кажется оперой». (Цитата по Варнеке, стр. 146).

Высказывая подобныя осужденія и авторамъ и актерамъ, журналы сами показываютъ примѣръ неуважительнаго отношенія къ театру. Лукинъ («Предисловіе къ Награжденному постоян-

Библиотека "Руниверс"

ству») говоритъ, что зрители — толпа невѣждъ «которые, сами ни о чемъ судить не могши, послѣдуя слышанному и хулятъ и возхищаются».

Выше мы приводили замѣчаніе журнала, что Вѣтрогоны свистомъ и «насмѣшками стараются помрачить хвалу» Русскихъ сочинителей. Помимо сатиры журнальной эти же свѣдѣнія находимъ и въ комедіи; такъ въ «Награжденномъ постоянствѣ» (передѣлка Лукина французской пьесы l'Amante Amante) — мы имѣемъ сцену, ярко рисующую этихъ Вѣтрогоновъ, и хотя она переведена съ французскаго, но авторъ въ ней «измѣняетъ нѣсколько подлинникъ съ цѣлью приноровить его къ русскимъ нравамъ, которые онъ наблюдалъ между прочимъ, когда представлялась его собственная пьеса» (*Пыпинъ*. Предисловіе къ сочиненіямъ Лукина, стр. LXVII). «Пусть она (комедія) будетъ самая лучшая въ свѣтѣ, только непремѣнно похвалы не получитъ, ежели такіе знатоки, какъ я, въ это дѣло вмѣшаются. Это я въ чужихъ краяхъ еще научился, и привыкнувъ тамъ, и здѣсь такъ поступаю. Мы (говоритъ молодой человѣкъ про своихъ «знакомцевъ», которыхъ «сочинитель впередъ не задобрилъ») становимся къ оркестру въ разныхъ кучахъ человѣкъ по пяти. Кричимъ громко, нюхаемъ табакъ и очень часто харкаемъ и сморкаемъ, переходимъ съ мѣста на мѣсто и черезъ людей перекликаемся. Въ самыхъ важныхъ и лучшихъ явленіяхъ дѣлаемъ или говоримъ какія-нибудь шутки, худыя или добрыя, того не разбирая; а ежели это не поможетъ, то засмѣемся во все горло. Половина зрителей, послѣдуя намъ, сдѣлаютъ то-же; а другая за то осердится отъ чего произойдетъ шумъ ужасный. Тутъ актеръ остановится, помѣшается, всю страсть упуститъ, и что потомъ ни станетъ представлять, все дурно покажется», и все это дѣлается, чтобы «портить піесы» — «мы этимъ забавляемся и показываемъ остроту разума» (*Лукинъ* «Награжд. постоянств.» Дѣйств. III, явл. 1). Тотъ же Лукинъ въ предисловіи къ «Моту любовью исправленному» (стр. 14) пишетъ о представленіи своей комедіи. «Въ 5 часовъ почти весь партеръ наполнился, а ложи того ранѣе» (напомнимъ, что спектакли начинались въ 6 часовъ). «Любопытство и склонность къ новизнамъ влекли многихъ зрителей ее видѣть, а нѣкоторая часть шла, льстясь увидѣть мое паденіе. Не слыхалъ я всѣхъ разсужденій, въ партерѣ дѣланныхъ; но отъ пріятелей моихъ свѣдалъ, коль оныя странны были. Большая часть противниковъ моихъ до начатія кричали, что не моего пера плоды увидятъ, а коли моего, такъ конечно кѣмъ-нибудь правленные».

«Началась комедія. Первое дѣйствіе до конца прошумѣли, прокашляли, просморкали и табакъ пронюхали, а два главные

Библиотека "Руниверс"

русскаго языка ненавистники Пустозвяковъ и Чужехватовъ, разносили по партеру прошлогоднія вѣдомости, сказывая зрителямъ, что веселѣе ихъ читать, нежели представляемый вздоръ слушать»[1]),

Послѣ этого свидѣтельства современника не покажется преувеличеніемъ сцены, рисуемыя и «Почтой Духовъ» и «Дѣломъ отъ бездѣлья» и «Перепиской двухъ адскихъ вельможъ». «Между Театромъ и Партерами на довольно пространной площадкѣ стояла толпа мущинъ, изъ которыхъ очень немногіе подвинувшись ближѣ къ театру занималися зрѣніемъ Піэсы, а большая часть расхаживая въ задъ и въ передъ заглядывали въ глаза женщинамъ, сидящимъ въ Партерахъ, и разговаривали между собой такъ крѣпко, что отъ ихъ разговоровъ совсемъ не слышно было рѣчей Актеровъ, представляющимъ на Театрѣ. Нѣкоторые изъ сихъ разхаживающихъ были съ разтрепанными волосами, въ розовыхъ на шее платкахъ, подпоясанные кушаками: они во все горло кричали и спорили о скорости въ бѣгѣ своихъ лошадей, и между тѣмъ похлопывали по полу бичами, которые въ рукахъ у нихъ были» («Почта Духовъ» 1789, I, 230—31), а нѣкоторые «таскаются по партерамъ, заводятъ разговоры, и нарочно больше шумятъ, дабы воспрепятствовать другимъ слушать. Одни грызутъ орѣхи, другіе прохаживаются, напѣвая модныя пѣсни» («Дѣло отъ бездѣлья» 1792, 20). «Такимъ образомъ піеса начнется и кончится, но модники объ ней не думаютъ; ихъ дѣло было то, чтобъ пріѣхать въ театръ кричать, шумѣть, говорить всякой вздоръ и дѣлать разныя модныя дурачества, припятствующія многимъ благоразумнымъ зрителямъ слушать піэсу и видѣть игру актеровъ» («Переписка двухъ адскихъ вельможъ Альгабека и Алгамека, 1792, I, 96—97).

Было бы, однако, ошибкой думать, что такъ вести позволяли себя лишь Щеголи—Вѣтрогоны. Нѣтъ, такъ держали себя и благородныя, титулованныя особы. «Мнѣ случалось быть въ театрѣ, когда русскаго «Беверлея» представляли; истинно съ крайней прискорбностью слышала: во первыхъ что не умолкали говорить, многія дамы для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, кушали, наконецъ, въ театрѣ хохотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которую по ихъ мнѣнію надлежало смѣяться. Молчаніе и тихость не прежде возстанавливались, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слухомъ вниманіе имѣть должно, т.-е. въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ

[1]) Но пьеса все-таки имѣла громадный успѣхъ, чѣмъ «много одолженъ я актерамъ оную представлявшимъ», по словамъ Лукина.

Библиотека "Руниверс"

пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ передъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно что парадисъ или въ другихъ мѣстахъ, партеръ, всякаго состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, п. ч. въ императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители».(Вечера 1770—1771, часть II стр. 67 и слѣд).

Послѣднему удивляться не приходится «титулованныя особы» даже на засѣданіяхъ сената занимались не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало [1]). Если это было возможно при отправленіи служебныхъ обязанностей, то тѣмъ болѣе могло имѣть мѣсто въ театрѣ, гдѣ нечего было стѣсняться. Лишь непонятно, почему современникъ считаетъ, что «сто пѣшихъ рукоплескателей противъ двухъ цуговыхъ не устоятъ» *(Плавильщиковъ)*, вѣдь тѣ и другіе вели себя совершенно одинаково, въ обѣихъ столицахъ. Но въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ къ признанному Сумарокову относились съ уваженіемъ, чего онъ про московскую публику сказать не могъ. Онъ сопоставляетъ зрителей Москвы и Петербурга въ сатирѣ «Піитъ и другъ его» (стр. 348). и говоритъ про свои драмы:

Въ Петрополѣ они всему народу вкусны,
А здѣсь и городу и мнѣ подобно гнусны!
Тамъ съѣдутся для нихъ внимати и молчать
А здѣсь орехи грызть, шумѣти и кричать,
Благопристойности не допуская въ моду,
Во своеволствіе преобратя свободу:
За чтожъ бы, думаютъ, и деньги съ насъ збирать,
Коль было бы не льзя срамиться и орать:
Возможно ль автору смотрѣть на то спокойно:
Для зрителей такихъ трудится недостойно.
. . . . . .
Крикунъ, какъ колоколъ, единый оглушитъ,
И автора всево терпѣнія лишитъ:
А есть ли закричатъ пять дюженъ велегласно;
Разумныхъ зрителей вниманіе напрасно.

А на указанія друга, что

Не всѣхъ мы зрителей симъ должны обвинить
Безумцевъ надобно однихъ за то бранить:

Сумароковъ добавляетъ

«Но зрителей такихъ въ Москвѣ гораздо много».

---

[1]) «Ея Величеству извѣстно учинилось, что гг. сенаторы въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ *неблагочинно сидятъ, и когда читаютъ дѣла, они тогда объ нихъ не внимаютъ для того, что имѣютъ между собою партикулярные разговоры* и притомъ крики и шумы чинятъ, а потомъ велятъ тѣ дѣла читать *вновь*, отчего въ дѣлахъ продолженіе и остановка чинится. Такожъ въ Сенатъ пріѣзжаютъ *поздно* и не дѣла дѣлаютъ, но ѣдятъ сухіе снятки, крендели и рябчики и указныхъ часовъ не высиживаютъ, а оберъ-прокуроръ Соймоновъ въ томъ имъ, по должности своей, не воспрещаетъ и, ежели-бъ кто изъ сенаторовъ предположенія его не прослушалъ, на нихъ не протестуетъ.» А. Н. Филиповъ, «Пр. Сенатъ при Петрѣ В. и его ближайшихъ преемникахъ» (Спб. 1911 г., стр. 497).

Библиотека "Руниверс"

Бѣдный Сумароковъ, пожинавшій въ Петербургѣ одни только лавры, потерпѣвъ полное фіаско въ Первопрестольной, говоритъ: «Непристойно... съѣзжавшимся видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно и въ Партерѣ въ кулачки биться [1]), а въ ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма мало нужныя, можно и внѣ Театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы, не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору: ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешествователи, бывшія въ Парижѣ и въ Лондонѣ скажите, грызутъ ли тамъ во время представленія Драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра» [2]). (Предисловіе къ Дмитрію Самозванцу т. IV 1-е изд. стр. 63).

Ссылка Сумарокова на Западъ невѣрна, какъ можемъ судить по письмамъ Фонвизина или по статьѣ «Поведеніе, наблюдаемое модными кавалерами въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Германіи», помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1800 г.

«Подходя къ ложѣ, даютъ они знакъ приставленному къ отпиранію оной служителю, чтобы онъ гремѣлъ какъ можно больше ключами, дабы публика наградила вступающаго достодолжнымъ вниманіемъ. Сверхъ того, мода требуетъ еще, чтобъ не вступая въ ложу, начать съ кѣмъ-нибудь разговоръ и продолжать оный весьма громко, или ежели кто ходитъ въ сапогахъ, то должно приближаясь къ ложѣ, ступать каблуками, или шпорами, какъ можно громче. Занявъ, наконецъ, свое мѣсто, — разумѣется съ нѣкоторымъ шумомъ—модные кавалеры высматриваютъ съ осторожностію, какъ принимаетъ публика въ партерѣ и въ сосѣднихъ ложахъ произведенный ими шорохъ. Ежели она кричитъ ст. ст!.. и дѣлаетъ досадныя мины за то, что ей помѣшали слушать піесу,

---

[1]) Не даромъ Императрица отдала распоряженіе, «чтобъ никто при себѣ не имѣли никакого оружія, т.-е. сабель, кинжаловъ и пр.» изъ посѣтителей театральныхъ маскарадовъ. Арх. Им. Театровъ. Сб. Пост. ин. 1, л. 9—10.

[2]) С. Глинка «Очерки жизни и избран. сочиненія А. И. Сумарокова», часть I, стр. 104 говоритъ, что надъ кучерами «бушевала расправа конюшенная» и раздавался ихъ крикъ «внѣ театра», это правдоподобнѣе, хотя возникаетъ сомнѣніе, какъ могъ этотъ «содомъ» доставить тревогу «партеру и ложамъ».

Библиотека "Руниверс"

то это приписываютъ они себѣ въ честь и славу; ежели же публика остается при входѣ ихъ тиха и спокойна, то это значитъ, что она не замѣтила прибытія петиметра, въ каковомъ случаѣ онъ въ другой спектакль старается войти съ большимъ противъ прежняго стукомъ. Послѣ того модные кавалеры приставляютъ къ глазамъ своимъ лорнеты, съ помощію оныхъ смотрятъ сперва на дамъ, сидящихъ ближе къ нимъ; потомъ оглядываютъ весь партеръ, и, наконецъ, ежели время достанетъ, то бросаютъ, какъ бы безъ намѣренія, взоры и на самую сцену... Или же, наконецъ, кушаютъ мороженное, яблоки и конфекты, причемъ научаютъ офиціанта, чтобы онъ какъ можно болѣе звенѣлъ чайными ложками».

Изложенныя Сумароковымъ жалобы могли бы показаться неправдоподобными — ихъ писалъ раздраженный авторъ, но онѣ слишкомъ сходны съ тѣмъ, что говорилъ Лукинъ и что повторяли многіе сатирическіе журналы и, кромѣ того, историки театра приводятъ подтверждающіе его слова объявленіе актеровъ труппы московскихъ аптрепренеровъ Бельмонти и Чинти, «которое было тогда же напечатано и раздавалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ афишами»[1])

Можно привести еще рядъ доказательствъ того, что и журналы, и Лукинъ, и Сумароковъ едва ли слишкомъ сгущали краски: въ 1800 г. полицейскій инспекторъ Рачинскій объявилъ жителямъ Петербурга ордеръ Государя, въ которомъ говорилось слѣдующее: «сдѣлать приглашеніе всему городу, для предосторожности жителей столицы, дабы вслѣдствіе сего извѣщенія здѣшняя публика во время представленіевъ театральныхъ воздерживалась отъ всякихъ неблагопристойностей, какъ то стучать тростьми, топать ногами, шикать, аплодировать во всемъ пѣніи или дѣйствіи и тѣмъ отнимать удовольствіе у публики безвременнымъ шумомъ [2]).»,

Изъ всѣхъ распоряженій, объ «удаленіи неустройствъ», приведемъ еще два документа, весьма характерные въ этомъ отношеніи:

«Во время спектаклей на театрѣ имѣть крайнее смотрѣніе, дабы, кому не слѣдуетъ тамъ быть, несмотря и ни на какое лицо, никого не пущать, а притомъ стараться, какъ наивозможно, чтобы не происходило никакого стука ни шума, изъ за кулисъ не высовывались, не выглядывали, и, въ соблюденіе всякаго порядка

---

[1]) «Декабря 22-го дня представлена будетъ «Семира», на собственный зборъ актеровъ. Авторъ оной драмы покорнѣйше проситъ публику о благоволительномъ слушаніи, дабы могъ онъ давати свои драмы и впредь, ради удовольствія зрителей. Онъ бы тщетно давалъ на представленія свои сочиненія, ежели бы онъ чаялъ то, что не для слушанія его драмъ, но ради единаго собѣседованія и разговоровъ въ театральный домъ собираются; ибо трудолюбно написанныя имъ сцены мѣшали бы собирающимся разговаривать. Автору кажется, что сіе ево размышленіе основательно и требованіе справедливо: о чемъ и актеры нижайше просятъ...» *Горбуновъ*. Сочиненія, изд. Маркса, т. II, стр. 345.

[2]) *Божеряновъ*. Иллюстр. Ист. Рус. Теат. Вып. I, стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

рекомендуется вамъ (Предписаніе дано губ. секретарю господину Михайлову) всякій театръ приходить не позже, какъ въ три часа, и всѣхъ унтеровъ и капельдинеровъ по назначеннымъ росписаніямъ людей на всѣ посты разводить, дабы никто не могъ, до вашего прибытія на театрѣ, зайтить». (Арх. Дирекціи. Дѣло № 24, л. 2 отъ 1800 г.).

«Дежурному, при входѣ за кулисы, по обѣ стороны ставить по одному унтеру, дабы не впущали тѣхъ, кому на сценѣ быть не должно; къ тому жъ еще два унтера опредѣлить, дабы ходили по закулисамъ и наблюдали тишину и порядокъ и за кулисъ бы выглядывающимъ и высовываться впередъ воспрещали и, кому не слѣдуетъ тутъ быть, учтивымъ образомъ сказали, чтобъ изволилъ вонъ выйти; буде же кто воспротивится, то самому дежурному объявить, чтобы вышелъ; буде же и за симъ требуемаго не исполнитъ, объявлять о семъ полицейской командѣ, дабы, не смотря ни на какое лицо, приказано было вывести». (Дѣло № 24 л. 7—8).

Такъ боролся съ театральными непорядками Главный Директоръ надъ зрѣлищами и музыкою Нарышкинъ [1]).

То же было въ Москвѣ, гдѣ театральное начальство издавало слѣдующія объявленія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (отъ 2 іюня 1770 г.). «Для происшедшаго жъ въ прошлое воскресенье непорядка, въ которымъ у нѣкоторыхъ откупленныхъ уже ложъ ключи отбивали и входили въ оныя насильно, учинено такое распоряженіе, что на ложи перваго и второго этажей давано будетъ попрежнему по шести билетовъ съ платежемъ шести рублевъ за каждую ложу, кромѣ трехъ большихъ, во второмъ этажѣ находящихся, за которыя должно платить по 12 рублевъ; напротивъ чего и по 12 билетовъ на оныя выдавано будетъ; при чемъ объявляется, что съ деньгами за то и для полученія билетовъ надлежитъ присылать заблаговременно въ Университетскій домъ, что на Моховой, къ опредѣленному при семъ прапорщику господину Прыткову». Трудно сказать чѣмъ могли помочь такія мѣры, тѣмъ болѣе что «ложи третьяго этажа будутъ отворены для всѣхъ, безъ опредѣленнаго числа, но кто которую занять успѣетъ, съ платежемъ только по полтинѣ съ персоны».

Думается, что послѣ всего вышеприведеннаго не остается сомнѣнія въ томъ, что сатирическіе журналы, быть можетъ нѣсколько и сгущая краски, были, однако, не далеки отъ истины, рисуя театральную публику въ столь отрицательномъ свѣтѣ. Одинъ только журналъ далъ намъ типъ зрителя благонравнаго, но жизнь того времени врядъ ли знала многихъ, подобныхъ Добросерду. «Онъ почиталъ театръ истинною школою не только для молодыхъ

[1]) Давались даже Высочайшіе Указы, касавшіеся «предохраненія отъ шума и всякой непристойности» (Сб. Пост. л. 50—52). А. Д. И. Т.

Библиотека "Руниверс"

людей, но и для стариковъ, въ которой нужныя въ семъ наставленія преподаются, и для того не прогуливалъ ни одного представленія. Не слѣдовалъ онъ примѣру молодыхъ людей, которыя въ театръ за тѣмъ только ходятъ, чтобы посмѣяться; но, разсматривая съ прилѣжаніемъ, нужное замѣчалъ, и по выходѣ изслѣдовалъ самъ себя, какъ строгой судья, не имѣетъ ли такой слабости, которыя того дня публично были осмѣяны. Симъ средствомъ театральныя позорища обращалъ онъ въ свою пользу» («Пустомеля», изд. А. Аѳанасьева стр. 37, 38).

Но большинство въ XVIII в. и не предъявляло такихъ требованій къ зрителямъ. Даже требозательный Лукинъ считалъ, что надо лишь «слушать представляемое, а не изъ себя посмѣшище дѣлать», и тогда отъ вредныхъ дѣлъ «зрѣлищи удобно отвращать могутъ» (Сочиненія стр. 84).

Надо однако указать, что публика того времени умѣла цѣнить дарованія какъ въ авторѣ, такъ и въ исполнителѣ, хотя награждать вызовами автора публика начала лишь послѣ блистательнаго успѣха «Росслава» Княжнина. При чемъ, какъ разсказываетъ біографъ Дмитревскаго «робкій Княжнинъ не рѣшился показаться передъ публикой и скрывался», тогда Дмитревскій вышелъ къ публикѣ и сказалъ: «Благоволеніе почтенной публики, столь лестное, конечно автору восхитительно, но его въ театрѣ нѣтъ, вездѣ искали и не нашли, но я, въ качествѣ его друга и почитателя, осмѣливаюсь принесть публикѣ чувствительную благодарность». Самого же Дмитревскаго публика очень любила и отвѣтомъ на слова его были громкія рукоплесканія [1]).

Однажды въ бенефисъ его, когда ставился впервые «Недоросль», «публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ» («Др. Слов.» 1787 г., стр. 88).

Сатирическіе журналы высоко ставили талантъ русскаго Лекена, и въ «Пустомелѣ» (57) указывается, что во время его гастролей въ Москвѣ: «зрители собиралися въ театръ въ такомъ множествѣ, что многія по причинѣ великой тѣсносты не могли получать билетовъ, есть ли хоть мало опаздывали. На конецъ должно сіе заключить тѣмъ, что Г. Д*** Московскихъ жителей удивилъ, привелъ въ восхищеніе и заставилъ о себѣ говорить по малой мѣрѣ два мѣсяца».

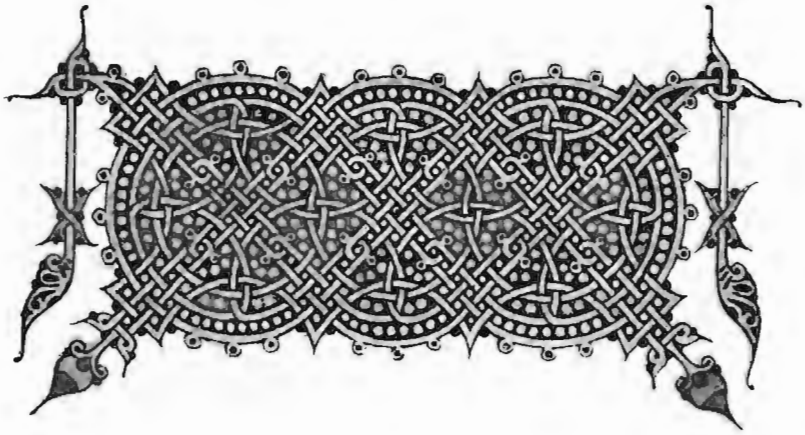
Итакъ мы видимъ, что сатирическіе журналы, нарисовавъ яркую картину поведенія публики, соотвѣтствующую дѣйствительности, пытались нарисовать и образъ Добросердова — идеальнаго зрителя. Осмѣявъ игру другихъ актеровъ, восхвалили Дмитревскаго и указали, что его игра производитъ сильное впечатлѣніе.

Владимиръ Филипповъ.

---

[1]) Ѳ. Кони. «И. А. Дмитревскій, славнѣйшій русскій актеръ».

Библиотека "Руниверс"



Воспоминанія Ю. М. Огаревой.

Объ этихъ мемуарахъ впервые упомянуто въ статьѣ Н. П. Петерсона «Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ», помѣщенной теперь въ его книгѣ «Н. Ѳ. Ѳедоровъ и его книга «Философія Общаго Дѣла» въ противоположность ученію Л. Н. Толстого «о непротивленіи» и другимъ идеямъ нашего времени». Тамъ, на стр. 111 въ примѣчаніи, говорится: «въ 3-хъ верстахъ отъ Ясной Поляны есть деревня Телятники. Теперь она принадлежитъ, кажется, Толстымъ, а въ первой половинѣ XIX вѣка принадлежала родному дѣду моей жены — И. М. Огареву, и семейство Огаревыхъ съ семействомъ Толстыхъ было въ наилучшихъ отношеніяхъ. Послѣ бабушки моей жены остались записки, въ которыхъ она дѣлаетъ восторженные отзывы объ отцѣ Л. Н—ча, объ его матери и обо всемъ ихъ семействѣ».

Эта замѣтка вызвала два письма ближайшаго друга Л. Н. Толстого, доктора Д. П. Маковицкаго къ Н. П. Петерсону. Привожу ихъ цѣликомъ.

Уважаемый Николай Павловичъ!

Я прочелъ вашу переписку съ Л. Н. Толстымъ и желалъ бы имѣть № «Туркестанскихъ Епарх. Вѣдомостей», гдѣ она появилась. Прошу васъ, раздобудьте и пришлите мнѣ его.

Пишете, что послѣ бабушки вашей жены остались записки, въ которыхъ она дѣлаетъ восторженные отзывы объ отцѣ Л. Н—ча, объ его женѣ и обо всемъ ихъ семействѣ. Не прислали бы вы копію съ нихъ біографу Л. Н—ча, Павлу Ив. Бирюкову, Кострома,

Библиотека "Руниверс"

Жоховская ул., д. Жохова, или Софіи Андреевнѣ Толстой, Ясная Поляна (или хоть мнѣ).

Надо постараться, чтобы не пропали.

Кланяюсь вамъ.

Д. П. Маковицкій.

9. Апрѣля 1909 г. Ясная Поляна, п. Ясеньки, Тульской губ.

Уважаемый Николай Павловичъ!

Благодарю васъ за охоту, съ которой отозвались на мою просьбу къ вамъ, и прошу послать мнѣ ваше новое произведеніе [1]), когда оно будетъ напечатано.

Касательно записокъ бабушки вашей жены о родителяхъ Льва Николаевича позволяю себѣ снова попросить васъ списать оныя мѣста по-французски, не утруждаясь переводить ихъ по-русски, и послать Льву Н—чу. Ему будутъ онѣ очень дороги, онъ такъ почитаетъ память своихъ родителей, особенно матери.

Л. Н—чъ здоровъ, ѣздитъ верхомъ.

Кланяюсь вамъ.

Душанъ Петр. Маковицкій.

Нѣкоторыя страницы изъ мемуаровъ были посланы Льву Николаевичу и *были имъ* потомъ возвращены.

Мемуары Ю. М. Огаревой представляютъ изъ себя двѣ тетради, исписанныя мелкимъ красивымъ почеркомъ, по-французски. Въ Первой тетради излагаются событія, начиная съ 1829 г.; въ ней говорится о семьѣ гр. Толстыхъ. Въ описываемой въ ней жизни много своеобразнаго и для нашего времени необычнаго. Достаточно упомянуть объ идеальной любви Юліи Михайловны къ гр. Н. И. Толстому. Такую же любовь, какъ можно судить по словамъ Л. Н. Толстого («Русская Старина» 1910 г.,) питала къ тому же лицу Т. А. Ергольская.

Ю. М. Огарева — урожденная Арсеньева. Имѣнье Арсеньевыхъ было въ Тульской губерніи недалеко отъ Тулы и Ясной Поляны. Какъ оно называлось, не знаю. Еще въ восьмидесятыхъ

---

[1]) «Ученіе Н. Ѳ. Ѳедорова и ученіе Л. Н. Толстого». См. цитированную книгу, стр. 21.

P. S. Н. П. Петерсонъ, по его словамъ, живя въ 1862 г въ Ясной Полянѣ, слышалъ, что Левъ Николаевичъ хотѣлъ жениться на одной изъ дочерей Владимира Михайловича Арсеньева, которую звали, кажется, Калеріей. Все уже было готово, женихъ долженъ былъ отправляться въ церковь, но вмѣсто этого онъ, какъ Левинъ въ «Аннѣ Карениной» уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе.

Библиотека "Руниверс"

годахъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Тулѣ былъ племянникъ Юліи Михайловны — Николай Владимировичъ Арсеньевъ, сынъ родного ея брата — Владимира Михайловича.

Юлія Михайловна послѣдніе годы своей жизни провела въ Москвѣ, тамъ и умерла, кажется, въ 1889 г.

Приблизительно за годъ до смерти она передала свои мемуары Н. П. Петерсону, съ разрѣшенія котораго теперь и опубликовываются извлеченія изъ нихъ.

Первой новостью, которую я узнала по своемъ прибытіи, была та, что графиня [1]) родила дочь. Я поспѣшила принять участіе въ радости этой почтенной семьи и разсказала тамъ о всѣхъ удовольствіяхъ, которыя получила у своего крестнаго отца.

— Я вамъ и раньше объ этомъ говорилъ, замѣтилъ графъ [2]), а вы колебались, ѣхать ли къ нему. Я люблю вашего крестнаго до глубины души; мы съ нимъ истинные друзья, и я очень сожалѣю, что онъ окруженъ дурнымъ обществомъ.

За мной пришла мама. Она принесла нѣсколько писемъ, которыя получила отъ моего брата. Онъ, слава Богу, былъ здоровъ и писалъ, что турецкая война скоро кончится.

Весной возобновились мои прогулки. Я ходила за версту отъ дома къ горѣ, на которой росъ прекрасный лѣсъ, расположенный въ восхитительной мѣстности и пересѣченный оврагами. Онъ принадлежалъ графу и былъ моимъ любимымъ убѣжищемъ. Тамъ я приказала сдѣлать дерновую скамейку у старой березы, тѣнь которой защищала меня отъ солнечнаго жара, и цѣлые часы проводила, созерцая прекрасную природу и читая романъ, а иногда рѣчи Massillon'а или Bourdaloux.

Въ веснѣ есть что-то особенное, что располагаетъ душу къ религіозному чувству. Наши способности, чувства будто нѣмѣютъ зимой; но благодѣтельное дуновеніе майскаго вѣтра быстро насъ оживляетъ, и наши желанія, надежды пробуждаются вмѣстѣ съ природой, которая выходитъ изъ своего долгаго оцѣпенѣнія.

Однажды послѣ обѣда, когда я тамъ сидѣла и отдалась очень интересному чтенію, такъ какъ, насколько помню, читала «Саламандру» Евгенія Сю — сочиненіе, которое только что вышло и которое я читала съ жадностью, — я услышала возлѣ себя шаги, подняла глаза и увидѣла передъ собой князя В. У меня вырвался крикъ изумленія, и съ негодованіемъ я ему сказала:

— Какъ вы осмѣливаетесь приходить сюда, когда обѣщали не приходить? Чего вы отъ меня хотите и за кого меня принимаете?

— Я въ послѣдній разъ хочу убѣдиться, все ли вы неумолимы.

---

[1]) Мать Льва Николаевича Толстого.
[2]) Отецъ Л. Н. Толстого.

Библиотека "Руниверс"

Я хочу еще знать, почему я вамъ не нравлюсь. Неужели у васъ бронзовое сердце, madame, что вы не тронуты моимъ постоянствомъ: вотъ уже четыре года, какъ я васъ люблю, и никакое препятствіе меня не страшитъ; я могу все перенести, кромѣ вашей холодности. Я васъ люблю больше, чѣмъ когда-нибудь. Я думалъ доказать вамъ это, заставъ васъ въ тотъ моментъ, когда вы навѣрно меня не ожидали. Ужъ два дня я слѣжу за каждымъ вашимъ шагомъ. Я васъ видѣлъ издали: вы ѣхали въ коляскѣ къ Толстымъ. У васъ былъ сіяющій видъ. На вашемъ лицѣ были написаны радость и довольство. Между тѣмъ я жилъ въ жалкой хижинѣ, надѣясь васъ скоро встрѣтить. Я видѣлъ графа, о которомъ вы мнѣ разсказывали съ такимъ энтузіазмомъ, и убѣдился, что я ничѣмъ не хуже его.

Произнося послѣднія слова, онъ принялъ важную позу, гордо поднялъ голову, убѣжденный, что я уничтожена его превосходствомъ, но я отвѣтила:

— Вы, несомнѣнно, — чудо красоты въ сравненіи съ графомъ. Я не буду оспаривать преимущество, которое свѣтскія дамы могутъ принять въ соображеніе и которое только одно могло бы говорить въ вашу пользу. Знайте, милостивый государь, что я всегда предпочитаю духовное матеріальному.

Мой отвѣтъ его оскорбилъ, и онъ съ досадой сказалъ:

— Вы, значитъ, очень его любите?

— Да, милостивый государь, вы видите, что всѣ ваши мнимыя доказательства любви, чтобы не сказать ваши сумасбродства, безполезны: я люблю его и увѣрена, что онъ мнѣ платитъ тѣмъ же, хотя и не говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Прощайте, сказалъ онъ, играйте моей любовью, потѣшайтесь надо мной, но это мнѣ не помѣшаетъ любить васъ вѣчно.

Онъ вырвалъ у меня березовую вѣтку, которой я отмахивалась отъ мухъ, говоря:

— Эта вѣтка будетъ у меня единственнымъ воспоминаніемъ о васъ.

Я ушла, пожелавъ ему большаго успѣха въ другомъ мѣстѣ и рѣшительно приказавъ оставить меня въ покоѣ, такъ какъ его преслѣдованія мнѣ надоѣли.

Когда я вернулась домой, мнѣ было очень грустно, и я не знала, съ кѣмъ мнѣ подѣлиться этимъ неожиданнымъ происшествіемъ. Съ этого времени я князя В. больше не видала, но узнала, что спустя долгое время онъ снова женился.

На слѣдующій день я возвратилась въ свое любимое убѣжище и онѣмѣла отъ изумленія: всѣ прекрасныя деревья были срублены, кромѣ того, которое осѣняло мою скамейку. Глаза мои

Библиотека "Руниверс"

наполнились слезами, и я спросила крестьянъ, кто имъ приказалъ вырубить эту прекрасную рощу.

— Графъ, барыня, приказали вырубить ее сегодня же, отвѣтили работники.

— Это очень жестоко и мстительно со стороны графа, воскликнула я.

Я никогда не могла узнать, что именно побудило его причинить мнѣ эту непріятность: встрѣтилъ ли онъ князя В., видѣлъ ли издали, что тотъ пришелъ въ рощу. Мы объ этомъ никогда не говорили.

Отговариваясь нездоровьемъ, я нѣсколько дней не ходила въ Ясную Поляну. При нашей первой встрѣчѣ я была съ нимъ очень холодна, а онъ язвительно посмѣивался и исподтишка забавлялся моимъ неудовольствіемъ.

Въ августѣ графиня опасно заболѣла. Нервная горячка унесла ее въ нѣсколько дней. Во время ея болѣзни я заботилась о ней, какъ только могла. При мнѣ она испустила послѣдній вздохъ, такъ какъ я удалила всю семью изъ комнаты той, которая еще боролась со смертью.

Скорбь графа была основана скорѣе на сознаніи, чѣмъ на чувствѣ. Этому онъ былъ обязанъ спокойствіемъ, которое радовало его семью. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что въ продолженіе 8 лѣтъ совмѣстной жизни она была съ нимъ счастлива. Теперь онъ ее искренно жалѣлъ и исполнилъ по отношенію къ ней долгъ добраго христіанина.

Человѣкъ не можетъ разсчитывать на постоянство: онъ подвергнутъ капризамъ судьбы. Надѣленный обширнымъ разумомъ и твердой волей, которой, кажется, ничто не можетъ противостоять, онъ чертитъ планы своего счастья, стремится къ нему, достигаетъ и когда думаетъ, что ужъ упрочилъ его, съ грустью долженъ видѣть его крушеніе. Графиня, такъ желавшая имѣть дочь, была счастлива, видя исполненіе своего желанія; но ея радость была непродолжительна: дѣвочкѣ не было еще и 6 мѣсяцевъ, когда мать умерла. Съ какой жадностью должны мы пользоваться минутами счастья, которыя намъ даритъ судьба!

Эта кончина оставила въ семьѣ большую пустоту. Кузина графа — Т. А. Ергольская стала вести хозяйство, занялась воспитаніемъ дѣтей и особенно заботилась о маленькой графинѣ...

Вниманіе графа становилось все болѣе замѣтнымъ и настойчивымъ. Его взгляды выражали все больше нѣжности.

Однажды (послѣ смерти матери) я была у нихъ очень печаль-

Библиотека "Руниверс"

ной. Мы были въ большой гостиной. Я стояла, прислонившись къ амбразурѣ окна. Графъ приблизился ко мнѣ и сказалъ:

— Когда же я увижу спокойствіе на вашемъ лицѣ?

— Оно не приходитъ легко послѣ такой потери. Вы знаете, какъ она меня любила.

— Да, возразилъ онъ, я это знаю, но я знаю также человѣка, который любитъ васъ не меньше, чувствуетъ къ вамъ привязанность такую же горячую и безкорыстную, какъ материнская.

При этихъ словахъ я подняла на него глаза, полные слезъ. Я не ожидала отъ него этого признанія. Онъ взялъ мою руку, нѣжно поцѣловалъ и сказалъ:

— Развѣ вы не знаете, что я давно ужъ васъ люблю? Не бойтесь, мое чувство не оскорбитъ васъ, оно не низменно: это — порывъ души, симпатія сердца; я люблю васъ, какъ божество. Добродѣтель и честность — основы моей любви. Я васъ люблю сердцемъ, а не чувствомъ; между этими родами любви нѣтъ сходства: одно — цѣпь, приковывающая насъ къ землѣ и погружающая въ нравственное униженіе, другое — даръ небесъ, очищающій, воспламеняющій и возвышающій душу.

Слушая эти пріятныя слова, я стояла пораженная и нѣмая. Что могла я отвѣтить? Онъ только что выразилъ мою мечту: я именно такъ понимала любовь, которая, какъ магнитъ, притягивала меня къ нему ужъ восемь лѣтъ. Это было одновременное влеченіе сердецъ, которыя соединились послѣ того, какъ изучили и поняли другъ друга. Я не имѣла силы отвѣчать, но мой взглядъ былъ достаточно краснорѣчивъ. Кто-то вошелъ въ гостиную, и нашъ разговоръ былъ прерванъ.

На слѣдующій день я узнала, что по дѣламъ мнѣ необходимо ѣхать въ Москву. У моей старшей дочери заболѣлъ глазъ, и я должна была везти ее къ хорошему окулисту, такъ какъ въ память матери я больше заботилась объ этомъ ребенкѣ, чѣмъ о другихъ. Кромѣ того, моя дорогая тетя Агриппина энергично настаивала, чтобы я поѣхала съ ней. Я рѣшила ѣхать и отправилась проститься съ семействомъ графа. Провожая меня до экипажа, онъ сказалъ:

— Вы уѣзжаете, не сказавъ мнѣ ни слова, отвѣчаете ли вы на мое чувство.

— Да, отвѣтила я, садясь въ экипажъ, и лошади понеслись крупной рысью.

Теперь я удивляюсь, откуда у меня бралась сила быть такой сдержанной съ человѣкомъ, котораго я любила, какъ извѣстно, ужъ столько лѣтъ.

Прибывъ въ Москву, я остановилась у дорогой Агриппины,

Библиотека "Руниверс"

которая занимала прекрасный домъ на Тверскомъ бульварѣ. Я сейчасъ же послала узнать о моей тетѣ Тухачевской и кузинѣ К.

Надо сказать нѣсколько словъ о кузинѣ К., которую я оставила среди роскоши. Послѣ развода она стала равнодушна ко всему на свѣтѣ, жила въ Москвѣ съ моей тетей Тухачевской, дѣла которой по смерти мужа были въ такомъ безпорядкѣ, что она должна была совсѣмъ измѣнить свою жизнь. Она простилась съ роскошью, празднествами и блескомъ, жила въ одномъ домѣ съ моей кузиной, занимала двѣ маленькія комнатки, правда, довольно чистыя, но я привыкла видѣть ее въ совсѣмъ иной обстановкѣ, и мое сердце обливалось кровью, видя ее въ такомъ положеніи...

Моя кузина К. заболѣла такъ сильно, что ея не могъ вылѣчить ни одинъ петербургскій врачъ. Въ Москвѣ былъ докторъ французъ, который съ помощью магнетизма творилъ чудеса. Кузина захотѣла испытать и это средство; оно оказалось очень дѣйствительнымъ.

Я уже говорила, что она 16-ти лѣтъ вышла замужъ за очень богатаго человѣка, котораго совсѣмъ не любила. Она жила съ нимъ въ Петербургѣ цѣлыхъ 8 лѣтъ, носила его имя, и только это ихъ соединяло, такъ какъ она оставалась дѣвственной. Въ ту минуту, когда брачное сожительство ихъ должно было осуществиться, съ ней сдѣлались конвульсіи, которыя напугали ея мужа. Съ этого времени онъ былъ такъ почтителенъ, что не возобновлялъ своей попытки, и они стали жить въ отдѣльныхъ аппартаментахъ. Ему нравилось доставлять ей удовольствія; у нея было все. Свѣтъ, зная о ея дѣвственности, удивлялся ея равнодушію къ безчисленнымъ обожателямъ и даже къ человѣку, которому не пыталась противиться еще ни одна женщина, кромѣ нея [1]). Для нея еще не наступила пора любви; ея душа еще не встрѣтила своей сестры, которую находятъ не всегда у принцевъ, графовъ, генераловъ или другихъ сановниковъ. Она продолжала искать душу, предназначенную для соединенія съ ея душой...

Кузина К., женщина въ высшей степени чистая, цѣломудренная, добродѣтельная, возгорѣлась неугасимой страстью къ доктору Dalonai. Магнетизмъ ли породилъ это чувство или взаимное притяженіе двухъ созданныхъ одна для другой душъ, предоставляю рѣшить другимъ, могу только сказать, что они любили другъ друга безъ памяти.

Докторъ былъ прекрасенъ, любезенъ, остроуменъ, отличался той французской вѣжливостью, которой завидуютъ всѣ націи. Къ несчастью, въ Парижѣ у него была жена, и кузина К. не могла

---

[1]) Сверху карандашомъ написано: «l'Empereur Alexandre I».

Библиотека "Руниверс"

носить его имя. Въ свѣтѣ ея супруга, законнаго передъ Богомъ, называли ея любовникомъ. Нѣтъ необходимости говорить, что она подвергалась осужденію злыхъ, но будучи женщиной-философомъ, порвала со свѣтомъ и стала жить только для того, кого любила. Прежде чѣмъ строго судить женщину, надо знать ея прошлую жизнь, происхожденіе ея ошибокъ, ихъ причину. Madame Сталь по этому поводу сказала: «я извиняю, такъ какъ понимаю». Она сказала это ужъ въ старости: только тогда узнаютъ цѣну сужденій свѣта. Съ какой жадностью, падкій на злословіе, свѣтъ воспользовался случаемъ оклеветать непорочную женщину! Сколько она пріобрѣла завистниковъ и ревнивцевъ, поправъ ногами всѣхъ этихъ господъ! Она не испугалась бѣшенства постоянно возрождающейся гидры и не устрашилась открыто признаться въ любви къ французу-доктору Dalonai. Если бы у общества было больше прозорливости и проницательности, оно умѣло бы отличить истину отъ лжи и было бы менѣе вредно и гораздо болѣе правдиво; но, горя нетерпѣніемъ произнести свой судъ, оно останавливается на лживыхъ признакахъ и произноситъ безразсудное осужденіе. Искренное и честное поведеніе обыкновенно строго и часто несправедливо осуждается, между тѣмъ какъ лицемѣріе нерѣдко почитается за добродѣтель. Развѣ мало женщинъ, занимающихъ высокое положеніе въ свѣтѣ, отдаются разнаго рода порокамъ, которые онѣ скрываютъ подъ внѣшнимъ блескомъ, благодаря чему избѣгаютъ кривотолковъ злословцевъ? Развѣ эти самыя женщины, пресыщенныя всѣми удовольствіями, не будутъ нападать на нравственность той, у которой хватило благородства открыто признаться въ неизмѣнной любви къ предмету своей страсти? Эта превосходнѣйшая изъ женщинъ, которой надо было бы удивляться вмѣсто того, чтобы осуждать, была, какъ говорятъ, головой выше всѣхъ; она презирала оскорбленія, которыми ее хотѣли огорчить, и жила только для того, кто ее понималъ и цѣнилъ.

Истинная добродѣтель снисходительна къ слабостямъ другихъ и строга только къ самой себѣ. Чувство моей кузины никому не вредило: ея мужъ снова женился, жена доктора покинула его уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Итакъ, они были свободны заключить новый союзъ. Всякій, кто имѣетъ здравый разсудокъ и доброе сердце, будетъ въ этомъ спорѣ на моей сторонѣ; однако мнѣ не безызвѣстно, что общество продолжало считать ихъ связь незаконной.

Доткоръ Dalonai сильно любилъ мою кузину. Она платила ему тѣмъ же. Я была свидѣтельницей ихъ взаимной любви и имѣла случай лично убѣдиться, что женщина второй молодости, т.-е.

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ тридцати, любитъ сильнѣе, нѣжнѣе, чѣмъ молодая. Она щедрой рукой осыпаетъ своего избранника вниманіемъ и ласками, такъ что заставляетъ забывать, что она не въ цвѣтѣ своей первой красоты; она скупа въ своемъ чувствѣ, такъ какъ это — послѣдній порывъ ея любви. Красота кузины К. не бросалась въ глаза, а мало-по-малу запечатлѣвалась въ сердцѣ человѣка, глубоко тамъ внѣдрялась и давала увѣренность, что сохранитъ любовь того, кому ее внушила.

Послѣ взаимныхъ изліяній горя и радости кузина повела меня въ свои комнаты. Каково было мое удивленіе, когда она представила мнѣ троихъ своихъ дѣтей — мальчика и двухъ дѣвочекъ. Съ слезами на глазахъ она мнѣ сказала:

— Вотъ моя семья, кузина; я вамъ показываю ее съ рискомъ пасть въ вашемъ мнѣніи.

Я бросилась въ ея объятія. Наши слезы смѣшались. Затѣмъ я ей отвѣтила:

— Вы падете въ моемъ мнѣніи? Какое я имѣю право васъ осуждать? Развѣ вы не свободны любить, кого хотите? Если вы полагаете, что любите достойнаго человѣка, вы идете правильной дорогой; я васъ увѣряю также, что все, касающееся васъ, мнѣ дорого.

Она была удивлена моими словами. Она привыкла видѣть во мнѣ ребенка, относившагося къ ней съ почтеніемъ. Съ этого времени она начала обходиться со мной, какъ съ равной, и даже съ уваженіемъ. По удовольствію, мелькнувшему на ея лицѣ, я поняла, что ей было пріятно найти сочувствіе въ моей душѣ; она мнѣ сказала:

— Весь свѣтъ, начиная съ вашего крестнаго, который на меня сердится и совершенно по отношенію ко мнѣ измѣнился, думаетъ не такъ, какъ вы. Мы съ вашимъ крестнымъ однихъ лѣтъ, вмѣстѣ воспитывались и я думала, что скорѣе всего я могу разсчитывать на его снисходительность.

— Вы слишкомъ добры, разсчитывая, какъ вы говорите, на его снисходительность, отвѣтила я. Онъ совершенно несправедливо присваиваетъ себѣ право осуждать ваше поведеніе. Развѣ самъ-то онъ безукоризненъ и совершененъ? Если бы вы полюбили такого же высокопоставленнаго человѣка, какъ онъ, онъ, навѣрное, иначе посмотрѣлъ бы на это. Я даже подозрѣваю, что онъ любилъ васъ, не предполагая, что у васъ есть къ кому-нибудь склонность. Зная, что вы никому не принадлежали, онъ далъ свободу чувству, которое считалъ братскимъ, а оно было не что иное, какъ страсть. Онъ едва могъ повѣрить, что вы потеряны для него навсегда. У него не было достаточно власти надъ собой,

Библиотека "Руниверс"

чтобы заглушить свою ревность и удержать въ себѣ братскую любовь. Развѣ не эгоистично такое чувство? Хорошій и любящій братъ любитъ все то, что и сестра, одобряетъ ея выборъ и остерегается ее обижать, но любовь къ вамъ крестнаго совсѣмъ иного рода. Я слышала, какъ онъ однажды сказалъ:

— Разъ ужъ кузина К. могла подпасть подъ вліяніе страсти, я больше не вѣрю въ добродѣтель ни одной женщины.

Я ему тогда замѣтила, что женщина можетъ сохранить добродѣтель и тогда, когда питаетъ къ кому-нибудь сильную страсть. Я дала ему почувствовать, что истинная любовь можетъ быть только въ добродѣтельной душѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня и не удостоилъ отвѣта.

Пока мы съ кузиной разговаривали, пришелъ докторъ. Она мнѣ его представила. Онъ мнѣ очень понравился.

Пробывъ мѣсяцъ въ Москвѣ я возвратилась къ себѣ, но едва пріѣхала, какъ получила письмо отъ крестнаго. Онъ желалъ меня видѣть и приглашалъ къ себѣ праздновать день его рожденія — 17 февраля. Мы съ мужемъ поѣхали. Графъ насъ сопровождалъ, и у крестнаго я ему призналась въ своихъ чувствахъ...

Однажды въ разговорѣ графъ спросилъ меня, читала ли я Новую Элоизу. Я отвѣчала утвердительно.

— А помните ли вы, продолжалъ онъ, второе письмо, которое написалъ ей St.-Preux?

Я поняла намекъ и, принявъ важный тонъ, сказала:

— Я очень ошибалась, разсчитывая, что моя душа найдетъ въ вашей чистое убѣжище. Я думала, что вы поняли меня и смотрѣла на наше взаимное чувство, какъ на священный завѣтъ, котораго не осквернитъ ни одно преступное слово.

Онъ сознался въ своей винѣ, попросилъ извиненія и обѣщалъ въ будущемъ не переходить границъ дозволеннаго.

Между тѣмъ я получила приглашеніе отъ человѣка, котораго очень любила и уважала, отъ матери близкаго друга графа. Это была женщина высокаго и свѣтлаго ума, добрая и благотворительная. Я всегда съ большимъ удовольствіемъ бывала у нея, и моя привязанность къ ней была тѣмъ крѣпче, что я была дружна съ ея дочерью — молодой особой моихъ лѣтъ, крестной матерью моей старшей дочери, при всякомъ свиданіи осыпавшей свою крестницу вниманіемъ и ласками. Эта семья часто недѣли по двѣ гостила у графа. Тамъ я съ ней и подружилась. Сынъ этой

Библиотека "Руниверс"

дамы былъ другомъ дѣтства графа и впослѣдствіи подружился и съ моимъ крестнымъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, кого, узнавъ, нельзя не любить и не уважать. Онъ былъ преданнымъ сыномъ, нѣжнымъ братомъ, искреннимъ и преданнымъ другомъ. Мнѣ такъ нравилось быть въ средѣ этой семьи, что я превозмогала свою лѣнь къ путешествіямъ и охотно дѣлала каждый годъ 80 верстъ, чтобы доставить себѣ это удовольствіе. 18 мая были именины мои и барышни. Этотъ день я почти каждый годъ проводила съ своей старшей дочерью въ этой семьѣ, гдѣ находила всѣхъ, кто мнѣ былъ дорогъ. Графъ и крестный бывали тамъ каждый разъ. Я проводила нѣсколько дней очень пріятно, а на этотъ разъ разсчитывала быть еще счастливѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ графъ сдѣлалъ мнѣ формальное признанье. Въ деревнѣ весной мы могли свободно гулять и разговаривать, не боясь, что кто-нибудь услышитъ Мы могли говорить о нашей любви подъ открытымъ чистымъ небомъ. Всѣ красоты природы только очищали наши души, дѣлали ихъ болѣе воспріимчивыми къ пріятнымъ впечатлѣніямъ, которыя въ насъ возбуждало взаимное чувство.

Тамъ была одна дѣвица уже не первой молодости, родственница хозяйки дома, очень кокетливая и довольно сомнительнаго поведенія. Она злилась, что графъ и крестный не обращали на нее ни малѣйшаго вниманія; послѣдняго въ отместку она звала *мучнымъ мѣшкомъ*. Замѣтивъ, что графъ за мной ухаживаетъ, она постоянно старалась въ разговорѣ какъ-нибудь меня уколоть. Разъ за ужиномъ былъ поднятъ вопросъ о ревности при крестномъ, который считался очень ревнивымъ и не безъ безпокойства замѣчалъ ухаживаніе за мной графа. Онъ наблюдалъ за нами издали, впрочемъ — былъ спокоенъ, такъ какъ зналъ графа за человѣка честнаго и зналъ мое мнѣніе на счетъ подобныхъ вещей. Я была того мнѣнія, что нельзя не довѣрять человѣку, котораго любятъ и уважаютъ. Графъ, наоборотъ, утверждаетъ, что ревность — сестра и подруга любви, и, когда дѣйствительно любятъ, ревнуютъ ко всѣмъ, кто приближается къ предмету любви. На это я безо всякаго размышленія сказала:

— Что же вы способны сказать той, которую любите, то же, что отвѣтилъ Амуръ Психеѣ на вопросъ, ревнивъ ли онъ?

Я довольно простодушно привела стихи, которыя Корнель вкладываетъ Амуру:

Я тебя ревную, о Психея!
Къ солнышку: оно ужъ слишкомъ часто
На тебя лучи свои бросаетъ;
Къ вѣтерку: онъ, нѣжно кругомъ вѣя,

Библиотека "Руниверс"

Пролетая мимо, слишкомъ страстно
Твои кудри чудные ласкаетъ.
Въ дивныя уста твои влетаетъ
Воздухъ слишкомъ ужъ порывисто, любовно.
Стройный станъ твой платье облегаетъ
Слишкомъ близко, слишкомъ, слишкомъ плотно.
Я тебя къ природѣ всей ревную
И боюсь, тревогой сердце бьется,
Лишь подумаю, что дорогую
Хоть на мигъ покинуть мнѣ придется [1]).

Всѣ были поражены красотой отвѣта и точностью моей памяти, а барышня стала издѣваться и нашла мой отвѣтъ неподходящимъ и неприличнымъ. Когда она произнесла послѣднее слово, графъ поблѣднѣлъ, знакомъ просилъ меня молчать и такъ хорошо осадилъ безстыдную дѣвицу, что она весь вечеръ не осмѣливалась открыть рта. Графъ былъ очень находчивъ; это — большое преимущество. Онъ просилъ меня не садиться больше рядомъ съ этой дѣвицей.

— Но почему же она думаетъ, спросила я его, что я не должна была произносить этихъ стиховъ?

— Оставайтесь, сказалъ онъ, при своей простодушной невинности, которой еще не коснулась порочная мысль. Сердце чистое и прямое ничего не перетолковываетъ въ дурную сторону: оно судитъ по себѣ; а безстыдная дѣвица во всемъ находитъ дурное. Что касается меня, я хвалю любовную ревность, она мнѣ кажется далеко не преувеличенной, такъ какъ я хотѣлъ бы быть воздухомъ, который вы вдыхаете, и платьемъ, которое такъ близко васъ облегаетъ. Ахъ, повѣрьте, что мое чувство къ вамъ велико и возвышенно!

Когда онъ говорилъ это, на его глазахъ были слезы.

— Смотрите на меня, продолжалъ онъ, какъ на своего вѣрнаго, преданнаго раба. Я — въ вашей власти и страстно люблю мои цѣпи. Вы — мое счастье. Все мое удовольствіе всегда будетъ состоятъ въ посвященіи вамъ всего себя и въ доставленіи вамъ

---

[1]) Переводъ мой. Въ подлинникѣ такъ:
Je le suis ma Psyché de toute la nature —
Les rayons du soleil vous frappent trop souvent,
Vos cheveux souffrent trop les caresse du vent,
Dès qu'il les flatte j'en murmure;
L'air même que vous respirez
Avec trop de plaisir passe par votre bouche,
Votre habit de trop près vous touche,
Et si-tôt que vous soupirez,
Je ne sais quoi qui m'effarouche,
Crains parmi vos soupirs des soupirs égarés. *Прим. перев.*

Библиотека "Руниверс"

счастья. Я не желаю никакой перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ: я счастливъ, что любимъ вами.

Этотъ разговоръ происходилъ послѣ ужина. Мы сидѣли въ отдаленіи. Видя, что крестный съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда можно будетъ уйти, и, можетъ быть, съ еще большимъ нетерпѣніемъ — конца нашего разговора, я первая поднялась съ мѣста. Въ своей комнатѣ я думала объ этомъ прекрасномъ днѣ; каждое слово еще раздавалось въ моихъ ушахъ. Такіе дни и минуты — неоцѣненные подарки. Они бываютъ только разъ въ жизни. Позднѣе ихъ вовсе не встрѣтишь. Нѣтъ, никогда, никогда не возвращается прошедшая молодость!

Будутъ удивляться, что я такъ спокойно призналась графу въ своемъ чувствѣ, не зная, что я считала себя совершенно свободной. Я свободна любить кого угодно, могу съ чистой совѣстью выйти снова замужъ: первый бракъ былъ недѣйствителенъ, такъ какъ я совсѣмъ не знала, что дѣлала, какое обязательство на себя принимала. Я была еще ребенкомъ, лишеннымъ разума, необходимаго для того, чтобы договариваться законнымъ образомъ. Для законности контракта необходимо, чтобы договаривающіяся стороны понимали что дѣлаютъ, а я была еще ребенкомъ, котораго мать принесла въ жертву обманщику. Онъ обманулъ мою мать, сказавъ ей, что у него только одинъ братъ. Позднѣе онъ нарушилъ клятву, данную мнѣ предъ алтаремъ. Это еще одинъ поводъ, который могъ бы уничтожить мой бракъ, если даже предположить, что онъ законенъ: одной изъ договаривающихся сторонъ не исполняются условія контракта, тѣмъ самымъ другая сторона освобождается отъ своихъ обязательствъ и возвращается къ своей прежней свободѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что я совершенно свободна выбирать другого мужа, который могъ бы сдѣлать меня счастливой и вознаградить за всѣ прежнія страданія.

Итакъ, я могла любить графа, не боясь угрызеній совѣсти. Я себя утѣшала еще убѣжденіемъ, что совершенно невинна передъ Богомъ, судъ Котораго несравненно справедливѣе людского.

На слѣдующій день я снова увидѣла графа за завтракомъ. На мнѣ былъ очень изящный утренній туалетъ. Пошли смотрѣть на постройку дома, которая скоро должна была закончиться. Графъ подалъ мнѣ руку. Мы шли по берегу судоходной рѣки, протекавшей совсѣмъ близко отъ дома. При видѣ большой лодки, плывшей по рѣкѣ, графъ сказалъ:

— Счастливъ, кто можетъ плавать съ той, которую любитъ, и быть скрытымъ отъ всей вселенной. Если проведешь жизнь

Библиотека "Руниверс"

съ предметомъ своего обожанія, можно спокойно умереть и благодарить небо за дарованное счастье.

Послѣ этихъ размышленій зловѣщее предчувствіе овладѣло его душой и подсказало ему, что долгое и счастливое существованіе не его удѣлъ. Почти четверть часа прошли мы, не произнося ни одного слова. Мы были смущены, но никто не думалъ, что молчаніе иногда краснорѣчивѣе самаго одушевленнаго разговора.

Всѣ разошлись, чтобы переодѣться. Я люблю эти собранія цивилизованныхъ людей въ деревнѣ, гдѣ есть всѣ удобства жизни и можно провести нѣсколько дней безъ скуки и не мѣняя своихъ привычекъ. Намъ трудно довольствоваться жизнью нашихъ бабушекъ: онѣ цѣлый день проводили въ гостиной, расхаживали отъ одного гостя къ другому, стараясь всѣхъ занять. И эти тягостные дни назывались днями увеселеній. Къ счастью, цивилизація освободила насъ отъ этихъ трудныхъ обязанностей. Мы собирались за обѣдомъ и проводили его очень весело. Крестный и графъ бросали иногда нѣсколько ѣдкихъ словъ по адресу дѣвицы, которая недавно осмѣлилась на меня напасть.

Однажды черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда кто-то предложилъ пройтись въ окрестный лѣсъ. Всѣ съ удовольствіемъ приняли это предложеніе. Мы отправились всѣмъ обществомъ. Въ лѣсу были ландыши; на нихъ съ жадностью всѣ набросились. Желая набрать этихъ цвѣтовъ побольше, мы разсѣялись въ разныя стороны. Утомившись, я оглянулась, увидѣла, что была одна, и послѣдовала первому пришедшему мнѣ въ голову рѣшенію: пошла по той же дорогѣ, время отъ времени зовя спутниковъ. Когда я услышала около себя шумъ и повернула голову, то съ радостью увидѣла графа, который смѣялся надъ моимъ испугомъ.

— Вы слишкомъ плохо обо мнѣ думаете, сказалъ онъ, если могли предположить, что я васъ потеряю изъ вида въ такомъ большомъ лѣсу. Если я не ошибаюсь, это — западня со стороны злой дѣвицы, которой, видимо, хотѣлось, чтобы вы заблудились: всякій разъ какъ вы наклонялись, собирая цвѣты, она пользовалась этимъ моментовъ, чтобы отъ васъ удалиться. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы она попала въ свою собственную западню.

Онъ далъ мнѣ руку, и мы вышли на долину, гдѣ сѣли немного отдохнуть. Графъ нѣсколько разъ уже звалъ сотоварищей по прогулкѣ, когда, запыхавшись, пришелъ крестный: онъ искалъ меня, думая, что я заблудилась. Немного отдохнувъ, мы пошли домой черезъ необработанныя поля и тысячу овраговъ.

Хозяйка стала ужъ безпокоиться вслѣдствіе нашего долгаго отсутствія, такъ какъ время чаепитія давно прошло. Черезъ полчаса послѣ насъ возвратились братъ съ сестрой. Барышня,

Библиотека "Руниверс"

говорили, вернулась только ночью. Пришлось послать за ней людей.

Графъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ей:

— Не забыли ли вы евангельскаго текста, гласящаго: «Никогда не желай твоему ближнему того, чего не желаешь себѣ, а то попадешь въ свою западню?»

Она сдѣлала видъ, что не поняла, но онъ прибавилъ:

— Невинность всегда выходитъ торжествующей изъ нападеній, которыя дѣлаетъ на нее порокъ.

Черезъ нѣсколько дней все общество наше разъѣхалось, назначивъ предварительно день ближайшей встрѣчи.

Но, увы! кто изъ насъ можетъ здѣсь разсчитывать хоть на одинъ день? Кто можетъ (чтобы, самое меньшее, не быть признаннымъ сумасшедшимъ) сказать: «завтра я буду счастливъ?» Такова бренность всего существующаго на землѣ! Нельзя возымѣть никакого желанія, нельзя ничего ждать отъ будущаго, слѣдуетъ видѣть вещи, какъ онѣ есть, и не придавать имъ большей цѣнности, чѣмъ онѣ имѣютъ въ глазахъ мудреца. Есть люди, разсуждающіе такъ обо всемъ. и ни одно происшествіе не возбуждаетъ въ нихъ ни радости ни скорби. Должны ли мы завидовать имъ и стремиться къ ихъ безразличію? Нѣтъ! Такъ какъ для нихъ солнце всегда одинаково, и, — свѣтитъ ли оно, спрячется ли за облака, — ихъ душа всегда спокойна; для нихъ энтузіазмъ — слово изъ другого міра, страсть — загадка; однако мнѣ пришлось однажды завидовать ихъ апатіи и сожалѣть, что я не думаю такъ, какъ они.

Нѣсколько дней спустя послѣ моего возвращенія домой, одинъ изъ моихъ слугъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что скоро пріѣдетъ братъ...

Послѣ первыхъ и радостныхъ, и печальныхъ изліяній, братъ мнѣ сказалъ:

— Я разсчитывалъ тебя встрѣтить въ моей деревнѣ, а не здѣсь.

— Почему же? возразила я. Ты вѣдь знаешь, какъ я люблю свою прекрасную деревню. Съ какой же стати мнѣ ее покидать?

— Это все хорошо, но какъ ты могла думать, что я буду жить одинъ въ огромномъ домѣ? Потомъ, кто же займется моимъ хозяйствомъ? Я въ немъ ничего не смыслю. Я вернулся въ увѣренности, что мы образуемъ одну семью. Развѣ мать моя не поручила меня тебѣ? Кто же у меня во всемъ свѣтѣ ближе тебя? Такъ какъ моя деревня, домъ, садъ, гораздо лучше здѣшнихъ, то необходимо, чтобы ты тамъ поселилась. Ты станешь во главѣ всего дома. Я хочу, чтобы ты была счастлива, возобновила свою прежнюю

Библиотека "Руниверс"

жизнь въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы родились. Твой мужъ и я будемъ въ твоемъ распоряженіи. Ты будешь нашей правительницей. Мы не будемъ тебя называть иначе. Видѣть тебя всегда довольной и веселой будетъ единственной цѣлью моей жизни и моей единственной радостью.

Говоря это, онъ прижалъ меня къ сердцу. Я хранила глубокое молчаніе: предложеніе это было такъ неожиданно, такъ ново, что мнѣ трудно было прійти въ себя отъ удивленія...

Вся семья графа приняла участіе въ радости, которую мнѣ доставило возвращеніе брата. Когда имъ сообщили о предложеніяхъ брата, они единодушно привѣтствовали ихъ, нашли ихъ возвышенными и во всѣхъ отношеніяхъ выгодными для моего семейства.

— Вы забываете, дорогіе друзья, возразила я, что я должна васъ покинуть, что обязанности мои будутъ гораздо труднѣе. Мнѣ нельзя будетъ васъ видѣть такъ же часто: насъ будетъ раздѣлять разстояніе въ 60 верстъ.

Когда я на минуту осталась съ графомъ наединѣ, я сказала ему, что окончательнаго отвѣта еще не дала и жду его совѣтовъ.

— Спасибо за ваше довѣріе ко мнѣ, отвѣтилъ онъ; я имъ, конечно, не злоупотреблю. Мое первое стремленіе всегда будетъ направлено на вашу пользу: я обыкновенно забываю себя для тѣхъ, кто мнѣ дорогъ. Вы не можете отказаться отъ такихъ выгодныхъ предложеній. А также, что будетъ съ молодымъ человѣкомъ безъ васъ? Вашъ долгъ замѣнить ему мать тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о домашней жизни. Что скажутъ всѣ ваши родные, если вы его покинете, и онъ надѣлаетъ неблагоразумныхъ поступковъ?

— Я вполнѣ согласна съ вашими замѣчаніями, отвѣтила я, но когда братъ захочетъ жениться и мнѣ придется оставить его домъ, непремѣнно ужъ найдутся злые языки, которые скажутъ, что мной руководила одна корысть. Къ тому же я такъ люблю брата, что не буду въ состояніи раздѣлить съ кѣмъ-нибудь его привязанность. Несомнѣнно, я никогда не буду любить его жены.

— Зачѣмъ вы думаете о несуществующихъ затрудненіяхъ? Надо пользоваться счастьемъ: оно приходитъ къ намъ такъ рѣдко. Итакъ, исполните долгъ, который на васъ налагаютъ узы крови, и вы получите удовлетвореніе. Мы спокойны только тогда, когда совѣсти не за что насъ упрекать.

— Но мнѣ кажется, что между нами встанетъ преграда, и вы не будете больше любить меня такъ, какъ любите.

— Вы меня плохо знаете, мой обожаемый другъ. Будьте

Библиотека "Руниверс"

покойны, мое чувство къ вамъ не изъ тѣхъ, которыя мѣняются: оно сойдетъ со мной въ могилу.

Этотъ разговоръ ободрилъ меня. Я стала веселѣе и дала согласіе брату, который этимъ былъ очень обрадованъ. Мужъ ворчалъ, что я отсрочивала исполненіе его плановъ. Онъ не смотрѣлъ вдаль и былъ очень счастливъ, что въ его распоряженіи будутъ поля — болѣе обширныя и, слѣдовательно, болѣе удобныя для изощренія его склонности къ агрономіи.

Хотя я должна была жить во дворцѣ въ сравненіи съ моимъ живописнымъ жилищемъ, но я все-таки приказала сдѣлать различныя приготовленія и переѣхала къ брату со всей своей прислугой и имуществомъ только послѣ 26 іюня — дня рожденія графа.

Итакъ, я поселилась на мѣстѣ моего рожденія. Это было для брата верхомъ счастья и блаженства. Онъ ежеминутно готовъ былъ бросаться мнѣ въ объятья. Мой мужъ сталъ во главѣ всего хозяйства, кромѣ женскаго. Я распоряжалась садомъ, огородомъ и златошвейками. Число служанокъ было довольно велико. Я съ трудомъ привыкла отдавать приказанія экономкѣ, въ отношеніи которой всегда была до нѣкоторой степени осмотрительна. Я исполнила волю матери, выдала дочь экономки за учителя русскаго языка. Онъ былъ очень доволенъ приданымъ, которое я дала за его невѣстой.

Графъ посѣщалъ насъ часто. Я была очень весела въ присутствіи любимаго человѣка. Онъ раздѣлялъ мое счастье и питалъ живую привязанность къ моему брату. Иногда шутя онъ говорилъ мнѣ:

— Если вы будете слишкомъ сильно любить вашего брата, буду ревновать.

— О! Это невозможно, отвѣчала я, ваша душа слишкомъ прекрасна, чтобы порицать такое чистое чувство...

Когда графъ бывалъ въ нашемъ кружкѣ съ нѣсколькими друзьями моего брата, очень остроумными и воспитанными, мнѣ было очень отрадно думать, что наше общество могло служить образцомъ людей хорошаго тона. Я любила слушать, какъ они спорили, сидя за круглымъ столомъ въ концѣ обѣда, когда подавали шампанское, которое каждому придавало больше краснорѣчія и отгоняло робость, замѣняя живымъ и свободнымъ вдохновеніемъ. Я и кузины охотно выпивали по два или по три бокала, чтобы отблагодарить мужчинъ за безчисленные тосты, которые они за насъ предлагали.

Библиотека "Руниверс"

Непослушаніе моего старшаго сына причиняло мнѣ много хлопотъ, но я не могла оставить брата, еще не совсѣмъ поправившагося, чтобы поѣхать въ Москву за учителемъ. Эти поиски я отложила до слѣдующей весны.

Графъ, сердечнымъ инстинктомъ отгадывавшій все, что могло мнѣ доставить удовольствіе, предложилъ взять моего сына къ себѣ, хотя никто изъ нашего семейства ему объ этомъ и не заикался. Такъ какъ у его дѣтей былъ хорошій дядька — нѣмецъ, я приняла его предложеніе съ удовольствіемъ. Онъ обращался съ моимъ сыномъ, какъ съ своими дѣтьми, чѣмъ снискалъ мою вѣчную благодарность.

Я выше говорила, что у отца графа было огромное состояніе, но онъ прожился, и всѣ его имѣнія были проданы, не исключая того, гдѣ его мать давала такіе блестящіе балы. Графъ хотѣлъ выкупить его. Онъ научился экономить и могъ исполнить свое желаніе, такъ какъ имѣлъ для этого достаточно средствъ. Онъ велъ образъ жизни не такой, какъ его родители: жилъ уединенно въ своемъ имѣніи, принимая только близкихъ и всѣхъ людей хорошаго тона. Если ему докладывали о визитѣ лица, принадлежащаго къ болѣе низкому классу, онъ приказывалъ говорить, что онъ на охотѣ. Отъ него-то я и пріобрѣла отчужденность отъ простого народа.

Графу очень хотѣлось пріобрѣсти эту деревню, но деликатность мѣшала ему привести свой проектъ въ исполненіе. Онъ много размышлялъ объ этомъ и опасался, какъ бы сестры, ничего не наслѣдовавшія отъ родителей, не стали завидовать этой покупкѣ.

— Это ложная деликатность, говорила я ему, вы пріобрѣтете это имѣніе на ваши собственныя деньги. Если вы этого не сдѣлаете, его купитъ кто-нибудь другой, и ваши сестры еще больше будутъ недовольны; между тѣмъ какъ, зная ихъ добрыя сердца, я убѣждена, что имъ доставитъ удовольствіе видѣть васъ обладателемъ имѣнія, наслѣдственнаго въ вашемъ родѣ. Кажется, я забыла сказать, что одна изъ сестеръ графа была замужемъ за градоначальникомъ въ томъ же городѣ, гдѣ его отецъ былъ губернаторомъ. Она время отъ времени пріѣзжала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Ясную Поляну. Это бывало большимъ праздникомъ для всѣхъ, такъ какъ ея мужъ былъ человѣкъ очень умный и пріятный, воспитанъ іезуитами и хорошій человѣкъ. Она была мила во всѣхъ отношеніяхъ. Именно они были у графа, когда онъ только что высказалъ мнѣ свое желаніе. На слѣдующій же день я открыла сестрамъ графа его планы. Онѣ меня очень благодарили и стали укорять графа за его ложную деликатность.

Библиотека "Руниверс"

– Это вы меня предали?—сейчасъ же сказалъ мнѣ графъ.

— Безъ сомнѣнія, и сдѣлала это для вашего благополучія.

Я была довольна, что ему можно будетъ, наконецъ, сдѣлать давно желанное пріобрѣтеніе. Онъ посвящалъ меня во всѣ свои дѣла, и я совѣтовалась съ нимъ всегда о своихъ.

Зимой мы поѣхали въ городъ. Однажды графъ у насъ обѣдалъ. Въ тотъ же день вечеромъ былъ маскарадъ въ военномъ собраніи. Графъ никогда туда не ходилъ, такъ какъ считалъ это унизительнымъ для своего достоинства. Кузина Д. предложила ему насъ сопровождать. Онъ сдѣлалъ видъ, что удивленъ этимъ предложеніемъ и сказалъ:

— Я никогда туда не хожу.

Этотъ уклончивый отвѣтъ не удовлетворилъ коварную кокетку. Она обратилась ко мнѣ со словами:

— Кузина, почему ты не заставишь его повиноваться? Если бы я имѣла человѣка у своихъ ногъ, какъ ты, я требовала бы, чтобы онъ былъ въ моемъ распоряженіи. Онъ не очень къ тебѣ привязанъ, если можетъ отказать въ такихъ пустякахъ.

Мое самолюбіе было немного уязвлено и я ей отвѣтила:

— Хорошо, даю тебѣ слово, что онъ пойдетъ.

Я пошла къ нему и такъ настойчиво просила, что онъ согласился. Онъ отправился въ маскарадъ съ моимъ мужемъ и братомъ. Мои двѣ кузины и я вскорѣ послѣдовали за ними. Мы нашли тамъ нашего графа окруженнымъ людьми, которые были очень удивлены, видя его въ своей средѣ. Они не знали, чему приписать эту непонятную перемѣну.

Хотя я была одѣта летучей мышью, графъ меня сразу узналъ по походкѣ и сказалъ:

— Вамъ, должно быть, доставляетъ большое удовольствіе смотрѣть на удивленіе, вызванное моимъ присутствіемъ. Никто не сомнѣвается, что я пришелъ только для того, чтобы удовлетворить капризу какой-нибудь прекрасной дамы.

Моему самолюбію льстило, что меня любитъ человѣкъ, котораго всѣ уважаютъ и неожиданное появленіе котораго взволновало все собраніе. Когда мы вернулись домой ужинать, онъ мнѣ сказалъ:

— Вотъ ваше желаніе исполнено. Ахъ, какъ любятъ женщины властвовать!

Онъ былъ очарователенъ во время всего ужина, потомъ уѣхалъ въ деревню...

Библиотека "Руниверс"

Сибирскія воспоминанія 1883—1903 [1].

5.

Проѣздъ черезъ Сибирь наслѣдника престола.

Въ мое пребываніе въ Иркутскѣ произошло крупное событіе въ Сибири. Въ 1891 г. наслѣдникъ русскаго престола, нынѣшній государь, проѣхалъ черезъ всю страну, заселенную кандальнымъ людомъ. По всей Сибири у администраціи возникъ вопросъ, что дѣлать съ государственными преступниками, живущими вдоль Сибирскаго тракта, особенно въ городахъ, на время этого проѣзда. И въ каждомъ пунктѣ вопросъ этотъ разрѣшался различно, сообразно усмотрѣнію мѣстной власти. Такъ, напримѣръ, въ Читѣ ссыльныхъ оставили въ покоѣ. Проживавшій тамъ А. К. Кузнецовъ (по Нечаевскому процессу) былъ уже настоящимъ обывателемъ съ научными заслугами. Онъ основалъ сначала въ Нерчинскѣ, а потомъ въ Читѣ музеи и былъ директоромъ Читинскаго музея.

— Высокій гость несомнѣнно посѣтитъ музей. Какъ же быть съ Кузнецовымъ? Неужели допустить «государственнаго преступника» такъ близко къ наслѣднику престола?

Такія мысли волновали мѣстную администрацію, и она рѣшила убрать Кузнецова съ глазъ долой. Пусть сидитъ дома, а въ музей ни ногой.

Но дѣло такъ повернулось, что при посѣщеніи музея наслѣдникомъ престола никто не могъ дать самыхъ необходимыхъ разъясненій, и тутъ же открылось, что директоръ музея упрятанъ. Благодаря, говорятъ, Э. Э. Ухтомскому, державшему себя во время этого путешествія довольно либерально, Кузнецова призвали, и онъ ознакомилъ наслѣдника съ достопримѣчательностями музея.

Съ приближеніемъ наслѣдника престола къ Иркутску власти стали тоже тревожиться. Въ Иркутскѣ большинство ссыльныхъ

[1]) См. № 10.

Библиотека "Руниверс"

были люди солидные, отбывшіе свои сроки, имѣли общественное положеніе, были на благонадежномъ счету у властей. Какъ ихъ тревожить, что съ ними дѣлать? Разогнать—несправедливо и для нѣкоторыхъ разорительно, а оставить въ городѣ—опасно. Долго Горемыкинъ не зналъ, къ какому притти рѣшенію. Запросилъ Петербургъ и получилъ оттуда отвѣтъ: «дѣйствовать по своему усмотрѣнію». Растерялся бѣдняга. Уже садясь въ тарантасъ, чтобы ѣхать навстрѣчу наслѣднику къ озеру Байкалу, Горемыкинъ на запросъ полицмейстера Виганта, какъ же поступить съ ссыльными, махнулъ съ отчаяніемъ рукой.

— Дѣлайте, какъ знаете! Вся отвѣтственность на васъ!

Насъ всѣхъ тоже волновало и безпокоило, что предприметъ Горемыкинъ по отношенію къ намъ. У меня переговоры съ управляющимъ палатою начались заблаговременно.

— Кажется, Горемыкинъ—сказалъ мнѣ однажды управляющій,—намѣренъ васъ и вашихъ товарищей на время проѣзда выслать изъ города. Я на-дняхъ узнаю. И если онъ задумаетъ высылку, то я вамъ дамъ командировку куда-нибудь въ сторону отъ тракта. Недѣли двѣ проѣздите, провѣтритесь. Это будетъ лучше.

Черезъ нѣсколько дней управляющій палатой сообщилъ мнѣ, что Горемыкинъ рѣшилъ никого изъ насъ не трогать, а потому и командировку незачѣмъ устраивать. Я передалъ товарищамъ это сообщеніе, и всѣ успокоились. Но, какъ выше я говорилъ, Горемыкинъ, прижатый въ послѣднюю минуту полицмейстеромъ, далъ ему carte blanche. А этотъ ретивый служака обманомъ пригласилъ каждаго изъ насъ отдѣльно къ себѣ, а затѣмъ отправилъ въ тюрьму, гдѣ всѣхъ насъ заключили въ одну большую камеру. Очутившись неожиданно въ тюрьмѣ, мы подняли шумъ, требовали прокурора, но никто не являлся. Бѣдный смотритель вынесъ на себѣ все наше негодованіе, но зато сейчасъ же разрѣшилъ увѣдомить наши семьи, такъ что намъ доставили въ тюрьму все необходимое.

Это было вечеромъ, наканунѣ торжественнаго для Иркутска дня. Слѣдующій день мы провели почти все время въ конторѣ тюрьмы, куда были допущены и наши семьи, и знакомые. Писали мы снова жалобы, вызывали снова прокурора, полицмейстера, но получали одинъ отвѣтъ, что всѣ заняты и не могутъ прибыть въ тюрьму. На третій день мы составили длинную телеграмму министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Телеграмму смотритель переслалъ прокурору. И только къ вечеру пріѣхалъ прокуроръ. Извинился, что раньше не могъ этого сдѣлать. Узнавъ, въ чемъ

Библиотека "Руниверс"

дѣло, онъ сейчасъ же распорядился объ освобожденіи насъ, увѣряя, что это простое недоразумѣніе, что полиція просто напутала и т. п.

Словомъ, обычный пріемъ....

— Вашу телеграмму я только что получилъ. Какъ прикажете, посылать ее?—спросилъ прокуроръ.

Мы, разумѣется, махнули рукой. Посылать теперь было безполезно...

Какъ извѣстно, правительство всегда стремилось привлечь инородцевъ на лоно православной церкви. Съ давняго времени существовала миссіонерская организація, во главѣ которой былъ въ то время епископъ Веніаминъ. Расходовались крупныя суммы, существовала цѣлая армія миссіонеровъ. О томъ, какъ инородцевъ обращали въ православіе, и какъ новообращенные ухитрялись создать изъ этого цѣлый промыселъ, существуетъ немалая литература, а потому говорить объ этомъ не стану. На бумагѣ инородцы значились православными, а на самомъ дѣлѣ оставались при своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ. Но такъ какъ дѣла миссіи измѣрялись бумажными свѣдѣніями, и число обращенныхъ въ православіе исчислялось количествомъ розданныхъ при крещеніи рубахъ и крестовъ, то дѣятельность миссіонеровъ считалась плодотворной, и заслуги проповѣдниковъ щедро вознаграждались.

По случаю проѣзда черезъ Сибирь наслѣдника престола всѣ лица и вѣдомства старались выдвинуться, чѣмъ-нибудь заявить о себѣ. Вотъ и архипастырь Веніаминъ (теперь уже почившій) рѣшилъ ознаменовать великое событіе крещеніемъ бурятъ. Онъ написалъ балаганскому исправнику Пономареву бумагу, прося вызвать бурятъ, желающихъ принять православіе по случаю посѣщенія края высокимъ гостемъ. Пономаревъ собралъ 66 бурятъ и донесъ объ этомъ архипастырю. Крестить этихъ бурятъ отправился самъ владыка въ г. Балаганскъ (родина бурятъ), гдѣ торжественно и совершилъ святое таинство. Но прежде чѣмъ крестить, сдѣлали запросъ въ Петербургъ.

— Буряты, молъ, пожелали по случаю такого великаго событія для Сибири принять православіе и просятъ разрѣшенія наименоваться всѣмъ Николаями. Изъ Петербурга послѣдовало на такой запросъ соизволеніе, и 66 Николаевъ были просвѣщены свѣтомъ православной вѣры. Все вышло прекрасно и благородно. Архипастырь лично доложилъ о новообращенныхъ наслѣднику.

Недѣли черезъ двѣ послѣ проѣзда черезъ Иркутскъ наслѣдника къ Горемыкину явилось около десяти бурятъ Балаганской

Библиотека "Руниверс"

степной думы и подали жалобу на исправника и архіерея, обвиняя ихъ въ насильственномъ крещеніи..

Горемыкинъ принималъ по дѣламъ всѣхъ въ общемъ большомъ залѣ. Выйдя къ просителямъ, генералъ прежде всего подходилъ къ лицамъ попроще, а если были инородцы, то къ нимъ первымъ. Такъ было и на этотъ разъ. На моихъ глазахъ произошла такая сцена.

Изъ группы бурятъ выдѣляется одинъ и подаетъ генералу прошеніе. Горемыкинъ, взявъ прошеніе, не читаетъ его, а говоритъ буряту.

— Ну разскажи, о чемъ просишь?

— Крестилъ, вашество, насильно, насильно крестилъ!..—кланяется низко бурятъ.

— Что такое?... Насильно крестилъ?.. Что за ерунда?.. Кто кого крестилъ?...

— Меня крестилъ... насильно крестилъ... болшой халамандритъ пріѣзжалъ... халамандритъ[1]) самъ насильно крестилъ!— снова кланяется бурятъ.

— Ничего не пойму!—удивляется генералъ. Но такъ какъ онъ любилъ всегда разъяснять просителямъ все подробно, то и говоритъ.

— Крестить по догматамъ православной церкви насильно нельзя... Пока не убѣдятся, что желающій принять православіе понялъ и проникся новой вѣрой, его не будутъ крестить...—и пошелъ, пошелъ въ этомъ родѣ.—Понялъ?—закончилъ генералъ.

Но бурятъ, терпѣливо выслушавъ лекцію о порядкѣ крещенія, снова кланяется.

— Крестилъ насильно, вашество...

— Ничего не понимаю...Ну, хорошо! Я разберу... А тебѣ что?— обращается Горемыкинъ къ другому буряту.

— Крестилъ, вашество, насильно крестилъ... Николай называлъ... каталажка [2]) держалъ...

Горемыкинъ начинаетъ нервничать, но, желая загладить непріятную исторію (въ пріемной было много разныхъ просителей и представляющихся), вздумалъ шуткой отдѣлаться. Увидѣвъ среди бурятъ верзилу чуть ли не въ сажень, говоритъ ему.

— Ну, и ты скажешь, что тебя насильно крестили?..

— Крестилъ, вашество, крестилъ!... Я убѣжалъ... много бѣжалъ... Меня поймалъ... пять человѣкъ держалъ... халамандритъ воду поливалъ... Потомъ исправникъ зубы давалъ, зачѣмъ бѣжалъ...—разъяснилъ верзила-бурятъ.

---

[1]) Такъ буряты называли архіерея.
[2]) Арестантская камера при полиціи.

Библиотека "Руниверс"

Въ залѣ раздался сдержанный хохотъ. Горемыкинъ окрысился на ближе стоявшихъ.

— Ну, хорошо, идите съ Богомъ... я... разберу—обратился онъ къ бурятамъ.

Въ городѣ уже раньше ходили толки по поводу этого крещенія, но теперь всѣ узнали про поданныя жалобы бурятъ и съ нетерпѣніемъ ждали исхода дѣла. Между Горемыкинымъ и епископомъ Веніаминомъ была вражда. Передъ соборомъ на площади выстраивали солдатъ для параднаго развода. Веніаминъ однажды сказалъ Горемыкину, что мѣсто, занятое солдатами, нужно для совершенія молебствія съ водосвятіемъ и просилъ перевести солдатъ на другое мѣсто. Горемыкинъ отказалъ. И пошла исторія. Горемыкинъ писалъ въ Петербургъ, и Веніаминъ писалъ въ Петербургъ, а пока что, пускались на военныя хитрости.

Пришелъ разводъ къ собору, а на спорномъ мѣстѣ уже стоитъ амвонъ, чаша для освященія воды и т. п. На другой разъ рано утромъ причтъ торопится занять мѣсто, а тамъ уже ходитъ часовой, поставленный еще ночью.

Такъ и воевала духовная власть со свѣтской, и этому враждебному настроенію придавали много значенія, на него возлагали надежду, что Горемыкинъ воспользуется «миссіонерскимъ фокусомъ» Веніамина.

«Восточное Обозрѣніе» написало по этому поводу цѣлую громовую статью; Горемыкинъ не пропустилъ ее, но обѣщалъ назначить слѣдствіе. По разслѣдованіи оказалось, что Пономаревъ, получивъ отъ епископа бумагу найти бурятъ, желающихъ креститься, поступилъ очень просто. Онъ приказалъ бурятскимъ старшинамъ доставить въ г. Балаганскъ по одному взрослому буряту съ каждаго улуса (деревни) для крещенія. Старшины и доставили 66 бурятъ по числу улусовъ (вотъ почему и вышло такое апокалипсическое число). Пономаревъ заперъ доставленныхъ бурятъ въ каталажку и донесъ епископу, что все готово. Бурятъ крестили, дали по рубахѣ и кресту и отпустили по домамъ. При тогдашнемъ безправномъ положеніи инородцевъ такой поступокъ исправника не вызвалъ даже протеста. Крещеные буряты не считали себя обиженными, а рубаха и крестъ уже давно служили приманкой у нихъ, ради которой зачастую одинъ и тотъ же бурятъ принималъ таинство крещенія по два и по три раза. Но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, было вмѣшательство постороннихъ лицъ, уговорившихъ кое-кого изъ бурятъ подать жалобу генералъ-губернатору.

Горемыкинъ полѣзъ на стѣну. Исправника прогналъ со службы и донесъ въ Петербургъ о происшествіи. Корреспонден-

Библиотека "Руниверс"

ціи объ этомъ были посланы въ нѣсколько столичныхъ газетъ, но напечатать рѣшилась лишь одна, при чемъ газета разразилась грозной филиппикой противъ лицемѣрія и ханжества духовенства. Это была газета «*Гражданинъ*» князя Мещерскаго, и если читатель достанетъ эту газету (не помню мѣсяца и номера) за 1891 годъ, то убѣдится, что я разсказалъ не анекдотъ.

Пока же мы сидѣли въ тюрьмѣ, въ городѣ было небывалое ликованіе, все населеніе высыпало на улицу. Дома, гдѣ происходили пріемы, обѣды и прочія торжества, осаждались толпами народа. Воздухъ то и дѣло потрясался криками—«ура». Почти всю ночь простояла публика передъ ярко освѣщеннымъ зданіемъ общественнаго собранія, гдѣ происходилъ балъ. Наслѣдникъ нѣсколько разъ выходилъ на балконъ, и новые взрывы восторга охватывали стоящую толпу. То и дѣло высказывалось желаніе въ толпѣ получить что-нибудь на память. Намъ передавали, что съ балкона упала фуражка. Кому она принадлежала, неизвѣстно, но внизу на улицѣ поднялась свалка, и клочки этой фуражки унесены были нѣкоторыми счастливцами, какъ дорогія реликвіи.

Во время посѣщенія наслѣдникомъ промышленнаго училища изъ рядовъ выстроенныхъ шпалерами учениковъ быстро вышелъ юноша и, прежде чѣмъ успѣли остановить его, бросился на колѣни передъ наслѣдникомъ. Юноша не имѣлъ средствъ получить высшее образованіе и просилъ о помощи. Его милостиво выслушали, и юноша, за личный счетъ цесаревича, окончилъ затѣмъ Институтъ Путей Сообщенія. Я встрѣчалъ его потомъ уже инженеромъ путей сообщенія.

Словомъ, долго среди публики продолжались разговоры о событіяхъ этихъ двухъ дней. Быль съ небылицей перепутывались, варьировались на всѣ лады, сообразно фантазіи разсказчика.

Въ Верхнеудинскѣ была назначена продолжительная остановка на обѣдъ. Здѣсь собрались всевозможныя депутаціи для встрѣчи наслѣдника. Между прочимъ, сюда прибыла изъ Селенгинска депутація ламайскаго духовенства во главѣ съ Хамбо-Лама (замѣститель Далай-Ламы.).

Около г. Селенгинска находится священное озеро «Гусиное», тутъ же выстроенъ и дацанъ (храмъ). Здѣсь же живетъ и высшее духовное лицо ламаитовъ, намѣстникъ Далай-Ламы, именуемый Хамбо-Лама. Это—высшее духовное лицо для бурятъ Забайкальской области.

Гусиноозерскій дацанъ имѣлъ большую эпархію, такъ какъ сооружать новые дацаны долгое время не разрѣшалось. Населеніе росло, громадные районы оставались безъ духовной пищи, лишены были возможности посѣщать богослуженіе, выполнять

Библиотека "Руниверс"

религіозные обряды. Въ это время какъ разъ находился на разсмотрѣніи высшихъ властей въ Петербургѣ вопросъ о постройкѣ двухъ дацановъ. Но разсмотрѣніе затянулось. Православное духовенство ставило препятствіе, утверждая, что почти всѣ буряты уже православные, и надобности въ ламайскомъ храмѣ не встрѣчается. Вотъ депутація и хотѣла воспользоваться пріемомъ и, если будетъ возможно, попросить наслѣдника о содѣйствіи.

Разрѣшеніе на посылку такой депутаціи было дано генералъ-губернаторомъ, барономъ Корфомъ. Но архипастырь Веніаминъ, узнавъ о допущеніи Гусиноозерской депутаціи къ встрѣчѣ наслѣдника престола, забилъ тревогу. Какъ ни упирался баронъ Корфъ, но вынужденъ былъ уступить и отдалъ приказъ отправить депутацію обратно на Гусиное Озеро. Приказъ этотъ пришелъ поздно. На площадь уже въѣзжалъ поѣздъ наслѣдника, когда исправникъ началъ гнать съ площадки депутацію. Произошло, какъ говорятъ, замѣшательство. Сообщили о причинѣ замѣшательства Ухтомскому, а тотъ наслѣднику.

— Буряты такіе же вѣрноподданые государя, какъ и всѣ народы Россіи. Я желаю принять депутацію.

Такъ передавали сказанное, будто бы, наслѣдникомъ барону Корфу. Депутація была принята милостиво, Хамбо-Лама былъ приглашенъ къ обѣду, и надежда на разрѣшеніе построить дацаны окрѣпла у гусиноозерскаго духовенства.

Другой случай. Въ Красноярскѣ содержатель почтовыхъ лошадей, еврей Фурманъ, приготовилъ лошадей подъ экипажъ наслѣдника. Лошади были спеціально куплены, заблаговременно выѣзжены самимъ Фурманомъ. Сбруя для нихъ спеціально была заготовлена. Словомъ, Фурманъ хотѣлъ сдѣлать «что нибудь особенное» по случаю проѣзда высокаго гостя. Самъ Фурманъ былъ крупнаго тѣлосложенія и пожелалъ лично править лошадьми. Фигура ямщика была бы величественная. И для себя заказалъ онъ дорогой ямщицкій костюмъ. На городской площади каждый день собиралась публика, и власти любовались выѣздомъ Фурмана, тренировавшаго своихъ красавцевъ.

Прискакалъ въ Красноярскъ «передовой» поѣзда, который долженъ былъ прибыть часа черезъ два. Осмотрѣлъ онъ приготовленія и вдругъ узнаетъ, что Фурманъ хочетъ самъ везти наслѣдника.

— Какъ?..—Жиду довѣрить высочайшую особу?!..—спрашиваетъ онъ губернатора.—А если что-нибудь случится?..

Фурману объявили, что онъ не повезетъ наслѣдника. Пусть посадитъ русскаго ямщика. Фурманъ даже заплакалъ отъ обиды,

Библиотека "Руниверс"

но выбралъ понадежнѣй ямщика и началъ давать наставленія и указанія относительно характера и сноровки лошадей.

Прибылъ наслѣдникъ и опять же черезъ Ухтомскаго узнаетъ про исторію съ Фурманомъ. Повторилось то же, что и въ Верхнеудинскѣ съ Хамбо-Ламой. Фурманъ самолично провезъ станцію наслѣдника, который похвалилъ лошадей и подарилъ ему перстень.

Эти два эпизода не анекдотъ, а настоящая дѣйствительность, и оба эти событія сильно взволновали всю Сибирь. Долго, долго помнило сибирское населеніе слова наслѣдника о бурятахъ и евреяхъ. А вскорѣ получилось и разрѣшеніе на постройку двухъ дацановъ.

6.

Е. К. Брешковская.

Слѣдовало бы подробнѣе поговорить о колоніяхъ ссыльныхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось жить, но я боюсь, что не сумѣю этого сдѣлать. Ссылка различно отразилась на каждомъ. Приходилось наблюдать, что выдающіеся по своей дѣятельности до ссылки люди по разнымъ причинамъ оставались въ тѣни на мѣстахъ ссылки. То ли простору было мало для ихъ энергіи, то ли условія подневольной жизни подрѣзали «орлиныя крылья»,—я уже не знаю. Тяжелая обстановка, матеріальныя лишенія, выбитая изъ привычной колеи жизнь—отражались на слабыхъ натурахъ прискорбнымъ явленіемъ. Люди опускались нравственно и предавались пьянству, какъ то было въ Баргузинѣ довольно продолжительное время. Кое-кто, помирившись съ своимъ подневольнымъ положеніемъ, погружался въ будничную жизнь, въ заботу объ обезпеченіи себя и своей семьи необходимыми для существованія средствами. Но люди сильные духомъ не теряли энергіи, не опускали рукъ и всегда находили для себя дѣло. Сколько цѣнныхъ вкладовъ въ науку сдѣлано изгнанниками, недостатокъ интеллигентныхъ силъ пополнялся ссыльнымъ элементомъ въ качествѣ учителей, медиковъ, техниковъ, казенныя и общественныя учрежденія пополнялись честными и полезными работниками. Мѣстная пресса сразу ожила при ихъ участіи, и общественная жизнь закипѣла по новому.

Много можно было назвать лицъ, которыя оставили глубокій слѣдъ своимъ невольнымъ пребываніемъ въ Сибири, которыхъ не только не доконала ссылка и каторга, но и по возвращеніи въ Европейскую Россію они, несмотря на свои побѣлѣвшія головы, пошли въ ногу съ молодымъ поколѣніемъ, приняли горячее участіе въ борьбѣ за новый строй государства.

Библиотека "Руниверс"

Однимъ изъ такихъ неутомимыхъ борцовъ я назову Екатерину Константиновну Брешковскую. И ею одной пока ограничусь.

Е. К. Брешковская, какъ извѣстно, осуждена была въ 1878 году по процессу 193-хъ на 5-ти лѣтнюю каторгу. По отбытіи срока на Карѣ, ее выслали на поселеніе въ г. Баргузинъ, Забайкальской области. Полная энергіи и силъ, глубоко вѣрящая въ правое дѣло, приведшее ее къ каторгѣ, она не могла примириться съ отведенной для нея въ глухой тайгѣ могилой. Тамъ, далеко за Ураломъ, шла борьба за жизнь и смерть, ряды самоотверженныхъ людей рѣдѣли, требовались новыя силы, и Е. К. рѣшила бѣжать. Неудачный планъ бѣгства снова вернулъ ее на каторгу. Въ концѣ 1884 года, по окончаніи вторичнаго срока каторги, Е. К. заслали въ деревню Турунтаевку, Селенгинскаго округа Забайкальской области. Это было поселеніе въ 10—15 дворовъ, заброшенное въ сторону отъ тракта, гдѣ, забытые Богомъ и даже полиціею, жители вели полузвѣриное существованіе. Въ это злачное мѣсто послали Брешковскую и Левенсонъ, тоже отбывшую каторжный срокъ, къ которому она была присуждена въ 1880 г. въ Кіевѣ.

Получивъ свѣдѣнія объ этомъ, я поѣхалъ изъ Верхнеудинска провѣдать ихъ и, въ чемъ можно, помочь имъ. Досталъ я коня и простую двуколку у знакомаго татарина и отправился безъ проводника въ Турунтаевку, разспрашивая у встрѣчныхъ дорогу. Въ Турунтаевкѣ я нашелъ обѣихъ женщинъ, но какая разница была въ положеніи каждой!

Левенсонъ—совершенно убитая горемъ, полная отчаянія, растерявшаяся въ этомъ дикомъ поселеніи. Она тосковала даже по Карѣ. Чуждаясь мѣстныхъ жителей, заперлась она въ нанятой каморкѣ, удрученная самыми мрачными мыслями. Брешковская же поразила меня. Высокая, стройная, съ коротко остриженными вьющимися волосами, съ моложавымъ лицомъ, въ мужскихъ шароварахъ, запущенныхъ въ высокіе сапоги и въ суконной блузѣ, она выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу веселая, съ сіяющими ласковыми глазами, окруженная деревенскими ребятишками. Какъ будто она тутъ жила не въ ссылкѣ, а выѣхала на дачу, на отдыхъ въ деревню. Оказалось, что съ первыхъ же дней своего пріѣзда Е. К. сдѣлалась здѣсь общей любимицей, стала необходимымъ для каждаго человѣкомъ. Даже мужской костюмъ и стриженая голова не оттолкнули отъ нея лѣсныхъ обитателей.

Весь день она хлопотала, всюду поспѣвала, всякому умѣла подать помощь, совѣтъ. Тамъ она лѣчила; тутъ подсобляла по хозяйству. Ребятишекъ постарше обучала грамотѣ, съ младшими няньчилась и кормила ихъ, когда матери было недосужно. Даже

Библиотека "Руниверс"

«мужики» (такъ въ Сибири называютъ мужчинъ) шли къ ней за совѣтомъ, степенно слушая ея разъясненія и толкованія по поднятымъ вопросамъ.

— Раскисла, бабенка, говоритъ мнѣ Е. К. про Левенсонъ.— Если ее отсюда скоро не переведутъ, погибнетъ совсѣмъ. Она здѣшнихъ людей боится, сторонится ихъ. А я тутъ свой человѣкъ. Сразу какъ будто вѣкъ жила съ ними.

Прошло около года, Левенсонъ перевели въ Баргузинъ, а Брешковскую въ Селенгинскъ. Селенгинскъ—мѣсто ссылки нѣкоторыхъ декабристовъ—былъ въ описываемое мною время совсѣмъ заброшеннымъ городомъ. Большинство домовъ наглухо заколочено. Жители разбрелись по другимъ городамъ. Тамъ жили въ это время Кардашевъ (процессъ 50-ти), Дубровинъ (быв. каріецъ), Шамаринъ (административный), Брамсонъ (административный), впослѣдствіи туда попалъ М. А. Кроль и еще два-три ссыльныхъ, забылъ ихъ фамиліи. Условія жизни въ Селенгинскѣ были, пожалуй, не лучше, чѣмъ въ Турунтаевкѣ. Полная заброшенность, отчужденность, отсутствіе какихъ либо занятій, крайняя нужда—все это довело маленькую колонію до ужаснаго положенія. Отношенія установились между товарищами обостренныя, раздраженіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Одинъ совсѣмъ юный ссыльный, Наддачинъ, не выдержалъ и бросился съ высокаго утеса въ рѣку. Тѣло упало на острые камни и причинило бѣднягѣ мучительную смерть.

Появленіе Брешковской въ Селенгинскѣ было какъ разъ вóвремя. Она внесла съ собой свѣтлый лучъ въ безотрадную жизнь колоніи. Своимъ умѣлымъ обращеніемъ, своею ласковостью, тактичностью она устроила примиреніе, создала успокоеніе среди истерзанныхъ адскими условіями ссылки людей. Черезъ ея посредство установились сношенія съ ближайшими колоніями. Люди немного вздохнули, надежда на лучшее будущее засвѣтилась у упавшихъ было духомъ горемыкъ.

Въ 1892 году Е. К. разрѣшили поселиться въ Иркутскѣ. Нужно ли говорить, какое пріобрѣтеніе было для Иркутска въ лицѣ Брешковской? Отъ нея не укрылась и нѣкоторая заплесневѣлость, мѣстами проступавшая въ колоніальной средѣ, а лучшая часть мѣстной интеллигенціи, особенно молодежь, представляла обширную почву для самой широкой работы; и Е. К. живо принялась за дѣло. Около нея быстро образовался кружокъ, члены котораго прямо боготворили «бабушку» (какъ ее тутъ прозвали впервые). Еще до Иркутска Е. К. сбросила съ себя мужское одѣяніе, и ея импозантная фигура съ сѣдѣющими уже волосами только выиграла отъ этого.

Библиотека "Руниверс"

Непрерывная, хотя и съ понятнымъ опозданіемъ, связь съ далекимъ міромъ держала Е. К. въ курсѣ революціоннаго движенія, и она ни на минуту не покладала рукъ, торопясь сдѣлать все возможное, пока не настанетъ часъ покинуть Сибирь. Когда же наступило давно желанное время, Е. К. пошла въ головѣ движенія.

Въ Селенгинскѣ осенью 1885 года Е. К. Брешковскую посѣтилъ Д. Кеннанъ. И этотъ человѣкъ, успѣвшій уже повидаться и ознакомиться со многими ссыльными, былъ пораженъ мужествомъ и самоотверженіемъ своей собесѣдницы.

— Мы можемъ умереть въ ссылкѣ,—сказала Е. К.—за нами могутъ умереть наши дѣти и дѣти нашихъ дѣтей, но все-таки что-нибудь выйдетъ изъ этого.

Слова эти стали истиной, и Е. К. Брешковская дожила до того времени, когда пророчество почти сбылось.

Всю жизнь, какъ я уже сказалъ, Е. К. жила только мыслью о другихъ, совершенно игнорируя свои личныя потребности. Всю свою жизнь она прожила, не имѣя спокойнаго угла, опредѣленнаго ночлега, а въ послѣдніе годы, несмотря на преклонный возрастъ, вынуждена была вести жизнь подъ упорнымъ преслѣдованіемъ. Никакія просьбы товарищей поберечь себя, не лѣзть на передовыя позиціи не помогли. Е. К. не могла допустить для себя нѣкоторой осторожности, не могла усидѣть въ безопасномъ пунктѣ, разъ другіе были въ бою. Она хотѣла быть самой въ огнѣ, своимъ примѣромъ поддерживать другихъ, подбодрять, а гдѣ нужно и руководить дѣйствіями.

— Неужели вамъ не стыдно будетъ за меня,—сказала однажды Е. К. своимъ товарищамъ, умолявшимъ ее поберечься,—если я помру спокойно на свой постели?..

Въ 1904 году Е. К. прогремѣла своими лекціями въ Америкѣ, собрала крупную сумму на общественныя дѣла, а одна изъ американскихъ дамъ прислала ей громадные сундуки съ «приданымъ». Все, что можно было, Е. К. превратила въ деньги, остальное раздала нуждающимся.

— Ну, слава Богу, наконецъ, я отдѣлалась отъ собственности,— разсмѣялась «бабушка», отдавая послѣднюю дюжину носовыхъ платковъ своей молодой пріятельницѣ.

Американскіе друзья «бабушки» нѣсколько разъ просили у нея разрѣшенія на освобожденіе ея изъ ссылки, но всякій разъ «бабушка» отказывала имъ.

— Неужели я могу бросить людей, находящихся въ тяжелыхъ условіяхъ ссылки, нуждающихся въ поддержкѣ. Да мои

Библиотека "Руниверс"

внуки перестанутъ уважать свою «бабушку», разъ она оставитъ ихъ, а сама заживетъ въ довольствѣ!

Такъ отвѣтила Е. К. на послѣднюю настойчивую просьбу своихъ заатлантическихъ друзей.

Я не знаю ни условій побѣга въ 1913 году «бабушки» изъ Киренска, ни мотивовъ, вынудившихъ ее на этотъ побѣгъ. Послѣднее время она немного сдалась и часто хворала. Очевидно, соображенія были основательны, если она рѣшилась бѣжать при неблагопріятныхъ условіяхъ и въ зимнее время.

Доберись до Иркутска, «бабушка», навѣрное, скрылась бы совсѣмъ. Неудача снова ее привела къ строжайшему тюремному заключенію, и о дальнѣйшей судьбѣ ея не имѣю точныхъ свѣдѣній.

Эта женщина-великанъ, чуть-ли не полстолѣтіе отдававшая себя на служеніе своей идеи, становится еще величественнѣе, грандіознѣе, когда сопоставишь, что ни 73 года, ни болѣзнь не могутъ ослабить репрессій противъ нея.

Стосковалась «бабушка» по Россіи и воспользовалась случаемъ поѣхать на родину, но Азефъ не пожелалъ упустить такой лакомый кусокъ, и «бабушку» арестовали, засадили въ Петропавловскую крѣпость. Затѣмъ судъ осудилъ ее на поселеніе.

На мѣстѣ ссылки, сначала въ г. Нижне-Илимскѣ, а затѣмъ въ г. Киренскѣ, «бабушка» пользовалась «исключительнымъ вниманіемъ» начальства. Помимо того, что около ея жилища постоянно вертѣлся надзоръ полицейскихъ и жандармовъ, «бабушка» не могла шагу сдѣлать со своего двора безъ конвоя: переодѣтый городовой, да два, три филёра слѣдовали по пятамъ. Отлучиться за черту города «бабушка» не имѣла права безъ испрошенія на то всякій разъ разрѣшенія исправника. Въ окрестныхъ деревняхъ много жило ссыльныхъ, и «бабушка» была лишена возможности посѣщать ихъ. Въ Киренскѣ она съ большимъ трудомъ подыскала себѣ квартиру. Обыватели, напуганные надзоромъ надъ нею, не хотѣли отдавать ей квартиры, чтобы не имѣть дѣла съ полиціей. Наконецъ, она нашла себѣ хатёнку крохотную, стоящую одиноко среди большого двора. Сама ее убирала, сама топила.

Боязнь полиціи, чтобы «бабушка» не скрылась, доходила до смѣшного. Зачастую самъ исправникъ, не довѣряя охранникамъ, появлялся подъ окнами избушки, чтобы собственными глазами убѣдиться, что она не убѣжала. Слѣдили также и за всѣми, кто ее посѣщалъ. Очень часто, когда у «бабушки» собиралась публика, появлялся надзиратель и всѣхъ переписывалъ.

Е. К. и до сихъ поръ бодра душевно и тѣлесно, хотя иногда

Библиотека "Руниверс"

и прихварываетъ. Какъ всегда, она сразу приспособилась къ мѣстнымъ условіямъ, сразу вошла въ самую жизнь ссыльной колоніи, сразу колонія почувствовала, что въ нее вошло что-то живое, бодрящее. Вотъ что писалъ изъ Киренска одинъ изъ ссыльныхъ.

«... Жизнь наша течетъ невесело, конечно. Да и отчего ей быть веселой? Держимся мы—часть особнякомъ, а часть сошлась съ мѣстными жителями. И то, и другое одинаково пакостно. Въ первомъ случаѣ человѣкъ дичаетъ, во второмъ опошляется. *Спасаетъ насъ отъ безысходной тоски и деморализаціи пребываніе здѣсь бабушки...*

«Ея квартира постоянно полна ссыльными. Постоянно грѣется самоварчикъ, уничтожается все съѣстное, находящееся въ распоряженіи «бабушки». И безъ конца ведутся бесѣды на темы самыя животрепещущія для насъ. А подъ окнами избушки неизмѣнно торчатъ какія-то темныя личности, стерегутъ, чтобы бабушку не похитили...»

А вотъ что сама писала Екатерина Константиновна изъ Киренска своимъ друзьямъ.

«... Скажу тебѣ, что за всѣ 42 года моей взрослой жизни (около 30 лѣтъ было Брешковской, когда она вступила на революціонное поприще, 35 лѣтъ она была осуждена по процессу 193-хъ. Такъ что ей теперь 72—73 года) я не *отдыхала такъ хорошо* (?), какъ вотъ за послѣдніе три мѣсяца жизни въ хатѣ. Кромѣ всѣхъ *матеріальныхъ удобствъ* (?), которыя (серьезно) *очень велики* по сравненію съ безпріютностью прошлыхъ лѣтъ и которыя въ мои годы нужны для здоровья: своя кровать, свой уголъ, подходящая пища и одежда. Кромѣ этого, какъ человѣкъ, *непривыкшій только вбирать въ себя* блага міра, я нахожу *отраду въ томъ, что теплѣе и свѣтлѣе другимъ отъ моего присутствія*»... «... Я здорова и все у меня обстоитъ хорошо... Давно я писала тебѣ, что люди жаждутъ читать сочиненія по исторіи, будь то монографіи, или что подобное. Незнаніе прошлаго и міроваго хода мысли и событій тяготитъ тѣхъ, кто добивается уяснить себѣ причины явленій, ихъ историческую связь...»

Далѣе она перечисляетъ, какія по этому вопросу желательно было бы получить книги. Описывая бѣдственное положеніе заброшенныхъ въ ссылку людей, она говоритъ:

«... Понятно поэтому, какую искреннюю благодарность чувствуетъ душа къ тѣмъ, кто снабжаетъ ее реальной стороной поддержки. Безъ теплой шапки, рукавицъ, валенокъ и т. п. и десяти верстъ здѣсь не сдѣлаешь, не отморозивши носа, ушей, рукъ, ногъ. Вонъ въ больницѣ лежатъ такіе (съ отнятыми паль-

Библиотека "Руниверс"

цами). Что съ ними теперь прикажите дѣлать? А книги, журналы, газеты?.. А слова хорошія?.. О! какую большую цѣну все это имѣетъ здѣсь, въ странѣ безлюдья, холода и голода!.. Сейчасъ уже во многихъ мѣстахъ нѣтъ муки для продажи, и наши парни питаются одной картошкой—да и то не до-сыта»...

Вотъ еще писалъ про «бабушку» тамошній невольный обитатель.

«... Недавно въ поискахъ за работой я былъ въ Киренскѣ и зашелъ къ «бабушкѣ» (Брешковской). Мнѣ про нее говорили нѣкоторые, какъ про дряхлую старуху. И наврали! Она совсѣмъ не дряхлая. Это бодрая, сильная, высокая старая женщина. Она прекрасна, даже величественна въ своей старости. У ней корона сѣдыхъ волосъ, румяное лицо, ясные, молодые, зоркіе сѣрые глаза, ясный громкій голосъ, а не старческій разбитый, и быстрая живая рѣчь»...

7.

Около золота.

Въ 1893 году я получилъ право разъѣзда по всей Восточной Сибири. Дѣти у меня подросли, пора была учить ихъ. Мы съ женой рѣшили такъ. Она съ дѣтьми уѣдетъ въ Россію, а я отправлюсь на болѣе усиленный заработокъ, на амурскіе золотые пріиски. Да и новизна мѣста манила меня, хотѣлось использовать невольное пребываніе въ Сибири во-всю.

На Ниманскихъ пріискахъ на Амурѣ стоялъ во главѣ золотопромышленнаго дѣла П. Д. Баллодъ, осужденный въ 1863 г., вмѣстѣ съ Д. П. Писаревымъ и друг., за печатаніе и распространеніе революціонныхъ прокламацій [1]). Отбывъ каторжныя работы въ Александровской тюрьмѣ, Баллодъ былъ поселенъ въ Якутской области. Много лѣтъ онъ скитался по тайгѣ въ розыскахъ золота и составилъ себѣ репутацію свѣдущаго по золотому промыслу человѣка. Когда же во главѣ Ниманской золотопромышленной компаніи сталъ В. И. Базилевскій, извѣстный богачъ въ Петербургѣ и пріятель Баллода еще по университету, то онъ предложилъ Баллоду мѣсто главноуправляющаго пріисками. Вскорѣ послѣ этого на Ниманъ начали, въ качествѣ служащихъ, стекаться государственные ссыльные. Тамъ, между прочимъ, побывали: С. С. Синегубъ (процес. 193-хъ), М. П. Сажинъ (тоже), А. Н. Бибергалъ (Казанская демонстрація 1876 г.), Н. Н. Николаевъ (нечаевецъ), С. П. Богдановъ (процессъ Семяновскаго), В. А. Кирхнеръ и друг.

---

[1]) Смотри 2 книжку за 1906 г. журнала «Былое», статья М. К. Лемке. «Дѣло Д. П. Писарева».

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ января 1893 года я двинулся изъ Иркутска съ транспортомъ въ 110 лошадей, закупленныхъ для пріисковъ. Путешествіе медленное, съ остановками въ пути для отдыха, продолжалось 81 день. Во второй половинѣ апрѣля я прибылъ въ тайгу, въ пріисковый міръ, о которомъ приходилось ранѣе слышать много интереснаго, подчасъ много фантастичнаго.

Пріиски эти расположены по долинамъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Ниманъ, притокъ р. Буреи [1]). Это была глухая тайга, верстъ на 600 отстоящая отъ ближайшаго населеннаго пункта. Мохъ и тундра, суровая зима и короткое лѣто, вѣчная мерзлота, да угрюмые, дикіе горные кряжи,—вотъ вся прелесть этого мѣста, гдѣ ненасытная алчность человѣка, преодолѣвая природу, подвергаетъ тысячи рабочихъ всевозможнымъ лишеніямъ, стараясь добыть изъ нѣдръ земли золотую песчинку—владыку всего современнаго міра. Восемь мѣсяцевъ мозолистыя руки колютъ мерзлую тундру, кострами оттаиваютъ каменистыя напластованія, динамитомъ и порохомъ рвутъ скалы, чтобы снять вѣковые покровы и добраться до золотосодержащаго пласта. Остальные 4 мѣсяца въ году, когда тундра оттаиваетъ на 1—1½ аршина сверху, когда вскрываются горныя рѣчки и ключики, драгоцѣнный пластъ, обнаженный зимними работами, промывается на особо устроенныхъ машинахъ съ 4-хъ часовъ утра до 9 часовъ вечера. Сотни тысячъ пудовъ песку и гальки ежедневно проходятъ черезъ промывальныя бочки, а къ вечеру въ пріисковой конторѣ небольшая кучка золотого песку взвѣшивается на вѣсахъ и прячется въ желѣзный сундукъ до отправки въ лабораторію въ Иркутскъ.

Въ эти 4 мѣсяца золотой страды не было ни праздниковъ, ни воскреснаго отдыха. Разъ въ мѣсяцъ назначался одинъ день для отдыха, но если лѣто стояло сухое и являлось опасеніе, что нехватитъ воды для промывки песковъ, то и день для отдыха откладывался до другого мѣсяца, или же отдыхали по группамъ, чтобы не останавливать работъ.

Зло золотой песчинки превращало рабочаго въ особое существо, развращало его и приведенную имъ семью до послѣднихъ предѣловъ. Суровый тяжелый трудъ, своеобразныя условія пріисковой жизни, полная оторванность отъ остального міра создали особыя привычки, взгляды, растлѣвающіе нравы. Передъ золотой песчинкой или передъ запретнымъ плодомъ—стаканомъ спирта—все забывалось, все рушилось. Безшабашно ставилась на карту даже человѣческая жизнь, не говоря уже о цѣломудріи женъ и

[1]) Бурея впадаетъ въ р. Амуръ слѣва, 200 верстъ ниже г. Благовѣщенска.

Библиотека "Руниверс"

дочерей рабочихъ. Даже въ такихъ пріисковыхъ районахъ, какъ Ниманская тайга, гдѣ была школа, библіотека, больница, гдѣ зимой служащіе устраивали спектакли, даже здѣсь, говорю, для пріисковаго рабочаго было мало отвлеченія отъ тяжелаго полузвѣринаго прозябанія, была ничтожная крупица для его духовной пищи.

Передъ пріисковымъ рабочимъ неотвязно стояла память о голодной жизни на родинѣ, и единственной у него было мыслью, какимъ бы то ни было путемъ собрать здѣсь побольше денегъ, чтобы вернуться домой и задѣлать всѣ прорѣхи своего домохозяйства. Но удавалось это немногимъ. Большинство же или возвращалось домой съ ничтожными крохами, или же навсегда превращалось въ пріисковаго пролетарія, пока преждевременная дряхлость или увѣчье на работахъ не выбрасывали горемыку за бортъ, чѣмъ и превращали его въ тѣ отбросы, которыми загромождаетъ міръ капиталистическое производство. На пріискахъ Ниманской компаніи во главѣ дѣла стоялъ человѣкъ идейный, у него ближайшими сотрудниками было съ десятокъ такихъ же людей, и попасть во время наемки на эти пріиски было завѣтной мечтой каждаго рабочаго, но и тутъ было немногимъ лучше, чѣмъ на другихъ пріискахъ: нельзя служить одновременно и Богу, и маммонѣ.

Сообщеніе этихъ пріисковъ съ населеннымъ міромъ было таково. Лѣтомъ на маленькомъ пароходѣ отъ Благовѣщенска по Амуру и р. Буреѣ верстъ 500, затѣмъ по той же рѣкѣ на оморочѣ (берестяная лодочка) при помощи шестовъ приходилось подыматься противъ быстраго теченія верстъ 130, а оттуда 100 верстъ верхомъ или пѣшкомъ по горамъ, топямъ до пріисковъ. Зимой все это разстояніе проѣзжали на саняхъ. Зимой только и можно было завезти на пріиски все необходимое для работъ и продовольствія на цѣлый годъ. Осенью рабочихъ разсчитывали, оставляли не болѣе трети для зимнихъ работъ, а весной снова нанимали до требуемаго количества. Разсчитанные осенью (конецъ августа, начало сентября) рабочіе шли 100 верстъ пѣшкомъ отъ пріисковъ до рѣки Буреи, гдѣ садились на заготовленныя для нихъ лодки, человѣкъ по 15—20 на каждую, и собственными средствами и умѣніемъ сплывали къ устью этой рѣчки, впадающей въ рѣку Амуръ. Тутъ уже были жилыя мѣста, откуда всякій, по своему усмотрѣнію, могъ направиться, куда ему угодно. Въ концѣ марта, когда еще рѣки стояли замерзшими, нанятые въ городѣ Благовѣщенскѣ рабочіе шли пѣшкомъ всѣ 700 верстъ до пріисковъ. По всему пути были разбросаны на разстояніи 25—30 верстъ пріисковыя станціи (зимовья), гдѣ рабочіе ночевали. Для ихъ багажа и

Библиотека "Руниверс"

для женщинъ давались пріисковымъ управленіемъ подводы, а для всѣхъ отпускалось продовольствіе.

Въ концѣ февраля и началѣ марта производилась наемка на пріиски рабочихъ. Получивъ задатки, рабочіе партіями отправлялись на пріиски. До отправки часть полученныхъ задатковъ, разумѣется, пропивалась, прогуливалась, но не въ такой степени, какъ осенью послѣ расчета. И задатки малы, да и прорѣхъ набирается немало за зиму.

Попалъ ко мнѣ, однажды, пермякъ Василій; невзрачный, захудалый мужичонко лѣтъ 40. Бросилъ онъ свое хозяйство въ голодный годъ и поплелся на обѣтованный Амуръ въ поиски за счастьемъ. Почти годъ онъ былъ въ дорогѣ, такъ какъ надо было зарабатывать и подвигаться къ намѣченной цѣли. Какъ ему удалось попасть при наемкѣ на пріискъ при своей невзрачности и слабости, это ему да пріемщику только извѣстно. Когда же онъ явился на пріиски, то, разумѣется, былъ забракованъ и опредѣленъ въ «чиновники». Не отправлять же его назадъ въ Благовѣщенскъ!

— Ну, что-жъ, Василій? Тебѣ только и остается итти въ «чиновники»,—говорю я ему.

— Вѣкъ буду Бога молить за тебя, Палъ Ванычъ. Дай Богъ тебѣ здоровья, что пожалѣлъ меня! Куда ужъ мнѣ въ забой [1]). Силушки нѣту...

Такъ и сталъ Василій Мягковъ «чиновникомъ». Этимъ именемъ называли рабочихъ, оказавшихся непригодными къ болѣе тяжелымъ работамъ. Ихъ назначали колоть дрова, возить воду, выносить помои, чистить выгребныя ямы и исполнять другія подобныя, необходимыя въ каждомъ общежитіи, обязанности. Настоящій пріисковый рабочій смотритъ съ презрѣніемъ на такого «чиновника». Онъ еще понимаетъ, если эти обязанности несетъ инвалидъ пріисковый, но вновь прибывшій и сразу попавшій въ «чиновники» — въ глазахъ пріисковаго рабочаго «ничего нестоющій человѣкъ».

Работа на пріискахъ тяжела и оплачивалась сдѣльно, а «чиновникамъ» устанавливали жалованье рублей 20—25 въ мѣсяцъ. Давали паекъ продовольственный, порцію спирту 0,01 ведра въ сутки. Но «чиновникъ» имѣлъ доходы. Ему платили на «чай» тамъ, гдѣ онъ носилъ дрова, возилъ воду, чистилъ клозеты. При этомъ и кормился онъ на каждой кухнѣ. Затѣмъ въ свободное отъ занятій время «чиновнику» разрѣшалось копаться въ отвалахъ, въ выработкахъ и добывать крупицы сохранившагося тамъ зо-

---

[1]) Забой—разрѣзъ почвы, гдѣ добываютъ песокъ.

Библиотека "Руниверс"

лота. Это называлось «стараться», и за найденное золото пріисковая контора платила «старателю» по 3 руб. за золотникъ.

Василій Мягковъ все это разузналъ въ Благовѣщенскѣ до наемки. Зная, что его забракуютъ, какъ рабочаго, онъ рѣшилъ пробраться на пріиски, имѣя въ виду должность «чиновника». Онъ заплатилъ пріемщику взятку въ 25 руб. и попалъ на Ниманъ. Жалованіе ему положили 25 руб. въ мѣсяцъ. Пайка онъ не бралъ изъ пріисковаго магазина, и ему контора записывала въ книжку 7 руб. 50 коп. за паекъ въ мѣсяцъ. Порціи спирта онъ такъ же не получалъ, и ежемѣсячно по книжкѣ кредитовалось ему 3 руб. Итого онъ получалъ 35 руб. 50 коп. Кормился онъ тамъ, гдѣ работалъ, кое-гдѣ ему подносили и сотку спирта за услуги. Управившись съ своими обязанностями, Василій спѣшилъ на выработку и до поздняго вечера копался, промывалъ на лоткѣ выработанные пески. Найдетъ нѣсколько долей и несетъ въ контору. Книжка его пухнетъ и пухнетъ. Въ первый же мѣсяцъ Василій отослалъ семьѣ своей 20 руб., а въ маѣ просилъ меня перевести на родину еще 50 руб. На одежду и обувь Василій умудрялся ничего не тратить. Пріисковый щеголь броситъ ему «спинжакъ», кто-нибудь подаритъ поношенную рубаху, стоптанные сапоги, и Василій обутъ, одѣтъ.

— Ты, Василій,—говорю я ему какъ-то,—выписалъ бы себѣ изъ амбара хорошіе сапоги, завелъ бы часы. Вишь сколько денегъ накопилъ!

— И!.. и!.. и!.., Палъ Ванычъ! Не знаешь ты нашей нужды!.. Третій годъ голодаемъ... Какъ ни бился, а пришлось бросить все и Христовымъ именемъ пробираться на Амуръ... Думаешь мало я горя хватилъ, покель доседа добрелъ?.. Вся наша деревня пошла «въ кусочки»... Вотъ здѣсь пріисковое начальство даетъ хлѣба безъ мѣры, безъ вѣсу,—продолжалъ Василій.—Ѣшь сколько душа тебѣ примаетъ! А у насъ хоть бы разговѣться въ Свѣтлое Воскресеніе такимъ хлѣбушкомъ,—и то не всякому удается!

Вышелъ осенью Василій изъ пріисковъ и унесъ съ собой ордеръ на полученіе въ Благовѣщенскѣ 630 руб.

— Прощевай, Палъ Ванычъ! Спасибо тебѣ за ласку... За все... Теперь добраться бы благополучно до Благовѣщенска, да захватить бы пароходъ на Стрѣтенскъ. А тамъ покачу по чугункѣ... Довольно въ передній путь достаточно наломалъ ноги!.. Теперь бариномъ поѣду. Ну... сотнягу проѣзжу... Какъ ни какъ, а полтыщи принесу домой... Да, ты знаешь, что съ этими деньгами я первымъ человѣкомъ въ деревнѣ буду... Только бы своихъ застать въ живыхъ, да въ добромъ здоровьѣ... Что-то давно не писали...—Такъ разсуждалъ Василій, прощаясь со мной передъ

Библиотека "Руниверс"

отправкой. Все его занималъ и какъ бы смущалъ ордеръ изъ пріисковой конторы.

— Ишь, вѣдь, какая гумага (бумага)!.. И глядѣть нечего, а въ ней ни много, ни мало, а 630 рублей... На дорогѣ нашелъ бы, бросилъ бы... Даже на цигарку негодна... Ну, прощай, милый другъ!.. Дай Богъ тебѣ!..

И Василій, охмелѣвшій немного отъ радости и отъ выпитаго у меня спирта, облобызался со мной и ушелъ.

Въ декабрѣ того же года я ѣхалъ съ пріисковъ въ Благовѣщенскъ. Путь былъ санный, на зимовьяхъ стояли подставы пріисковыхъ лошадей. На одномъ изъ такихъ зимовьевъ я зашелъ закусить, пока перепрягали лошадей. Зимовщикъ, подававшій мнѣ самоваръ, разогрѣвавшій мнѣ кушанье, какъ-то не обратилъ на себя моего вниманія: я промерзъ и спѣшилъ ѣдой нагнать въ тѣло тепла.

— Ты, Палъ Ванычъ, не призналъ меня, видно?.. Али загордѣлъ?..—обращается ко мнѣ зимовщикъ. Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю. Передъ мною Василій Мягковъ.

— Ты какъ здѣсь?.. Ты не попалъ домой?..

И Василій разсказалъ мнѣ обычную въ то время исторію. Получилъ по ордеру 630 руб., 130 руб. оставилъ на дорогу и на прощанье съ товарищами, а 500 руб. зашилъ въ жилетку.

— Самъ знаешь, не успѣли выйти изъ конторы, какъ тутъ и зашли на радостяхъ выпить... Дальше, больше! Поѣхали уже въ трактиръ обѣдать... Компанія-то у насъ образовалась большая... И пошли, пошли!.. Эхъ, тошно воспоминать, Палъ Ванычъ!.— Ты смотри, Палъ Ванычъ, на стараго дурака!.. На пріискахъ каждую копѣйку берегъ... А тутъ десятка полтора наймемъ это извощиковъ, да и махнемъ на Офицерскую... Посадимъ на извощиковъ дѣвокъ... и по городу съ пѣснями, съ гармониками изъ одного заведенія въ другое ѣздимъ... Эхъ! Срамота...

Опомнился Василій только въ участкѣ, куда его доставили ночью почти голаго, избитаго. Прямо на мостовой противъ публичнаго заведенія поднялъ его ночной обходъ.

— Вотъ и попалъ я теперь въ зимовщики. Восемнадцать рублей въ мѣсяцъ положили. Обѣщали на весну въ пріиски... Богъ дастъ, снова въ чиновники попаду,—закончилъ Василій свою печальную исторію.

Не буду здѣсь описывать пріисковую жизнь, которую мнѣ пришлось наблюдать въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ. Несмотря на благопріятныя условія службы на Ниманѣ, несмотря на то, что тутъ собралась своя небольшая семья товарищей, жизнь все-таки была для насъ тяжела. Это была та же тюрьма, та же ссылка,

Библиотека "Руниверс"

только добровольная. Какъ только являлась какая-нибудь возможность перемѣнить службу, тотчасъ каждый спѣшилъ уѣхать, промѣнять хорошій пріисковый заработокъ на худшій, но только бы въ населенномъ мѣстѣ. Моя служба была сравнительно сносна, благодаря тому, что я часто разъѣзжалъ по пріисковымъ дѣламъ. Каждый годъ, а иногда и два раза въ годъ выѣзжалъ я въ Благовѣщенскъ. И все-таки стало не въ моготу. Пришлось пріиски бросить и искать заработка въ другихъ мѣстахъ.

Наша колонія на пріискахъ безпокоила областное начальство. Оно не разъ пыталось разогнать оттуда «крамольниковъ». По доносамъ поручало мѣстному горному исправнику разныя разслѣдованія, но во-первыхъ, исправникъ болѣе зависѣлъ отъ Баллода, чѣмъ отъ губернатора, такъ какъ получалъ субсидію отъ пріисковъ въ три раза больше, чѣмъ казенное жалованье, а во-вторыхъ насъ поддерживали черезъ того же Баллода владѣльцы пріисковъ, сильные люди въ Петербургѣ. Съ уходомъ Баллода со службы, въ концѣ 90-хъ годовъ, съ пріисковъ уѣхали и всѣ наши товарищи.

Лѣтомъ 1892 г. былъ ограбленъ въ глухой тайгѣ караванъ съ золотомъ, шедшій съ Нимана въ Благовѣщенскъ. Похищено было 16 пудовъ золота, и это происшествіе надѣлало много шуму. Ничего подобнаго раньше не бывало. На р. Буреѣ пріисковый пароходъ поджидалъ караванъ съ золотомъ, но вмѣсто золота получилъ увѣдомленіе, что оно ограблено въ пути. Пароходъ ушелъ въ Благовѣщенскъ и съ первой телеграфной станціи на Амурѣ далъ знать объ этомъ прокурору и губернатору.

Когда же пароходъ подошелъ къ пристани въ Благовѣщенскѣ, то его уже ждали полицейскія и судебныя власти. И знаете, что онѣ сдѣлали? Онѣ прежде всего произвели самый тщательный обыскъ на пароходѣ! Затѣмъ губернаторъ отправилъ горнаго исправника на пріиски—произвести строгое разслѣдованіе, дѣйствительно ли золото было ограблено. Начальство заподозрило, что Баллодъ и государственные ссыльные сами украли золото для революціонныхъ цѣлей, въ сумы задѣлали простой песокъ, а затѣмъ устроили фиктивное нападеніе на караванъ для отвода глазъ.

Нелѣпость такого предположенія была очевидна. Всѣмъ была извѣстна процедура укупорки и пересылки золота. Пока же власти занимались разслѣдованіемъ своихъ предположеній, грабители спокойно проживали въ городѣ и прокучивали открыто полученныя за золото деньги. И только по настоянію изъ Петербурга генералъ-губернаторъ командировалъ особаго чиновника для розыска грабителей и похищеннаго золота. Но было уже

Библиотека "Руниверс"

поздно. Золото ушло въ Китай, а грабители были отысканы и осуждены.

Ниманская тайга, кромѣ пріисковыхъ поселеній, совершенно не заселена; только кое-гдѣ на далекомъ другъ отъ друга разстояніи разбросаны стойбища якутовъ, орочонъ и тунгусовъ. Инородцы эти, главнымъ образомъ, звѣровщики [1]). Соболь, бѣлка, лисица здѣсь водятся въ изобиліи. Кто изъ инородцевъ живетъ поближе къ пріискамъ, тѣ имѣютъ дополнительный заработокъ, поставляя оленей для перевозки грузовъ и людей по тайгѣ, служатъ проводниками поисковыхъ партій, возятъ пріисковую почту, а въ среднемъ теченіи рѣки косятъ сѣно для пріисковъ. Почти всѣ здѣшніе инородцы *числятся* православными. И священникъ на Ниманѣ въ то же время именуется и миссіонеромъ Ниманской и Буреинской системы.

На Ниманѣ на одномъ изъ выработанныхъ пріисковъ, расположенныхъ въ сторонѣ отъ работающихся, выстроена пріисковымъ управленіемъ небольшая деревянная церковь. Священнику и псаломщику отведена квартира, дается паекъ служащаго и платится жалованье: священнику—50 руб., псаломщику—25 руб. въ мѣсяцъ. Условія жизни и работы на пріискахъ мало располагаютъ къ религіозности. И въ свободные отъ работы дни—рабочій и служащій менѣе всего стремятся въ церковь. Богослуженіе въ пріисковой церкви совершается наканунѣ праздника вечеромъ и въ самый праздникъ утромъ. Лѣтомъ, какъ я говорилъ, праздниковъ не соблюдали, а зимой хотя и праздновали, но церковь все-таки мало посѣщалась. Несмотря на это, богослуженіе происходило аккуратно, хотя бы кромѣ священника, дьячка и сторожа никого въ церкви не присутствовало.

Духовный пастырь особенно не унывалъ оскудѣніемъ вѣры и отсутствіемъ религіозности въ своей паствѣ. Онъ разсуждалъ, какъ пророкъ Магометъ. И разъ пасомые имъ не шли къ нему въ церковь, то онъ самъ ходилъ къ нимъ въ пріисковую казарму. Въ дни престольныхъ праздниковъ, надѣвъ эпитрахиль, взявъ въ руку крестъ и кропило, отецъ Пафнутій шагалъ по пріискамъ въ сопровожденіи псаломщика. Если въ праздникъ работали, то священникъ старался попасть въ казарму въ обѣденное время, когда всѣ были въ сборѣ.

Пропѣвъ все, что полагается и покропивъ святой водой рабочихъ и помѣщеніе, священникъ предъявлялъ рабочимъ списокъ, полученный изъ пріисковой конторы. И рабочій, отыскавъ свою фамилію въ спискѣ, ставилъ своей рукой крестъ.

У рабочихъ на пріискахъ денегъ не бываетъ. То, что нужно

[1]) Занимаются звѣринымъ промысломъ.

Библиотека "Руниверс"

имъ, отпускаетъ пріисковый амбаръ на книжку. Для покупки спирту и на оплату другихъ потребностей ходитъ особая монета шлиховое золото, тѣмъ или инымъ путемъ похищаемое во время работъ. Чѣмъ платить духовному лицу за совершенную требу? Вотъ контора и даетъ попу списокъ рабочихъ. Рабочему, поставившему на спискѣ противъ своей фамиліи крестъ, контора ставитъ въ дебетъ одинъ рубль (это самая мелкая монета была), и этотъ же рубль пишетъ въ кредитъ попу въ книжку. Получается двойная бухгалтерія, отъ которой польза лишь для попа съ причтомъ.

Обходилъ съ крестомъ священникъ и квартиры служащихъ, но не рѣшался посѣщать нашего брата. Ко мнѣ онъ питалъ нѣкоторое расположеніе. Покончивъ къ вечеру обходъ, онъ снималъ эпитрахиль, завертывалъ въ нее крестъ, отпускалъ домой дьячка съ кропиломъ и кадильницей, а самъ шелъ ко мнѣ на огонекъ.

— Хоть ты и атеистъ, а я люблю тебя!—говорилъ пастырь, входя ко мнѣ.—Угости чайкомъ съ устатку... Эхъ, братъ, плохо дѣло!.. Оскудѣваетъ вѣра...—и онъ усаживался за столъ.

— Но вѣдь, батя, крестовъ рабочіе довольно наставили,—спрашиваю я, приготовляя чай.

— Все это одинъ тлѣнъ!.. Ты думаешь, душа моя не скорбитъ!..—впадалъ онъ совсѣмъ въ минорный тонъ.

Но тутъ среди чайнаго прибора на столѣ появлялась бутылка съ разбавленнымъ спиртомъ [1]), и мой гость оживлялся. Стаканъ чая замерзалъ нетронутымъ, а бутылка быстро опорожнялась. Пока онъ «отводилъ душу» (по его выраженію), я узнавалъ многое изъ духовной жизни, выслушивалъ горькія вещи про консисторскій гнетъ и т. п.

— Мнѣ бы еще годика три продержаться,—какъ-то сказалъ мнѣ попъ,—и я уѣду къ себѣ въ Новгородскую губернію.

Бутылка постепенно пустѣла. По опыту онъ зналъ, что второй не дамъ, а потому и собирался въ путь къ себѣ домой.

Какъ-то мнѣ пришлось ѣхать по тайгѣ вмѣстѣ съ этимъ священникомъ. По дорогѣ онъ совершалъ требы у инородцевъ. Дѣло въ томъ, что для инородцевъ, живущихъ въ пустынѣ, установлены особыя правила. Требы и таинства разрѣшалось совершать и заднимъ числомъ.

Пріѣхали мы съ священникомъ къ богатому тунгусу. Тунгусъ этотъ два года тому назадъ взялъ себѣ жену. Повѣнчать было некому, а безъ жены жить тунгусу нельзя. Жена—необходимая

---

[1]) Спиртъ въ то время былъ запретный плодъ на пріискахъ. Въ тайной продажѣ бутылка стоила 5 руб. и дороже. Каждому служащему пріисковое управленіе отпускало безплатно 5 бутылокъ въ мѣсяцъ.

Библиотека "Руниверс"

рабочая сила въ домашнемъ обиходѣ инородца. Жена родила ему сына и отъ родовъ умерла. Похоронилъ тунгусъ жену безъ священника, а черезъ недѣлю взялъ себѣ другую. Наконецъ, дождался онъ нашего пріѣзда. Меня заинтересовало, какъ въ данномъ случаѣ вывернется миссіонеръ. Но этотъ запутанный вопросъ былъ разрѣшенъ моимъ спутникомъ блистательно. Соломонъ, я думаю, повернулся въ гробу отъ зависти.

Въ первую голову былъ совершенъ обрядъ вѣнчанія тунгуса съ *тѣнью* умершей первой жены. За это новобрачный положилъ передъ батей двѣ роскошныя лисицы «крестовки». Затѣмъ попъ окрестилъ годовалаго парнишку. Къ лисицамъ прибавилось два соболя (сынъ—гордость инородца). Послѣ крещенія произошло отпѣваніе умершей жены. Связка бѣлокъ была брошена въ общую кучу въ награду за эту требу. Наконецъ, состоялось сочетаніе вторымъ бракомъ вдовца со второй женой. Роскошная шкура чернаго медвѣдя покрыла собою предыдущіе дары.

— Я, братъ, никогда не притѣсняю инородца. Что дадутъ, то и бери. Самъ видѣлъ!—говорилъ мнѣ миссіонеръ по дорогѣ къ другому стойбищу.

— Но вѣдь, даже при такой скромности, можно цѣлое состояніе вывезти изъ объѣзда по тайгѣ,—говорю я.

— Эхъ, голубчикъ, не знаешь ты нашихъ акулъ!.. Бездонную бочку развѣ наполнишь?.. Какъ ты располагаешь, во что мнѣ обходится каждый пріѣздъ въ городъ?.. Два раза въ годъ меня требуетъ консисторія съ отчетомъ... Въ одной рясѣ оттуда возвращаюсь, да еще заказъ дѣлаютъ... «Привези, молъ, чернобурую лисицу, да соболей потемнѣе»... Вотъ эту медвѣжину придется отдать о. Паисію... И зловредный же этотъ старецъ!.. Все подбирается подъ меня!.. — Жаловался попъ.

Тутъ олени, почуявъ дымъ стойбища, рванулись и понесли во весь духъ. Лай собакъ становился все ближе и ближе. Вотъ показались юрты. Еще нѣсколько минутъ бѣшеной скачки, и мы съ батей расправляемъ передъ камелькомъ свои одеревенѣвшіе члены, снимаемъ ледяныя сосульки съ усовъ и бороды. Женщины суетятся у очага, а мужчины умильно поглядываютъ на внесенную мною баклажку. Тамъ, они знаютъ, та сладкая отрава, отказаться отъ которой нѣтъ силъ, хотя отъ нея разрушается все благосостояніе инородца, и вымираютъ цѣлыя племена.—Это тотъ смертоносный ядъ, который въ первую голову несутъ культурные люди вмѣстѣ съ сифилисомъ къ инородцамъ и дикимъ племенамъ на всемъ земномъ шарѣ.

Переночевавъ на этомъ стойбищѣ, мы разстались съ миссіонеромъ, я поѣхалъ дальше, а онъ остался совершать требы по

Библиотека "Руниверс"

текущимъ и давно прошедшимъ событіямъ инородческой семейной жизни.

Такъ, кстати, разскажу еще про случай изъ практики этого духовнаго пастыря и миссіонера.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая II получилось на пріискахъ предписаніе привести пріисковое населеніе къ присягѣ. Отецъ Пафнутій съ урядникомъ объѣзжалъ казармы и приводилъ къ присягѣ. Разумѣется, тутъ уже рабочимъ списка не предъявлялось. Но кое-гдѣ рабочіе угощали пастыря и урядника спиртомъ.

Къ вечеру о. Пафнутій завернулъ ко мнѣ, чтобы, какъ онъ говорилъ, прополоскать ротъ отъ спирта, сдобреннаго керосиномъ [1]). Да кстати и разсказать мнѣ про несправедливость начальства къ нему.

— Какъ ты думаешь? Приводить къ присягѣ треба или нѣтъ?.. Цѣлый день мотался, а кто мнѣ заплатитъ?.. — На! читай бумагу!..—кинулъ онъ мнѣ листокъ.

На бумагѣ предписывалось священнику, между прочимъ, объѣхать свой миссіонерскій районъ и привести къ присягѣ инородцевъ.

— Ну, прочелъ?.. На какія, скажи пожалуйста, деньги я поѣду?.. Просилъ у Баллода оленей, а онъ знаешь, что мнѣ сказалъ?.. Тоже антихристъ! Прости Господи...

— Что же сказалъ Баллодъ?.. Не даетъ оленей?—спрашиваю я.

— А кто, говоритъ онъ, приказалъ тебѣ приводить къ присягѣ, отъ того и денегъ требуй. Деньги будутъ, и я дамъ тогда оленей.

— Какъ ты думаешь,—обращается ко мнѣ за совѣтомъ о. Пафнутій,—не воспользоваться ли мнѣ этимъ предписаніемъ и поѣхать по требамъ? За одно ужъ и къ присягѣ приведу...

Идея хорошая. И приказъ начальства исполнится, и пушнинки нарты двѣ, три наберется. Да къ тому же среди инородцевъ и приводъ къ присягѣ можетъ сойти за «требу».

Допилъ о. Пафнутій бутылку, хлопнулъ себѣ по лбу ладонью за блестящую идею и поднялся со стула.

— Ну, прощай, другъ...—полѣзъ онъ лобызаться.—И люблю же я тебя, стервецъ, прости Господи... Вотъ поди... И крамольникъ, и атеистъ... а люблю...

Кое-какъ усадили мы съ конюхомъ въ сани сильно подвыпившаго пастыря, и покатилъ онъ къ себѣ домой.

Какъ онъ приводилъ къ присягѣ инородцевъ, я не узналъ, такъ какъ вскорѣ уѣхалъ съ пріисковаго района.

---

[1]) Спиртъ нелегальный доставляется обыкновенно въ ящикахъ изъ-подъ керосина. Зачастую горный надзоръ, *повѣривъ*, что идетъ керосинъ, а не спиртъ, пропускаетъ спиртоноса. Разумѣется, за такое *довѣріе* полагается особая плата.

Библиотека "Руниверс"

8.

Приамурье.

Надоѣла мнѣ, наконецъ, пріисковая жизнь и я поселился въ Благовѣщенскѣ, получивъ мѣсто бухгалтера въ одной торговой фирмѣ. Мои принципалы были молокане, выходцы изъ Тамбовской и Саратовской губерніи.

Молокане и духоборы заняли лучшія земли въ За-зейскомъ районѣ. Тутъ основались богатѣйшія селенія, главными центрами которыхъ были села Тамбовка и Толстовка. Рѣзкій контрастъ съ молоканскими и духоборскими селеніями представляли разбросанныя по сосѣдству жалкія деревушки переселенцевъ, главнымъ образомъ, изъ Полтавской губерніи.

Глинобитная избенка, крытая соломой, полуразрушенный дворишко, тощая коровенка, заморенная, разбитая на ноги лошаденка, изнуренная, преждевременно состарившаяся женщина и оборванные босые ребятишки—вотъ такая безотрадная картина жилья переселенца.

Пройдите версты три въ сторону и увидите совсѣмъ другую обстановку. Высокіе бревенчатые дома, крытые желѣзомъ, обширные дворы, амбары, откормленный рогатый скотъ, статные, съ лоснящейся шерстью кони томской породы; въ домѣ или во дворѣ верховодитъ король-баба, которая, по выраженію русскаго поэта, «коня на скаку остановитъ»; подъ навѣсомъ стоятъ плуги, сѣнокосилки, жатвенныя машины и молотилки: это село сектантовъ.

Чѣмъ объяснить такое явленіе? Одно и то же солнце, одинаковая земля, одни и тѣ же условія жизни, а разница громадная. Молокане или духоборы живутъ крѣпко связанные между собой внутренними интересами. Круговая поддержка другъ-друга, общія усилія при производствѣ крупныхъ работъ по устройству поселенія и угодій дали возможность осушить поля, выкорчевать лѣсъ, проложить дороги, завести сельско-хозяйственныя машины и т. п. А хохла-переселенца, измотаннаго за долгую дорогу, привелъ чиновникъ въ намѣченный по картѣ участокъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ земля! Живи, какъ знаешь. Помни доброту начальства!

И каждый по своему усмотрѣнію, собственными силами, безъ подмоги другихъ, болѣе сильныхъ, бьется, какъ рыба объ ледъ. И земли тьма, и лѣсу богатство, а приходится заводить плетенку изъ хвороста, «всесильная же, все выносящая русская мать» обмажетъ глиной, и жилье готово.

У молокана случилось несчастіе. Пала скотина, огонь истре-

Библиотека "Руниверс"

билъ усадьбу, ему сейчасъ же община поможетъ, прійдетъ село на выручку,—и человѣкъ снова станетъ на ноги. Случись, что-нибудь подобное у переселенца, и конецъ. Все хозяйство идетъ въ разоръ. Дѣти и старики оставляются на волю Божью, а остальная семья идетъ въ городъ на заработки.

Болѣе богатые изъ молоканъ и духоборовъ, не порывая съ деревней, занимаются въ Благовѣщенскѣ торговлей, подрядами, завели по Амуру пароходы. Члены семьи, живущіе ради своихъ торгово-промышленныхъ предпріятій въ городѣ, имѣютъ въ домахъ своихъ европейское домообзаводство, а въ деревнѣ все осталось по старинѣ, по завѣту стариковъ. Условія городской жизни научили сектанта и курить, и водку пить, хотя все это продѣлывается тайкомъ. Молодежь не отказываетъ себѣ, обманувъ бдительность стариковъ, принять участіе въ ночныхъ кутежахъ и оргіяхъ, столь широко распространенныхъ въ Благовѣщенскѣ.

Два года прожилъ я въ тѣсномъ общеніи съ молоканами и духоборами. Близко узналъ ихъ внутреннюю жизнь, обычаи, вѣрованія. Сектанты относились ко мнѣ довѣрчиво, полюбили меня и даже прощали мнѣ куреніе табаку. Не разъ я приглашался ими на бесѣды, собранія, ѣздилъ въ деревни къ ихъ начетчикамъ и «старикамъ», гдѣ за нескончаемой трапезой (иначе они не ведутъ бесѣды) шли долгія собесѣдованія, споры, которые ни разу не вызывали ни одного столкновенія, не испортили ни разу нашихъ отношеній. А между тѣмъ всѣ бесѣды, устраиваемыя нашимъ духовенствомъ въ городѣ, всегда оканчивались скандалами, взаимными оскорбленіями. И не разъ ретиваго оппонента изъ сектантовъ полиція уводила съ бесѣды прямо въ тюрьму. Но я не буду здѣсь распространяться о сектантахъ: это заняло бы много времени. Когда-нибудь въ другой разъ я поговорю вообще о сектантахъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ Сибири. Одно только скажу, что молокане и духоборы на Амурѣ жили согласною между собою жизнью и зачастую переходили изъ одной секты въ другую. Я встрѣчалъ даже семьи, гдѣ часть членовъ были молокане, а часть духоборы. Даже браки бывали смѣшанные. Какъ-то я далъ имъ (тогда въ рукописи) «Въ чемъ моя вѣра» Л. Н. Толстого. Они пришли въ восторгъ отъ нея и совсѣмъ завладѣли рукописью. Дошли до нихъ слухи о выступленіи Л. Н. Толстого на защиту кавказскихъ духоборовъ, и имя Толстого не сходило у нихъ съ устъ. Когда же газеты сообщили объ отлученіи великаго писателя, то возмущенію сектантовъ не было границъ.

Затѣмъ я получилъ мѣсто, вполнѣ удовлетворявшее моимъ стремленіямъ. По дѣламъ службы, до самаго выѣзда изъ Сибири,

Библиотека "Руниверс"

я колесилъ по всему Приамурью, по Манчжуріи, ѣздилъ въ Китай и въ Японію. Въ теченіи четырехъ лѣтъ я переходилъ изъ вагона на бортъ парохода, съ парохода пересаживался въ почтовую кибитку или въ зимнюю повозку, катался на рикшѣ, запряженной человѣкомъ, трясся по убійственнымъ дорогамъ Манчжуріи въ «футунвѣ» (двухколесный легковой экипажъ), запряженной муломъ. Разнообразіе впечатлѣній, крупный интересъ къ совершавшимся тогда событіямъ на Дальнемъ Востокѣ поглощали мое вниманіе настолько, что я не чувствовалъ дорожныхъ неудобствъ, не тяготился скитальческой жизнью. Правда, мои проѣзды были обставлены, благодаря служебному положенію, хорошо, а дѣловыя связи давали возможность ознакомиться всесторонне съ той вакханаліей Дальняго Востока, которая привела въ концѣ-концовъ къ Цусимѣ и Мукдену.

Въ Приамурскій край не ссылали государственныхъ. Первые государственные ссыльные—это были «колонисты» съ Кары, о чемъ я говорилъ выше. Но затѣмъ государственные ссыльные, отбывшіе срокъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, сами стали двигаться на Амуръ въ поискахъ работы. Такъ, напр., въ Благовѣщенскѣ жили Хлусевичъ съ женой, Мирреръ, Храновскій, отбывшій каторгу на Сахалинѣ, С. П. Богдановъ, С. С. Синегубъ и А. Н. Бибергаль, выѣхавшіе съ Ниманскихъ пріисковъ, Л. Г. Дейчъ, скрывшійся потомъ въ 1900 году за границу, Н. П. Позенъ и А. Калюжный, бывшіе карійцы, А. В. Кирхнеръ, умершій въ 1903 г. и К. Куртѣевъ по нашему процессу. Во Владивостокѣ жили Б. Оржихъ (кратковременный шлиссельбуржецъ, а затѣмъ сахалинецъ), И. И. Мейснеръ, (вскорѣ бѣжавшій за-границу), Г. В. Госткевичъ, В. І. Пилсудскій (всѣ трое были раньше на Сахалинѣ), Властопуло (бывшій каріецъ) а съ 1902 года Л. А. Волькенштейнъ, переведенная сюда съ Сахалина.

Л. А. Волькенштейнъ осуждена въ 1884 году по одному процессу съ В. Н. Фигнеръ. Послѣ 12 лѣтъ, проведенныхъ въ Шлиссельбургѣ, ее выслали на Сахалинъ. Туда же пріѣхалъ добровольно ея мужъ А. А. Волькенштейнъ. Пять лѣтъ прожила Людмила Александровна на этомъ «проклятомъ» островѣ, оставивъ по себѣ среди отверженнаго каторжнаго люда добрую память. Въ качествѣ фельдшерицы она сдѣлалась хорошимъ помощникомъ при своемъ мужѣ-врачѣ, по возможности оба работали для обездоленной жизни сахалинцевъ. Съ мужемъ своимъ Людмила Александровна разсталась еще въ 1879 году, когда окончательно вступила въ революціонные ряды.

Когда стало извѣстно, что ее увезутъ изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ, то друзья и родные заволновались. Свѣдѣнія о са-

Библиотека "Руниверс"

халинскихъ порядкахъ были ужасны. Установившійся тамъ обычай брать себѣ наложницъ изъ каторжанокъ могъ поставить Л. А. въ безвыходное положеніе. И вотъ мужъ ея, бросивъ свое служебное и общественное положеніе, отправился на Сахалинъ, чтобы оградить беззащитную женщину отъ гнусныхъ порядковъ.

Въ 1902 году Л. А. получила право выхода на поселеніе и переѣзда на материкъ. Вопросъ, гдѣ ей на материкѣ отведутъ мѣсто жительства, былъ очень серьезный. Очутиться послѣ Шлиссельбурга и Сахалина въ новой трущобѣ было бы обидно. Тутъ и начались хлопоты, чтобы Л. А. поселить во Владивостокѣ. Долго высшее начальство упиралось, но... «не бывать бы счастью, да несчастье помогло».

Во Владивостокѣ появилась холера, а врачей было мало. Городъ вызывалъ врачей, но желающихъ не оказалось. Когда же, было сдѣлано предложеніе А. А. Волькенштейну, то онъ поставилъ условіемъ, чтобы жена осталась при немъ. Пришлось городу просить генералъ-губернатора. И генералъ Гродековъ разрѣшилъ Л. А. поселиться во Владивостокѣ. Холера скоро прекратилась, но А. А. Волькенштейну предложили остаться городскимъ санитарнымъ врачомъ, и Л. А. окончательно утвердилась во Владивостокѣ.

Долгіе годы заключенія неотступно мучила Л. А. мысль объ оставленномъ ею малолѣтнемъ сынѣ. Она горячо любила ребенка и принесла его въ жертву, выступивъ на борьбу за свободу своего народа. И только послѣ 20-лѣтней разлуки ей удалось увидѣть и обнять своего Сережу. Это уже былъ возмужалый человѣкъ, самъ женатый и отецъ семейства. Волна общественнаго движенія 90-хъ годовъ захватила и его. Совершившійся переворотъ въ способахъ борьбы съ существующимъ строемъ поставилъ молодого борца въ ряды соціалъ-демократіи. Въ 1901 году пріѣхалъ Сергѣй на Сахалинъ для свиданія съ матерью, и Л. А. получила возможность видѣть около себя сына, его жену и маленькаго внука. Материнское чувство ея было удовлетворено.

Л. А. замѣчательно сохранилась. Моложавый, цвѣтущій видъ, ни одной сѣдинки, полные жизни ласковые глаза, отсутствіе апатіи и глубокая вѣра въ торжество дорогихъ ей идей поразили насъ всѣхъ. Какъ-то не вѣрилось, что эта энергичная, жизнерадостная женщина пережила двѣнадцать самыхъ тяжелыхъ годовъ каменнаго мѣшка, перетерпѣла сахалинскую каторгу. Пять лѣтъ быть свидѣтелемъ издѣвательства надъ человѣкомъ на Сахалинѣ—стоило 12 лѣтъ Шлиссельбургской гробницы. Не разъ друзья уговаривали Л. А. поѣхать за границу, отдохнуть въ свободной атмосферѣ, хоть немного наверстать потерянные

Библиотека "Руниверс"

годы, повидаться съ уцѣлѣвшими товарищами, но она и слушать не хотѣла.

— Каждый, пока у него есть силы, долженъ оставаться въ Россіи, говорила она. Работы вездѣ много, а работниковъ мало. Даже здѣсь на окраинѣ нужны люди.

Такъ и осталась во Владивостокѣ Людмила Александровна, гдѣ въ январѣ 1906 года была убита во время демонстраціи[1]).

Въ городахъ Приамурья наши колоніи проживали свободно. Полиція совсѣмъ насъ не касалась, и многіе по служебному и общественному положенію были въ нѣкоторомъ родѣ «шишки». Отношеніе къ намъ обывателя было самое благопріятное. Завязать и поддерживать съ нами знакомство стремилось все, что было лучшаго, честнаго, и прогрессивнаго въ городахъ. И въ этихъ городахъ, какъ и по всей Сибири, около чистоплотной газеты группировались государственные ссыльные. И пока позволяли мѣстныя условія, направленіе газеты устанавливалось работавшими въ ней ссыльными. Начальство это знало, но не чинило препятствій, пока не затрогивались мѣстные интересы. Самыя рѣзкія статьи, касавшіяся сосѣдняго сатрапа, пропускались безпрепятственно. Въ одномъ городѣ дошло однажды до курьеза. Обличить мелкаго полицейскаго чина грозило закрытіемъ газеты, цѣлыя же перепечатки изъ «Революціонной Россіи» пропускались цензурой. Цензура была въ рукахъ губернатора или же ближайшаго къ нему чиновника. Только и блюли, чтобы «сору изъ избы не выносить», а до остального имъ не было дѣла.

Когда на о. Сахалинѣ тюремный надзиратель Ханинъ сталъ міровой извѣстностью, прославившись звѣрствами надъ каторжанами, то ни одна столичная газета не рѣшилась напечатать присланныя изъ Сахалина корреспонденціи. Пришлось прибѣгнуть къ иностранной печати, и Pal-Mal Gazet оповѣстила міру, какъ прокладывалась грунтовая дорога по долинѣ рѣки Онора съ сѣвера на югъ Сахалина. Надо было обладать волчьими нервами, чтобы безъ содраганія читать, до чего можетъ дойти тюремщикъ, увѣренный, что дѣятельность останется безнаказанной.

Газета «Владивостокъ», издававшаяся во Владивостокѣ, помѣстила на своихъ страницахъ (какъ бы перепечатку изъ Pal-Mal Gazet) ту же самую статью со всѣми нецензурными подробностями. И цензура Приамурскаго губернатора пропустила, такъ какъ Ханинъ находился въ вѣдѣніи Сахалинскаго губернатора.

---

[1]) Ср. о Л. А. Волькенштейнъ статью *С. А. Иванова* въ «Галлереѣ шлиссельбургскихъ узниковъ» изд. подъ редакціею Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича, Спб. 1907 и «Изъ воспоминаній М. Ю. Ашенбреннера» въ «Голосѣ Минувшаго» 1914 г. № 1. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

И знаете, кто былъ тогда губернаторомъ Сахалина?... Это хуже всякаго анекдота. Анекдотъ, отъ котораго люди не смѣются, а судорожно рыдаютъ, теряютъ окончательно вѣру даже въ лучшихъ, честныхъ администраторовъ.

Губернаторомъ Сахалина былъ въ то время генералъ Кононовичъ!..

Кононовичъ одинъ изъ гуманнѣйшихъ, честныхъ администраторовъ Сибири прославился раскрытіемъ тюремныхъ порядковъ на Карѣ, а также разслѣдованіемъ цѣлой панамы воинскаго присутствія. Но въ Сибири такія дѣла не проходили безнаказанно, и въ одну, какъ говорится, прекрасную ночь запылалъ домъ, гдѣ жилъ Кононовичъ, и гдѣ помѣщалось все слѣдственное производство. Кононовичъ съ семьей едва спасся самъ, чуть-чуть заживо не сгорѣлъ.

Послѣ чего Кононовича произвели въ генералы и назначили на Сахалинъ первымъ губернаторомъ. Кононовичу предстояло упорядочить сахалинскую каторгу, ввести тамъ гуманныя реформы, поднять благосостояніе «проклятаго» острова, использовать естественныя его богатства, словомъ «проклятый» островъ превратить въ эльдородо, гдѣ бы люди, заклеймившіе себя преступленіемъ, возродились снова, зажили бы, хотя въ изгнаніи, разумною, здоровою жизнью. И вотъ Кононовичъ привезъ въ Петербургъ груду проектовъ для разсмотрѣнія и утвержденія. Пока онъ лично хлопоталъ, отстаивалъ по разнымъ вѣдомствамъ свои проекты, на о. Сахалинѣ Ханинъ, руководившій работами по проложенію Онорской дороги, раздѣвалъ до-нага каторжанъ, обмазывалъ ихъ медомъ, привязывалъ къ дереву, и... мошка заѣдала живого человѣка, хотя и лишеннаго всѣхъ правъ!

За что назначалась такая сверхъ-египетская казнь?

За невыполненіе каторжаниномъ «урка». Срубилъ меньше деревьевъ, чѣмъ ему было назначено... Не выполнилъ положеннаго ему количества земляной выемки и тому подобныя преступныя дѣянія.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я, по просьбѣ вице-губернатора Амурской Области, С. Таскина, вмѣстѣ съ нимъ объѣхалъ постройку Амурской колесной дороги отъ Хабаровска до станицы Михайловской. Дорогу эту строили с. каторжане съ о. Сахалина. Верховное наблюденіе за постройкой лежало на этомъ вице-губернаторѣ, бывшемъ во времена Ханина окружнымъ начальникомъ на о. Сахалинѣ. Ближайшее же руководство работами на Амурской дорогѣ было возложено на уволеннаго со службы горнаго исправника Ковалева. Нашъ проѣздъ по дорогѣ ожидался, все

Библиотека "Руниверс"

было подготовлено, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, но все-таки я достаточно насмотрѣлся и убѣдился, что всѣ ходившіе слухи о порядкахъ на Амурской дорогѣ не вымыселъ.

Газета «Амурскій Край» не могла помѣстить моихъ путевыхъ впечатлѣній объ Амурской дорогѣ, такъ какъ тотъ же С. Таскинъ былъ и мѣстнымъ цензоромъ.

Владивостокская же газета охотно напечатала мою статью безъ всякихъ пропусковъ, хотя порядки на дорогѣ отъ этого и въ послѣдующее время не измѣнились.

1885 годъ былъ годомъ реформъ въ краѣ. Приамурскій край выдѣлился въ особое генералъ-губернаторство, и первымъ генералъ-губернаторомъ назначили барона Корфа. Станицу Хабаровку, расположенную на лѣвомъ берегу Амура, повыше впаденія въ него рѣки Уссури, избрали резиденціей для начальника края, переименовавъ ее въ городъ Хабаровскъ.

Уѣздные архаическіе суды были замѣнены окружными судами кастрическаго типа, съ очень ограниченной компетенціей. Окружный судья и два засѣдателя—вся коллегія суда. Слѣдующая инстанція, губернскій судъ, находился въ г. Иркутскѣ. Институтъ стряпчихъ замѣнили прокурорскимъ надзоромъ. Въ областныхъ городахъ прокуроръ, въ уѣздныхъ—товарищи прокурора. Было назначено ограниченное число судебныхъ слѣдователей, такъ что большинство слѣдственныхъ дѣлъ остались попрежнему въ рукахъ полицейскихъ чиновъ. Исправниковъ переименовали въ окружныхъ начальниковъ, а полицейскихъ засѣдателей въ приставовъ, что сразу отразилось на платежной статьѣ обывателя. Чѣмъ довольствовался дореформенный исправникъ и засѣдатель, того было мало для послѣреформеннаго окружнаго начальника и пристава.

Таковы были общегосударственныя реформы, а о мѣстныхъ забота была возложена на генералъ-губернатора Корфа. Ознакомится, молъ, начальникъ края на мѣстѣ съ условіями, съ нуждами населенія и составитъ проектъ, что и не замедлилъ выполнить, веселой памяти, баронъ.

Баронъ жилъ и управлялъ краемъ съ большой помпой. Частые его разъѣзды по краю превращались въ увеселительныя прогулки съ торжественными встрѣчами, съ пышными проводами. Хабаровка быстро превратилась въ Хабаровскъ—городъ казармъ и канцелярій, гдѣ сразу зажили весело и шумно. Баронъ давалъ блестящіе балы, и чиновничество тянулось изо-всѣхъ силъ, чтобы попасть въ тонъ начальству. Тяжело ложилось на бюджетъ чиновниковъ такое времяпрепровожденіе, особенно для семей-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ. Баронесса блистала туалетами, и окружающій ее цвѣтникъ чиновныхъ дамъ не долженъ былъ вносить диссонанса. Какъ выйти изъ затруднительнаго финансоваго положенія, объ этомъ предоставлялось подумать уже самому чиновнику. Весь край долженъ былъ способствовать «безпечальному» житью чиновника, «принесшаго себя въ жертву служенію на далекой окраинѣ», какъ говоритъ генералъ Унтербергеръ въ своей книгѣ «Приморская Область».

— И житье же было при баронѣ!.. Самъ умѣлъ жить, и людямъ давалъ жить!—Такъ говорили старожилы изъ вицъ-мундирнаго міра.

Но не все были балы и пикники. Были и попытки поднять благосостояніе края, выразившіяся въ созваніи съѣздовъ для обсужденія неотложныхъ нуждъ. На эти съѣзды приглашались также мундиры да два, три промышленныхъ туза. Въ результатѣ остались въ назиданіе потомству «Труды трехъ Хабаровскихъ съѣздовъ», да воспоминаніе о балахъ, чередовавшихся съ засѣданіями этихъ съѣздовъ.

Много писалось о злоупотребленіяхъ чиновника въ Сибири. Но въ періодъ владычества барона чиновникъ, особенно полицейскій, дошелъ до виртуозности. Гижигинскій исправникъ, напримѣръ, объявилъ себя богомъ, сѣлъ на устроенный имъ тронъ, и инородцы шли на поклонъ къ этому божеству съ посильными дарами. Никольско-Уссурійскій полицмейстеръ умудрился собрать крупную сумму съ китайскаго и корейскаго населенія на «похороны русскаго государя».

Не вѣрите? Въ областномъ правленіи, вѣроятно, сохранилось дознаніе по разслѣдованіи этого дѣла. Дознаніемъ установлено, что полицмейстеръ Никольско-Уссурійскаго округа разослалъ манифестъ о смерти Александра III китайскому и корейскому населенію. Раздавая манифестъ, говорили желтолицымъ (на особомъ жаргонѣ):

— Русскій царь помирай есть. Деньги давай—хоронить надо.

Желтолицые привыкли, что съ нихъ по всякому поводу чиновники брали деньги, а потому и въ данномъ случаѣ давали по мѣрѣ силъ своихъ. Отъ одного купца-китайца полицмейстеръ потребовалъ сто рублей.

— Твоя купеза (купецъ) богата, давай сто бумажка (рубль-бумажка).

Купецъ дать-то далъ, но затѣмъ поѣхалъ во Владивостокъ и справился въ одномъ изъ банковъ, дѣйствительно ли русскій царь такъ бѣденъ, что на похороны сборъ дѣлаютъ. Тутъ-то и открылась продѣлка полицмейстера. Правда, его прогнали со

Библиотека "Руниверс"

службы. Но тутъ важна обстановка, при которой можно было продѣлать такую махинацію.

Нѣсколько времени позже губернаторъ Приморской области во время объѣзда области усмотрѣлъ, что исправникъ мало посѣщаетъ округъ, а потому совсѣмъ его не знаетъ.

— Не только вы должны знать хорошо свой округъ, но и населеніе должно знать васъ въ лицо,—говоритъ губернаторъ исправнику.

Исправникъ намоталъ на усъ выговоръ и придумалъ такой выходъ. Ѣздить въ тѣ времена по бездорожью не сладко было. Заказалъ шутникъ массу фотографическихъ своихъ карточекъ, напечаталъ циркуляръ и разослалъ по волостямъ округа.

— Въ силу приказанія его превосходительства, говорилось въ циркулярѣ, чтобы населеніе знало меня въ лицо, препровождаю при семъ столько-то своихъ снимковъ и прошу раздать по одной карточкѣ на бойца [1]) въ семьѣ, взыскавъ за оную по одному рублю.

И въ каждой крестьянской семьѣ на стѣнѣ красовалась фотографія хитроумнаго начальника.

Цѣлую книгу можно написать о подобныхъ дѣлахъ. А хищенія на Карѣ, постройка дороги Владивостокъ—Раздольное и многое другое! Но покойный баронъ Корфъ не любилъ «выносить соръ изъ избы», и если прокурорскій надзоръ подымалъ разслѣдованіе, то баронъ «не находилъ состава преступленія», и дѣло улаживалось по-домашнему, т.-е. перемѣщеніемъ на другое мѣсто.

Про горно-полицейскій надзоръ и говорить нечего. На одномъ изъ съѣздовъ были приведены такіе факты, что дольше уже нельзя было молчать. И съѣздъ постановилъ назвать горно-полицейскую вакханалію... какъ вы думаете?.. *печальнымъ явленіемъ.* Заклеймивъ такой кличкой систематическое служебное преступленіе, съѣздъ перешелъ къ очереднымъ вопросамъ.

Вотъ цифры изъ отчета одной изъ крупныхъ золотопромышленныхъ компаній. Это почти узаконенные практикой расходы.

1. На усиленіе областной полиціи (губернатору выдавалось ежегодно)—2000 рублей.

2. На усиленіе городской полиціи (получалъ полицмейстеръ)—1000 рублей.

3. Окружному горному инженеру—5000 рублей.

4. Горному исправнику—5000 руб.

А провозъ спирту въ пріисковый раіонъ!.. Это цѣлая система налоговъ. Чтобы получить провозное свидѣтельство на спиртъ

Платежная душа.

Библиотека "Руниверс"

изъ канцеляріи губернатора, приходилось къ прошенію прилагать не гербовыя марки, а кредитные билеты «на покупку марокъ» соотвѣтственно количеству провозимаго спирта. Но этого было мало. Для полученія провознаго свидѣтельства прилагалось свѣдѣніе о количествѣ рабочихъ на пріискахъ. Канцелярія губернатора могла лишь вѣрить на слово такому свѣдѣнію. Но на мѣстѣ былъ контроль въ лицѣ горной полиціи. И чтобы не утомлять горную полицію провѣркой количества рабочихъ, уплачивается мзда отъ 3 до 5 рублей за ведро провозимаго спирта. Такой налогъ не былъ обременителенъ для предпринимателей, такъ какъ ведро спирту стоило ему съ доставкой на мѣстѣ максимумъ 20—25 рублей, а продавалось ведро около 100 рублей.

Разумѣется, вся эта операція продѣлывалась узаконенными спиртоносами, т.-е. лицами, обезпечившими себя правами золотопромышленника, но намывавшими золото спиртомъ, иначе говоря скупавшими у рабочихъ краденое золото во время работъ.

Всѣ эти дѣла не могли быть неизвѣстны генералу Унтербергеру, прожившему въ краѣ тридцать лѣтъ, изъ которыхъ послѣдніе десять лѣтъ онъ былъ губернаторомъ. И этотъ генералъ видитъ главный дефектъ въ плохой организаціи низшихъ чиновъ управленія и требуетъ «расширенія полномочій низшей администраціи, особенно окружныхъ начальниковъ» [1]).

Эта знаменитая книга, изданная на дорогой бумагѣ уже въ бытность г. Унтербергера нижегородскимъ губернаторомъ, плодъ канцелярской литературы. На Амурѣ дали кличку этому литературному произведенію—«рефератъ на должность Приамурскаго Генералъ-Губернатора». Генералъ Унтербергеръ уже тогда среди ярмарочной толчеи мечталъ объ этомъ постѣ.

Особенно смѣло описаны сѣверные округа Приморской области, которые вскользь посѣтилъ Унтербергеръ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Владивостока, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Поѣздка въ сѣверные округа этой области, несмотря на заманчивые прогоны, рѣдко улыбалась губернаторамъ. Сообщеніе съ ними, т.-е. маршрутъ для вычисленія прогоновъ, былъ таковъ. На двѣнадцать лошадей изъ Владивостока черезъ Срѣтенскъ, Иркутскъ, Якутскъ, Верхоянскъ до Петропавловска или Гижиги, всего верстъ около 10,000, и обратно такимъ же путемъ. Какъ тамъ въ полярныхъ странахъ переводили по отчетамъ лошадей на собакъ и оленей, не знаю, но получалась солидная сумма: однихъ прогоновъ около 7,000 рублей. Затѣмъ шли суточные и прочее. Но, разумѣется, ѣхать этимъ путемъ и пробыть болѣе половины пути на положеніи дикаря никому не улыбалось.

---

[1]) «Приморская область». Соч. Унтербергера. Москва, 1902 г.

Библиотека "Руниверс"

Но вотъ установилось пароходное сообщеніе съ сѣвернымъ побережьемъ Тихаго океана. Пароходъ шелъ изъ Владивостока черезъ Сахалинъ въ Николаевскъ, въ Петропавловскъ и въ Гижигу. Рейсъ туда и обратно продолжался около мѣсяца. Рейсы эти, хотя и субсидировались правительствомъ, но не вошли въ маршрутъ, установленный для вычисленія прогоновъ. Ѣхать же на пароходѣ, хотя и дрянномъ, а особенно губернатору области, все же заманчивѣе, чѣмъ на собакахъ и оленяхъ.

Генералъ Унтербергеръ и рѣшилъ прокатиться на пароходѣ, а то совѣстно будетъ разсказать, что, проживъ въ Приморской области 30 лѣтъ, ни разу не былъ на сѣверномъ побережьи Тихаго Океана. Почистили, подкрасили пароходъ, выколотили изъ коекъ блохъ, вывели таракановъ, снабдили кухню запасомъ провизіи,—и поплылъ начальникъ области обозрѣвать, хоть издали, подчиненный ему край. На этомъ же пароходѣ г. Унтербергеръ и вернулся во Владивостокъ.

Что могъ видѣть генералъ, останавливаясь въ Петропавловскѣ и Гижигѣ на время стоянки парохода (однѣ сутки)? Какимъ матеріаломъ онъ могъ запастись и отъ кого? Отъ встрѣчавшаго его въ портахъ исправника—и только.

Книга эта по какому-то недоразумѣнію была награждена Географическимъ Обществомъ серебряною медалью. Но этой почести для генерала-литератора оказалось мало. Онъ вспомнилъ, что въ О-вѣ изученія Амурскаго края имѣется премія Ф. Ф. Буссе за лучшую книгу объ Амурскомъ краѣ. И вотъ О-во получаетъ десять экземпляровъ этой книги *въ даръ* отъ автора, но съ *наложеннымъ платежемъ за пересылку* (около 40 рублей). Денежныя дѣла О-ва были таковы, что дровъ не на что было купить иногда, а тутъ выложи 40 рублей за поднесенный *даръ*. Въ то время распорядительный комитетъ О-ва состоялъ изъ чиновниковъ. Прошелъ слухъ, что не сегодня, завтра г. Унтербергеръ явится въ край генералъ-губернаторомъ, и комитетъ уплатилъ послѣднія деньги за наложенный платежъ. А также поднялъ вопросъ о присужденіи за этотъ, съ позволенія сказать, литературный трудъ преміи Ф. Ф. Буссе (свыше 3000 рублей).

Общее собраніе членовъ провалило это предложеніе и, выслушавъ докладъ ревизіонной комиссіи, смѣнило комитетъ въ полномъ составѣ. Оскорбленный предсѣдатель сложилъ съ себя полномочія и выставилъ кандидатомъ въ предсѣдатели губернатора Чичагова, извѣстнаго «покорителя» китайскаго города Нингуты, а потомъ еще болѣе прославившагося во время русско-японской войны *заготовкой* полушубковъ для пограничной стражи, командиромъ которой онъ состоялъ. И собраніе членовъ О-ва

Библиотека "Руниверс"

забаллотировало этого почтеннаго кандидата. Чичаговъ получилъ *четыре* избирательныхъ голоса: трехъ членовъ комитета и предсѣдателя.

Но я уклонился и забѣжалъ немного впередъ. Возвращаюсь къ барону Корфу.

Десять лѣтъ баронъ управлялъ краемъ и все время былъ крѣпкимъ охранителемъ полицейскихъ устоевъ. Весь край, по мнѣнію барона, долженъ былъ способствовать къ «безпечальному житью» администраціи, которая принесла себя въ жертву служенія на этой окраинѣ. Ни амурскія привилегіи, ни усиленныя пенсіи, ни другія многочисленныя льготы не могли достаточно компенсировать принесенную жертву амурскими чиновниками. Этотъ чиновникъ забывалъ, что съ должности околоточнаго надзирателя на родинѣ онъ попалъ сюда прямо на должность полицеймейстера. И здѣсь въ новой должности онъ проявлялъ свою власть въ такомъ масштабѣ, до какого не рискнулъ бы дойти губернаторъ его родины.

— Здѣсь Амуръ,—говорили они.—Не на вѣкъ же забрался сюда!.. Поживу, поправлю дѣлишки—и айда назадъ.

Уходъ со сцены барона Корфа былъ также эффектенъ, какъ и все его владычество. Среди блестящаго, шумнаго бала, даннаго имъ въ Хабаровскомъ дворцѣ, подъ звуки мазурки, жизнерадостнаго, гостепріимнаго хозяина хватилъ ударъ. Всѣ надѣли трауръ, многіе сильно задумались о будущемъ своемъ служебномъ положеніи. Не одному изъ чиновнаго міра приходила на память крыловская стрекоза, пропѣвшая все лѣто.

На смѣну Корфу пріѣхалъ изъ Туркестана генералъ С. Духовской. Пошла иная жизнь, запѣли другія пѣсни, но уже не на веселую тему. Въ Хабаровскѣ настала тишина. Всѣмъ рекомендовалась скромная по средствамъ жизнь, трудолюбіе, ревностное исполненіе служебныхъ обязанностей, запрещались всякія излишества. Въ 10 ч. вечера гасили огни во дворцѣ, музыка въ саду прекращалась въ 9 ч. вечера, и прогулки въ саду послѣ этого времени осуждались начальствомъ. Шумное доселѣ эльдорадо превратилось теперь въ монастырь, и допускалось лишь развлеченіе музыкальное. Начальница края была одарена музыкальными талантами, а любимымъ ея инструментомъ была мандолина. Какъ-то сразу у всѣхъ явилось желаніе играть на мандолинѣ. И старъ, и младъ пріобрѣталъ мандолину, учился игрѣ на этомъ нѣжномъ инструментѣ.

— Пошло теперь—какъ говорили потихоньку тогда смѣльчаки—управленіе краемъ «подъ звуки мандолины».

Библиотека "Руниверс"

Плакалъ приамурскій чиновникъ, а все-таки бренчалъ на мандолинѣ, проклиная покойнаго барона, сманившаго его на окраину. Но не все время играли на мандолинѣ, сочиняли и проекты, доставляли матеріалы.

С. Духовской сочинялъ проектъ за проектомъ для преобразованія края, поднятія въ немъ благосостоянія и созданія могучаго оплота на Дальнемъ Востокѣ. Изъ самыхъ неотложныхъ реформъ онъ выдвигалъ въ первую голову: 1) надѣлить чиновничество землею, чтобы оно своимъ примѣромъ показало сельскому населенію, какъ нужно вести хозяйство, и 2) все сельское населеніе края превратить въ казачье сословіе.

Составивъ проектъ, Духовской самъ отвозилъ его въ Петербургъ и тамъ лично хлопоталъ объ утвержденіи его. И такъ какъ эти отлучки изъ края были весьма продолжительны, то интенсивность чиновничьей дѣятельности на время затихала, мандолина летѣла въ уголъ, и истомленная монашескою жизнью душа искала отдыхъ и уже играла на менѣе нѣжномъ инструментѣ.

Два года упорной работы г. Духовского надъ проектами реформъ, два года усиленныхъ хлопотъ по вѣдомствамъ столицы пропали даромъ. Ни одинъ изъ проектовъ его не получилъ осуществленія, а самого реформатора снова перевели въ Туркестанъ, на его же мѣсто назначили генерала Гродекова, также бывшаго въ Туркестанѣ.

Н. И. Гродековъ былъ правитель тоже тихій, скромный, большой кунктаторъ, но обхожденія весьма простого. Поощрялъ онъ «научныя» занятія чиновниковъ, и его заботамъ обязанъ своимъ возникновеніемъ Хабаровскій этнографическій музей. Шесть лѣтъ управленія его краемъ были безцвѣтны, не оставили никакихъ почти слѣдовъ.

Какъ разъ въ это время политика русскаго правительства была направлена въ другую сторону. Строилась Восточно-Китайская желѣзная дорога, сооружалась военная твердыня—Портъ-Артуръ, затѣвался сказочный городъ Дальній. И деньги, и все вниманіе были обращены туда, а Приамурье осталось заброшеннымъ. Край сталъ хирѣть, жизнь начала замирать. Неокрѣпшая еще торговля зашаталась, зарождающейся промышленности грозила преждевременная смерть. Начались стоны, пошли жалобы, ходатайства, и Петербургъ откликнулся.

Въ іюлѣ 1903 г. Н. И. Гродекова смѣнилъ генералъ Субботичъ, переведенный изъ Туркестанскаго края. Субботичъ бывалъ уже на Дальнемъ Востокѣ. Изъ штаба Приамурскаго военнаго округа Субботичъ былъ назначенъ на Квантунъ, только что тогда присоединенный къ Россіи. Управлялъ онъ Квантуномъ вдвоемъ

Библиотека "Руниверс"

съ адмираломъ Дубасовымъ. На смѣну Дубасову послали адмирала Алексѣева, съ которымъ Субботичу стало тѣсно. Алексѣевъ остался одинъ управлять Квантуномъ, а Субботичу поручили Туркестанскій край.

Субботича ждало все Приамурье, какъ спасителя, великаго реформатора, человѣка съ широкими размахами, талантливаго администратора. Начиная отъ Срѣтенска до Хабаровска проѣздъ Субботича представлялъ собой сплошной тріумфъ. По Амуру станицы, города были разукрашены флагами, повсюду тріумфальныя арки, зелень, цвѣты, депутаціи, торжественныя встрѣчи и т. п.

Съ первыхъ же дней своего пріѣзда Субботичъ принялся горячо за дѣло преобразованія и переустройства края въ самомъ широкомъ масштабѣ. А чтобы досконально выяснить истинныя нужды населенія, рѣшилъ онъ созвать IV Хабаровскій съѣздъ (три уже были при баронѣ Корфѣ), на который пригласить представителей самыхъ широкихъ круговъ.

Началась энергичная подготовка къ съѣзду. Чиновники всѣ сразу стали либеральными, зашевелились, засуетились, и 7 августа 1903 г. торжественно былъ открытъ IV съѣздъ или, какъ назвали его современники, Приамурскій парламентъ. Присутствовало на съѣздѣ 150 лицъ, изъ нихъ 106 чиновъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, 4 городскихъ головы и 40 человѣкъ обывателей, преимущественно изъ торгово-промышленнаго класса, въ томъ числѣ и представители мѣстныхъ газетъ.

На этомъ съѣздѣ почти единодушно осуждали политику Витте, видя въ затѣяхъ манчжурскихъ и квантунскихъ главную причину упадка Приамурскаго края. На Приамурье жалѣютъ дать гроши, а туда щедрою рукою сыплютъ милліоны. Тутъ впервые на съѣздѣ кто-то окрестилъ городъ Дальній—городомъ Лишнимъ. Нужно отдать справедливость, матеріала много, несмотря на короткій срокъ, было собрано къ съѣзду, и матеріала очень интереснаго. Закипѣла работа въ комиссіяхъ, подкомиссіяхъ, но на другомъ концѣ имперіи также не сидѣли, сложа руки.

17 августа 1903 г. закатилась звѣзда Витте, и послѣдовалъ указъ о намѣстничествѣ на Дальнемъ Востокѣ. Несмотря на обострившіяся уже отношенія съ японцами изъ-за «лѣсныхъ операцій» на р. Ялу въ Кореѣ, правительство не придавало особаго значенія угрозамъ японцевъ и объявило адмирала Алексѣева намѣстникомъ не только Дальняго Востока (русскаго), но и «сопредѣльныхъ странъ». Правительство тогда было увѣрено, что «сопредѣльныя страны» въ самомъ ближайшемъ будущемъ войдутъ въ предѣлы имперіи. Это событіе поразило,

Библиотека "Руниверс"

какъ громомъ, все возликовавшее было Приамурье, а черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что Субботичъ возвращается обратно въ Туркестанъ. Труды IV Хабаровскаго Съѣзда, этого мертворожденнаго парламента, свалили въ ту же могилу, гдѣ покоились его предшественники, труды трехъ Корфовскихъ съѣздовъ.

И кумиръ Приамурья, недавній тріумфаторъ, генералъ Субботичъ уѣхалъ изъ Хабаровска безъ всякихъ проводовъ. На пристани провожали его лишь одинъ полицеймейстеръ да кучка случайныхъ зѣвакъ.

Какъ-то всѣ наши администраторы начинаютъ свой танецъ обязательно отъ «печки». Такъ и намѣстникъ, приступивъ къ реформамъ, назначилъ свой «первый Портъ-Артурскій съѣздъ», который съ бо́льшею еще помпой открылся въ октябрѣ 1903 года въ Портъ-Артурѣ, но тутъ уже не пахло «парламентомъ». Либеральнаго духу тутъ не было ни капельки. Проекты, внесенные на обсужденіе, *единогласно* принимались членами съѣзда.

Въ числѣ первыхъ неотложныхъ реформъ было постановлено: а) выстроить грандіозный (на страхъ «сопредѣльнымъ народамъ») дворецъ намѣстнику и б) построить сказочно-волшебную яхту для прогулокъ намѣстника по «сопредѣльнымъ» морямъ. Затѣмъ слѣдовали менѣе важныя, какъ то: учрежденіе Портъ-Артурскаго лѣсничества (хотя на Квантунѣ нѣтъ ни кустика), учрежденіе особой Портъ-Артурской судебной палаты и т. п. Осуществить реформы не удалось. Лилипутъ Восходящаго Солнца помѣшалъ всѣмъ затѣямъ на дальневосточной окраинѣ.

П. Торгашевъ.

Библиотека "Руниверс"

Записки библейскаго книгоноши [1]).

II.

11 мая 1880 года я въ первый разъ разыскалъ библейскій складъ и съ бьющимся отъ волненія сердцемъ вошелъ въ него для предложенія своихъ услугъ въ качествѣ книгоноши.

Бывшій въ то время управляющій складомъ Карлъ Карловичъ Хольстремъ опытнымъ и строгимъ взглядомъ осмотрѣлъ внѣшность мою и, какъ показалось мнѣ, остался ею недоволенъ, а затѣмъ онъ вторгся въ душу мою и въ область ума моего, но не найдя ничего предосудительнаго, объявилъ, что можетъ отпускать мнѣ изъ склада книги, какъ вообще всѣмъ книготорговцамъ, со скидкой двадцати процентовъ съ рубля и только за наличныя деньги. На имѣющійся въ то время у меня всего одинъ рубль капитала я получилъ изъ библейскаго склада десять маленькихъ въ 32-ую листа евангелій, въ красивѣйшихъ разноцвѣтныхъ переплетахъ, со штампованной на переплетѣ цѣной 12 копѣекъ, и четыре копѣйки сдачи.

Не прошло и часа, какъ я, восторженный и запыхавшійся отъ усиленной ходьбы и движеній, прибѣжалъ въ складъ во второй разъ и купилъ уже на вырученныя деньги двѣнадцать евангелій. Затѣмъ прибѣгалъ въ складъ еще два раза и купилъ пятнадцать, а потомъ восемнадцать евангелій. Всего же за этотъ достопамятный для меня день я перекупилъ и продалъ пятьдесятъ пять евангелій.

Трудно описать теперь то радостное чувство, охватившее меня въ первые дни моего книгоношества. Съ утра и до ночи, не чувствуя усталости, я носился по улицамъ и переулкамъ Москвы и предлагалъ рѣшительно всѣмъ попадавшимся навстрѣчу: и старымъ, и малымъ, и знатнымъ, и простымъ, и даже нищимъ купить у меня евангеліе. Я чувствовалъ на себѣ въ то время какъ бы долгъ или миссію, чтобы какъ можно скорѣе и возможно больше распространить въ народѣ евангелій. Я ду-

---

[1]) См. № 10.

Библиотека "Руниверс"

малъ и глубоко вѣрилъ въ то время, что если всѣ люди будутъ съ сознаніемъ и вѣрой читать евангеліе, то скоро все человѣчество, весь міръ и вся природа переродится и не будетъ уже на свѣтѣ ни рабовъ, ни господъ, ни насильниковъ, ни изувѣровъ. ни суевѣровъ; не будетъ ни скорби, ни страданій, ни слезъ, и всѣ люди станутъ братьями и дѣтьми одного Отца Бога. Поэтому-то я ни минуты не терялъ драгоцѣннаго времени, и даже ѣлъ и пилъ только утромъ и поздно вечеромъ, день же весь безпрерывно шелъ на работу.

Благодаря моимъ до-нельзя ограниченнымъ потребностямъ, у меня быстро стали скопляться лишнія деньги, которыя я хотѣлъ было отослать матери на родину. Но аккуратный Карлъ Карловичъ напомнилъ мнѣ о моемъ потрепанномъ и неприличномъ, по его мнѣнію, костюмѣ, якобы дискритирующемъ не только библейскихъ книгоношъ, но и самое библейское общество, противъ чего я не прекословилъ и, къ удовольствію Карла Карловича, одѣлся во все чистое и новое, а главное купилъ для книгъ прекрасную кожаную сумку, въ которой носилъ уже не одни маленькія евангелія, а и большіе новые завѣты въ двадцать пять копѣекъ и крупной печати по рублю.

Въ библейскомъ складѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ московскими книгоношами, съ которыми я постепенно со всѣми перезнакомился. А однажды одинъ изъ нихъ, Степанъ Васильевъ, пригласилъ меня къ себѣ на имѣющее у него быть собраніе, давъ мнѣ свой адресъ (гостиница «Неаполь» у Николаевскаго вокзала) и назначивъ часы прихода.

Придя въ назначенный часъ, я встрѣтилъ уже тамъ всѣхъ книгоношъ въ сборѣ, а кромѣ нихъ, двухъ мужичковъ въ сермягахъ, съ восторженными лицами, пріѣзжихъ изъ Меленковскаго уѣзда.

Въ комнатѣ меня заинтересовали развѣшенные по стѣнамъ плакаты съ изреченіями изъ священнаго писанія. Кромѣ нихъ, я видѣлъ еще маленькіе плакатики въ размѣрѣ открытаго письма съ прекрасными виньетками, съ цвѣточками и птичками, на которыхъ напечатаны были тексты преимущественно изъ ветхаго завѣта, больше изъ псалмовъ. Плакатики эти лежали на столѣ и служили закладками для книгъ.

Вскорѣ послѣ меня пришло на собраніе еще нѣсколько мастеровыхъ и фабричныхъ рабочихъ, а черезъ полчаса набралось такое множество народа, что негдѣ было всѣмъ и размѣститься; пришедшіе раньше заняли стулья, кровать, подоконники на окнахъ, приходившіе же послѣдними садились, кто какъ могъ, на полу, а когда и на полу не было мѣста, то вставали кто сзади

Библиотека "Руниверс"

стула, а кто у стѣны или у двери. Когда же собраніе было въ полномъ сборѣ, то книгоноша Степанъ Васильевъ роздалъ каждому присутствующему по Новому Завѣту и сказалъ кому-то, что можно начинать. Послѣ чего всталъ одинъ изъ пріѣзжихъ мужичковъ и равномѣрнымъ плавнымъ голосомъ сказалъ: «прочитаемте, дорогіе братья и сестры (въ собраніи были три женщины), двадцать третью главу Евангелія отъ Матѳея», и затѣмъ сталъ ровно и спокойно читать, а мы каждый слѣдили по своему новому завѣту за его чтеніемъ. Послѣ чтенія онъ удивительно тонко и ясно разобралъ и развилъ собранію все прочитанное. Другой мужичокъ, болѣе восторженный, болѣе пылкій и менѣе спокойный, не держался метода своего товарища и читалъ отрывки изъ евангелія; прежде онъ читалъ притчи о царствіи Божіемъ, читалъ о горчичномъ зернѣ, о закваскѣ, о жемчужинѣ, о купцѣ, купившемъ поле, между которыми вставлялъ свои комментаріи.

Послѣ чтенія евангелія и объясненій его, взявшихъ довольно много времени, первый мужичокъ сказалъ: «Теперь, дорогіе братья и сестры, давайте преклонимте колѣна и поблагодаримъ Отца нашего небеснаго за Его великую милость къ намъ». И всѣ, кто гдѣ сидѣлъ, тамъ и всталъ на колѣна, кому же не хватило мѣста встать на колѣна, тѣ стояли стоя. Тогда этотъ же первый мужичокъ сталъ говорить импровизованную молитву.

Потомъ сказалъ краткую молитву книгоноша Степанъ Васильевъ, а затѣмъ сталъ говорить фабричный рабочій. Рабочій также просилъ у Бога о ускореніи царства Божія и правды на землѣ; просилъ, чтобы Богъ коснулся сердецъ всѣхъ насильниковъ и угнетателей и вразумилъ бы ихъ, что всѣ люди одинаково ѣсть и пить хотятъ, что всѣмъ одинаково чувствительны и холодъ, и непогода, и зной; что всѣмъ одинаково чувствительны физическія страданія отъ непосильныхъ работъ и побоевъ, а также у всѣхъ одинаково оскорбляется сердце отъ грубаго произвола и издѣвательства. Но рабочій не могъ окончить своей молитвы, голосъ его волновался и дрожалъ и, наконецъ, рабочій дошелъ до такого истерическаго состоянія, что къ концу молитвы онъ отчаянно зарыдалъ, почти до потери сознанія.

Послѣ моленія Степанъ Васильевъ роздалъ присутствующимъ книжки духовныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Любимые стихи и пѣсни Сіона». И мы всѣ стали ихъ пѣть, съ сильной вѣрой и воодушевленіемъ; у нѣкоторыхъ даже на глазахъ появлялись слезы. Но духота и тѣснота утомила пѣвцовъ и они притихли.

Затѣмъ одинъ изъ пріѣзжихъ мужичковъ властно и торжественно объявилъ всему собранію: «Дорогіе братья и сестры,

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ ли у васъ у кого недоразумѣнія какого въ словѣ Божіемъ или такъ какого горя, нужды и обиды людской; давайте раскроемте нужды свои и сердца другъ другу и поможемъ каждый ближнему своему, чѣмъ кто можетъ. Въ писаніи сказано: носите бремена другъ друга и тѣмъ исполните законъ Христовъ, и еще: исповѣдуйте другъ передъ другомъ согрѣшенія ваша».

И тогда посыпались разные вопросы и недоразумѣнія, главнымъ образомъ, со стороны фабричныхъ рабочихъ. Я какъ сейчасъ вижу одного молодого фабричнаго паренька, робко обратившагося за совѣтомъ къ собранію.

— Ноньче я призываюсь въ военную службу, братья,—говорилъ паренекъ,—такъ, какъ вы мнѣ посовѣтуете: итти или нѣтъ?

Вопросъ этотъ произвелъ на все общество глубокое впечатлѣніе, и всѣ нѣкоторое время глубоко задумались. А затѣмъ второй пріѣзжій мужичокъ тихо и ласково заговорилъ:

— Милый братъ! совѣтъ дать тебѣ въ этомъ дѣлѣ намъ не легко, хотя всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что въ словѣ Божіемъ ясно и опредѣленно сказано: не убій, и еще: никакой человѣкоубійца не наслѣдуетъ Царствія Божія, а вѣдь въ военную службу для того и берутъ и обучаютъ солдатъ, чтобы убивать людей. Но давая тебѣ совѣтъ, не оказаться бы намъ самимъ тѣми законниками, которые взвалили на плечи другихъ бремена неудобоносимыя, а сами и пальцемъ не хотѣли дотронуться. Если, братъ дорогой, вѣра и любовь Божія въ тебѣ преизобилуетъ, то ты и самъ не нарушишь заповѣдь Божію, а если вѣры и любви Божіей въ тебѣ мало или вовсе нѣтъ, то и совѣтъ тебѣ будетъ безполезенъ.

Было уже десять часовъ вечера, когда собраніе стало расходиться, остались одни книгоноши, пріѣзжіе мужички и, по предложенію книгоношъ, остался я. У книгоношъ былъ одинъ жизненный вопросъ, почему остались они рѣшить его сегодня же. Степанъ Васильевъ, приступивъ къ дѣловому вопросу, сказалъ вмѣсто предисловія къ нему слѣдующій текстъ изъ псалма: «какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ», говоритъ царь Давидъ. Вотъ и намъ бы, братья,—говоритъ Степанъ Васильевъ,—хорошо бы воспользоваться добрымъ и хорошимъ совѣтомъ царя Давида, и, чѣмъ жить разрозненно, собраться бы и жить вмѣстѣ; это бы намъ стоило и дешевле, и лучше для дѣла нашего и для церкви, для дѣла Божія, а то вотъ сегодня собралось народу много, а помѣщеніе малое, а также вотъ и пріѣзжимъ братьямъ было бы куда заѣхать и голову преклонить, прожить два, три дня, а если нужно, и недѣлю, и мѣсяцъ. Поэтому я предлагаю,—говорилъ Степанъ Васильевъ,—кто желаетъ соединиться вмѣстѣ и жить общинной братской жизнью?

Библиотека "Руниверс"

На призывъ Степана Васильевича откликнулся книгоноша Чернышевъ и я, остальные всѣ молчали. На другой же день мы втроемъ облюбовали въ этой же гостиницѣ «Неаполь» большой, въ три комнаты, номеръ, стоившій въ то время всего только четырнадцать рублей въ мѣсяцъ, и въ этотъ же день къ вечеру переѣхали. Такимъ образомъ, нами была основана, если не ошибаюсь, первая свободно-христіанская община.

Первое время, приблизительно года полтора, община наша процвѣтала, а Степанъ Васильевичъ, день ото дня восторгаясь и возрастая духовно, вдохновлялъ и насъ. Онъ говорилъ, что если мы будемъ жить по евангелію, по Христу, по-братски, жить такъ, какъ жили первые ученики Христовы, имѣть совершенную любовь, чистую незапятнанную совѣсть и открытое сердце другъ къ другу,—то намъ нечего бояться, что насъ мало. Не бойтесь малое стадо, ибо Отецъ благоволитъ вамъ дать царство,—ссылался онъ на слова Христа. И, дѣйствительно, народъ шелъ къ намъ во множествѣ, и не было ни одного вечера, когда не было у насъ собранія. Двери нашего жилища отворялись и днемъ для всякаго желающаго войти въ него. Пріѣзжіе мужички, фабричные и мастеровые рабочіе, торговцы и разносчики, студенты Петровско-Разумовской академіи, курсистки, присяжные повѣренные и даже солдаты, а по націямъ: русскіе, нѣмцы, армяне, грузины, поляки и евреи. Всѣ эти были наши близкіе братья, посѣщающіе наши собранія. Но такъ какъ наша община строго держалась одного только евангельскаго ученія, то мы не допускали въ своемъ собраніи никакихъ революціонныхъ политическихъ рѣчей и разсужденій, а потому интеллигенты, за рѣдкими исключеніями, были непостоянными посѣтителями собраній.

Простота и свободно евангельскія толкованія и разсужденія въ нашемъ собраніи сильно вдохновляли меня, я чувствовалъ въ себѣ сильный подъемъ духа. Мнѣ думалось, что мы приближаемся къ той идеальной, первоначальной христіанской общинѣ, которая имѣла все общее и у всѣхъ было одно сердце и одна душа. И такъ чувствовали и всѣ наши близкіе.

Насколько приподнято было духовное чувство и вѣра у посѣщающихъ наши евангельскія собранія, разскажу про слѣдующій случай.

Собраніе наше усердно посѣщали два разносчика-хозяйчика, имѣвшіе свои артели работниковъ, которые до того увлеклись духомъ евангельскаго ученія, что однажды въ религіозномъ экстазѣ достали изъ кармановъ свои бумажники и, вынувъ оттуда по нѣсколько листовъ какихъ-то процентныхъ бумагъ и серій и положивъ ихъ на столъ, сказали: «Теперь намъ, какъ увѣро-

Библиотека "Руниверс"

вавшимъ христіанамъ, не подобаетъ таскать въ карманѣ ненужныя намъ цѣнности, тогда какъ много братьевъ нашихъ голодныхъ, разутыхъ и раздѣтыхъ и не имѣющихъ, гдѣ главы преклонить. И вотъ, что мы имѣемъ, что намъ вчера еще было такъ дорого, сегодня охотно отдаемъ бѣднымъ и неимущимъ. Возьмите ихъ, братья, размѣняйте на деньги и раздайте тамъ, гдѣ нужда и голодъ». И намъ большого труда стоило уговорить ихъ, чтобы они обратно взяли свои бумаги. А Степанъ Васильевичъ сказалъ имъ, что у насъ есть свое гораздо важнѣе дѣло, чѣмъ раздавать чужія деньги, и посовѣтовалъ имъ разыскать самимъ истинно нуждающихся бѣдныхъ братьевъ и сестеръ и помочь имъ.

Мы уже испытали, какъ трудно управлять чужими деньгами. У насъ въ собраніи была братская кружка, въ которую опускали, кто что могъ, бѣднымъ и безработнымъ братьямъ. Кружка эта всегда стояла на столѣ и не запиралась. Кто туда сколько клалъ и сколько когда въ ней было денегъ, мы не знали. Когда же кто къ намъ обращался за помощью, то мы говорили, чтобы онъ взялъ, сколько ему нужно, изъ братской кружки. Но за такой порядокъ насъ упрекали, говорили, что мы злоупотребляемъ благотворительностью, и что мы, раздавая братскія деньги изъ кружки, не вникаемъ въ дѣйствительную нуждаемость берущаго, а потому кружку разбираютъ не на хлѣбъ, а чуть ли не на водку или на что-то подобное. Тогда мы поняли, что завѣдывать братской кружкой мы неспособны, и чтобы прекратить нареканіе, неудовольствія и соблазнъ, мы совсѣмъ уничтожили ее.

Въ Москвѣ въ то время было другое евангельское собраніе у графини Шуваловой, на Никитской, въ домѣ Лопатиной. Собраніе это имѣло свое основаніе въ Петербургѣ въ извѣстной евангелической (Пашковской) общинѣ, основателемъ которой называли гр. Пашкова, хотя и самъ Пашковъ позаимствовалъ свое ученіе у англійскаго лорда Редстока.

Какъ человѣкъ, владѣющій огромнымъ состояніемъ, Пашковъ разсылалъ по всей Россіи своихъ посланниковъ или, иначе называющихся, епископовъ для проповѣди и для устроенія вновь возникающихъ евангелическихъ общинъ. И епископы разъѣзжали по всей Россіи, главнымъ же образомъ по югу, гдѣ въ то время особенно сильно возникали евангелическія общины, извѣстныя подъ прозвищемъ штундистовъ, которыхъ въ особенности склоняли къ присоединенію къ Петербургской евангелическо-Пашковской общинѣ, поставляя у нихъ пресвитеровъ и вводя по баптистски крещеніе и преломленіе хлѣба.

Епископы эти прознали про наше книгоношеское московское собраніе и не оставили въ покоѣ и насъ. Они съ силой обрушились

Библиотека "Руниверс"

на наше собраніе и подняли цѣлую бурю негодованія, когда увидѣли въ нашемъ собраніи полную евангелическую простоту и свободу. Они грозили намъ всѣми страшилищами ада, если мы только не раскаемся и не примемъ догмата искупленія, а главное—авторитета надъ собой петербургской церкви. Они выворачивали у всѣхъ насъ души, уличали насъ въ безначаліи, въ духовной распущенности и разнузданности и считали насъ чуть ли не атеистами. Въ концѣ концовъ они разогнали чуть ли не всю нашу общину. Надъ тѣми же, которые не отстали отъ нашей общины, они поставили контроль изъ членовъ Шуваловскаго собранія.

Такимъ образомъ, наша живая, жизнерадостная и цвѣтущая община стала постепенно вянуть и замирать. Послѣ чего и наше свободно-евангелическое братство сильно расшаталось. Я, какъ человѣкъ долго находившійся подъ гнетомъ духовной неволи, не хотѣлъ опять лѣзть въ ярмо. Братъ же Степанъ Васильевичъ принялъ унію и хотѣлъ слиться самъ и слить оставшихся членовъ нашей общины съ Шуваловской и Петербургской общиной. Третій нашъ членъ — Чернышевъ сталъ хандрить, а потомъ и совсѣмъ уѣхалъ отъ насъ, и намъ со Степаномъ Васильевичемъ, въ виду тяжести падающаго на насъ расхода, пришлось перейти въ другой, меньшій, въ одну комнату, номеръ. Съ того времени мы обзавелись каждый своимъ кошелькомъ и расплачивались каждый отдѣльно.

Послѣ сліянія Степана Васильевича съ Шуваловской общиной (хотя община Шуваловская и вообще Петербургская никогда не считала Степана Васильевича своимъ вѣрнымъ членомъ), онъ пригласилъ и меня отъ имени Шуваловской общины на собраніе, послушать пріѣхавшаго знаменитаго англійскаго проповѣдника, пастора Бедикера, на что я согласился.

Собраніе у гр. Шувалова я засталъ довольно многолюдное: тамъ были и дамы высшаго свѣта, и слуги ихъ, и кое-кто изъ нашей распавшейся общины, между которыми былъ и наивнѣйшій простякъ Иванъ Васильевичъ, у котораго была невозможная страсть говорить и говорить безъ конца.

Собраніе открылось моленьемъ. Всѣ встали на колѣна и пасторъ Бедикеръ первымъ сказалъ краткую на англійскомъ языкѣ молитву и все собраніе повторило его послѣднее слово «аминь». Затѣмъ кто-то сказалъ изъ столповъ общины на русскомъ языкѣ немного витіеватую молитву, и также все собраніе повторило его послѣднее слово «аминь». Потомъ хотѣлъ было и наивнѣйшій Иванъ Васильевичъ сказать свою молитву, но всѣ встали, задвигали стульями, зашуршали шелковыя юбки, и всѣ усѣлись по

Библиотека "Руниверс"

мѣстамъ, и онъ успѣлъ только сказать: «Господи! Ты Самъ видишь...», но съ тѣмъ и кончилъ.

Послѣ молитвы пасторъ Бедикеръ при абсолютной тишинѣ и напряженномъ вниманіи всего собранія сталъ говорить черезъ переводчика, тоже, въ свою очередь, извѣстнаго оратора, нѣкоего господина Каргера, проповѣдь (пасторъ Бедикеръ по-русски не говорилъ). И чудная была эта проповѣдь, она была такъ стройна, такъ пріятна, такъ обаятельна, какъ самая нѣжная и ласкающая слухъ симфонія. Она уносила слушающаго куда-то далеко, въ другой невѣдомый міръ, гдѣ вѣчная правда, вѣчный свѣтъ и вѣчная любовь. Гдѣ нѣтъ ни горя, ни страданій, ни слезъ и нужды. Она не утомляла слушателей, хотя и продолжалась довольно долго. И когда пасторъ Бедикеръ окончилъ ее, то всѣ слушатели еще долго были подъ обаяніемъ только что слышаннаго. Но тутъ вышелъ одинъ немного комичный инцидентъ, испортившій у нѣкоторыхъ настроеніе. Простякъ Иванъ Васильевичъ, имѣвшій страсть поговорить, воспользовался моментомъ затишья и тотчасъ же заговорилъ: «Братья! вѣдь всѣ мы собранныя здѣсь Божіи овечки, а зало это (роскошное и богатое) хлѣвъ или загонъ, а евангеліе—сѣнцо. Вотъ мы и собрались сюда пожевать этого сѣнца».

Но дальнѣйшее толкованіе милѣйшаго Ивана Васильевича было прервано стройными звуками роскошной фисгармоніи, подъ аккордъ которой запѣли мужскіе и женскіе голоса:

Отчизна моя въ небесахъ,
Къ ней стремится и рвется душа;
Тамъ святые въ безсмертныхъ лучахъ,
Тамъ струится живая рѣка.

Затѣмъ густой басъ запѣлъ соло: «въ небесахъ», и женскій сопрано вторилъ ему: «въ небесахъ». Потомъ басъ пропѣлъ еще: «въ небесахъ». То же самое повторило сопрано, и хоръ окончилъ соло словами:

Отчизна моя въ небесахъ.

Далѣе хоръ запѣлъ другой куплетъ:

Господь меня ждетъ въ небесахъ;
Тамъ готова обитель моя,
Отдыхъ мирный на златныхъ лучахъ,
Въ Его свѣтломъ, блаженномъ раю.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ опять соло мужского и женскаго голосовъ: «въ небесахъ» и окончаніе хоромъ:

Господь меня ждетъ въ небесахъ.

Затѣмъ хоръ запѣлъ третій куплетъ:

Ужъ скоро мнѣ быть въ небесахъ,
Скоро кончится путь мой земной;
Тамъ мнѣ встрѣтятся въ райскихъ вратахъ
Тѣ, что вѣрою жили святой.

И соло баса: «въ небесахъ». Соло сопрано: «въ небесахъ». Потомъ опять, опять баса: «въ небесахъ», затѣмъ сопрано и хоръ кончаетъ:

Ужъ скоро мнѣ быть въ небесахъ.

Послѣ трехъ или четырехъ пропѣтыхъ гимновъ, опять всѣ встали на колѣни молиться, и на этотъ разъ молились уже господа и слуги. Пренаивнѣйшій чудакъ Иванъ Васильевичъ по простотѣ своей и на молитвѣ своей отчудилъ, вызвавъ у однихъ досаду, а у другихъ горькую улыбку.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Васильевичъ былъ очень бѣдный человѣкъ, у него была большая семья, кажется изъ пяти дочерей и жены. И вотъ онъ, стоя со всѣми на колѣняхъ, сталъ въ свою очередь тоже молиться и высказывать Богу свою нищету и безпомощность: «Вѣдь ты самъ знаешь и видишь, Господи, слезно взывалъ онъ къ Богу, что мы и питаемся-то только однимъ картофелемъ да чернымъ хлѣбомъ, да и то впроголодь; дѣти мои и жена ходятъ разуты и чуть ли не наги, такъ что добрымъ людямъ показаться стыдно, да и на мнѣ вотъ послѣдніе портки да и тѣ худые. Третій мѣсяцъ, какъ я не платилъ за квартиру, и хозяинъ грозитъ выгнать вонъ и меня и семью мою на улицу, а откуда мнѣ взять и уплатить ему? Ты самъ укажи и помоги! Господи». И когда онъ окончилъ молитву свою, то никто не подтвердилъ ее словами: «аминь», какъ это говорилось другимъ молящимся членамъ собранія. Впрочемъ молитва Ивана Васильевича имѣла большой контрастъ съ предыдущими молитвами сытыхъ и довольныхъ людей, молитвы которыхъ напоминали молитву того довольнаго своимъ положеніемъ фарисея, который молился и благодарилъ Бога за то, что онъ не таковъ, какъ всѣ прочіе люди, обидчики, грабители и притѣснители, и что онъ точно исполняетъ законъ, отдавая десятую часть изъ дохода и проч. И здѣсь молитвы сытыхъ и довольныхъ людей звучали тѣми же фарисейскими но

Библиотека "Руниверс"

тами, что Богъ особенно объ нихъ заботится, посылая имъ всѣ блага и щедроты свои какъ для души, такъ и для тѣла.

Все же искренняя молитва Ивана Васильевича возымѣла свои дѣйствія и хотя одинъ изъ видныхъ столповъ общины, сказавъ ему: «Стыдно, братъ, тебѣ говорить такую возмутительную молитву, ты бы могъ заявить о своей нуждѣ собранію такъ безъ молитвы». Но тѣмъ не менѣе этотъ же обличитель обратился къ собранію съ словами: «Братья и сестры! поможемъ брату Ивану Васильевичу, кто сколько можетъ», и первымъ досталъ изъ кошелька кредитку, положивъ ее на столъ.

Вскорѣ на столѣ образовалась порядочная кучка изъ кредитокъ и серебра. А одна изъ важныхъ дамъ, обратившись къ Ивану Васильевичу, съ улыбкой сказала: «Молитву вашу, дорогой братъ, Богъ услышалъ, и вразумилъ насъ притти на помощь вамъ. Вотъ возьмите!—указавъ на кучку кредитокъ и серебра,—это для васъ».

И я увидѣлъ, какъ послѣ этого поступка у всѣхъ просіяли лица, и какъ всѣмъ стало весело.

Изъ собранія графини Шуваловой я вынесъ впечатлѣніе неопредѣленное, оно какъ будто дало мнѣ нѣкоторое наслажденіе и пріятность, и въ то же время я чувствовалъ въ сердцѣ своемъ какую-то легкую грусть. Мысли мои гдѣ-то витали и блуждали въ пространствѣ, а слухъ уловлялъ какіе-то невѣдомые звуки.

Если сравнить впечатлѣніе, вынесенное отъ перваго посѣщенія моего книгоношескаго собранія, то оно было противоположно этому. Тамъ у меня получилась особая духовная радость и бодрость; тамъ я въ первый разъ въ жизни осязалъ въ себѣ духовную мощь и силу; тамъ я почувствовалъ близость не только ко всему человѣчеству, но даже близость ко всей твари и ко всей природѣ; тамъ не было и тѣни классового и матеріальнаго раздѣленія, и Иванъ Васильевичъ никакимъ образомъ не сказалъ бы въ книгоношескомъ собраніи про свой голодъ и нищету на молитвѣ. Онъ бы сказалъ тамъ просто: «Братья, я съ семьей голодаю», или: «братья, помогите мнѣ уплатить за квартиру»; да онъ бы среди общества книгоношъ и рабочихъ, равныхъ ему по положенію и по богатству, не ощущалъ бы той острой и жгучей до боли нужды и нищеты своей. Правду сказать, въ нашихъ книгоношескихъ собраніяхъ не было такихъ очаровательныхъ, тончайше-витіеватыхъ проповѣдей, какіе, напримѣръ, говорили пасторъ Бедикеръ, Каргеръ, Дитманъ и другія образованные витіи. Не было также и такого стройнаго пѣнія подъ аккомпанементъ фисгармоніи. А пѣли мы, какъ говорится, всѣ въ одну трубу, и чуть ли не своими импровизованными мотивами. Но зато у насъ

Библиотека "Руниверс"

много было чувства. Каждый изъ насъ, изливая свою душу, въ словахъ ли, въ пѣніи ли, въ молитвѣ ли, изливалъ ее, какъ могъ, какъ умѣлъ, нисколько не заботясь и не стѣсняясь никакихъ компромиссовъ, стѣсненій, замѣчаній и неодобреній со стороны братьевъ, а потому у насъ не было заботы о томъ, чтобы красиво и гладко сказать, витіевато помолиться и особенно стройно спѣть. Была же забота о томъ, чтобы всю правду сказать и ничего не утаить; чтобы истину отыскать и постигнуть, и чтобы брата своего чѣмъ-нибудь не оскорбить и не обидѣть. Но я говорю здѣсь только про тѣ книгоношескія и рабочія собранія, на которыхъ еще не властвовали члены Пашковской общины.

Конечно, не знай я и не испытай того евангельскаго пониманія простого и ясного ученія и попади я послѣ безсмысленныхъ мертвыхъ обрядовъ и суевѣрій на Пашковское собраніе, то, безъ сомнѣнія, и оно бы произвело на меня болѣе чарующее дѣйствіе. Теперь же, послѣ распавшагося нашего книгоношескаго собранія, я хотя и бывалъ на собраніяхъ графини Шуваловой, но они уже не удовлетворяли моихъ духовныхъ потребностей, и я чувствовалъ себя здѣсь чужимъ, какъ ни старались члены общины яснѣе развить и уяснить передо мной ихъ догматы искупленія отъ первороднаго Адамова грѣха и очистительной жертвы за этотъ же первородный грѣхъ Христомъ, какъ чистымъ и непорочнымъ агнцемъ, закланнымъ на Голгоѳѣ за грѣхи міра, но доводы эти приводили меня только въ отупѣніе и досаду, черезъ что я еще больше отчуждался отъ собраній.

Вскорѣ мнѣ пришлось познакомиться на собраніи у гр. Шуваловой съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга Пашковымъ, произведшимъ на меня пріятное впечатлѣніе. Онъ предлагалъ мнѣ поступить книгоношей основаннаго имъ совмѣстно съ графомъ А. П. Бобринскимъ и барономъ Корфомъ трактатнаго духовно-нравственнаго о-ва, подъ символическимъ девизомъ двухъ греческихъ буквъ: Альфа и Омега.

Предложеніе Пашкова въ матеріальномъ отношеніи было очень выгодно, и привлекательно тѣмъ, что книгоноши трактатнаго о-ва имѣли безсрочные проѣздные билеты второго класса по всѣмъ россійскимъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ съ правомъ провоза до пяти пудовъ багажа. Билеты эти давалъ книгоношамъ А. П. Бобринскій, будучи тогда министромъ путей сообщенія. Но предложеніе Пашкова я не принялъ, такъ какъ книгоношамъ трактатнаго о-ва вмѣнялось въ обязанность, помимо распространенія книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, раздавать подчеркнутые Новые завѣты.

Въ то время у В. А. Пашкова была цѣлая канцелярія или

Библиотека "Руниверс"

мастерская, занимавшаяся исключительно подчеркиваніемъ красными чернилами текстовъ, которые служили основаніемъ вѣрованій евангелической Пашковской общины. Но я не считалъ эти подчеркнутые въ новомъ завѣтѣ тексты главнымъ, основнымъ ученіемъ Христа, а потому и не хотѣлъ раздавать ихъ; да и вся серія книжекъ, распространяемая трактатнымъ о-вомъ, не по душѣ была мнѣ.

Книжки эти, съ краснымъ штемпелемъ, хорошо были знакомы въ свое время читающей публикѣ. Ихъ раздавали большею частью даромъ. Въ особенности много раздавалось ихъ дочерьми Пашкова и сестрами Крузе на Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ. Сначала книжечки эти имѣли огромный успѣхъ въ народѣ, такъ какъ ихъ восхваляло православное духовенство. А когда же Пашкова, какъ распространителя евангелической секты, выслали изъ предѣловъ Россіи, и когда узнали, что духовно-нравственныя книжки съ краснымъ штемпелемъ распространялись Пашковымъ, то тогда то же православное духовенство признало ихъ уже зловредными книжками и запрещало народу читать ихъ, а болѣе усердные батюшки и отцы миссіонеры, указывая на приложенный къ передней страницѣ или обложки книжки красный штемпель, говорили народу, что это печать антихриста.

Случайно мнѣ пришлось познакомиться и съ другимъ виднымъ представителемъ евангелическо-русской общины съ гр. А. П. Бобринскимъ.

Однажды въ Москву пріѣхалъ хорошій мой знакомый С. П. Степановъ (воронежскій молоканинъ) и остановился по сосѣдству съ нами въ гостиницѣ «Неаполь». Сергѣю Петровичу нужно было видѣться съ гр. А. П. Бобринскимъ, который въ это время былъ тоже въ Москвѣ, и проживалъ на Тверской въ гостиницѣ «Дрезденъ». Собравшись къ Бобринскому, С. П. пригласилъ и меня съ собой, сказавъ мнѣ: «Пойдемъ, братъ Иванъ Игнатьевичъ, со мной и посмотри, какъ живутъ и проповѣдуютъ столпы и основатели евангелической русской церкви».

Въ передней у графа насъ встрѣтилъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ лакей, который осмотрѣлъ насъ съ ногъ до головы, и неохотно пошелъ докладывать о насъ графу. Послѣ доклада онъ ввелъ насъ въ роскошную комнату, гдѣ графъ сидѣлъ на плюшевомъ диванѣ, поджавъ одну ногу подъ себя. Поздоровавшись съ графомъ, какъ съ близкимъ знакомымъ, Сергѣй Петровичъ представилъ ему меня, какъ, человѣка, жаждавшаго евангелическаго ученія.

Поговоривъ минутъ пятнадцать-двадцать о своихъ личныхъ дѣлахъ, они перешли къ разговору на религіозную тему. Графъ

Библиотека "Руниверс"

говорилъ Сергѣю Петровичу въ полушутливомъ тонѣ: «ну что вы, Сергѣй Петровичъ, все еще не отреклись отъ ветхозавѣтной закваски и не совлекли съ себя ветхаго Адама, чтобы облекстись новымъ Іисусомъ Христомъ». Въ это же время графъ приказалъ стоявшему все время въ вытяжку лакею подать три стакана чаю, а затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «а вы, молодой человѣкъ, вѣрите, что Господь Іисусъ Христосъ пролилъ за васъ свою драгоцѣнную кровь, и что вы куплены дорогою цѣною для царствія небеснаго!» Но, получивъ мой робкій и сбивчивый отвѣтъ, онъ подошелъ къ окну, выходящему на площадь между домомъ генерала-губернатора и тверской частью, и, показавъ рукою на площадь, сказалъ: «Вотъ посмотрите на всю эту снующую массу народа. Все это—невѣрующіе, погибшіе и обреченные на вѣчное страданіе люди». Твердо и увѣренно произнесъ свой безпощадный приговоръ графъ.

А на площади этой кишмя кишѣли разные люди. Тутъ шли и ѣхали и богатые и бѣдные, праздные и трудящіеся люди, ѣхали и на своихъ рысакахъ и на заморенныхъ извозчичихъ клячахъ, шли разносчики съ тяжелыми на головахъ ношами, шли съ большими узлами прачки и портнихи; шли рабочіе, каменщики и штукатуры и прочіе трудящіеся люди, добывающіе трудомъ хлѣбъ себѣ и своей семьѣ. Графъ Бобринскій, сидя на роскошномъ плюшевомъ диванѣ, откормленный, выхоленный и вымытый, и умѣющій только приказывать, безъ сомнѣнія, не испыталъ и не зналъ тѣхъ иногда, по истинѣ, адскихъ трудовъ рабочихъ людей, которые доставляютъ всѣ удобства жизни ему и всѣмъ вообще богатымъ людямъ, плотно усѣвшимся на народныя спины. Онъ, очевидно, не имѣлъ никакого понятія о пятнадцатичасовомъ физическомъ трудѣ, подъ адскимъ грохотомъ машинъ и въ спертомъ воздухѣ, на фабрикахъ и заводахъ; или работахъ: каменщиковъ, штукатуровъ, маляровъ, плотниковъ и работающихъ съ восходомъ солнца и до захода его, подъ солнцепекомъ или подъ проливнымъ дождемъ и нерѣдко съ опасностью для жизни, иначе онъ не приговорилъ бы всѣхъ огуломъ въ геенну.

Съ этого времени я ясно понялъ, что между мною и евангеликами нѣтъ ничего общаго. Они присвоили себѣ право судить и осуждать однихъ въ рай, а другихъ въ геенну, я же, по слову Христа, считалъ за грѣхъ даже подумать что-нибудь о братѣ своемъ. Окончательный же разрывъ мой съ евангеликами произошелъ послѣ знакомства моего съ нѣкіимъ армяниномъ Агаржаманъ Романовичемъ Арутчевымъ, тоже признаннымъ столпомъ евангелическаго ученія между бакинскими армянами. Арутчевъ

Библиотека "Руниверс"

пріѣзжалъ въ Москву, на два мѣсяца разъ въ годъ (апрѣль и май мѣсяцъ), и останавливался на Ильинкѣ въ Мещеринскомъ подворьѣ. Днемъ онъ закупалъ разные товары, преимущественно шелковые, а вечеромъ устраивалъ религіозныя собранія, сзывая къ себѣ купцовъ, приказчиковъ, артельщиковъ и мастерковъ, и приглашалъ проповѣдниковъ изъ Шуваловскаго собранія для произнесенія проповѣди.

Самъ Арутчевъ по-русски говорилъ не совсѣмъ чисто и ясно и нерѣдко приводилъ слушателя въ недоумѣніе. Онъ встрѣчалъ каждаго входящаго къ нему на собраніе со сложенными руками на толстомъ животѣ и съ блаженной улыбкой на лоснящемся лицѣ. Онъ неизмѣнно спрашивалъ каждаго входящаго къ нему: «А Богу сегодня молилъ? А евангель читалъ?» и если получалъ утвердительный отвѣтъ, то улыбался еще съ большей расплывчатой улыбкой, сажалъ вошедшаго на мѣсто. А если же входящій отвѣчалъ, что сегодня Богу не молился и евангелія не читалъ, то такого человѣка Арутчевъ спрашивалъ дальше: «а ты сегодня кушалъ?»

— Кушалъ,—отвѣчалъ недоумѣвающе вошедшій.—«А зачѣмъ сегодня кушалъ?»—дальше допрашивалъ Арутчевъ.—Да ѣсть захотѣлось,—смущенно говорилъ вошедшій. «А Богу молить не хотѣлось, а евангель читать не хотѣлось»,—укоризненно говорилъ Арутчевъ.

Прижатый къ стѣнѣ словами Арутчева, вошедшій чистосердечно кается: Грѣшный человѣкъ, лѣнивъ и Богу молиться и евангеліе читать.—«Ай, ай некорошо! некорошо»!—отечески замѣчаетъ ему Арутчевъ. Но блаженная улыбка расплывается на лицѣ его, и онъ сажаетъ пытаемаго на мѣсто.

У Арутчева была любимая тема, которую онъ развивалъ всѣмъ и каждому. Тема же эта состояла въ томъ, что Богъ избраннымъ своимъ всегда во всемъ благоволитъ. Послѣ же развитія темы объ особомъ Божьемъ благоволеніи къ избраннымъ своимъ, онъ всегда разсказывалъ о Божьемъ благоволеніи лично надъ нимъ. Я былъ бѣднымъ торговцемъ, говорилъ про себя Арутчевъ, и весь товаръ свой укладывалъ въ мѣшокъ, который и таскалъ на спинѣ по ярмаркамъ и базарамъ, но Богъ такъ возвысилъ меня, что я теперь считаюсь въ Баку первымъ купцомъ, имѣю милліонный оборотъ, свой великолѣпный домъ, своихъ лошадей и экипажи.

Спокойная и увѣренная хвастливость объ особомъ надъ нимъ благоволеніи Божіемъ всегда раздражала меня. Я зналъ, конечно, не мало богатыхъ и именитыхъ евангеликовъ, какъ то: Пашкова, Бобринскаго, Шувалову, Гагарину, Черткову, Ливенъ

Библиотека "Руниверс"

и проч., которые, безъ сомнѣнія, были состоятельнѣе даже Арутчева, но, думая объ этихъ богатыхъ и именитыхъ евангеликахъ, я думалъ, во-первыхъ, что всѣ имѣнія, принадлежащія въ настоящее время имъ, захвачены и закрѣплены за ними не ими лично самими, а ихъ отцами и дѣдами, во-вторыхъ, мнѣ всегда думалось почему-то, что всѣ эти именитые евангелики тяготились и обременялись своими имѣніями, такъ какъ слово Божіе не могло миновать ихъ сердца, они не могли не знать отвѣта Христа богатому юношѣ, который исполнилъ все и не могъ исполнить только главнаго: возвратить по принадлежности то, что не ему принадлежало. Въ такомъ же точно положеніи, казалось мнѣ, находились и именитые евангелики. У нихъ нехватало мужества возвратить по принадлежности то, что несогласно съ волей Божіей было захвачено ихъ отцами и дѣдами.

Арутчевъ, конечно, не могъ тяготиться своими капиталами, такъ какъ онъ, вопреки ученію Христа—не собирать сокровищъ на землѣ, какъ разъ дѣлалъ обратное, и мнѣ пришлось быть совершенно случайнымъ свидѣтелемъ, какъ собиралъ онъ эти сокровища.

Однажды пришелъ я на собраніе къ Арутчеву раньше обыкновеннаго.—Собственно говоря къ Арутчеву я ходилъ на собраніе не изъ религіознаго побужденія, а мнѣ любопытно было узнать, какъ примиряются съ евангеліемъ всѣ богачи купцы, промышленники, подобные Арутчеву, и какъ мирится съ ученіемъ Христа и самъ Арутчевъ,—Арутчева я засталъ, производившимъ расчетъ съ нѣсколькими мастерками-хозяевами, приказчиками и артельщиками за закупленный за этотъ день имъ товаръ. При этомъ Арутчевъ уплачивалъ имъ вмѣсто денегъ серіями съ обрѣзанными купонами за два года впередъ и купонами, обрѣзанными за три, четыре года впередъ. При чемъ и серіи и купоны платилъ по номинальной цѣнѣ, т.-е. не дѣлалъ вычета за недостающіе купоны у серіи и не хватающіе сроки трехъ и четырехъ лѣтъ у купоновъ. Кромѣ этого, онъ еще дѣлалъ съ каждаго счета по двѣ копѣйки съ рубля скидки. Конечно, хозяйчики, приказчики и артельщики спорили, сердились, волновались и чуть ли не плакали, такъ, напримѣръ, я помню одинъ мастерокъ-хозяйчикъ, со слезами на глазахъ, говорилъ: «Помилуйте! да вѣдь вы и такъ выжили въ цѣнѣ, такъ что я въ убытокъ продалъ вамъ. Деньги до зарѣзу нужны мнѣ, а теперь еще я долженъ отъ серій терпѣть убытокъ, мало вамъ этого, вы еще два процента съ рубля скидываете. Вѣдь такъ ни одинъ самый послѣдній еврей не поступаетъ». Но Арутчевъ строго сказалъ ему, чтобы онъ получалъ деньги и уходилъ безъ разсужденій, иначе онъ завтра вернетъ обратно посланный уже на желѣз-

Библиотека "Руниверс"

ную дорогу товаръ. По уходѣ же хозяйчиковъ, приказчиковъ и мастерковъ, Арутчевъ невозмутимо сказалъ мнѣ: «Вѣдь вотъ какой народъ нынче, я покупаю за наличныя деньги у нихъ, а они и пустяковъ уважить не хотятъ».

Возмущенный до глубины души поступками Арутчева, я на первомъ же собраніи у гр. Шуваловой разсказалъ всему собранію про этотъ поступокъ Арутчева. Но главари Шуваловскаго собранія дали понять мнѣ, что человѣкъ оправдывается не дѣлами, а вѣрою. А потому Арутчевъ—говорили они,—все же дитя Божіе, такъ какъ онъ истинно вѣрующій человѣкъ.

III.

Послѣ знакомства съ гр. Бобринскимъ и Арутчевымъ, у меня отпала охота посѣщать Шуваловское собраніе, и я опять отдался всей силой своей души и мышцъ дѣлу распространенія книгъ священнаго писанія. Теперь у меня была идея, согласно которой я сталъ распространять книги священнаго писанія только исключительно между простыми чернорабочими людьми, которые о евангеліи знаютъ только то, что оно въ золотомъ или серебряномъ переплетѣ, и что къ нему надо прикладываться такъ же, какъ прикладываются ко кресту, иконамъ и мощамъ; которое показываютъ имъ каждый праздникъ въ церкви дьяконъ съ амвона, высоко приподнявъ его надъ своей головой, и всею мощью своего голоса выкрикиваетъ: «Отъ Іоанна святого евангелія чтеніе!» А затѣмъ начинаетъ читать его. Но отъ чтенія дьякона, люди эти помнятъ только первыя два слова: «во время оно». Больше же разобрать ничего не могутъ; о чемъ, впрочемъ, немало не безпокоятся, такъ какъ думаютъ, что суть вся состоитъ только въ томъ, чтобы оно было прочитано въ церкви такъ же, какъ было бы прочитано и пропѣто изъ другихъ разныхъ церковныхъ книгъ, названія которыхъ знаютъ только лица, особо поставленныя читать и пѣть по нимъ.

Вотъ этимъ-то простымъ людямъ я и началъ распространять книги священнаго писанія. Я былъ увѣренъ тогда, что чѣмъ меньше знакомы простые люди съ догматическимъ ученіемъ изъ катихизисовъ и разныхъ толкованій на священное писаніе, чѣмъ меньше запутаны они богословскими тонкостями и изворотами, тѣмъ яснѣе и проще усваивается ими евангельская истина. А увѣренность эту въ меня вложилъ Христосъ, такъ какъ Онъ сказалъ: «славлю Тебя, Отче, что Ты закрылъ отъ мудрыхъ и разумныхъ, а открылъ младенцамъ». То же подтверждали впослѣдствіи и апостолы.

Библиотека "Руниверс"

Но сначала для меня былъ важенъ вопросъ, какъ столкнуть этихъ простыхъ людей отъ предразсудка и доказать имъ, что евангеліе только для того и дано людямъ, чтобы они читали и изучали его постоянно, каждый день и всю жизнь, и познали бы самихъ себя и Бога, но непремѣнно прежде самихъ себя, безъ познанія самого себя нельзя познать Бога.

И трудная задача натолкнуть простой народъ на чтеніе евангелія или на весь новый завѣтъ вообще, заинтересовать его ученіемъ Христа и апостоловъ разрѣшилась сама собой и очень просто.

У меня выработался свой собственный самостоятельный и своеобразный методъ распространять книги священнаго писанія для простого народа.

Встрѣчаю я, напримѣръ, землекопа, фонарщика, отходника, каменщика, штукатура, или иного какого чернорабочаго, и спрашиваю его: «Гдѣ онъ живетъ? Велика ли артель, приходятъ ли домой обѣдать и въ которомъ часу кончаютъ работу». Все это записываю въ памятную книжку. Потомъ при удобномъ для меня случаѣ я захожу въ обѣдъ или вечеромъ хотя бы въ артель землекоповъ, и, отрекомендовавшись книгоношей библейскаго общества, я знакомлю ихъ немного съ книгоношествомъ, а потомъ болѣе подробно знакомлю съ библейскимъ обществомъ и съ задачами его, разсказываю про дѣятельность этого общества во всемъ мірѣ, на всемъ земномъ шарѣ и между всѣми народами, о распространеніи этимъ обществомъ книгъ священнаго писанія болѣе, чѣмъ на триста языкахъ и нарѣчіяхъ; разсказываю также какая цѣль, какой смыслъ этого библейскаго общества распространять священное писаніе всему человѣчеству. Разсказывалъ, какая огромная армія книгоношъ, подобныхъ мнѣ, ходятъ у этого общества по всему лицу земли, и какое огромное количество книгъ распространяется не только между цивилизованными народами и христіанами, но даже между язычниками и между дикарями. И когда въ достаточной степени знакомилъ ихъ, съ дѣятельностью библейскаго общества, я приступалъ, если только позволяло время, къ чтенію евангелія. Начиналъ читать всегда съ самыхъ простыхъ и ясныхъ главъ, напримѣръ, читалъ пятую, шестую и седьмую главу евангелія отъ Матѳея, а затѣмъ, распростившись съ ними, уходилъ отъ нихъ. Совсѣмъ не предлагалъ и не напоминалъ имъ о покупкѣ книгъ.

На другой день я иду въ другую артель, хотя бы къ отходникамъ, и поступаю точно такъ же, какъ у земляниковъ. На третій день иду къ фонарщикамъ, затѣмъ къ плотникамъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока не обойду всѣ намѣченныя и записанныя мною артели.

Библиотека "Руниверс"

А затѣмъ опять уже вторично иду къ землекопамъ. На этотъ разъ они встрѣчаютъ меня какъ хорошаго знакомаго, здороваются со мной и предлагаютъ пообѣдать съ ними, или чайку попить. Но я опять стараюсь прочесть имъ болѣе сильныя и выразительныя главы изъ евангелія. На этотъ разъ изъ нихъ уже кое-кто изъявляетъ желаніе купить новый завѣтъ. Но многіе просятъ придти къ нимъ съ книгами въ получку. Также на другой день въ артели отходниковъ, на третій у штукатуровъ, нѣкоторые покупаютъ, а многіе просятъ придти въ получку или въ расчетъ, такъ происходитъ при вторичномъ обходѣ во всѣхъ артеляхъ.

Но вотъ и получка, у кого перваго числа каждаго мѣсяца, у кого пятнадцатаго, а у кого передъ большими праздниками, и я уже не несу имъ книги въ ручной сумкѣ или мѣшкѣ, а везу на лошади въ ящикахъ. На этотъ разъ книги покупали у меня уже рѣшительно всѣ, даже покупали многіе неграмотные, а когда послѣднимъ дѣлали замѣчаніе: «Ты зачѣмъ дядя Федоръ покупаешь евангеліе-то, вѣдь ты неграмотный?».—«А я неграмотный, такъ ты грамотный»—отвѣчаетъ спрашивающему дядя Федоръ. «Придешь когда ко мнѣ въ деревню-то зимой покалякать, а я тебѣ сейчасъ въ руки-то книгу, на-ко молъ почитай-ко, а мы съ бабой-то да съ отцомъ старикомъ послушаемъ тебя».

Случалось, что нѣкоторые рабочіе покупали по нѣсколько экземпляровъ въ одни руки. Здѣсь я долженъ откровенно сказать, что истинная радость моя была всегда не отъ огромнаго количества распространяемыхъ мною книгъ, а отъ разумнаго, сознательнаго и заинтересованнаго книгой покупателя. Теперь я былъ увѣренъ, что каждая книга, пріобрѣтенная изъ рукъ моихъ, попадаетъ на свое мѣсто, почва по возможности для нея была удобрена, а какой плодъ дастъ она, это уже дѣло не моей совѣсти.

Однажды вечеромъ я совершенно случайно проходилъ однимъ изъ переулковъ, примыкающихъ къ Драчевкѣ, и, поровнявшись съ домомъ, имѣющимъ входъ съ улицы черезъ стеклянную дверь съ висѣвшимъ надъ нею огромнымъ краснымъ фонаремъ, я былъ приглашенъ стоявшими около стеклянныхъ дверей дѣвицами въ гости, которыя, очевидно, сочли меня по имѣющейся у меня въ рукѣ кожаной сумкѣ съ евангеліями за пріѣзжаго. Сначала я хотѣлъ пройти мимо, какъ бы не слыша ихняго приглашенія, но потомъ мнѣ блеснула мысль сказать имъ что-нибудь доброе, ласковое, и я сказалъ имъ: «пойдемте».

Они ввели меня въ небольшой залъ, гдѣ сидѣло и ходило нѣсколько дѣвицъ, одѣтыхъ такъ же, какъ одѣваются богатыя и именитыя дамы и ихъ дочери на балъ: съ голыми руками и наполовину открытой грудью. Въ сторонѣ отъ нихъ сидѣла толстая

Библиотека "Руниверс"

женщина, одѣтая въ контрастъ дѣвицамъ во все черное, какъ монахиня.

Пришедши въ залъ, я сказалъ всѣмъ «здравствуйте сестры», потомъ поставилъ свою кожаную сумку на стулъ и сталъ доставать изъ нея маленькія переплетенныя въ цвѣтные переплеты евангелія и сталъ раздавать ихъ дѣвицамъ; затѣмъ я досталъ изъ сумки большой новый завѣтъ крупной печати и предложилъ его купить женщинѣ, одѣтой во все черное. Потомъ, отрекомендовавшись книгоношей библейскаго общества для распространенія священнаго писанія всѣмъ народамъ, я вкратцѣ познакомилъ ихъ о цѣли этого общества и о важности для всякаго человѣка имѣть при себѣ евангеліе. Женщина, одѣтая во все черное, сказала мнѣ: «Не здѣсь, батюшка, не здѣсь читать евангеліе-то, не туда попалъ ты, здѣсь мѣсто грѣховное, да и сами то мы здѣсь всѣ грѣшныя во грѣхахъ погибающія, намъ грѣхъ и въ руки-то нечистыя взять его». Но я сталъ говорить ей, что наоборотъ здѣсь-то всего и нужнѣе евангеліе. Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные. Христосъ пришелъ спасти грѣшниковъ, а не праведниковъ, и что мытари и блудники идутъ впередъ въ царствіе Божіе. Далѣе, нѣсколько вдохновившись, я сталъ говорить имъ, чтобъ они не боялись читать евангеліе, и что осквернить евангеліе никакими грѣхами и никакими нечистыми руками нельзя, наоборотъ, только по указанію евангелія и можно очистить себя отъ всякаго грѣха, нечисти и скверны. Затѣмъ я прочиталъ имъ восьмую главу евангелія отъ Іоанна о приведенной фарисеями ко Христу прелюбодѣицы, послѣ чего сталъ прощаться съ ними; оставаться здѣсь мнѣ было больше нельзя: я видѣлъ, какъ въ карихъ глазахъ женщины, одѣтой во все черное, разгорался уже злобный огонекъ, она старалась показать мнѣ, что моимъ присутствіемъ и моимъ разговоромъ она недовольна, но не принимала еще болѣе рѣшительныхъ мѣръ, а только съ ироніей говорила на всѣ слова мои: «Не здѣсь это батюшка, не здѣсь. Не теряйте понапрасну вашего драгоцѣннаго бисера передъ свиньями, а лучше идите съ вашими словами и книгами куда-нибудь въ монастырь, тамъ вамъ рады будутъ». Но дѣвицы окружили меня и довѣрчиво глядѣли на меня, какъ на брата, они глядѣли на меня полными глазами нѣжности, ласки и братской любви. Они удивлялись, что увидѣли въ мужчинѣ только одного брата, и при моемъ взглядѣ на нихъ, они какъ передъ братомъ стыдливо опускали глаза свои внизъ.

Женщина, одѣтая во все черное, строго сказала имъ, чтобы они оставили меня и садились по мѣстамъ.

Мнѣ жалко было ихъ, жалко какъ своихъ сестеръ, какъ ма-

Библиотека "Руниверс"

ленькихъ беззащитныхъ дѣтей, какъ маленькихъ несчастныхъ вольныхъ птичекъ, изнывающихъ въ злой неволѣ у деспотовъ людей. И я хотѣлъ сказать имъ что-нибудь самое ласковое, самое доброе, но я сказалъ имъ только: «Прощайте, сестры, знайте, что Богъ за васъ, Онъ за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ». Съ этими словами я вышелъ отъ нихъ.

Всю эту ночь я проворочался на постели своей и не могъ заснуть отъ подъема чувствъ, всю ночь изъ головы моей не выходили несчастныя невольницы и рабыни грѣха. Въ эту же ночь я твердо рѣшилъ въ умѣ своемъ еще ближе познакомиться съ ними, изучить ихъ и, если возможно что съ моей стороны, то и помочь имъ, а для этого рѣшилъ на другой же день приступить къ слѣдующей работѣ: обойти по возможности всѣ дома терпимости съ книгами священнаго писанія въ такое время, когда дѣвушки тамъ болѣе свободны. На дѣлѣ оказалось, что многіе дома терпимости, въ особенности богатые, представляли изъ себя днемъ неприступную крѣпость, и проникнуть въ нихъ днемъ, могли только особо посвященные люди, я же проникалъ только въ самыя бѣднѣйшія заведенія, гдѣ женщины не представляли никакой опасности для хозяйки своимъ уходомъ изъ заведенія, такъ какъ итти имъ было рѣшительно некуда. Здѣсь женщины были пожилыя, изнуренныя, болѣзненныя и апатичныя, съ развратомъ и униженіемъ они уже окончательно сроднились. Когда я читалъ имъ евангеліе и говорилъ, что Христосъ пришелъ спасти грѣшниковъ, то они безнадежно махали руками и говорили: «не насъ только, не насъ». Грустно было смотрѣть на этихъ преждевременно состарившихся въ развратѣ женщинъ, онѣ уже не вѣрили ни въ какую добродѣтель, ни въ какую справедливость и ни въ какую любовь, онѣ уже привыкли къ тиранству своей хозяйки и къ тиранству мужчинъ, и имъ казалось, что безъ тиранства этого онѣ не могутъ жить, не могутъ существовать.

Но все же казалось мнѣ, что и этихъ несчастныхъ загрубѣлыхъ въ развратѣ женщинъ можно спасти, можно вывести изъ дьявольскаго мрака къ свѣту, можно посѣять въ нихъ жажду къ правдѣ, къ любви и труду, только стоило бы явиться къ нимъ такому человѣку или такимъ людямъ, которые полюбили бы ихъ, какъ сестеръ, какъ матерей, которые протянули бы имъ свои руки, не боясь испачкать ихъ грязью и нечестью. Но гдѣ такіе люди, и почему они нейдутъ сюда? Почему тѣ благородные барышни, студенты, сестры и братья милосердія, ѣдущіе съ опасностью для жизни къ холернымъ, къ голодающимъ, на поле битвы, не хотятъ зайти сюда и протянуть руку погибающей сестрѣ. Это для меня было непонятно. Непонятенъ для меня былъ, на-

Библиотека "Руниверс"

примѣръ, и такого рода взглядъ у людей: самымъ грязнымъ притономъ на Грачевкѣ былъ домъ генеральши Р., а я зналъ, что генеральшу Р. считали за благотворительницу, и ее принимало все высшее общество.

Ходилъ я и по квартирамъ вольныхъ проститутокъ, гдѣ встрѣчалъ совсѣмъ еще молоденькихъ дѣвочекъ, при бесѣдахъ моихъ съ ними, онѣ говорили, что съ радостью бы оставили это позорное дѣло, но нѣтъ имъ никакого исхода, такъ какъ имѣютъ уже желтый билетъ. Въ паденіи своемъ онѣ всѣ обвиняли мужчинъ; изъ трехъ проститутокъ одна говорила, что ей не было и пятнадцати лѣтъ, когда ее обольстили, обманули, и завезли въ какой-то притонъ, гдѣ напоили ее пьяной, надругались надъ ней, а потомъ выгнали, послѣ чего старые хозяева меня не взяли, а другого, новаго мѣста не находилось. Походила недѣлю, другую, голодная и холодная и не выдержала... соблазнилась... и окончательно пала... пить стала, и живой рукой влопалась... желтый билетъ дали.

Я утѣшалъ ихъ и говорилъ, что Богъ милостивъ и поможетъ имъ выйти изъ затягивающей пучины, бросьте только пить водку, бросьте курить и читайте больше евангеліе.

Конечно, я зналъ, что мой совѣтъ проституткамъ бросить пить водку, курить табакъ и читать подаренныя мною евангелія никакой существенной пользы не принесетъ и не выведетъ изъ критическаго положенія. Но мнѣ нечего имъ было больше сказать и нечего имъ больше дать. Но у меня явилась идея. Я знакомъ былъ съ нѣсколькими очень милыми и добродѣтельными дамами и дѣвицами изъ евангелическаго общества, на которыхъ возложилъ въ этомъ дѣлѣ большую надежду, а потому рѣшилъ обойти ихъ всѣхъ и обстоятельно изложить имъ всѣ свои наблюденія за погибающими въ развратѣ женщинами и призвать ихъ на помощь возвращенія къ честному труду всѣхъ падшихъ и погибающихъ женщинъ. Я доказывалъ всѣмъ знакомымъ дамамъ и дѣвицамъ, какое огромное благодѣтельное благородное дѣло могло бы сдѣлать даже маленькое, но съ любовью отдавшееся дѣлу, во имя братства и справедливости, общество. Я призывалъ ихъ сдѣлать хоть одинъ опытъ, хоть одинъ шагъ, притти и побесѣдовать съ проститутками, какъ съ падшими сестрами, и съ любовію обласкать и утѣшить ихъ, напомнить имъ о человѣческомъ достоинствѣ, долгѣ и призваніи; тогда онѣ воочію убѣдились бы, какое страстное желаніе имѣютъ многія изъ нихъ къ нормальной человѣческой жизни, къ труду, къ свѣту и правдѣ. Тогда стоитъ только взять такихъ жаждущихъ на поруки, выхлопотать имъ настоящій паспортъ и подыскать подходящую имъ

Библиотека "Руниверс"

работу. Конечно, каждую жаждущую и стремящуюся къ труду проститутку слѣдуетъ взять тотчасъ же изъ окружающей обстановки и атмосферы и поселить на время, до пріисканія подходящей для нея работы въ христіанской семьѣ.

Всѣ мои знакомыя дамы и дѣвицы очень сочувственно отнеслись къ моему докладу, но принять участія въ моемъ предложеніи сами лично отказались, такъ какъ считали себя непризванными на это дѣло свыше, хотя однѣ изъ нихъ обѣщали въ случаѣ надобности въ этомъ дѣлѣ послужить матеріальной помощью; другія не прочь были бы взять раскаявшуюся проститутку къ себѣ въ прислуги.

Не добившись ничего рѣшительнаго и основательнаго отъ дамъ и дѣвицъ евангелическаго общества, я рѣшилъ изложить это дѣло въ евангелическомъ собраніи у гр. Шуваловой, гдѣ надѣялся на поддержку святого дѣла основанія о-ва для защиты и спасенія погибающихъ въ развратѣ женщинъ. Но оказалось, что надежда моя была и здѣсь напрасна.

Вотъ что отвѣтилъ въ собраніи на мой докладъ одинъ изъ братьевъ: «Слушай братъ!—обратился онъ ко мнѣ. Всѣ люди во всемъ мірѣ дѣлятся только на двѣ части: на правую и на лѣвую; на козловъ и овецъ; на пшеницу и солому. И существуетъ только рай и адъ; есть Богъ и дьяволъ; свѣтъ и тьма. Всѣ люди, примиренные съ Богомъ, очищенные, омытые и искупленные драгоцѣнною кровью Іисуса Христа, не по дѣламъ, а по вѣрѣ... (не даромъ сказано: «Благодатію вы спасены и сіе не отъ васъ, а Божій даръ и не отъ дѣлъ, дабы никто не хвалился»), всѣ вѣрующіе въ очистительную жертву, принесенную разъ навсегда Іисусомъ Христомъ на Голгоѳѣ,—послѣдуютъ по правую сторону, ибо это Божія пшеница, которую Господь уберетъ въ житницу свою. Всѣ же люди, не примиренные съ Богомъ и не вѣрующіе въ искупленіе, въ кровь Іисуса Христа, очищающую насъ отъ всякаго грѣха, послѣдуютъ по лѣвую сторону, ибо это солома, которая будетъ сожжена огнемъ неугасаемымъ. Поэтому, чѣмъ тебѣ братъ такъ хлопотать и заботиться о проституткахъ, такъ не лучше ли позаботиться и подумать о душѣ своей. Примирилась ли она съ Богомъ? совлекла ли она ветхаго Адама и облеклась ли въ новаго Іисуса Христа? Имѣешь ли ты братъ миръ во Христѣ Іисусѣ? И можешь ли ты смѣло сказать Христу: Господи! я рабъ твой. Ты купилъ меня отъ рабства грѣха кровію своею, пролитой на крестѣ?»

Дипломатично поставленное мое предложеніе и ребромъ поставленный мнѣ догматическій вопросъ нисколько не удивилъ меня. Я зналъ, что аристократическая евангелическая община

Библиотека "Руниверс"

не признавала ни меня, ни Степана Васильева (книгоношу) за вѣрующаго, за члена своей общины, и если одна часть общины терпѣла насъ, смотрѣла на насъ снисходительно и считала насъ лишь за заблудшихъ овецъ, то другая крайняя, болѣе узкая сектантская часть смотрѣла на насъ такъ же враждебно, какъ смотрятъ всѣ крайне узко сектантскіе члены старообрядческой, православной, католической и даже лютеранской церкви на тѣхъ людей, которые вносятъ въ ихъ общину или церковь освѣщающую атмосферу, считая ихъ еретиками. А еретикъ же по ихъ понятіямъ хуже проститутки, хуже вора и даже хуже убивца.

Я не имѣлъ обыкновенія вступать въ какія-либо догматическія препирательства, тѣмъ болѣе въ аристократическомъ собраніи, гдѣ каждое слово контролировалось, но на этотъ разъ я не удержался, у меня давно уже копилось кое-что въ сердцѣ на евангеликовъ, но для того, чтобы высказать все это накопившееся у меня не было подходящаго случая. Теперь же моментъ для меня былъ самый удобный.

Наговорилъ я очень много и, вѣроятно, сказалъ кое-что лишнее, но въ этихъ случаяхъ, когда у человѣка закипитъ сердце, какъ котелъ, трудно удержаться отъ лишнихъ, даже иногда колкихъ словъ.

Потерявъ всякую надежду на евангелическую общину, я почувствовалъ полное свое безсиліе по оказанію какой-либо помощи несчастнымъ, погибающимъ въ развратѣ женщинамъ. Впрочемъ, я еще не потерялъ совсѣмъ вѣры въ добрыхъ людей и былъ увѣренъ, что нашлись бы и люди и средства на доброе дѣло, только явился бы смѣлый, энергичный и убѣжденный въ доброе дѣло человѣкъ, который пробудилъ бы и натолкнулъ бы русское общество на это доброе дѣло.

Я зналъ, что самъ я человѣкъ неспособный ни на какое доброе дѣло, у меня не было ни смѣлости, ни опытности, ни энергіи, и лишь жалость, одна жалость заставляла меня еще разъ всколыхнуться и воспрянуть духомъ, и я задумалъ самъ попробовать расшевелить русское общество на доброе дѣло посредствомъ печати. Но для меня, какъ для человѣка малограмотнаго, не имѣющаго никакого понятія о писательствѣ, кромѣ писанія матери писемъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ всей правды не могъ писать ей, не могъ писать и лжи,—задача писательства была не легка. Я не зналъ, какъ и съ чего начинать писать, мало былъ увѣренъ, чтобы статью мою напечатали въ газетахъ, но все-таки рѣшилъ писать; «если,—думалъ я,—статья моя выйдетъ плохая и ни одна газета не согласится напечатать ее, то въ этомъ я буду невиновенъ, и совѣсть моя будетъ покойна,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ все, что я могъ сдѣлать по своей силѣ, я сдѣлалъ».

Итакъ, я взялся за писательство, взялся охотно, горячо и съ увлеченіемъ. Сначала въ статьѣ своей я сталъ съ негодованіемъ громить всѣхъ умышленныхъ и неумышленныхъ подготовителей проститутокъ на рынокъ разврата.

Громилъ я всѣхъ содержателей и содержательницъ женскихъ мастерскихъ, гдѣ преимущественно эксплоатируется дешевый дѣтскій трудъ изъ набранныхъ дѣтей сиротокъ и бѣдныхъ родителей и гдѣ съ такими сиротками-дѣвочками, ученицами, не церемонятся, а держатъ ихъ въ черномъ тѣлѣ и впроголодь, а главное, нисколько не заботясь объ ихъ нравственности, не ограждая ихъ отъ скверной обстановки и разлагающей атмосферы.

Громилъ я всѣхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, заботящихся только объ увеличеніи своихъ милліоновъ, но не обращая никакого вниманія и игнорируя самыя элементарныя правила къ работающимъ у нихъ женщинамъ и дѣвушкамъ, чуть ли не умышленно смѣшивая жилище холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, или же назначая семейныхъ мужа въ одну смѣну, а жену въ другую, такъ что они номинально живутъ въ одной коморкѣ и спятъ на одной постели, но между тѣмъ вмѣстѣ бываютъ только по праздникамъ, въ будни же они видятся, если они на одной работѣ, напримѣръ ткачи, только на ходу во время смѣны, а если на разныхъ работахъ, то не видятся вовсе.

Громилъ я всѣхъ тѣхъ богатыхъ мамашъ, и особенно мамашъ, допускающихъ своихъ сынковъ до преслѣдованія, до соблазна и обмана живущихъ у нихъ въ услуженіи молодыхъ дѣвушекъ-горничныхъ, а когда у послѣднихъ окажется грѣхъ наружу, то ихъ безъ зазрѣнія совѣсти выгоняютъ вонъ на улицу.

Громилъ я всѣхъ тѣхъ, которыя подъ именемъ мамашъ, свахъ-сводней, намѣчаютъ свои жертвы въ большихъ женскихъ мастерскихъ изъ дѣвочекъ-подростковъ и, заманивая ихъ къ себѣ на квартиру, угощаютъ конфетами и сладкой водкой и, достаточно подготовя ихъ для своей гнусной цѣли, продаютъ ихъ богатымъ развратникамъ.

Громилъ я и тѣхъ хулигановъ-мужчинъ, которымъ соблазнить и обезчестить молодую дѣвушку или даже дѣвочку не только составляло удовольствіе, но они даже самый этотъ дьявольскій поступокъ искушенія и обмана считали за особое геройство, за подвигъ, за удаль.

Наконецъ, громилъ я и всѣхъ тѣхъ благотворителей и благотворительницъ, которые дѣлаютъ дѣло благотворительности только ради какой-нибудь побрякушки, значка, бляхи или почетнаго имени и званія.

Библиотека "Руниверс"

Въ особенности же съ негодованіемъ обрушился я на орденъ Маріи Магдалины, подъ защитой котораго состояли проститутки.

Но когда я кончилъ статью свою, то она показалась мнѣ какимъ-то длиннымъ обвинительнымъ актомъ, косвенно задѣвающимъ поголовно все русское общество. А главное, статья моя показалась мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующей тому моему начинанію или той моей цѣли, какую я имѣлъ въ виду, а потому я перемѣнилъ фронтъ своего писательства и началъ другую статью въ другомъ духѣ.

Теперь я уже въ статьѣ своей не громилъ и не упрекалъ, а упрашивалъ, умолялъ.

Когда я писалъ статью свою, то сердце мое все время усиленно билось, душа же радовалась и торжествовала; и весь я горѣлъ какимъ-то пламенемъ. Мнѣ казалось, что каждое мое новое слово, выходящее изъ-подъ пера, имѣетъ огромное значеніе и силу и что каждое это слово непремѣнно будетъ будить сердца народа. Но когда я кончалъ статью свою и читалъ ее, то она казалась мнѣ совсѣмъ не той, какой казалась, когда я только еще писалъ ее. Теперь она казалась мнѣ холодной и резонерской, отчего сердце мое падало и духъ погасалъ во мнѣ, а душа приходила въ уныніе; и я снова брался за писательство, и снова просиживалъ цѣлыя ночи напролетъ, а иногда и цѣлые дни. Весь умъ мой и всѣ мысли мои были заняты статьей моей, даже когда я шелъ съ книгами на работу, то и дорогой осѣнившая мысль останавливала меня и я доставалъ изъ сумки кусокъ оберточной изъ-подъ книгъ бумаги и, приложивъ его къ стѣнѣ дома или забора, записывалъ. Но тѣмъ не менѣе по окончательной отдѣлкѣ и перепискѣ статья моя мало выиграла, и все она казалась мнѣ холодной, сухой и скучной, и я даже не рѣшался прочитать ее друзьямъ своимъ и лишь какъ-то осмѣлился прочитать ее завѣдующему библейскимъ складомъ, Карлу Карловичу, который, впрочемъ, похвалилъ ее. «О! это ошень карошо! Ошень оригинально!»—говорилъ мнѣ Карлъ Карловичъ и, между прочимъ, онъ предложилъ мнѣ напечатать въ двухъ журналахъ, издаваемыхъ подъ редакціей хорошихъ его знакомыхъ. Одинъ журналъ «Братская помощь» издавался въ Саратовѣ Устимовичемъ, а другой «Русскій рабочій» въ Петербургѣ, подъ редакціей А. Н. Пейкеръ. Правда, напечатать статью въ двухъ неизвѣстныхъ и мало распространенныхъ журналахъ мнѣ было нелестно, но Карлъ Карловичъ увѣрилъ меня, что изъ газетъ, въ особенности московскихъ, ни одна газета не согласится напечатать статью мою, такъ какъ она слишкомъ уже переплетена евангельскими текстами, а потому имѣетъ евангелическій характеръ;

Библиотека "Руниверс"

такихъ же статей газеты не печатаютъ, тѣмъ болѣе отъ неизвѣстнаго автора.

Карлъ Карловичъ послалъ статью мою въ Саратовъ Устимовичу для напечатанія въ «Братской помощи»; онъ хотѣлъ послать и въ Петербургъ въ «Русскій рабочій». Но не суждено было появиться статьѣ моей въ этихъ двухъ малоизвѣстныхъ полуевангелическихъ журналахъ, такъ какъ въ это время оба журнала кончили свое существованіе, и статья моя погибла.

Послѣ всѣхъ моихъ неудачныхъ попытокъ я окончательно упалъ духомъ. Мнѣ было какъ-то не по себѣ, я чувствовалъ какое-то переутомленіе и духовное и физическое; мнѣ не хотѣлось ни съ кѣмъ ни видѣться, ни говорить, даже противно было ходить по улицамъ Москвы; противно было видѣть летящихъ навстрѣчу и обгоняющихъ съ быстротою молніи холеныхъ и зажирѣвшихъ рысаковъ и колясокъ, обрызгивающихъ, если это было послѣ дождя или послѣ поливки улицъ, грязью съ ногъ до головы прохожихъ. Противно было смотрѣть и на сидящихъ въ этихъ мчавшихся колясках пресытившихся и разряженныхъ баръ, въ особенности разряженныхъ, какъ куколъ, барынь. Противно было видѣть на бульварахъ и нѣкоторыхъ улицахъ цѣлыя арміи проститутокъ. Противно было видѣть протянутыя руки стариковъ, женщинъ и дѣтей за копеечкой; наконецъ, противно было видѣть и все человѣческое холуйство, ханжество, фарисейство и пустосвятство. а потому я рѣшилъ на время оставить Москву и уйти работать тамъ, гдѣ люди ближе другъ къ другу, гдѣ нѣтъ той ярко рѣжущей глаза разницы между людьми; гдѣ люди стоятъ ближе къ Богу. Я рѣшилъ работать по селамъ и деревнямъ, а также на фабрикахъ и заводахъ за Москвой; въ Москву же приходить или пріѣзжать только за новымъ запасомъ книгъ. На большіе фабрики и заводы, какъ, напримѣръ, Орѣхово-Зуево, Павловскій пасадъ, Богородскъ, я ѣздилъ по желѣзной дорогѣ. Въ ближайшія же мѣста я передвигался такъ: нагружался книгами, для чего у меня былъ большой клеенчатый мѣшокъ, который я подвѣшивалъ на спину; затѣмъ въ одной рукѣ наполненная книгами, легкая, изъ кокосовой мочалы, сумка, а въ другой—также наполненная книгами кожаная сумка. Такимъ образомъ, всей клади я навьючивалъ на себя не менѣе трехъ пудовъ, съ которой и отправлялся до заставы, гдѣ заходилъ въ трактиръ напиться чаю и выждать попутчика.

Конечно, при такихъ путешествіяхъ случалось иногда испытывать довольно непріятные инциденты. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ.

Урядникъ задержалъ меня въ одномъ селѣ, гдѣ у него была

Библиотека "Руниверс"

квартира. Шелъ я, по обыкновенію, этимъ селомъ, нагруженный книгами; прошелъ тотъ домъ, на которомъ красовалась маленькая вывѣска «Полицейскій урядникъ такого-то стана», и проходилъ уже всю небольшую сельскую улицу, какъ услышалъ сзади себя разбитый старческій голосъ бѣжавшаго за мной человѣка: «Эй, прохожій! Слышишь, что ли? Прохожій! Тебѣ говорятъ, оглохъ что ли? Остановись!»

Оказалось, за мною бѣжалъ старикъ-десятскій, посланный урядникомъ, который увидѣлъ меня, проходившаго мимо его квартиры, въ окно, и ему почему-то показалась личность моя подозрительной, а потому онъ послалъ десятскаго задержать меня и привести къ нему.

Когда старикъ-десятскій привелъ меня къ уряднику, то урядника не застали дома: онъ куда-то ушелъ, заставивъ насъ прождать его не менѣе часу. Когда же урядникъ вернулся домой и старикъ-десятскій отрапортовалъ ему: «Вотъ, вашбродіе, привелъ», показывая на меня, то урядникъ скосилъ одинъ свой глазъ и, напустивъ на себя важности, грубо и небрежно спросилъ меня: «Что за человѣкъ?» Я сказалъ, что я книгоноша и занимаюсь продажей книгъ священнаго писанія. «А права есть?»— также грубо опять спросилъ урядникъ. «Есть», отвѣтилъ я, показавъ ему губернаторское свидѣтельство.

Прочитавъ, не торопясь, свидѣтельство и тщательно осмотрѣвъ печать и подписи, даже долго смотрѣлъ зачѣмъ-то въ затылокъ свидѣтельства, гдѣ была чистая бумага, и потомъ спросилъ: «А паспортъ есть?»

Я подалъ ему и паспортъ.

Прочитавъ, также не торопясь и внимательно, мой паспортъ, повертѣлъ его въ рукахъ и осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, затѣмъ сталъ спрашивать меня: какъ мое имя и отчество и фамилія, какой я губерніи, уѣзда, волости и деревни, сколько мнѣ лѣтъ, какого вѣроисповѣданія, женатъ или холостъ, и, провѣривъ всѣ мои показанія съ моимъ же паспортомъ, онъ нашелъ вполнѣ его правильнымъ и возвратилъ мнѣ свидѣтельство и паспортъ и уже мягче сказалъ: «Ну, а теперь покажи мнѣ свои книги». Я открылъ ему кожаную сумку и онъ, порывшись въ ней, досталъ Новый Завѣтъ крупной печати и первымъ долгомъ сталъ смотрѣть затылокъ заглавнаго листа и опять грубо спросилъ: «А гдѣ тутъ разрѣшеніе цензуры?» Я показалъ ему на подпись: «печатано по благословенію святѣйшаго синода». Но урядникъ уже болѣе зычно крикнулъ на меня: «Я тебѣ говорю русскимъ языкомъ: покажи мнѣ, гдѣ тутъ разрѣшеніе цензуры?» Тогда я сталъ объяснять ему, что всѣ книги, печатанныя въ синодальной

Библиотека "Руниверс"

типографіи, печатаются не съ разрѣшенія цензора, а по благословенію святѣйшаго синода. Но урядникъ опять скосилъ одинъ глазъ и подозрительно посмотрѣлъ на меня. Видя, что я нисколько не смутился отъ его взгляда и продолжалъ спокойно стоять, онъ сказалъ, что пойдетъ книгу мою провѣритъ, и для этого ушелъ съ Новымъ Завѣтомъ въ другую комнату, въ которой пробылъ не менѣе полчаса. Что онъ тамъ дѣлалъ съ моимъ Новымъ Завѣтомъ, для меня осталось тайною.

Старикъ-десятскій, все время стоявшій со мной въ прихожей, сказалъ мнѣ въ полголоса: «Вотъ онъ все такъ, все строгость свою показываетъ и все безъ толку, и меня-то вотъ совсѣмъ замучилъ».

Вернувшись въ прихожую, урядникъ возвратилъ мнѣ Новый Завѣтъ и заявилъ, что книги у меня правильны, а затѣмъ благосклонно объявилъ, что больше не задерживаетъ меня и что я могу итти на всѣ четыре стороны.

Различныхъ инцидентовъ и приключеній за мое книгоношество было немало. Приходилось сбиваться съ проселочныхъ дорогъ и блудить по цѣлымъ ночамъ на морозѣ или подъ проливнымъ дождемъ, вязнуть въ торфяномъ болотѣ. Разъ, великимъ постомъ, идучи изъ Дубровки по Клязьмѣ въ Орѣхово, я провалился въ воду и едва-едва выкарабкался.

Однажды, сбившись съ дороги, попалъ въ цыганскій таборъ. Наступала уже темная ночь, когда я набрелъ на цыганскій таборъ, и при свѣтѣ горящихъ костровъ я увидѣлъ косматыя головы цыганъ и цыганокъ. Сначала я струсилъ и хотѣлъ было бѣжать, но было уже поздно, на меня бросились собаки, а потомъ поднялся и весь таборъ, и я, сбросивъ свое малодушіе, рѣшилъ итти прямо на таборъ. Въ таборѣ выступили ко мнѣ всѣ старые и малые цыгане, цыганки и цыганята, а молодые цыгане стали просить на водку, и опять я струсилъ и отдалъ имъ весь кошелекъ, но они взяли изъ него только на четверть водки, за которой немедленно послали верхового, а кошелекъ съ остальными деньгами возвратили мнѣ обратно. Затѣмъ они затащили меня въ самый центръ табора и тамъ подъ аккомпанементъ гитары пѣли мнѣ цыганскіе романсы, а послѣ романсовъ, подъ звуки той же гитары и бубна, залихватски плясали молодыя цыганки. Затѣмъ они угощали меня только что сваренной похлебкой, которая, кстати сказать, показалась мнѣ довольно вкусной. У цыганъ я ночевалъ, а утромъ рано одинъ молодой цыганъ вывелъ меня на ту дорогу, по которой слѣдовало мнѣ итти.—Однажды въ одномъ барскомъ имѣніи меня чуть не разорвали огромные волкодавы.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Съ весны 1883 г. мнѣ пришлось, по случаю моего надорваннаго здоровья, оставить свое странствованіе по селамъ и деревнямъ съ книгами священнаго Писанія и поселиться опять въ Москвѣ въ гостиницѣ «Неаполь», у Николаевскаго вокзала, въ сообществѣ съ братомъ, Степаномъ Васильевичемъ.

Лѣто это для меня было знаменательно тѣмъ, что мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ удивительнымъ божьимъ человѣкомъ—проповѣдникомъ изъ Сиріи Георгомъ.

Сирійца Георга въ первый разъ мы встрѣтили съ братомъ Степаномъ Васильевичемъ въ библейскомъ складѣ (это было среди лѣта). Онъ просилъ у завѣдующаго библейскимъ складомъ, К. К. Хольстрема, Новый Завѣтъ на сирійскомъ языкѣ, вмѣсто своего порваннаго во время его евангелической проповѣди армянамъ на Кавказѣ.

При встрѣчѣ съ сирійцемъ на первый взглядъ я заинтересовался его внѣшнимъ видомъ и замѣчательно-кроткимъ, спокойнымъ и добрымъ лицомъ съ большими, задумчивыми, карими, смотрящими куда-то вглубь глазами и съ небольшой темной, окаймляющей все лицо, бородкою.

Одѣтъ онъ былъ въ восточный, по колѣна, изъ бумажной матеріи, камзолъ, широкіе парусиновые шаровары и кожаные съ загнутыми острыми носками башмаки; черезъ плечо висѣла на тоненькомъ шнурочкѣ маленькая холщевая сумочка; въ одной рукѣ сирійца была палка-клюка, а въ другой Новый Завѣтъ. Это, какъ мы узнали, было все имущество Георга. Не было у него и ни копѣйки денегъ. Но въ деньгахъ, какъ онъ говорилъ намъ впослѣдствіи, ему не было никакой надобности, такъ какъ трудящійся достоинъ пропитанія, а потому хлѣбъ ему даютъ всегда съ избыткомъ, воду же онъ пилъ изъ бассейна, сколько хотѣлъ, а ночлегъ онъ имѣлъ въ ночлежныхъ домахъ Ляпина, Бѣлова и Морозова, иногда же онъ заходилъ въ участокъ и просилъ у дежурнаго околоточнаго дать ему мѣсто переночевать въ участкѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ любовь Христову всѣмъ заблудшимъ и погибавшимъ, арестованнымъ братьямъ и полицейскимъ служителямъ.

Въ Россію пришелъ сиріецъ черезъ Турцію и Кавказъ пѣшкомъ, по особому откровенію Божію. «Голосъ Божій говорилъ во мнѣ,—говорилъ намъ сиріецъ,—ступай, Георгъ, рабъ мой, по ту сторону горы Арарата къ народу сѣвера и скажи тамъ всѣмъ князьямъ и всѣмъ сильнымъ и власть имѣющимъ въ землѣ сѣверной, что Я надѣлилъ обильными дарами всѣ народы сѣвера,

Библиотека "Руниверс"

дабы никто изъ народа сѣвера не зналъ нужды, не зналъ горя и голода, потому что Я—Богъ всей земли и Богъ всей вселенной, дающій дары свои и посылающій милости свои всѣмъ одинаково, ибо у Меня всѣ равны. Но вотъ Я слышу и вижу великую скорбь и стонъ, какого не слыхалъ отъ дней пребыванія израиля въ Египтѣ. Народъ сѣвера, народъ кроткій и тихій, но порабощенный, угнетенный и обездоленный, въ великой скорби взываетъ ко Мнѣ день и ночь, говоря: Господь! въ Тебѣ, вѣдь, одна справедливость. Господи, помоги намъ, Господи заступись! А князья и всѣ сильные и всѣ поработители земли сѣверной задорно говорятъ: наша земля, наши моря и рѣки и всѣ источники водные, наши лѣса, наши и всѣ звѣри лѣсные и птицы небесныя, наши всѣ рыбы морскія и всѣ рыбы рѣчныя и озерныя, такъ какъ все это принадлежало отцамъ нашимъ и отцамъ отцовъ нашихъ. Но ты, Георгъ, рабъ мой, ступай спроси ихъ: гдѣ были отцы ихъ и отцы отцовъ ихъ въ то время, когда Я создавалъ землю Мою и всѣ горы и холмы на ней и когда Я образовалъ моря и рѣки и всѣ источники водные? Гдѣ были въ то время отцы ихъ и отцы отцовъ ихъ, когда я создавалъ и солнце, и луну, и звѣзды, и вѣтеръ? Спроси ихъ, Георгъ, рабъ мой, кто изъ отцовъ ихъ и изъ праотцовъ ихъ помогалъ Мнѣ насаждать всякія земляныя растенія? Кто помогалъ Мнѣ изъ нихъ насаждать кедры ливанскіе, кипарисы стройные и сосны, и ели смолистыя, и всякія плодовыя растенія по роду ихъ, и всякіе хлѣбные злаки по роду ихъ, и всякія травы и цвѣты по роду ихъ? Кто изъ отцовъ ихъ и изъ отцовъ отцовъ ихъ помогалъ создавать Мнѣ всѣхъ звѣрей лѣсныхъ, и всѣхъ скотовъ земныхъ, и всѣхъ птицъ пернатыхъ, и всѣхъ рыбъ морскихъ, а потомъ и самого человѣка? Итакъ, скажи, Георгъ, рабъ мой, всѣмъ князьямъ и всѣмъ сильнымъ земли сѣверной, такъ какъ они захватили себѣ всѣ дары Мои, которые Я завѣщалъ всему народу Моему, и подѣлили ихъ между собою и стѣснили весь остальной народъ Мой, народъ крѣпкій и послушный Мнѣ, такъ что негдѣ стало жить народу тихому и угнетенному, то вотъ Я Самъ заступлюсь за обиженныхъ и Самъ отниму всѣ дары Мои у князей и у всѣхъ сильныхъ и власть имѣющихъ въ землѣ сѣверной и отдамъ всѣ дары Мои народу смирному, чтущему повелѣнія Мои и исполняющему законы Мои. И заключу съ ними завѣтъ Мой вѣчный, который вложу въ умы ихъ и напишу на скрижаляхъ сердца ихъ. Никто не будетъ уже ни продавать, ни покупать дары Мои: ни землю, ни воду, ни воздухъ, ни свѣтъ, ни теплоту солнечную, ни звѣрей лѣсныхъ, ни рыбъ, ни птицъ небесныхъ. Всѣ эти дары Мои должны быть общимъ достояніемъ всего человѣчества. Завѣтъ этотъ Мой будетъ на всѣ

Библиотека "Руниверс"

времена и для всего человѣчества, доколѣ не изсякнетъ земля и не померкнетъ солнце. Такъ ступай, Георгъ, рабъ мой, и передай все, что Я сказалъ тебѣ, пусть узнаютъ волю Мою всѣ князья и всѣ сильные и всѣ власть имѣющіе на землѣ сѣверной».

Заинтересовавшись личностью сирійца, а еще больше оригинальной проповѣдью его, мы съ братомъ, Степаномъ Васильевичемъ, пригласили его съ собой въ гостиницу и предложили ему, пока онъ будетъ въ Москвѣ, поселиться въ нашемъ номерѣ. Но Георгъ-сиріецъ ночевалъ у насъ во все пребываніе свое въ Москвѣ три или четыре ночи и то въ разное время; отъ постояннаго же житья у насъ онъ категорически отказался и говорилъ, что Богъ указываетъ ему ночеванія въ ночлежныхъ домахъ Ляпина, Бѣлова и др., а также ночевать вмѣстѣ съ заключенными въ участкахъ. Онъ удивлялся и очень скорбѣлъ, что въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Москва, ему не приходилось встрѣчать братьевъ, которые посвятили бы себя на служеніе меньшимъ христовымъ братіямъ, ходили бы въ ночлежные дома и проповѣдывали бы тамъ братскую любовь и покаяніе. Онъ настоятельно убѣждалъ насъ съ братомъ, Степаномъ Васильевичемъ, что если мы, дѣйствительно, любимъ Христа и желаемъ поступать согласно Его ученія, то не должны пренебрегать Его меньшими братьями и ходить время отъ времени въ ночлежные дома на ночлегъ, чтобы служить тѣмъ даромъ и раздачей того таланта, какой получили отъ Бога на пользу и на исправленіе всѣхъ заблудшихъ и погибающихъ нашихъ братьевъ.

Хотя голосъ Божій, пославшій Георга въ земли Россійскія, и не давалъ другого порученія, какъ мы заключили изъ словъ Георга, кромѣ земельнаго вопроса, или иначе, какъ говорилъ самъ сиріецъ, объявленія «закона о дарахъ Божіихъ», но тѣмъ не менѣе Георгъ сиріецъ не замалчивалъ и другихъ жизненныхъ вопросовъ, въ особенности же онъ обличалъ всѣхъ собирателей богатствъ, власти и славы.

«Богачи и всѣ власть имѣющіе люди,—говорилъ намъ Георгъ сиріецъ,—вездѣ одинаковы. Когда я шелъ изъ Сиріи черезъ Турцію и Кавказъ, то на пути немало встрѣтилъ огромныхъ и роскошныхъ барскихъ имѣній, съ роскошными дворцами-палатами, въ округѣ которыхъ непремѣнно были разоренныя деревни съ развалившимися домишками и крышами, а на тощихъ поляхъ пасся такой же тощій, едва волочившій ноги, скотъ. Не лучшій видъ имѣли и сами жители разоренныхъ деревень, въ особенности дѣти и старики. И чѣмъ только богаче попадались мнѣ на пути имѣнія и палаты, тѣмъ на большее разстояніе были разорены кругомъ деревни и изможденнѣе люди и скотъ. То же

Библиотека "Руниверс"

самое я замѣтилъ и во всѣхъ проходящихъ мимо богатыхъ промышленныхъ городахъ: чѣмъ богаче были эти города, чѣмъ богаче въ нихъ были огромные дворцы и палаты и роскошные огромные храмы Богу, какъ, напримѣръ, въ Москвѣ, тѣмъ большее количество встрѣчается въ нихъ голодныхъ, разутыхъ, раздѣтыхъ и не имѣющихъ, гдѣ главы преклонить, людей. Главное же поразительно то, что всѣ эти голодные, разутые, раздѣтые и безземельные—люди труда, тогда какъ проживающіе въ роскошныхъ имѣніяхъ и палатахъ—люди праздности.

Впрочемъ, иначе и быть не можетъ,—самъ же дѣлалъ заключеніе на свои слова Георгъ сиріецъ.—Тамъ, гдѣ являются господа, тамъ непремѣнно нужны рабы. А чтобы покорить рабовъ себѣ, то нужно прежде разорить, ограбить, главное же, развратить всѣ окружающіе народы. Тамъ, гдѣ народъ живетъ равной жизнью, т.-е. гдѣ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ, тамъ нѣтъ ни распутства, ни разврата, ни идолопоклонства. Но гдѣ люди ярко раздѣляются на классы, сословія и чины, тамъ преизобилуетъ всякая мерзость, до содомскаго грѣха включительно.

Богачи и всѣ сильные и власть имѣющіе міра сего не знаютъ и не имѣютъ состраданія ко всему страждующему, такъ какъ состраданіе отравляло бы имъ жизнь,—говорилъ намъ сиріецъ.—Про любовь же христіанскую, про любовь къ ближнему своему они знаютъ только изъ книгъ. Они не желаютъ приближенія Царствія Божія, такъ какъ Царствіе Божіе обѣщано не имъ, а всѣмъ жаждущимъ и алчущимъ правды Божіей, равенства братства и мира».

Въ особенности же Георгъ сиріецъ нападалъ на великосвѣтскихъ женщинъ. «Всѣ онѣ потомки праматери своей, нечестивой Іезавели, думающія только о вожделѣніи своихъ похотей,—говорилъ о нихъ Георгъ сиріецъ.—Онѣ безстыдствомъ своимъ и распутствомъ своимъ покорили всѣхъ сильныхъ и власть имѣющихъ, начиная отъ Самсона, Давида, Соломона, до короля сербскаго Милана и сына его Александра. Онѣ хитростью, коварствомъ и обманомъ прельстили и заставили милліоны рабовъ, посредствомъ мужей своихъ, и отцовъ своихъ, и братьевъ своихъ, работать на себя, изготовлять для нихъ непутные срамные наряды, украшенія, увеселенія и яства и питія. Одни изъ этихъ милліоновъ рабовъ проводятъ всю свою жизнь только въ томъ, чтобы изготовлять для Іезавели разныя благовонныя мази, духи, помады и краски, другіе для нея всю жизнь работаютъ на ткацкихъ станкахъ, ткутъ разныя шелковыя и парчевыя ткани; молодыя женщины и дѣвицы сидятъ, согнувшись и до потери зрѣнія, за подушками и выплетаютъ для Іезавели тонкія, какъ паутина,

Библиотека "Руниверс"

кружева. Онѣ же просиживаютъ въ модныхъ мастерскихъ цѣлыя ночи за изготовленіемъ той же Іезавели ненужныхъ безстыдныхъ платьевъ и украшеній; ювелиры и золотарики всю жизнь трудятся, вырабатывая для Іезавели изъ золота и самоцвѣтныхъ каменьевъ ненужныя бездѣлушки, которыя Іезавель вдѣваетъ въ уши свои, на руки свои и пальцы свои и развѣшиваетъ на груди своей. Она заставляетъ рабовъ своихъ спускаться въ нѣдра земли и на дно морей, чтобы доставать для нея жемчугъ, кораллы и разные самоцвѣтные каменья и золото, а также посылаетъ въ тундры и дремучіе лѣса убивать тамъ для нея разныхъ звѣрей пушныхъ и птицъ пернатыхъ, и милліоны рабовъ чахнутъ и задыхаются отъ непосильныхъ работъ для госпожи своей Іезавели и не видятъ для себя никакого другого исхода, такъ какъ нечестивая Іезавель, съ помощью своихъ покровителей и защитниковъ, заковала всѣхъ рабовъ своихъ тонкими, невидимыми для глазъ, кандалами и приковала ихъ каждаго къ работѣ своей. За труды же свои всѣ милліоны рабовъ милостиво получаютъ отъ Іезавели объѣдки, обглоданныя кости, падающія крохи со стола ея и кое-какіе обноски».

Духовныхъ владыкъ, папъ и пастырей, какъ имѣющихъ власть «вязать и разрѣшать», сиріецъ не признавалъ. Не признавалъ онъ и особо имѣющейся у нихъ благодати, якобы отъ самого Христа, преемлемой черезъ рукоположеніе.

«Не вижу я въ нихъ никакой благодати,—говорилъ сиріецъ Георгъ.—Нѣтъ ея въ нихъ и на одну іоту. Отъ Христа они настолько же далеко, насколько далекъ въ аду богачъ отъ бѣднаго Лазаря на лонѣ Авраамовомъ. Если по виду они такъ плотно и прилѣпились ко Христу и какъ будто любятъ Его, то любовь ихъ только корыстная, плотская. Они прилипли ко Христу или, вѣрнѣе сказать, къ имени Его только для того, для чего прилипаютъ всѣ паразиты къ тѣламъ животныхъ и растеній. Имя Христово ими эксплоатируется, какъ хорошо удойная корова. Все ученіе Христово о братской взаимной любви, о равенствѣ, о народномъ счастьѣ и благополучіи они передѣлали въ догматы и таинства и пустили ихъ въ продажу. Даже самую жизнь Христа, начиная отъ рожденія или отъ зачатія и до смерти, казни на крестѣ, передѣлали для своего же интереса въ праздники и священныя мистеріи. И если бы Христосъ снова пошелъ въ народъ такъ же, какъ и прежде, пѣшкомъ, безъ сумы, безъ посоха, въ запыленной одеждѣ; такъ же проповѣдывалъ бы измученному и обобранному народу любовь, радость, миръ, братство и свободу, говорилъ бы имъ, что богатство, слава и власть суть только тлѣнъ, и что все это держится только народнымъ невѣжествомъ,

Библиотека "Руниверс"

то какъ бы встрѣтило этого Христа все гордое, избалованное и изнѣженное въ роскоши, богатствѣ и лѣни христіанское духовенство?» — удерживая душевное волненіе и понижая голосъ, неожиданно спросилъ насъ Георгъ.

Мы съ братомъ Степаномъ Васильевичемъ, молчали.

Послѣ минутнаго молчанія, Георгъ уже совершенно спокойнымъ голосомъ самъ отвѣтилъ на свой вопросъ:

«Они употребили бы весь свой умъ и всю власть свою и могущество, чтобы убрать и упрятать Его туда, гдѣ никогда бы не найти Его всему страждущему человѣчеству».

Имѣлъ ли какой успѣхъ Георгъ сиріецъ между князьями и всѣми сильными и власть имѣющими земли сѣверной, не могу сказать, и думаю, что всего скорѣе—никакого. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ, что нѣсколько разъ вторгался къ московскимъ князьямъ (князьями Георгъ называлъ митрополитовъ и архіереевъ), но ни разу не былъ принятъ ими.

Впрочемъ, въ Москвѣ онъ однажды былъ принятъ оберъ-полицмейстеромъ, если не ошибаюсь, Козловымъ, которому онъ проповѣдывалъ приблизительно слѣдующее: «Если ты дѣйствительно призванъ управлять народами, заботиться и пещись о народномъ благѣ, насаждать миръ, любовь и порядокъ между всѣми ввѣренными тебѣ людьми, то ты далеко не выполняешь своего долга. Вотъ, напримѣръ, по всей Москвѣ разставлены капканы, западни и сѣти въ видѣ ресторановъ, трактировъ, винныхъ и пивныхъ лавокъ, домовъ терпимости, которые уловляютъ не только взрослыхъ, но и дѣтей. А ты,—говорилъ сиріецъ генералу Козлову,—не препятствуешь этому. Вотъ люди бѣдные, безработные, нищіе и калѣки бродятъ по улицамъ разутые, раздѣтые, голодные и не имѣющіе, гдѣ головы преклонить, а ты отвращаешь отъ нихъ лице свое. Вотъ люди стонутъ подъ бременемъ непосильно тяжкой работы. Хищники, богачи и эксплуататоры душатъ и давятъ бѣдный и беззащитный народъ, а ты не видишь. Ты, очевидно, не знаешь или, быть можетъ, не хочешь знать о всѣхъ творимыхъ купцами и богачами обманахъ, обсчетахъ, обвѣсахъ, обмѣрахъ и фальсификаціяхъ, ты не мѣшаешь имъ въ этомъ. А вотъ я Евангеліе проповѣдую, но меня, по приказу твоему, всюду гонятъ, хватаютъ и бьютъ слуги твои, а потому ты долженъ или покаяться, или уступить свое мѣсто другому».

Какое впечатлѣніе сиріецъ произвелъ на оберъ-полицмейстера Козлова, я не могу сказать, но знаю, что Козловъ за смѣлую обличительную проповѣдь не причинилъ сирійцу никакого зла; наоборотъ, онъ даже предлагалъ сирійцу какую-то помощь, а когда узналъ, что Георгъ сиріецъ турецкій подданный, то

Библиотека "Руниверс"

предлагалъ ему обратиться къ турецкому консулу съ письмомъ, въ которомъ Козловъ обѣщалъ попросить для него у турецкаго консула покровительства. Но такъ какъ сиріецъ ни въ какомъ покровительствѣ не нуждался, кромѣ покровительства Божьяго, то онъ, конечно, отказался и отъ письма, и отъ турецкаго консула. Гоненіе же сирійца, поистинѣ, было невыносимое; его гнали повсюду: городовые гнали съ улицъ, площадей и бульваровъ, не давая ему рта разинуть; со дворовъ гнали дворники и сторожа; съ фабрикъ и ремесленныхъ квартиръ гнали хозяева; къ богатымъ и сильнымъ міра сего его не допускали швейцары и лакеи;— такъ что проповѣдь евангельская оказалась въ Москвѣ никому ненужной.

Однажды Георгъ зашелъ къ намъ весь окровавленный; у него была пробита голова и сильно ушиблена лѣвая рука. Въ этотъ день онъ утромъ случайно проходилъ мимо церкви, но замѣтивъ тамъ огромное множество народа, который не помѣщался не только ужъ въ самомъ храмѣ, но и на паперти, сиріецъ зашелъ узнать, что тамъ такое, такъ какъ были будни. Оказалось, что это былъ мѣстный храмовой праздникъ въ честь иконы какого-то святого. Шла торжественная обѣдня, въ которой участвовалъ архіерей и пѣлъ полный хоръ чудовскихъ пѣвчихъ. Взойдя на паперть, сиріецъ не выдержалъ и сталъ громко проповѣдывать, что слѣдуетъ Господу Богу одному покланяться и Ему одному служить, и что Богъ есть Духъ и покланяться и служить Ему должны въ духѣ и истинѣ, а потому всякое поклоненіе и служеніе иному кому, кромѣ Бога-Духа, есть идолопоклонство; такъ сказано во второй заповѣди: не сотвори себѣ кумира и никакого подобія и не покланяйся имъ и не служи имъ.

Но проповѣдь сирійца сильно озлобила почитателей иконы святого, они съ яростью набросились на него и, стащивъ съ паперти въ ограду, сильно избили его.

Не признанъ былъ Георгъ сиріецъ за пророка и московскими «вѣрующими» евангеликами. Они раза два или три видѣли его у насъ. Имъ страстно хотѣлось узнать, къ какой церкви или къ какому христіанскому обществу принадлежитъ онъ. Для этого они всячески пытали и допрашивали его, имѣетъ ли онъ царствіе Божіе, а если имѣетъ, то какъ онъ понимаетъ его; признаетъ ли онъ Христову заслугу, пролитую Христомъ на крестѣ кровь за свое спасеніе, или думаетъ спастись своими дѣлами; и признаетъ ли онъ таинства, а если признаетъ, то сколько и какія.

Лишь послѣ усиленнаго приставанія и настаиванія сиріецъ, нехотя, отвѣтилъ имъ слѣдующее: «прежде я признавалъ два таинства, таинство рожденія и таинство смерти, такъ какъ не

Библиотека "Руниверс"

зналъ, чѣмъ и гдѣ я былъ до рожденія, и чѣмъ и гдѣ буду послѣ смерти. Но теперь и это мнѣ открылось. Всякій человѣкъ зарождается отъ плоти, т.-е. отъ земли, отъ нея же онъ и возрастаетъ. Душа же человѣка имѣетъ начало отъ Бога Отца Духа, отъ Него же она развивается и освящается. Когда же человѣкъ умираетъ, то тѣло его соединяется съ своей матерью землею, а душа возвращается къ Отцу Богу Духу».

Когда я говорилъ о Георгѣ сирійцѣ своимъ знакомымъ, то всѣ почему-то дѣлали заключеніе со моихъ словъ, что сиріецъ желчный, раздражительный, больной и вообще ненормальный человѣкъ. Но на самомъ-то дѣлѣ онъ былъ прекрасный, кроткій, тихій, любвеобильный до нѣжности молодой человѣкъ. Правда, онъ безъ пощады строгъ былъ къ самому себѣ. Принявъ на себя миссію передачи народу сѣвера божественнаго откровенія, онъ въ то же время принялъ на себя обѣтъ строгой христіанской подвижнической жизни, главнымъ образомъ воздержанія. Онъ питался, какъ я уже говорилъ выше, однимъ только хлѣбомъ, который выпрашивалъ Христа ради. А между тѣмъ у себя въ родной Сиріи у него осталось свое небольшое хозяйство, и молодая жена съ ребенкомъ, съ согласія которой онъ отправился на проповѣдь съ тѣмъ, чтобы, по исполненіи долга, вернуться домой на родину.

Георгъ зналъ турецкій языкъ, такъ же какъ и свой родной сирійскій; могъ объясняться и по-армянски, и по-грузински, и еще на какихъ-то восточныхъ языкахъ.

Однажды наши знакомые дали ему пару бѣлья для перемѣны уже сопрѣвшаго и износившагося, которое было на немъ. Но сиріецъ въ ночлежкѣ, гдѣ думалъ перемѣнить данное ему бѣлье, увидѣлъ человѣка, у котораго вмѣсто бѣлья надѣты были какія-то грязныя тряпки, перевязанныя мочалой, и сиріецъ рѣшилъ отдать подаренное ему бѣлье этому бѣдному брату.

Когда мы узнали, что Георгъ сиріецъ окончательно убѣдился, что итти въ Петербургъ къ царю ему нѣтъ никакого смысла, такъ какъ дойти до него ему показалось теперь въ Москвѣ немыслимо, то онъ порѣшилъ итти обратно въ свою Сирію. Мы съ братомъ Степаномъ Васильевичемъ собрали ему между своими знакомыми нѣсколько десятковъ рублей на дорогу. Но Георгъ поблагодарилъ насъ за предложенныя ему деньги, взять же ихъ отказался, такъ какъ итти обратно онъ опять рѣшилъ пѣшкомъ съ тѣмъ, чтобы дорогой проповѣдывать. «А трудящійся достоинъ пропитанія», опять напомнилъ намъ когда-то высказанное изреченіе Георгъ...

У меня въ Орѣховѣ-Зуевѣ былъ пріятель, у котораго я въ свое пребываніе на огромныхъ Морозовскихъ фабрикахъ съ кни-

Библиотека "Руниверс"

гами имѣлъ квартиру. У пріятеля былъ постоялый дворъ и большая сапожная мастерская. Слылъ этотъ пріятель на всю округу ханжей и пустосвятомъ, почему, вѣроятно, и не ругался съ мастеровыми своими, какъ вообще ругаются всѣ сапожники. Но когда онъ оскорблялся на мастеровъ своихъ, а оскорблялся онъ на нихъ тогда, когда они говорили, что ихъ скверно кормятъ, и что дешево имъ платятъ за работу, тогда онъ называлъ ихъ крамольниками, соціалистами проклятыми, не вѣрящими въ Бога, революціонерами и анархистами погаными.

Насколько была противна и непріятна эта брань хозяина мастерамъ-сапожникамъ можно заключить изъ слѣдующаго моего наблюденія, по уходѣ хозяина мастера ворчатъ себѣ подъ носъ: «самъ-то ты революціонеръ, дьяволъ, самъ-то ты анархистъ, Іуда предатель, самъ-то ты соціалистъ проклятый» и т. д.; или тѣ же мастера, озлобившись за что-нибудь на мальчишку-ученика и отругавъ его прежде самой отборной русской руганью, давъ ему подзатыльника, а если ему не хочется утруждать руки своей, то къ русской ругани онъ прибавляетъ еще: «революціонеръ ты, дьяволъ, анархистъ ты проклятый, соціалистъ ты, безбожникъ».

Конечно я былъ увѣренъ, что и пріятель мой, и мастера его и вся масса простого народа ничуть не считала тогда революціонеровъ и соціалистовъ за передовыхъ людей, наоборотъ, они смотрѣли тогда на нихъ, какъ на самыхъ заклятыхъ враговъ своихъ. Что же касается меня самого, то я заинтересовался и захотѣлъ узнать, что это за люди революціонеры и соціалисты и въ чемъ состоитъ ихъ ученіе.

Братъ, Степанъ Васильевичъ, давно уже звалъ меня въ существующіе въ то время интеллигентные кружки, куда онъ былъ вхожъ. Какіе это были кружки онъ не зналъ, зналъ только, что они политическіе.

— Пойдемъ. Ваня, посмотри самъ,—говорилъ мнѣ Степанъ Васильевичъ. Ребята они славные, дѣловые и убѣжденные, говорятъ всѣ о правдѣ, о счастьѣ народа, о равенствѣ и братствѣ, о наступленіи царствія Божія, только они называютъ не царствіемъ Божіимъ, а золотымъ вѣкомъ, но дѣло вѣдь не въ названіи,—говорилъ мнѣ Степанъ Васильевичъ,—да вотъ бѣда: дороги они туда не знаютъ. Я имъ всячески стараюсь указать—найти дорогу, по которой прошли всѣ ветхозавѣтные пророки и мудрецы, по которой прошелъ и Іисусъ, и Его апостолы, и многіе первые христіане, и сейчасъ идутъ по этой дорогѣ тѣ, которые любятъ Бога и ближняго своего не словомъ только, а и дѣломъ; да и не слушаютъ они меня и не вѣрятъ мнѣ,—говорилъ мнѣ Степанъ Васильевичъ.

Библиотека "Руниверс"

Теперь я на предложеніе Степана Васильевича—познакомиться съ интеллигентными кружками—съ удовольствіемъ далъ свое согласіе, и онъ на первый разъ водилъ меня въ небольшой кружокъ литераторовъ и учителей. Но кружокъ этотъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія, такъ какъ говорили тамъ такимъ высокимъ слогомъ, что я ничего не понялъ. Впрочемъ, про кружокъ этотъ и самъ Степанъ Васильевичъ говорилъ, что тутъ больше жуютъ и пережевываютъ мертвечину, живое же слово здѣсь рѣдко услышишь. А черезъ день или два онъ привелъ меня въ другое, довольно людное собраніе. Двѣ комнаты средней величины буквально были переполнены. Здѣсь такъ же, какъ и на нашихъ братскихъ собраніяхъ, сидѣли и на полу и на подоконникахъ и стоя, прижавшись спиною къ стѣнѣ, и позади стульевъ; такое же было разнообразіе народа были тутъ, и студенты, и курсистки, и писатели, и присяжные повѣренные, и врачи, были трое или четверо фабричныхъ рабочихъ. Но разница была здѣсь противъ нашихъ братскихъ собраній въ томъ прежде всэго что здѣсь почти всѣ безперечь курили, и комнаты представляли изъ себя какія-то коптильни, и мнѣ, какъ слабогрудому человѣку, нечѣмъ было дышать, Но самая огромная разница состояла въ самихъ людяхъ. Въ нашихъ братскихъ собраніяхъ всѣ люди были воодушевлены и настроены радостно, даже иногда восторженно, на лицахъ у всѣхъ выражались кротость и смиреніе, все было чинно и любовно. Здѣсь же всѣ были какъ-то возбуждены, съ блѣдными лицами и съ горящими лихорадочно глазами, всѣ нервничали, спорили, иногда довольно ожесточенно почти до ссоры. Здѣсь иногда всѣ говорили и никто не хотѣлъ слушать, такъ что большого труда стоило успокоить людей для того, чтобы прочитать или выяснить кому какой-нибудь серьезный и важный вопросъ.

При первомъ моемъ посѣщеніи интеллигентнаго кружка или собранія у меня не получилось почти никакого впечатлѣнія, но на это была и особая причина, у меня, вѣроятно, отъ сильнаго табачнаго дыма разболѣлась голова. Я помню только, что въ этотъ вечеръ студенты и отчасти курсистки усиленно выспрашивали у фабричныхъ рабочихъ о ихъ заработкѣ, о продолжительности рабочаго дня, о штрафахъ, о жилищахъ, о медицинской помощи, о харчевой лавкѣ и доброкачественности продуктовъ въ этой лавкѣ и т. д. и т. д., все это записываетъ каждый въ свою записную книжечку. Помню также что въ этотъ вечеръ особенно часто упоминались соціалъ-демократы въ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи.

Къ слѣдующему собранію я уже былъ болѣе подготовленъ и

Библиотека "Руниверс"

болѣе внимателенъ. На этотъ разъ здѣсь читали и комментировали конституціи молодыхъ балканскихъ государствъ и, сравнивая ихъ съ конституціями большихъ западныхъ государствъ и Америки, они указывали, кто могъ, на неясность и недостатки этихъ конституцій, каждой въ отдѣльности, а затѣмъ, сравнивая эти конституціи съ нашимъ русскимъ бюрократическимъ строемъ, и приходили къ выводу, что въ Россіи нѣтъ свободныхъ гражданъ, а есть только рабы и холуи.

Крестьяне хотя и освобождены фактически отъ рабства помѣщиковъ, но на самомъ-то дѣлѣ они остались такими же рабами помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, рабами становыхъ, исправниковъ, поповъ и всѣхъ большихъ и малыхъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ; земскихъ начальниковъ въ то время еще не существовало. Становые же и исправники холуйствуютъ губернатору, попы холуйствуютъ архіерею, помѣщики—банкирамъ, мелкіе крестьянскіе чиновники и начальники холуйствуютъ передъ крупными чиновниками и начальниками. Послѣдніе, въ свою очередь, также холуйствуютъ, губернаторы—министру внутреннихъ дѣлъ; архіереи холуйствуютъ оберъ-прокурору Толстому и такъ безъ конца.

И рабство это такъ глубоко вкоренилось въ Россіи, что многіе даже просвѣщенные люди думаютъ, что безъ нихъ Россія не можетъ существовать и что безъ нихъ Россія погибнетъ. Затѣмъ указывалось на огромнѣйшій застой въ просвѣщеніи, благосостояніи и процвѣтаніи страны, благодаря этому рабству и холуйству. Въ слѣдующихъ собраніяхъ говорилось о томъ, что нужно дѣлать всѣмъ интеллигентнымъ людямъ для блага своей родины, для освобожденія ея отъ рабства и холуйства. Какъ вести борьбу противъ страшнаго врага, противъ бюрократическаго произвола? Большинство рѣшило уже практикующееся средство: итти въ народъ, прежде на фабрики и заводы, а потомъ въ деревни, въ работники, и путемъ брошюръ и листковъ, а также и устнаго слова пропагандировать всему многомилліонному народу, что они созданы не для рабства и неволи, а созданы для настоящей человѣческой жизни съ одинаковымъ правомъ пользованія всѣми дарами природы, а также открыть имъ глаза, что все поставленное къ нимъ начальство существуетъ только для того, чтобы всѣми силами удержать весь многомилліонный народъ въ невѣжествѣ, привить къ нимъ пьянство, распутство и суевѣріе, убить въ нихъ всякую самодѣятельность и всякое благое начинаніе, и, какъ можно, больше выколачивать изъ нихъ денегъ на содержаніе всевозможнаго начальства, на содержаніе войска, полиціи и жандармовъ, берегущихъ это начальство, на содержаніе

Библиотека "Руниверс"

каторгъ и остроговъ и т. д. А также стараться выяснить народу, что чиновники только и выдумываютъ, какъ бы больше съ мужика денегъ собрать на дворцы, да на кареты золотыя, да на мундиры шитые, да на обѣды званые, а весь многомилліонный народъ они считаютъ за рабовъ или даже за скотовъ своихъ, который обязанъ на нихъ работать. Затѣмъ объяснять народу, какъ живутъ рабочіе и крестьяне въ Англіи, во Франціи и Швейцаріи, познакомить ихъ съ конституціями, съ народнымъ представительствомъ, выбранными самимъ народомъ посредствомъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и когда народъ осмыслитъ и пойметъ все это, тогда нетрудно устроить революцію. Но были тутъ и болѣе горячіе головы, которые кричали: да здравствуетъ республика!

Здѣсь я долженъ на минуту прервать свое повѣствованіе объ интеллигентныхъ кружкахъ и разсказать въ нѣсколькихъ словахъ о себѣ. До посѣщенія интеллигентныхъ кружковъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о государственныхъ устройствахъ и правительствахъ, не имѣлъ никакого понятія, что такое конституція, и что такое самодержавіе и бюрократія. Я даже до сего времени и не замѣчалъ о существованіи какого-либо правительства. Правда, еще будучи мальчикомъ у купца Сафронова, я помню, какъ Петръ Гурьичъ громилъ всякое правительство и всякую власть земную, на основаніи Апокалипсиса онъ называлъ одну власть страшнымъ дракономъ съ огромнѣйшимъ хвостомъ, которымъ онъ выхватывалъ даже звѣзды съ неба, то громилъ другую власть, примѣняя ее къ огромному звѣрю съ седьмью головами и десятью рогами; то говорилъ и о мелкой власти, приравнивая ее также по Апокалипсису, къ скорпіонамъ, жалящимъ на смерть. Въ то время разговоръ Петра Гурьича о фантастическихъ властяхъ я слушалъ съ увлеченіемъ, но никакъ не думалъ, что Петръ Гурьичъ говорилъ о существующей власти. Я зналъ въ то время лично Казанскаго губернатора Николая Яковлевича Скарятина, который часто бывалъ у Сафронова съ женой и единственной своей дочкой, подругой дочери Сафронова. Но мнѣ и въ голову не приходило, что этотъ простѣйшій, на мой взглядъ, старикъ, Николай Яковлевичъ, составлялъ часть хвоста того страшнаго апокалипсическаго дракона, или, будучи уже книгоношей, ко мнѣ нерѣдко придирались и жалили (хотя и не смертельно) урядники и стражники, а также нерѣдко преслѣдовали попы и въ особенности миссіонеры, но я опять-таки не могъ подумать, что эта мелкая власть и есть тѣ самые апокалипсическіе скорпіоны, о которыхъ читалъ въ Апокалипсисѣ Петръ Гурьичъ.

Теперь, увлекшись новымъ для меня ученіемъ въ интеллигент-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ кружкахъ, я до мельчайшихъ подробностей вспомнилъ чтеніе и толкованіе Апокалипсиса Петромъ Гурьичемъ, вспомнилъ, какъ онъ на основаніи Апокалипсиса не признавалъ никакую человѣческую власть Божіей и всякую попытку человѣка присвоить себѣ власть надъ подобнымъ себѣ человѣкомъ онъ считалъ грѣхомъ и дьявольскимъ дѣломъ. Но тѣмъ не менѣе я постепенно настолько увлекался новымъ ученіемъ, что совсѣмъ не замѣчалъ, какъ постепенно сходилъ съ пути своего и входилъ на путь опасный и скользкій. Я не замѣчалъ, какъ постепенно отходилъ отъ учителя своего Христа все дальше, дальше, позабывъ его идеалы и Его нагорную проповѣдь. Пересталъ молиться, пересталъ читать Евангеліе, которое всегда такъ радовало и утѣшало меня, и которое я распространялъ среди народа. Умъ мой тогда смутился и сердце билось, какъ подстрѣленная птица, и тоска и грусть опять овладѣли мной.

Но Богъ не хотѣлъ гибели моей. Онъ всегда въ минуту опасности спасалъ меня. Онъ спасъ меня и на этотъ разъ. Однажды въ собраніи одинъ пріѣзжій интеллигентъ, именующій себя соціалъ-демократомъ, дѣлалъ докладъ о новой побѣдѣ американской рабочей партіи въ парламентѣ, а затѣмъ прочиталъ рефератъ о жизни американскихъ рабочихъ вообще, въ которомъ говорилось о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о высокой заработной платѣ, о корпораціяхъ, ассоціаціяхъ, союзахъ, народныхъ университетахъ, библіотекахъ. Дальше говорилось о давно существующихъ уже свободѣ совѣсти, свободѣ печати, свободѣ труда, неприкосновенности жилищъ, о равноправности и недѣлимости на касты или разряды, объ общемъ названіи гражданина и т. д. и т. д.

Послѣ прочтенія реферата, товарищъ мой, Степанъ Васильевичъ, пренаивно, но не безъ ироніи воскликнулъ: «такъ значитъ уже есть такіе уголочки на земномъ шарѣ, гдѣ люди живутъ по-братски, гдѣ нѣтъ уже ни голоднаго, ни холоднаго, ни разутаго, ни раздѣтаго, гдѣ нѣтъ ни обидъ, ни притѣсненій, гдѣ не проливаются слезы сиротъ и обездоленныхъ, и гдѣ можетъ быть уже не существуетъ замковъ и запоровъ, нѣтъ тюремъ и острговъ и люди не ходятъ со штыками, револьверами и ножами, гдѣ каждый можетъ на любой пустопорожней землѣ строить себѣ жилище, разводить огородъ и посѣять для себя хлѣба?»

Вопросъ Степана Васильевича настолько врасплохъ захватилъ референта, что первыя минуты онъ не зналъ, что отвѣтить ему. Примолкло на нѣкоторое время и все собраніе. Въ эти же дни мнѣ пришлось услышать нѣчто въ этомъ же родѣ отъ проѣзжавшихъ куда-то черезъ Россію и остановившихся на короткое

Библиотека "Руниверс"

время въ Москвѣ молодыхъ американскихъ миссіонеровъ Методистской общины. Миссіонеры эти отыскали въ Москвѣ библейскій складъ, а послѣдній направилъ ихъ къ намъ въ «Неаполь», и у насъ ради ихъ было небольшое собраніе близкихъ друзей, гдѣ они говорили свои евангелическія проповѣди, и, между прочимъ, разсказали кое-что изъ жизни американскаго народа, въ особенности изъ жизни въ большихъ городахъ. Такъ, напримѣръ, самый огромный городъ Нью-Іоркъ они называли древнимъ Вавилономъ, въ которомъ творится Содомскій грѣхъ. Тамъ не знаютъ, говорили они, живого Бога, Бога любви, Бога братства, Бога мира и всепрощенія, а всѣ и богатые, и бѣдные преклоняются передъ золотымъ тельцомъ и ему одному служатъ, тамъ все въ рукахъ милліардеровъ. И стоитъ только нѣсколькимъ сотнямъ владѣльцевъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ прикрыть свои фабрики и заводы и милліоны рабочихъ останутся безъ куска хлѣба и въ самомъ безвыходномъ и критическомъ положеніи. Говорили они также о немаломъ числѣ безработныхъ, которые въ ожиданіи работы живутъ въ невозможныхъ условіяхъ. Пьянствомъ, распутствомъ, грабежами и убійствами также не отставалъ Новый свѣтъ отъ Стараго. Все это сказанное миссіонерами открыло глаза мнѣ и позернуло обратно мое міровоззрѣніе.

Мнѣ ясны стали слова Степана Васильевича, когда онъ говорилъ, что ребята они дѣльные и убѣжденные, только дороги настоящей не знаютъ. Мнѣ также ясно стало, что не съ того конца начинаютъ интеллигенты освобожденіе, нужно бы прежде удалить власть звѣря изъ самихъ себя, нужно быть кроткимъ и смирнымъ, какимъ былъ учитель нашъ Христосъ; нужно освободить и очистить себя отъ всякой нечистоты и скверны, и тогда никакая власть земная не будетъ имѣть надъ нами силы.

Освободившись отъ вліянія чужихъ умовъ и обратившись къ собственному своему уму, я опять почувствовалъ свою духовную свободу и легкость пониманія всякой истины и опять отдался съ рвеніемъ своему любимому дѣлу.

V.

Къ этому времени относится и мое первое знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ. О Л. Н. я слышалъ давно и даже прочиталъ ходившія тогда въ Москвѣ нѣсколько его рукописей, въ особенности меня заинтересовала его рукопись «О деньгахъ», противъ политической экономіи, которую я даже переписалъ.

Въ первые два, три раза меня ко Л. Н. водилъ Степанъ Васильевичъ (онъ знакомъ съ нимъ былъ давно), а потомъ я

Библиотека "Руниверс"

ходилъ уже одинъ, а иногда въ свою очередь водилъ съ собой такихъ же интересующихся Л. Н.

Въ то время домъ Л. Н. представлялъ изъ себя, въ смыслѣ посѣщающихъ его, гостиницу на одномъ изъ высокихъ холмовъ Альпійскихъ горъ. Какихъ только народовъ не приходилось видѣть мнѣ въ кабинетѣ у Л. Н., бывали тамъ и всемірно извѣстные ученые, и знаменитые представители искусства, и вожди разныхъ политическихъ и религіозныхъ обществъ, бывали тамъ и начинающіе писатели, поэты и художники. Одни изъ этихъ писателей и поэтовъ приносили Л. Н. свои рукописи, просили просмотрѣть и оцѣнить ихъ; другіе просили посодѣйствовать для напечатанія своего произведенія, третьи просили написать Л. Н. на только что вышедшую свою книжку хорошій отзывъ или просили написать къ своей книгѣ предисловіе. Одни изъ посѣтителей были вѣжливы, тихи, кротки и привѣтливы, другіе строптивые и до нахальства требовательны, а когда они были приняты Л. Н. въ кабинетъ, то они не давали ни Л. Н., ни гостямъ его, случившимся на этотъ случай тутъ, какъ говорится, разинуть рта: всѣхъ перебивали, со всѣми спорили, не давая никому высказаться.

Однажды при мнѣ ко Л. Н. пришелъ нѣкто г. И-нъ и принесъ только что напечатанную книжку своихъ стихотвореній, которую онъ преподнесъ Л. Н., убѣдительно прося его написать о ней отзывъ, доказывая, что онъ отъ этого ничего не потеряетъ, но между тѣмъ для него онъ сдѣлаетъ большое благодѣяніе. Когда Л. Н. открылъ г. И—на книжку и прочиталъ въ ней два-три стихотворенія, то оказалось, что стихи эти были передѣланы изъ другихъ авторовъ, да еще добро бы было, если бы г. И-нъ передѣлалъ ихъ къ лучшему, но оказалось, что передѣлкой онъ ихъ только испортилъ. Какъ-то при мнѣ чуть не насильно ворвался въ кабинетъ Л. Н. одинъ мужчина съ внушительной наружностью и, выдавая себя за отставного военнаго и бывшаго помѣщика, требовалъ отъ Л. Н. денегъ на проѣздъ до Полтавы. При этомъ онъ говорилъ: «представьте себѣ добрѣйшій и уважаемый Л. Н., ровно какъ двѣ недѣли я рыскаю по Москвѣ ко всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, убѣдительно прося ихъ помощи доѣхать мнѣ до Полтавы, и ни отъ кого ни сантима, правда говорятъ всѣ други и всѣ пріятели до чернаго лишь дня». На это ему Л. Н. отвѣтилъ, что въ эти двѣ недѣли своего рысканья по Москвѣ, онъ легко бы могъ добраться до Полтавы пѣшкомъ. Въ то время между интеллигентными почитателями Л. Н. хожденіе пѣшкомъ, даже на большее разстояніе, было въ модѣ.

Однажды я встрѣтилъ у Л. Н. сына извѣстнаго художника Ге,

Библиотека "Руниверс"

который только что пришелъ пѣшкомъ изъ Петербурга и пѣшкомъ же отправлялся на югъ. Меня удивило это и я видѣлъ въ этомъ странность и ненормальность, но Ге доказывалъ мнѣ, что хожденіе пѣшкомъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ ѣхать по машинѣ, при этомъ онъ высчиталъ сколько дней онъ прошелъ изъ Петербурга до Москвы, и сколько бы онъ могъ заработать въ эти дни на работѣ чернорабочаго. И взявъ въ расчетъ стоимость билета третьяго класса отъ Петербурга до Москвы у него получилась небольшая экономія. Зналъ я также одного чудака, который чуть ли не всю Россію исколесилъ пѣшкомъ, а теперь, вѣроятно, раскаялся въ этомъ и согласно своего ранга (онъ теперь служитъ мэромъ одного южнаго города) ѣздитъ съ курьерскимъ въ первомъ классѣ.

Впрочемъ, въ то время и самъ Л. Н. неоднократно дѣлалъ экскурсіи въ сопровожденіи своихъ друзей отъ Москвы до Ясной Поляны пѣшкомъ. Но Л. Н., говорилъ, что онъ видитъ въ этихъ экскурсіяхъ большую пользу и для души своей, и для тѣла. Такъ, напримѣръ, онъ разсказывалъ про послѣднюю свою экскурсію.

«Усѣлись мы на луговинкѣ за околицей одной деревушки позавтракать,—говорилъ Л. Н.,—и всѣ ѣли свою растительную пищу, одинъ только Никифорычъ ѣлъ ветчину, а въ это время на деревнѣ должно быть гдѣ-то свинью рѣзали, и до насъ доносился душу раздирающій свиной визгъ, а я и говорю шутя Никифорычу, не у тебя ли, молъ, свинья-то подъ зубами такъ визжитъ, и Никифорычъ бросилъ свою ветчину и съ этого раза порѣшилъ перейти на растительную пищу.

Въ другой деревнѣ мы усѣлись около колодца,—говорилъ Л. Н.—и, окружившіе насъ деревенскіе мальчишки, указывая одинъ другому на мое обручальное золотое кольцо, все говорили: «какъ жаръ горитъ, какъ жаръ горитъ», съ того времени я не сталъ больше носить кольца своего».

У Л. Н. я, какъ и вездѣ среди ученыхъ и образованныхъ людей, больше молчалъ и слушалъ, и отвѣчалъ лишь на вопросы, и въ очень рѣдкихъ случаяхъ бывалъ тамъ въ недоумѣніи. Такъ, напримѣръ, однажды Л. Н. рекомендовалъ, какъ слѣдуетъ для болѣе яснаго пониманія читать Евангеліе: «все записанное простое и ясное въ Евангеліи, сказанное самимъ Христомъ, нужно подчеркивать цвѣтнымъ карандашемъ,— говорилъ Л. Н.,—а все, что сказано въ Евангеліи простого и яснаго не самимъ Христомъ, а евангелистами, нужно подчеркнуть другимъ цвѣтнымъ карандашемъ. Остальное же, непонятное въ Евангеліи, оставить неподчеркнутымъ. Мѣста же, несогласныя съ здравымъ смысломъ и идущія

Библиотека "Руниверс"

въ разрѣзъ съ остальнымъ Евангеліемъ, можно совсѣмъ зачеркнуть. Такимъ образомъ въ Евангеліи нужно изучать прежде, что болѣе понятное, и, изучивъ понятное, можно перейти къ изученію и менѣе понятнаго». Способъ, рекомендованный Л. Н., былъ простъ и ясенъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ непріятно и больно было слышать, что въ Евангеліи есть такія мѣста, которыя надо совсѣмъ зачеркнуть.

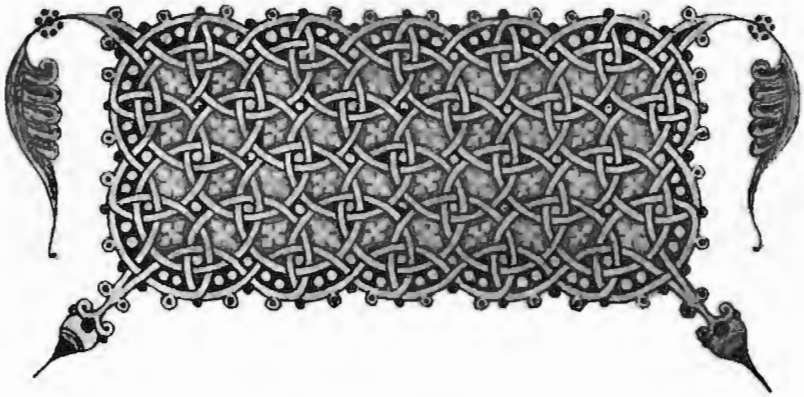
Правду сказать, я не смотрѣлъ на Евангеліе, какъ на математическій учебникъ, гдѣ все должно быть точно вывѣрено и высчитано до полнаго совершенства. Я зналъ, что Евангелія писались простыми, но въ высшей степени восторженными и глубоко вѣрующими въ скорое пришествіе царствія Божія людьми, которые, быть можетъ, евангельскія событія записывали только для себя; или, въ крайнемъ случаѣ, для близкихъ друзей своихъ, если они только не были профессіональными писцами того времени и зарабатывали этимъ себѣ хлѣбъ, и, конечно, никакъ нельзя подумать, чтобы евангелисты, будучи простыми и кроткими людьми, могли подумать, что Евангелія, написанныя ими, будутъ служить краеугольнымъ камнемъ для всего христіанскаго міра во всѣ времена.

Но меня глубоко смущали тѣ мѣста въ Евангеліи, на которыя указывалъ Л. Н., что они уже послѣ евангелистовъ вставлены невѣжественными людьми въ видѣ комментаріевъ или дополненій, а потомъ слились вмѣстѣ съ Евангеліемъ, и впослѣдствіи признаны даже яко бы написанныя самими евангелистами.

И. Старининъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"



Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому. 1857—1862 гг.

Въ «Голосѣ Минувшаго» за 1913 г. (№№ 9, 10 и 12) были напечатаны письма М. Н. Муравьева къ министру государственныхъ имуществъ А. А. Зеленому, полученныя редакціею изъ собранія автографовъ Л. К. Стефанскаго, при любезномъ посредничествѣ Н. І. Шатилова. Письма эти относятся ко времени управленія Муравьевымъ сѣверозападнымъ краемъ и, какъ имѣющія большое значеніе для характеристики Муравьева и служащія дополненіемъ къ его запискамъ объ этомъ времени, были напечатаны нами цѣликомъ. Изъ той же коллекціи получены нами 28 писемъ Муравьева къ тому же лицу, изъ которыхъ одно относится къ 1852 г., а всѣ остальные къ 1857—1862 гг., т. е. ко времени, когда Муравьевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ департаментомъ удѣловъ (съ 1856 г.) и межевымъ вѣдомствомъ, съ 1842 года. Въ этихъ письмахъ, на ряду съ чертами, имѣющими большое значеніе, есть и мало интересныя распоряженія относительно управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, сообщенія Муравьева о лѣченіи во время поѣздокъ за границу и т. п., которыя мы не считаемъ необходимымъ воспроизводить на страницахъ нашего журнала, и потому изъ 28 писемъ печатаемъ лишь 16, и то не вполнѣ, а съ исключеніями.

Такъ какъ письма адресованы къ товарищу министра государственныхъ имуществъ А. А. Зеленому, то въ печатаемыхъ нами частяхъ ихъ Муравьевъ всего чаще говоритъ о дѣлахъ этого министерства, но въ то же время даетъ отзывы и о ходѣ крестьянской реформы, и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ.

Реакціонная роль Муравьева во время подготовки крестьян-

Библиотека "Руниверс"

ской реформы извѣстна, но мы все же скажемъ о ней далѣе нѣсколько словъ; гораздо менѣе знаютъ широкіе круги читателей о Муравьевѣ, какъ министрѣ государственныхъ имуществъ, и потому нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету необходимы, чтобы правильно оцѣнить печатаемую переписку.

Муравьевъ, какъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ Я. А. Соловьевъ, былъ выдвинутъ на министерскій постъ реакціонною партіею въ крестьянскомъ дѣлѣ — предсѣдателемъ Госуд. Совѣта кн. А. Ѳ. Орловымъ, шефомъ жандармовъ кн. А. В. Долгоруковымъ и нѣкоторыми другими, при чемъ имѣли въ виду, чтобы онъ исправилъ то, что эта партія считала ошибочными мѣрами въ министерство гр. Киселева. Такія ошибки съ ихъ точки зрѣнія состояли «въ слишкомъ широкомъ самоуправленіи, предоставленномъ крестьянамъ», въ недостаточной власти надъ ними чиновниковъ и, наконецъ, въ небольшихъ, сравнительно съ помѣщичьими имѣніями, платежахъ, которыми были обложены государственые крестьяне. «Идеаломъ управленія государственными имуществами для этихъ лицъ былъ помѣщичій способъ управленія и извлеченія доходовъ изъ имѣній» или, по крайней мѣрѣ, примѣненіе къ казеннымъ селеніямъ порядковъ, существовавшихъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ. На недостаточность доходовъ по этому министерству, очевидно подъ вліяніемъ названныхъ лицъ, указалъ и самъ государь Муравьеву при назначеніи его въ 1857 г. министромъ [1]).

Тотчасъ послѣ вступленія своего, въ апрѣлѣ 1857 г., въ управленіе министерствомъ Муравьевъ поручилъ служившему въ немъ Я. А. Соловьеву составить предположенія объ увеличеніи платежей крестьянъ за землю на 25 милліоновъ, т.-е. почти удвоить ихъ. Однако въ представленной имъ запискѣ Соловьевъ старался доказать, что сколько-нибудь значительной прибавки сдѣлать нельзя. Муравьевъ былъ очень этимъ недоволенъ, но взялъ съ собою Соловьева въ предпринятый имъ объѣздъ по губерніямъ. Подъ вліяніемъ числовыхъ данныхъ, представляемыхъ Соловьевымъ въ каждой губерніи, Муравьевъ убѣдился, что вся прибавка къ крестьянскимъ платежамъ можетъ составить около 2 милліоновъ [2]).

---

[1]) *С. П. Кавелинъ.* «Историческій очеркъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ». «Труды общества межевыхъ инженеровъ», М. 1912 г., вып. II, 33.

[2]) Въ теченіе управленія Муравьева министерствомъ ($4^1/_2$ года) доходы казны по этому вѣдомству вообще увеличились на $5^1/_2$ милл., но и расходы по управленію возрасли съ 3 до 5 слишкомъ милл. *С. Кавелинъ*, 33; Записки Соловьева «Рус. Стар.» 1881 г. № 2, стр. 241—242. О значительномъ повышеніи оброчной платы за крестьянскія земли при Муравьевѣ см. «Историч. Обозр. пятидесятилѣтней дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ» ч. II, отд. II, Спб. 1888, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

Другимъ спутникомъ Муравьева во время этого путешествія былъ извѣстный публицистъ Н. В. Шелгуновъ, служившій тогда по лѣсному вѣдомству. По словамъ Шелгунова, «Муравьевъ вступилъ въ управленіе съ очень короткой, но категорической программой, что все киселевское управленіе никуда не годится, чиновники дурны и нужно произвести очистку. Все это Муравьевъ и объявилъ при пріемѣ служащихъ. Явился всеобщій переполохъ и трепетъ. Паника усилилась, когда стало извѣстнымъ, что Муравьевъ поѣдетъ ревизовать мѣстныя управленія... Ревизовались три вѣдомства: государственныя имущества, удѣлъ и межевая часть; но гроза направлялась собственно противъ государственныхъ имуществъ, потому что удѣлъ и межевое управленіе уже состояли въ вѣдѣніи Муравьева».

Шелгуновъ не замалчиваетъ положительныхъ сторонъ въ характерѣ Муравьева: онъ «держалъ себя совсѣмъ просто, никакой внѣшней важности не напускалъ, но говорилъ всегда умно и содержательно..., умѣлъ хорошо читать цыфры и вѣрно понималъ вѣдомости, которыя ему представляли. Къ ревизіи готовился тщательно»... «Говорилъ онъ хорошо просто, русскимъ складомъ, коротко и мѣтко», повторяетъ Шелгуновъ. «Былъ очень доступенъ, можетъ быть потому, что любилъ быть центромъ власти, и пріемная его была по утрамъ биткомъ набита». Тѣмъ важнѣе въ устахъ Шелгунова тѣ крупныя отрицательныя черты въ управленіи Муравьева, которыя онъ отмѣчаетъ. По его мнѣнію, Муравьевъ (въ это время) «не былъ ни администраторомъ, ни реформаторомъ; онъ былъ разрушитель и умѣлъ ломать превосходно. Вообще это была натура революціонная. Задумавъ очистить министерство отъ лицъ, онъ очистилъ его и отъ идей. Крестьянъ онъ обрѣзалъ землею, набавилъ платежей, поощрялъ личное землевладѣніе и въ моментъ, когда государственый вопросъ заключался въ улучшеніи быта крестьянъ, Муравьевъ ухудшалъ этотъ бытъ» [1]). Онъ былъ «честолюбивъ, властолюбивъ и деспотиченъ, прощать онъ не умѣлъ и всегда увлекался личными чувствами... Несмотря на свой деспотизмъ, Муравьевъ умѣлъ выслушивать, но власть изъ своихъ рукъ выпускать не любилъ». Такъ по поводу одного доклада Шелгунова послѣ ревизіи Муравьевъ сказалъ эму, что «требуетъ только фактовъ, а выводы сдѣлаетъ самъ. Ему даже мои выводы», замѣчаетъ Шелгуновъ,

[1]) *П. П. Семеновъ* также говоритъ: «Со свойственною ему непреклонною энергіею и характеризующей его разрушительной силой, Муравьевъ принялся уничтожать во ввѣренномъ ему министерствѣ все, что было создано многолѣтними трудами гр. П. Д. Киселева и его достойныхъ сподвижниковъ въ смыслѣ улучшенія быта и благосостоянія государственныхъ крестьянъ». «Начало эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». «Вѣстн. Евр.» 1911 г. № 3, стр. 26—27.

Библиотека "Руниверс"

«показались посягательствомъ на его власть». Въ другой разъ, когда по поводу ревизіи корабельнаго бузулукскаго бора, произведенной однимъ штатскимъ генераломъ, Шелгуновъ указалъ на то, что ревизоръ въ своемъ докладѣ укрываетъ вора-лѣсничаго, Муравьевъ, не сказавъ ни слова, утвердилъ докладъ. Тутъ, какъ видимъ, нежеланіе слѣдовать совѣту подчиненнаго причиняло уже большой ущербъ казнѣ [1]).

Киселевъ считалъ полезнымъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія. Въ секретномъ комитетѣ 1839—42 гг. при выработкѣ проекта закона объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ возражалъ противъ подворнаго надѣленія крестьянъ землею. Въ запискѣ, излагающей главныя основанія преобразованія управленія государственными крестьянами, признавая преимущества въ агрономическомъ отношеніи наслѣдственнаго пользованія землею, онъ все же обращалъ вниманіе на то, что «едва ли удобно для выгодъ земледѣлія разрушать вѣковую систему общественнаго пользованія» ею, такъ какъ она «уравниваетъ состояніе поселянъ, распредѣляя участки соразмѣрно съ способами и силами каждаго домохозяина». Наконецъ въ запискѣ, представленной государю въ 1849 г., Киселевъ утверждалъ, что общинное землевладѣніе предупреждаетъ появленіе сельскаго пролетаріата [2]). При Муравьевѣ явилась опасность, что получитъ преобладаніе иная аграрная политика. Уже въ первой своей запискѣ, представленной по требованію Муравьева, Я. Соловьевъ пытался доказывать, что прибавка къ платежамъ государственныхъ крестьянъ невозможна въ значительной степени вслѣдствіе общиннаго пользованія землями, «которое мѣшаетъ вложить въ землю капиталъ и тщательно обработать ее» [3]). И мы видѣли, что, по словамъ Шелгунова, Муравьевъ «поощрялъ личное землевладѣніе». При немъ былъ составленъ весьма опасный для благосостоянія государственныхъ крестьянъ проектъ правилъ о выкупѣ земель, состоявшихъ въ ихъ пользованіи, клонившійся къ разрушенію общиннаго землевладѣнія. Предполагалось дозволить выкупъ какъ цѣлымъ селеніямъ, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ порознь или нѣсколькимъ домохозяевамъ вмѣстѣ, если они пожелаютъ пріобрѣсти земли въ общее владѣніе. Крестьянамъ, которые захо-

---

[1]) «*Сочиненія Н. В. Шелгунова*», Спб. 1891 г., т. II. Воспоминанія. Изъ прежняго и настоящаго». Одного изъ наиболѣе талантливыхъ сотрудниковъ Киселева, Заблоцкаго-Десятовскаго, Муравьевъ выжилъ изъ министерства. *П. П. Семеновъ.* «Начало эпохи освобожденія крестьянъ». «Вѣстн. Евр.», 1911 г., № 3, стр. 31.

[2]) См. о казенныхъ крестьянахъ при Киселевѣ въ моей статьѣ «Крестьяне различ. наименованій въ XVIII и первой половинѣ XIX в.» въ «Энциклопедическомъ словарѣ» бр. Гранатъ, изд. 7, 1914 г. т. XXV.

[3]) «Рус. Стар.» 1881 г., № 2, стр. 242.

Библиотека "Руниверс"

тятъ выкупить свои земли, должно было предлагать, не желаютъ ли они выдѣлить выкупаемые участки «къ краю дачи» съ правомъ остаться на жительствѣ въ своихъ прежнихъ усадьбахъ или переселиться на свои участки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выкупленныя земли не будутъ отведены особо отъ невыкупленныхъ, ихъ должно было въ извѣстный срокъ отвести по взаимному соглашенію къ одному мѣсту въ каждомъ полѣ, иначе отводъ производится «административнымъ порядкомъ». По прошествіи пяти лѣтъ выкупленныя земли могутъ продаваться и другимъ лицамъ. Къ счастію этотъ проектъ не былъ осуществленъ, но онъ представляетъ до нѣкоторой степени зародышъ относительно разрушенія общиннаго землевладѣнія аграрной политики Столыпина; онъ до такой степени возмутилъ такихъ горячихъ сторонниковъ нашей земельной общины, какъ Герценъ и Огаревъ, что они напечатали его въ «Колоколѣ» [1]) подъ заглавіемъ «Узаконеніе государственнаго разбоя» и снабдили его уничтожающими возраженіями и комментаріями.

Напомнимъ и отношеніе Муравьева къ вопросу объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Во время вышеупомянутаго объѣзда губерній для ревизіи въ 1857 г. онъ, несмотря на учрежденіе уже въ то время секретнаго комитета для подготовки крестьянской реформы, увѣрялъ предводителей дворянства, что «никакого освобожденія крестьянъ не будетъ». Въ присутствіи многихъ лицъ Муравьевъ очень часто говорилъ, что «вопросъ этотъ выдумали люди, неимѣющіе недвижимой собственности: ученые, теоретики, поповичи» [2]).

Возвратившись изъ этой поѣздки, Муравьевъ, какъ членъ секретнаго комитета, въ представленной имъ запискѣ запугивалъ комитетъ и государя сообщеніемъ свѣдѣній о томъ, какъ «превратно» понимаютъ крестьяне волю. По его словамъ, они видятъ ее: «а) въ своеволіи и полной необузданности, съ прекращеніемъ всякихъ работъ и платежа за землю; б) въ безограниченномъ пользованіи всѣми землями помѣщиковъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны будутъ выѣхать изъ имѣній въ города, ибо земля, по понятіямъ крестьянъ, принадлежитъ имъ, а не теперешнимъ владѣльцамъ; в) нѣкоторые даже считаютъ, что они не станутъ платить государственныхъ податей, что будетъ полная свобода и что они будутъ имѣть свои собственныя мірскія судилища, которыя замѣнятъ нынѣ существующія отъ правительства». Государственные крестьяне, считающіе землю «своею неотъемлемою собственностью», поддерживаютъ эти «превратныя понятія».

---

[1]) 1860 г. 15 іюля, № 76.

[2]) *Записки Я. А. Соловьева.* «Рус. Стар.» 1881 г. № 2, стр. 242.

Библиотека "Руниверс"

Но изъ этихъ, въ значительной степени вѣрныхъ, наблюденій Муравьевъ дѣлалъ конечно не тотъ выводъ, что опасно при освобожденіи крестьянъ обрѣзывать земли, находящіяся въ ихъ пользованіи, а утверждалъ, что съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти «будетъ полное безначаліе», и потому необходимо прежде учредить «приличное управленіе на мѣстахъ», словомъ хлопоталъ о томъ, чтобы дѣло освобожденія затянулось на долгое время. Онъ допускалъ только необходимость отмѣнить нѣкоторыя неумѣстныя права владѣльцевъ на личность и собственность крестьянъ, но и это смягченіе крѣпостного состоянія предлагалъ объявить не особымъ указомъ или манифестомъ, а только включить нѣкоторыя изъ предположеній правительства въ новое изданіе Свода Законовъ, и то не вдругъ, а по частямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ необходимымъ подтвердить неотъемлемую принадлежность земли помѣщикамъ [1]).

Къ дѣятельности Ростовцева по крестьянскому дѣлу и къ редакціоннымъ коммиссіямъ, состоящимъ подъ его предсѣдательствомъ, Муравьевъ чувствовалъ величайшую ненависть. Осенью 1859 г. онъ прямо говорилъ Валуеву, что нужно запугивать государя, и утверждалъ, что если будутъ утверждены проекты редакціонныхъ коммиссій, то у насъ произойдетъ революція. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ старался вкрасться въ довѣріе къ Ростовцеву и во время его предсмертной болѣзни сталъ особенно часто посѣщать его, въ надеждѣ, что тотъ укажетъ на него государю, какъ на своего преемника въ званіи предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій и такимъ образомъ дастъ ему возможность забрать все дѣло въ свои руки, но очень обманулся въ расчетѣ: Ростовцевъ высказывался въ совершенно противоположномъ смыслѣ, и государь и не думалъ о возможности его кандидатуры на постъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій. Не достигнувъ этой цѣли, Муравьевъ указывалъ на неподготовленность Панина къ возложенной на него задачѣ, но въ печатаемыхъ нынѣ письмахъ изъ-за границы къ Зеленому лѣтомъ 1860 г. (13 іюня, 1 іюля, 7 августа) въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывался о дѣятельности редакціонныхъ коммиссій: говорилъ о невѣжествѣ ихъ членовъ и незнаніи ими быта Россіи, о нелѣпости ихъ предположеній, объ «уродливомъ, насильственномъ» надѣленіи крестьянъ землею, заподозривалъ даже у нихъ «скрытый умыселъ возбужденія внутреннихъ безпорядковъ», называлъ эти коммиссіи «редакціоннымъ *конвентомъ*» и опять грозилъ революціею. По

---

[1]) *А. Попельницкій.* «Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». «Вѣстн. Евр.» 1911 г., № 3. стр. 134—136.

Библиотека "Руниверс"

возвращеніи въ Петербургъ онъ подстрекнулъ одного изъ членовъ редакціонныхъ коммиссій къ оспариванію главныхъ началъ проекта, негодовалъ на назначеніе в. к. Константина Николаевича предсѣдателемъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, по выраженію Валуева, «ѣздилъ на конькѣ громкихъ фразъ о монархическихъ и демократическихъ началахъ» [1]), пускалъ въ ходъ «тормазовую методу» въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса и въ то время, когда шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ запугивалъ государя, говоря, что не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія редакціонныхъ коммиссій будутъ утверждены, заставлялъ Валуева, директора департамента его министерства, противъ воли составлять проектъ для него и кн. Долгорукова въ противовѣсъ проекту редакціонныхъ коммиссій. Но стремленія Муравьева, стоявшаго за отсрочку ликвидаціи поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами «впредь до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ», встрѣтили отпоръ въ главномъ комитетѣ со стороны вел. кн. Константина Николаевича.

Въ концѣ 1861 г. Муравьеву пришлось покинуть министерскій постъ. Просьбу объ увольненіи отъ званія министра онъ объясняетъ въ своихъ воспоминаніяхъ несочувствіемъ «направленію, которое получали въ то время всѣ правительственныя дѣла, т.-е. полному и совершенному распущенію и ослабленію всякой власти (?), развитію демократическихъ началъ» и въ частности желаніемъ государя, чтобы государственные крестьяне были переданы въ общее управленіе въ октябрѣ 1861 г., что Муравьевъ находилъ невозможнымъ. Въ исходѣ 1861 г. онъ оставилъ министерскій постъ, на которомъ его преемникомъ былъ назначенъ А. А. Зеленой, въ мартѣ 1862 г. отправился за границу для лѣченія и въ письмѣ изъ Дрездена къ новому министру (отъ 21 марта) негодовалъ на «разслабленіе власти», требовалъ «укрощенія журнализма».

Иронія исторіи состояла въ томъ, что въ 1863—65 гг., явившись съ одной стороны кровавымъ усмирителемъ польскаго возстанія въ сѣверозападномъ краѣ, Муравьевъ съ другой стороны осуществлялъ въ крестьянскомъ дѣлѣ этой мѣстности идеи, совершенно противоположныя тому, что онъ защищалъ въ эпоху крестьянской реформы [2]).

В. Семевскій.

---

[1]) *Дневникъ Валуева* въ «Русск. Стар.» 1891 г. т. 71 и 72.

[2]) См. объ этихъ двухъ сторонахъ его дѣятельности въ Вильнѣ въ моемъ введеніи къ его письмамъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г., № 9.

Библиотека "Руниверс"

1.

Варшава 28 мая 1856 г.

...Сюда мы прибыли благополучно вчера рано по утру и сегодня въ 5 часовъ послѣ обѣда пускаемся по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ, гдѣ и остановимся нѣсколько дней. Отъ туда вамъ напишу, куда мы поѣдемъ.

Я просилъ васъ распорядиться объ остановленіи клейменія попорченнаго лѣса *монахомъ*, потому что его уже довольно назначили къ рубкѣ, и по разсказамъ губернатора подъ фирмою этаго червя лѣса открыты для произвольной рубки. Надобно замѣтить, что по словамъ лѣсныхъ чиновъ, червь продолжаетъ портить лѣсъ, и они за нимъ клеймятъ деревья. Такимъ образомъ эта операція будетъ безконечная. Лучше пускай останется нѣсколько попорченныхъ деревьевъ въ лѣсу, нежели допускать произвольную выборочную рубку по всему пространству лѣсовъ. Я поручилъ ревизующимъ чиновникамъ осмотрѣть лѣса, и тогда можно будетъ окончательно распорядиться...

... Я не знаю, когда придется, по ходу вообще дѣлъ объ оцѣнкѣ земель, П. А. Валуеву быть въ Горкахъ, но ежели это будетъ въ половинѣ августа, то весьма бы полезно было для дѣла, ежели бы онъ доѣхалъ до Гродно къ моему туда пріѣзду; впрочемъ это только мысль, и исполненіе зависитъ отъ многихъ непредвидимыхъ еще теперь обстоятельствъ; ибо главное теперь—правильное направленіе дѣла оцѣнокъ, но нельзя упускать изъ виду и нестройное положеніе управленія западныхъ губерній; вотъ почему я желалъ бы, чтобы г-нъ Валуевъ ближе бы съ опымъ ознакомился на мѣстахъ. Когда же онъ будетъ въ Горкахъ, то осмотрѣлъ и Могилевскую палату, и вообще положеніе повѣрочной люстраціи.

При люстраціи надобно озаботиться объ устройствѣ бездомныхъ крестьянъ или батраковъ; ихъ много въ западномъ краѣ, какъ и въ Остзейскихъ губерніяхъ, а въ особенности въ Ковенской и Виленской губерніяхъ. Попросите отъ меня Петра Александровича сообразить этотъ важный предметъ; я писалъ объ этомъ изъ Ковно особую записку...

Прошу Васъ сообщать мнѣ почаще свѣдѣнія о крестьянскомъ вопросѣ и объ ходѣ остальныхъ...

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

2.

Симбирскъ 23 августа 1857 г.

...Многое я видѣлъ и страшусь того, что узналъ на мѣстахъ; не знаю, какъ управлюсь съ неустройствомъ этого министерства;

Библиотека "Руниверс"

грустно все видѣть столь твердо укоренившееся зло. Управленіе государственными имуществами въ губерніяхъ есть сборъ людей, поставленныхъ, чтобъ обирать крестьянъ со всѣхъ сторонъ и за все. Жалко видѣть несчастныхъ угнетенныхъ и нельзя не удивляться ихъ долготерпѣнію, грѣшно было предъ Богомъ и Государемъ созидать такое нелѣпое управленіе. Не знаю, какъ Богъ поможетъ мнѣ это исправить, первое и главное дѣло заключается въ томъ, чтобы *уменьшить число чиновниковъ и должностныхъ лицъ*, какъ въ *губерніяхъ, такъ и въ департаментахъ*; надобно меньше писать и болѣе на мѣстахъ наблюдать. Теперь я въ странѣ удѣльной нѣсколько морально отдыхаю: ибо начала управленія правильны и безпорядковъ несравненно менѣе. Но скоро выберусь опять въ страну, управляемую Министерствомъ Государств. Имуществъ, т.-е. въ Нижегородскую губернію. Это просто мученіе видѣть всѣ злоупотребленія сего управленія и не быть въ силахъ все это прекратить,—для этого нужно много времени и трудовъ, притомъ безъ основательнаго преобразованія состава управленія ничего и сдѣлать нельзя.

Прощайте отъ всего сердца обнимаю.

М. Муравьевъ.

3.

Москва 14 сентября 1857 г.

Наконецъ возвратился я изъ страшно трудной своей поѣздки, видѣлъ много, а въ особенности радикальныхъ неустройствъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ безпорядковъ и злоупотребленій по Министерству Государств. Имущ.

Теперь я здѣсь привожу нѣсколько въ порядокъ всѣ собранныя свѣдѣнія и дѣлаю нужныя соображенія для дальнѣйшихъ распоряженій, дабы ихъ можно было окончательно обсудить въ Петербургѣ...

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

4.

Москва 29 сентября 1857 г.

Завтра поутру я выѣзжаю отъ сюда, любезный Александръ Алексѣевичъ, *въ Покровское*, гдѣ уединюсь дней *на шесть*, чтобы окончить всѣ болѣе важныя дѣла и соображенія въ послѣдствіяхъ сдѣланной мною ревизіи и иныя особой важности присланныя отъ *секретнаго комитета*...

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

Библиотека "Руниверс"

5.

Москва 27 сентября 1858 г.

...Безпорядки большіе по всѣмъ частямъ; одна Малороссія представила мнѣ возможность заботливаго управленія государств. имуществами. Все зависитъ отъ хорошаго личнаго состава, по крайней мѣрѣ въ надежныхъ управляющихъ; но ихъ очень мало. Начиная отъ Харькова до Москвы включительно, все очень не утѣшительно. Въ Тулѣ тамъ новый управляющій, онъ очень старается и, какъ кажется, будетъ хорошъ. Лѣсная же часть вездѣ, кромѣ Малороссіи, въ невыразимо дурномъ положеніи, очень трудно ее поправить, нужны другіе люди. Есть о чемъ подумать, ибо скоро драгоцѣнное государственное богатство, лѣса, совсѣмъ изчезнутъ, не отъ стороннихъ воровъ, а отъ своихъ; т.-е. отъ лѣсныхъ офицеровъ.

Прощайте любезный Александръ Алексѣевичъ, до скораго свиданья.

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

6.

Дрезденъ $\frac{\text{27 мая}}{\text{8 іюня}}$ 1859 г.

...Меня крайне заботитъ дѣло крестьянское на Руси; какъ бы его повели поосторожнѣе и не предприняли бы общихъ мѣръ, не обдумавши ихъ хорошенько. Хозяйственныя отношенія землевладѣльцевъ къ рабочимъ классамъ не могутъ быть вездѣ однообразны, надобно только помогать правильному развитію оныхъ и по возможности давать способы къ пріобрѣтенію земельной собственности.

Прошу васъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, особенное обратить вниманіе на дѣлаемую у насъ оцѣнку земель; я боюсь, чтобы неосторожными толками на мѣстахъ не потревожить спокойствіе крестьянъ. — Ежели будетъ замѣтна тревога во мнѣніяхъ ихъ, то лучше остановиться. Меня крайне озабочиваетъ это дѣло; напишите мнѣ объ этомъ пообстоятельнѣе. Я надѣюсь, что будетъ все дѣлаться на мѣстахъ съ большою осторожностью; скажите также отъ меня и графу Стенбоку. Не лучше ли и по удѣламъ начать оцѣнку въ Москвѣ не прежде, какъ черезъ мѣсяцъ, т.-е. по испытаніи на практикѣ дѣла въ Петербургѣ приступить къ оцѣнкамъ въ московскихъ удѣльныхъ и дворянскихъ имѣніяхъ, и во всякомъ случаѣ съ особою осторожностью...

Прощайте, душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

Библиотека "Руниверс"

7.

Висбаденъ 11/23 іюня 1859 г.

...Я здѣсь постоянно занимаюсь крестьянскимъ вопросомъ и изучаю здѣшнее комунальное управленіе. Чѣмъ болѣе углубляешься въ ничтожное положеніе здѣшнихъ свободныхъ поселянъ, убѣждаешься въ необходимости соединить свободу съ нѣкоторой осѣдлостью.—Дѣло это несомнѣнно возможно и безъ крупнаго нарушенія правъ собственности, но съ нѣкоторыми только ограниченіями, какъ это вездѣ было болѣе или менѣе допущено, ибо безъ нѣкоторыхъ пожертвованій этого переворота сдѣлать нельзя; одного бы я желалъ только, чтобы не торопились и обсуживали вопросъ со всѣхъ сторонъ. Надѣюсь, что до моего возвращенія ничего не рѣшится; прошу васъ постоянно это имѣть въ виду, и разъяснять, что вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ не можетъ быть окончательно рѣшенъ безъ соображенія объ устройствѣ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Притомъ всѣ средства и помощь въ семъ важномъ дѣлѣ, въ настоящее время могутъ только проистекать отъ Государственныхъ Имуществъ; при удобномъ случаѣ, доложите объ этомъ Государю, ежели будутъ спѣшить какими-либо отдѣльными скорыми распоряженіями.

Все можетъ быть хорошо сдѣлано, безъ напряженія, лишь бы не предавались незрѣлымъ идеямъ, несоображеннымъ съ разнороднымъ практическимъ въ различныхъ мѣстностяхъ исполненіемъ. Вопросъ многосложный; разбирая его здѣсь на досугѣ, много видишь такихъ предметовъ, которые требуютъ еще дополнительныхъ обсужденій. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ Васъ извѣстій о ходѣ крестьянскаго дѣла, объ дѣйствіяхъ оцѣночныхъ коммиссій. и въ какой степени новыя правила могутъ быть примѣнимы къ дѣлу; только прошу васъ распорядиться, чтобы это дѣлано было на мѣстахъ осторожно, не возбуждая между крестьянами какихъ-либо опасеній и лишнихъ толковъ. — Попросите и графа Стенбока, чтобы онъ мнѣ подробно написалъ о ходѣ этого дѣла и вообще управленія...

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

P. S.... Надѣюсь, что комитетъ о пересмотрѣ постановленій объ государств. крестьянахъ продолжается съ успѣхомъ.

8.

Висбаденъ $\frac{30 \text{ іюня}}{12 \text{ іюля}}$ 1859 г.

...Я не удивляюсь, что министръ финансовъ приписываетъ моему циркуляру разграбленіе крестьянами [1]) кабаковъ; ему

[1]) Далѣе одно слово не разобрано.

Библиотека "Руниверс"

надобно чѣмъ нибудь прикрывать результаты гнусной разбойнической системы откуповъ. Мой циркуляръ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ ясной ссылки на законъ, т.-е. главу откупныхъ уставовъ, который министръ финансовъ съ откупщиками желаютъ оставить безъ исполненія и предоставить право обирать по произволу народъ, чего правительству дозволять нельзя и не должно. Я объ этомъ имѣлъ счастье неоднократно докладывать государю и объяснялъ о томъ же въ Совѣтѣ Министровъ; я предупреждалъ, что, ежели не остановятъ грабительство откупщиковъ, то могутъ произойти самыя бѣдственныя послѣдствія, а въ особенности въ настоящее время при тревожности мнѣній въ народѣ; вслѣдствіи чего государь повелѣть изволилъ, чтобы министръ финансовъ распорядился, дабы было непремѣнно, на основаніи откупныхъ контрактовъ, въ питейныхъ домахъ полугарное вино. — И такъ въ чемъ же обвиняютъ Министерство Государств. Имуществъ? Конечно въ томъ, что оно требуетъ исполненія закона и огражденія народа отъ грабительства откупщиковъ? Слѣпые: не видятъ они, что продолженіе системы грабительства въ настоящее время приуготовляетъ большія бѣдствія; не надобно выводитъ русскій народъ изъ терпѣнія, пускай лучше нѣсколько потеряютъ откупщики отъ продажи з—а вина, которые грабятъ уже давно народъ, нежели допустить праведное народное негодованіе. Я увѣренъ, что многіе изъ господъ министровъ раздѣляютъ мое мнѣніе по этому важному предмету. Самъ Государь Императоръ положительно приказать изволилъ министру финансовъ принять мѣры противъ этаго грабительства, а потому должно только жалѣть, что это по сію пору неисполнено, что и дало поводъ къ печальнымъ событіямъ, объясненымъ въ письмѣ вашемъ. Впрочемъ я надѣюсь, что все это теперь прекратилось, и что откупщики и министерство финансовъ увидятъ сами необходимость выполнять законъ. Я вполнѣ одобряю проэктъ вашего циркуляра, лишь бы губернаторы и полиція имѣли довольно независимой самостоятельности, чтобы исполнить предписанное. Къ сожалѣнію, во многихъ губерніяхъ откупщики сильнѣе правительственной власти...

Прощайте, отъ всей души вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

9.

Емсъ $\frac{\text{29 іюля}}{\text{10 августа}}$ 1859 г.

...Весьма хорошо сдѣлаете, ежели доложите Государю о необходимости ограничить грабежи откупщиковъ; не достойно прави-

Библиотека "Руниверс"

тельства отдавать такимъ образомъ народъ на произволъ откупщиковъ, подъ предлогомъ, что будто бы безъ этого грабежа казна не получитъ обѣщаемаго дохода. Но всему есть предѣлъ. Пускай лучше назначатъ высшую цѣну вина, но лишь бы всякій зналъ, сколько и за что онъ платитъ; въ противномъ случаѣ дальнѣйшій въ этомъ дѣлѣ произволъ есть просто разбой откупщиковъ. справедливо возбуждающій негодованіе народа. Сначала народъ не хотѣлъ пить вина, а теперь разбиваетъ кабаки,—это дѣло не новое: были тому примѣры нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Архангельскѣ, и вѣроятно это будетъ не одинъ разъ еще повторяться. Но стыдно правительству сіе допускать, т.-е. потворствовать откупщикамъ въ ихъ злоупотребленіяхъ, тѣмъ болѣе, что это можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія, а въ особенности въ настоящее время при общемъ броженіи умовъ.

Обращаясь къ описываемому вами дурному положенію нашего управленія Государств. Имуществами, не взирая на всѣ принимаемыя мѣры по устройству онаго, нельзя къ сожалѣнію не сознаться, что, при общемъ бѣдственномъ направленіи всѣхъ прочихъ частей управленія въ губерніяхъ, трудно достигнуть до желаемаго благоустройства въ одной только части; но я надѣюсь однакоже, что можно будетъ со временемъ постепенно улучшить оную, постоянно дѣйствуя съ цѣлью благоустройства и назначая лучшихъ управляющихъ на мѣста въ губерніи, которыя необходимо чаще обозрѣвать чрезъ благонадежныхъ чиновниковъ.

Со временемъ, когда установится общее мнѣніе, карающее злоупотребленія, тогда только можно будетъ надѣяться на прочное улучшеніе, одного же правительственнаго наблюденія недостаточно безъ дѣятельнаго содѣйствія общаго мнѣнія.

Вы весьма хорошо сдѣлали, что отрѣшили Воронежскаго окружнаго начальника и прочихъ чиновъ округа. Было бы полезно для примѣра предать ихъ суду. Представьте государю краткую выписку изъ письма Савицкаго; это не безполезно. Изъ сего можно видѣть, чего ожидать отъ будущаго устройства крестьянъ, ежели мѣстное управленіе въ губерніяхъ не будетъ улучшено.

Хорошо бы и въ Подольской губерніи сдѣлать примѣръ; къ чему же тамъ губернаторъ и генералъ-губернаторъ, которымъ поручается наблюденіе за всѣми управленіями въ ихъ губерніяхъ. Видно, что они колпаки, и всѣмъ управляютъ ихъ канцеляріи.

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

Библиотека "Руниверс"

Въ пятницу, т.-е. $\frac{31 \text{ іюля}}{12 \text{ августа}}$ Императрица изволитъ отъ сюда выѣзжать чрезъ Висбаденъ, Франкфуртъ въ Баденъ-Баденъ, а тамъ въ Интерлакенъ въ Швейцаріи. Здѣсь много было иностранныхъ принцевъ; сейчасъ получены неблагопріятныя извѣстія о здоровьѣ прусскаго короля. Можетъ быть, что Императрица по этой причинѣ здѣсь еще нѣсколько дней пробудетъ.

11.

Висбаденъ $\frac{13}{25}$ Іюня 1860 года.

...Сегодня я только что получилъ письмо ваше отъ 8-го іюня. Очень меня порадовало рѣшеніе Курляндскаго дѣла; пора намъ было выдти изъ подъ гнёта вымышленныхъ Прибалтійскихъ привиллегій и внушить главнымъ правителямъ провинцій лучшее пониманіе ихъ правительственныхъ обязанностей. Для лучшаго успѣха торговъ на Курляндскіе фольверки не будетъ ли полезно сдѣлать сперва извѣстнымъ чрезъ публикацію состоявшееся Высочайшее повелѣніе и даже отложить еще на два или на три мѣсяца торги; тогда болѣе будетъ конкурентовъ и изъ другихъ губерній; можетъ быть сыщутся охотники и изъ Россіи.

Какъ то идетъ введеніе новой поземельной системы въ Петербургской губерніи; извѣстите меня подробно объ успѣхѣ сего дѣла; также что дѣлаютъ по этому въ удѣльныхъ имѣніяхъ, въ коихъ предположено было дѣйствовать совокупно съ чинами Государств. Имуществъ. — Весьма бы хорошо было, если бы удалось успѣшно окончить это дѣло нынѣшнимъ лѣтомъ. Практическій примѣръ этотъ много можетъ послужить къ устройству крестьянскаго дѣла...

Я здѣсь на досугѣ знакомлюсь съ произведеніями редакціонной коммиссіи.

Сознаюсь, что я ничего не видѣлъ нелѣпѣе и неблагонамѣреннѣе принятыхъ коммиссіею началъ, совершенно противныхъ Высочайшимъ Рескриптамъ и первымъ основаніямъ государственнаго благоустройства. — Удивительное невѣжество и незнаніе быта Россіи (буде впрочемъ нѣтъ скрытаго умысла возбужденія внутреннихъ безпорядковъ).

Видно опытъ другихъ государствъ ни къ чему не служитъ. — Одно успокаиваетъ, что въ трудѣ редакціонной коммиссіи такъ много нелѣпаго и ни съ чѣмъ не сообразнаго, что предположенія ея непримѣнимы, и безъ всякаго сомнѣнія не могутъ вынести

Библиотека "Руниверс"

никакого здраваго обсужденія и практическаго разбора. Но сознаюсь, что съ большою грустью я все это читаю; ибо много потеряно напрасно времени въ такомъ благомъ дѣлѣ, которое надобно бы было, согласно съ указаніями, изложенными въ Высочайшихъ рескриптахъ, давно привести въ исполненіе и успокоить государство т.-е. крестьянъ и помѣщиковъ.

Буду ожидать отъ васъ добавочныхъ свѣдѣній объ выѣздѣ государя; дабы я могъ возвратиться до того въ Петербургъ.

Здѣсь мы думаемъ остаться до 10/22 іюля, а потомъ чрезъ Парижъ (8 дней) въ Емсъ, ибо нуженъ отдыхъ между двухъ курсовъ водъ.

Прощайте любезный Александръ Алексѣевичъ, желаю вамъ здоровья и успѣха такого же, какой имѣли въ Курляндскихъ дѣлахъ; я вполнѣ увѣренъ, что все пойдетъ въ министерствѣ хорошо. Еще разъ прощайте, дружески вамъ кланяюсь и обнимаю.

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

11.

1/13 іюля 1860 г. Висбаденъ.

Письмо ваше, любезный Александръ Алексѣевичъ, отъ 22 іюня я получилъ третьяго дня. Глубоко сожалѣю, ежели Николаевская желѣзная дорога будетъ продана главному обществу. Это будетъ самый вредный для государства *монополъ* (sic), въ родѣ того, которой предлагали Анненскій съ Булгаковымъ на счетъ вообще почтовыхъ у насъ сообщеній, но съ той разницей, что это будетъ въ рукахъ самой неисправной компаніи, поддержанной сильнымъ иностраннымъ правительствомъ. Я надѣюсь однакожъ, что сіе не сбудится, и, при возобновленіи условій на продажу дороги, найдутъ возможность отклонить это предположеніе. Мнѣ не менѣе жалко видѣть *нищенствующаго* министра финансовъ, который не находитъ другихъ средствъ исправить финансы Россіи, какъ распродажей имущества; безъ разбору, какъ и кому, лишь бы подали милостыню, чтобы передышать одинъ годъ.

Но превыше всего жаль Россіи съ такими дѣятелями.

Я вполнѣ увѣренъ, что начатая нами система обложенія казенныхъ земель платежами по дѣйствительной стоимости ихъ въ скоромъ времени значительно увеличитъ доходы государственные, и при хорошемъ управленіи финансами съ присоединеніемъ другихъ отраслей государственныхъ доходовъ можно будетъ, безъ особыхъ *отчаянныхъ* средствъ, возстановить внутренній и внѣшній кредитъ нашъ. Но кому это дѣлать? Я увѣренъ также, что и крестьянское дѣло можно хорошо устроить, не возмущая госу-

Библиотека "Руниверс"

дарства, не нарушая права собственности и сохранивъ крестьянамъ въ той степени и размѣрѣ осѣдлость, въ какой это необходимо, чтобы обезпечить, по возможности, даже трудящихся, а не тунеядцевъ. Желаю отъ-души, чтобы наши *легислаторы* (редакціонный *конвентъ*) возобновили бы въ памяти со вниманіемъ событія, бывшія во Франціи съ 1789 года, и сообразили, къ чему поведутъ разрушительныя начала, предложенныя ими для устройства крестьянскаго дѣла. Совѣтую всѣмъ нашимъ государственнымъ людямъ прочитать вновь книгу Tocqueville, L'ancien régime et la révolution; тамъ увидятъ они картину теперешней Россіи, какъ въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ попыткахъ разрушительныхъ. Дай Богъ, чтобы мы во время оглянулись.

Я нахожу, что вы весьма хорошо сдѣлали, что ускорили утвержденіемъ торговъ на проданные фольверки въ Курляндіи; конечно лучше скорѣе показать тамъ, что правительство дѣйствуетъ твердо, не останавливаясь неумѣстными возгласами.

...Крестьянскимъ дѣломъ я продолжаю заниматься; хотя оно съ лѣченіемъ и не идетъ, но и оставить нельзя; отъ правильнаго хода онаго зависитъ будущность Россіи. Есть весьма замѣчательныя мнѣнія депутатовъ отъ дворянства; сожалѣю, что многіе члены главнаго комитета ихъ не прочитаютъ. — Они весьма хорошо разъясняютъ дѣло.

Какъ устроится у васъ охота въ *Бѣловѣжѣ*; напишите, что сдѣлано. Расходовъ нечего жалѣть, лишь бы было хорошо. Здѣсь, т.-е. въ Швильбахѣ, прусскій *принцъ Карлъ*, по разсказамъ, какъ я отъ другихъ слышалъ, ибо его не видѣлъ, и онъ туда ѣдитъ. Надобно будетъ приготовить поболѣе помѣщеній...

Какъ идетъ движеніе татаръ изъ Крыма?

Прощайте любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, искренно душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ*.

P. S. Извѣстите меня, что́ Чевкинъ; я очень понимаю, что ему должно быть очень непріятно состоявшееся рѣшеніе объ Николаевской дорогѣ; но я надѣюсь, что все это еще измѣнится.

Дружески васъ обнимаю отъ всего сердца. *М. Муравьевъ*.

12.

Емсъ $\frac{\text{25 іюля}}{\text{6 августа}}$ 1860 г.

Два письма ваши, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, отъ 13 и 16 іюля я получилъ, на второе я вамъ отвѣчалъ по телеграфу. Мысль ваша о дозволеніи государственнымъ крестьянамъ посе-

Библиотека "Руниверс"

ляться на земляхъ владѣльческихъ, на первый разъ въ Крыму, я нахожу весьма полезною, ибо надобно и казеннымъ крестьянамъ дать право селиться, гдѣ они найдутъ это для себя выгоднымъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, въ условіяхъ поселенія, оградить ихъ отъ произвола владѣльцевъ земли и чтобы имъ дано было въ пользованіе съ платою, по правильной оцѣнкѣ, небольшое количество земли для первой потребности хозяйства до $1^1/_2$ или двухъ десятинъ на душу, съ тѣмъ, чтобы каждые 6 или 12 лѣтъ установлять особой коммиссіей эти цѣны; остальная же земля, ими обрабатываемая, должна зависить отъ добровольныхъ взаимныхъ условій съ владѣльцами. Съ упомянутаго участка земли не иначе можно прогнать поселенца, какъ по приговору ближайшаго *судебнаго мѣста* (приходскаго суда) за неисполненіе договора или за развратное поведеніе, какъ это установлено въ Лифляндскомъ положеніи. Мнѣ кажется, что этою мѣрою и иными дополнительными въ этомъ смыслѣ обѣ стороны будутъ достаточно обезпечены, крестьяне не будутъ нищенствовать, какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, ибо будутъ имѣть нѣкоторую осѣдлость и средства, хотя къ малому хозяйству, за опредѣленный правильный платежъ и не могутъ быть лишены онаго по произволу; владѣльцы же будутъ получать правильный по оцѣнкѣ оброкъ за эти участки земли и сверхъ того будутъ имѣть, по добровольнымъ договорамъ, всегда готовыя руки для обработки всѣхъ остальныхъ своихъ земель.

На этомъ основаніи можно бы устроить и вообще крестьянское дѣло, безъ большихъ хлопотъ и не нарушая правъ собственности...

Насчетъ Вакуфныхъ земель надобно удержать ихъ въ казнѣ; снеситесь съ Мин. Внутрен. Дѣлъ и не дозволяйте ихъ продавать.

Весьма правильно будетъ отказать въ предположеніи А. М. Княжевича на счетъ денежныхъ льготъ для крымскихъ помѣщиковъ; имъ нужны руки, а не деньги. Всего бы лучше было разквартировать тамъ поболѣе войскъ; ихъ нанимали бы помѣщики для своихъ работъ; это было бы выгодно для обѣихъ сторонъ. Поговорите объ этомъ съ Ник. Онуфріев., лишь бы скорѣе онъ это сдѣлалъ; въ Крыму хорошій урожай, слѣд. недостатка въ продовольствіи не будетъ, и край выиграетъ.

Нахожу сдѣланное распоряженіе объ объявленіи оцѣнокъ весьма правильнымъ; прошу васъ сообщить это къ руководству и удѣльному вѣдомству...

Въ Парижѣ я видѣлся нѣсколько разъ съ графомъ Киселевымъ; во все время мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ...

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

Библиотека "Руниверс"

13.

Емсъ 7/19 августа 1860 г.

Изъ предпослѣднихъ сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній Савицкаго нельзя было ожидать такого вдругъ огромнаго переселенія татаръ; край несомнѣнно много отъ этого на сей разъ потерпитъ. Нужны теперь тамъ энергическія и благоразумныя мѣры. Весьма хорошо сдѣлали, что послали туда Геренгросса; я надѣюсь, что онъ по возможности дѣло устроитъ, но для успѣха необходимо усердное содѣйствіе мѣстнаго губернскаго начальства, и дать Геренгроссу болѣе правъ.

Мысль о передвиженіи туда государственныхъ крестьянъ изъ Херсонской и Екатеринославской губерній весьма правильна; но будутъ ли охотники, ибо у нихъ довольно земли; на мѣсто же ихъ конечно можно будетъ постепенно перевесть крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Я полагаю, что можно бы двинуть въ Крымъ и нѣмцевъ изъ Новороссіи, которые хотятъ переселиться на Амуръ, также и болгаръ. Хорошо бы, ежели бы правительство разрѣшило поселять туда крестьянъ, покупаемыхъ у однодворцевъ; было бы полезно теперь купить и у мелкопомѣстныхъ малоземельныхъ помѣщиковъ крестьянъ, хотя бы по 50 руб. серебр. за ревизскую душу, и поселять ихъ изъ южныхъ губерній въ Крыму на помѣщичьихъ или казенныхъ земляхъ. Это будетъ большое благо для несчастныхъ нашихъ мелкихъ дворянъ, которые съ прекращеніемъ крѣпостнаго права и съ уродливымъ насильственнымъ надѣломъ крестьянъ землею лишатся почти всѣхъ своихъ доходовъ, ежели правительство не вознаградитъ ихъ.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, обнимаю васъ дружески.

Душевно преданный вамъ *М. Муравьевъ.*

14.

29 сентября 1860 г. С.-Петербургъ.

Со времени отъѣзда вашего, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, вы много получили отъ меня телеграфическихъ депешъ о времени выѣзда Государя. Вѣроятно вы получили также и послѣднее свѣденіе, что Государь изволитъ прибыть въ Бѣловежъ съ 5 на 6 октября и пробудетъ тамъ 6-ое и 7-ое, для сего и охота должна быть разположена на два дня. Завтра Государь отъ сюда выѣзжаетъ, искренно желаю, чтобы охота въ Бѣловежѣ вполнѣ удалась; Государь изволилъ мнѣ объ ней говорить нѣсколько разъ. Дайте мнѣ знать по телеграфу, какъ все тамъ было и успѣшна ли охота.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло о крымскихъ татарахъ повидимому идетъ хорошо. Герангроссъ пишетъ, что не такъ бѣдствуютъ въ Крыму, какъ объ этомъ кричали нѣкоторые наши [1]). Заселеніе идетъ своимъ порядкомъ [2]); только въ Комитетѣ Министровъ было заумничали; хотѣли доказать, князь Алек. Мих. Горчаковъ, Никол. Никол. Анненковъ и князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, что нѣмецкія колоніи очень полезны; было много толковъ, но они отбиты. Иностранцамъ, которые будутъ поселяться въ Крыму, не будетъ никакихъ особыхъ преимуществъ, и допускается лишь только малыми частями среди русскаго заселенія, а отнюдь не сплошными массами. Теперь составляются въ министерствѣ правила для заселенія Крыма, ибо отъ Герангросса получены уже требовавшіяся свѣденія...

Наконецъ крестьянское дѣло должно поступить 10-го октября въ Главный Комитетъ; но какъ оно пойдетъ—*Богъ вѣсть*. Князь Орловъ такъ боленъ, *что предсѣдательствовать не можетъ*. Страшно подумать, какое оно можетъ принять направленіе.

Не знаю, какъ я теперь управлюсь всѣми дѣлами; надобно будетъ все оставить и исключительно заняться крестьянскимъ дѣломъ; оно слишкомъ важно; но какъ я все это сдѣлаю, не понимаю; ни силъ, ни времени не достанетъ при огромномъ, лежащемъ на мнѣ, управленіи. Буду биться до нельзя и ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ вашего возвращенія; одному мнѣ не управиться всею этою обузою при крестьянскомъ дѣлѣ, по которому приказано *съ 10-го октября* собираться два раза въ недѣлю...

Искренно душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

P. S. Изъ Гродно получилъ вчера описаніе охоты, бывшей въ 1752 году въ Бѣловежѣ при королѣ Августѣ III, и препроводилъ оное сегодня къ графу Александру Адлербергу для представленія Государю.

15.

Дрезденъ $\frac{\text{21 марта}}{\text{2 апрѣля}}$ 1862 г.

...Грустно я разстался съ Россіею, въ трудномъ находится она положеніи, много надобно твердости и благоразумія, чтобы смирить развившіеся враждебные правительству элементы; но

[1]) О вытѣсненіи изъ Крыма татаръ во время управленія министерствомъ Муравьева и обезцѣненіи вслѣдствіе этого ихъ земель см. *Е. Карновичъ*, «Раздумье надъ записками гр. М. Н. Муравьева»; «Наблюдатель» 1883 г. № 11, стр. 163. *Ред.*

[2]) О пріобрѣтеніи въ казну покидаемыхъ татарами земель и колонизаціи Крыма русскими переселенцами см. «Историч. Обозр. пятидесят. дѣят. Мин. Гос. Имущ.», Спб. 1888 г., ч. II, стр. 36, отд. 2, стр. 30—32. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

пора оглянуться; много уже потеряно времени, и сильно разслаблены власти; при всемъ томъ еще можно смирить возстающихъ противъ правительства; можно укротить и журнализмъ; но конечно не раздѣленіемъ его между двумя министерствами, изъ коихъ одно—просвѣщенія, по существу своего предмета, будетъ защищать журнальную литературу.

Кажется, что и публичныя лекціи въ залахъ Городской Думы нельзя считать полезными для удержанія порядка и спокойствія въ столицѣ. Это новое оффиціальное средоточіе для соединенія по первому призыву въ градскую думу неблагонамѣреннаго профессора тысячи народа всѣхъ слоевъ для дѣйствія противъ правительства. Кажется, что можно бы это отклонить подъ благовиднымъ предлогомъ внѣ градской думы; и въ Парижѣ эти лекціи надѣлали шуму и были закрыты. Мнѣ кажется, что можно двигать просвѣщеніе и безъ такихъ публичныхъ демонстрацій, на которыя большая часть слушателей соединяется, конечно, не для ученія.

Какъ идетъ дѣло по реформѣ управленія государст. крестьянами. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ не вдругъ уничтожатъ хорошее существующее для замѣны его гадательнымъ, а въ особенности при общемъ разстройствѣ внутренняго управленія и въ особенности при неустройствѣ обязанныхъ крестьянъ.

Чѣмъ рѣшенъ вопросъ объ обязательномъ выкупѣ барщинскихъ повинностей? Говорятъ, что предположеніе Валуева не прошло.

Надобно настаивать для блага государства, чтобы сдѣлали теперь заграничный заемъ, ибо необходимо придти на помощь помѣщикамъ посредствомъ выкупа. Напрасно полагаютъ, что заемъ не возможенъ. Здѣсь теперь вездѣ много американскихъ капиталовъ, которые ищутъ помѣщенія; надобно этимъ воспользоваться. Штиглицъ проѣзжалъ чрезъ Берлинъ, вѣроятно для займа!!!

Въ Пруссіи тоже сильная борьба правительства съ демократическою партіею; чѣмъ-то это кончится? Но король, какъ кажется, рѣшился бороться съ ней до-нельзя. Какъ бы хорошо было, ежели бы и у насъ на это рѣшились, тѣмъ болѣе, что еще не трудно побороть у насъ анархическія начала, удаливъ лишь тѣхъ, которые ихъ разжигаютъ и дѣйствуютъ во главѣ оныхъ. Но при всемъ этомъ необходимо безотложно приступить къ улучшенію внутренняго управленія въ губерніяхъ, учредивъ оное на твердыхъ, по возможности болѣе свободныхъ, правильныхъ началахъ, въ предметахъ собственно хозяйственныхъ и касающихся до мѣстныхъ потребностей и повинностей, но отнюдь не давая излишнихъ административныхъ правъ общинному управленію. Правительство

Библиотека "Руниверс"

должно всегда сохранять свои права и власть, а въ особенности у насъ, гдѣ еще такъ мало просвѣщенія и понятія о законности.

Передъ выѣздомъ я слышалъ еще новую мысль, что будто бы надобно дать немногимъ литовскимъ губерніямъ особыя учрежденія. Эта мысль не логичная и поведетъ къ конечному разъединенію насъ съ западными губерніями. Я удивляюсь, откуда или отъ кого привилось это предположеніе; вѣроятно отъ польскаго элемента, соединившагося съ нашимъ анархическимъ.

Мнѣ кажется, что у насъ партія радикальныхъ реформаторовъ, состоящая большей частью изъ людей, пускающихъ краснорѣчиво мыльные пузыри и никогда ничего не создавшихъ, успѣла навести нѣкоторый страхъ на правительство, и вести его безоглядки къ быстрымъ реформамъ, будто бы возбужденнымъ духомъ времени; но разрушать легко, а создавать трудно, и на все нужна логичная постепенность и впередъ опредѣленная программа дѣйствій, примѣняемая безъ колебанія и въ особенности не страшась возгласовъ европейской журналистики, которая вездѣ при твердыхъ правительствахъ теряетъ свое значеніе.

По мнѣнію моему, при благоразумномъ дѣйствіи правительства и безъ поспѣшности, можно у насъ все устроить къ лучшему, не ослабляя власти. Усердно молю Бога, чтобы все это сбылось согласно съ благими намѣреніями Государя и съ отдаленіемъ вреднаго для общаго спокойствія начала необузданной свободы, сильно проникающей уже во всѣ слои общества.

Но пора кончать, я слишкомъ разболтался отъ избытка чувствъ.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, отъ всего сердца васъ обнимаю...

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

...Прошу васъ при удобномъ случаѣ повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ мою всеподданнѣйшую благодарность за милостивое дозволеніе воспользоваться отдыхомъ и лѣченіемъ за границею. Съ перемѣною температуры мнѣ сдѣлалось лучше, и укрѣпившись силами на водахъ, я надѣюсь, что возвращусь въ Россію съ лучшимъ здоровьемъ для перенесенія служебныхъ трудовъ, ежели они будутъ нужны. — Не оставьте только въ свое время, 17-го апрѣля, повергнуть глубочайшее мое всеподданнѣйшее поздравленіе съ днемъ рожденія Его Величеству. Отъ всей души желаю, чтобы все благое свершилось для него и для Россіи, и при томъ мирно, безъ крупнаго потрясенія;

Библиотека "Руниверс"

тогда только и можно ожидать хорошихъ послѣдствій отъ реформъ, которыя впрочемъ теперь совершенно неизбѣжны.

Еще разъ прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, обнимаю васъ отъ всего сердца и желаю полнаго успѣха.

Душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

P. S. Прошу васъ поклонитесь всѣмъ моимъ добрымъ сослуживцамъ въ министерствѣ, также и Валуеву, напишите, какъ идетъ управленіе.

16.

Карлсбадъ 1/13 мая 1862 г.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, за письмо ваше отъ 6-го апрѣля и поздравляю отъ всего сердца съ утвержденіемъ въ званіи министра. Дай Богъ вамъ здоровья и неизмѣнной твердости, чтобы перенести всѣ трудности настоящаго положенія.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю я извѣщенія, какъ идетъ дѣло объ устройствѣ, на новый ладъ, государственныхъ крестьянъ. Я остаюсь въ томъ убѣжденіи, что это необходимо сдѣлать только тогда, когда успокоится дѣло о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ· по крайней мѣрѣ благоразуміе и осторожность того требуютъ..

Меня очень обрадовалъ успѣшный заемъ Штиглица. Теперь могутъ поправиться наши внутреннія дѣла, т.-е. денежный курсъ, и устроиться необходимый во многихъ случаяхъ обязательный выкупъ крестьянскаго надѣла.

Такимъ образомъ многое успокоится у насъ, и прекратятся неблагопріятные возгласы, соединенные съ неумѣстнымъ возбужденіемъ противъ правительства. На европейскомъ горизонтѣ разыгрывается буря въ Пруссіи; но кажется, что правительство будетъ твердо стоять, и противная партія должна будетъ смириться; по крайней мѣрѣ не въ силахъ будетъ перемѣнить заповѣдныхъ, историческихъ началъ монархической власти. — Благоразумная твердость вездѣ необходима; уступчивость въ основныхъ началахъ всегда производитъ вредныя послѣдствія и возбуждаетъ только стремленіе къ нарушенію общественнаго порядка сначала *словомъ*, а потомъ и *дѣломъ*; нравственно политическая зараза легко распространяется, но унять ее бываетъ иногда очень трудно. Это, какъ кажется, довольно сильно чувствуютъ всѣ правительства въ Европѣ... желательно, чтобы и у насъ съ необходимыми улучшеніями не ослабить правительственной власти и не давать слишкомъ много простора общественному самоуправленію. Все это хорошо въ извѣстной только мѣрѣ и должно быть подчинено

Библиотека "Руниверс"

центральной власти; въ противномъ случаѣ идея и стремленіе къ самоуправленію принимаютъ характеръ и дѣлаются знаменемъ, хоругвіемъ анархическихъ началъ.

Но пора окончить, я слишкомъ далеко увлекся; мысль объ Россіи постоянно при мнѣ, и я сердцемъ и душою въ ней. Дай Богъ, чтобы тамъ все свершилось согласно благодѣтельнымъ намѣреніямъ Государя, но только спокойно и мирно.

Искренно душою вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

Библиотека "Руниверс"

Письма А. М. Унковскаго къ Г. А. Джаншіеву.

1.

С.-Петербургъ. 24 марта 1887 г.

Не знаю, какъ благодарить Васъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, за присылку Вашей почтенной брошюры, а въ особенности за лестное посвященіе ея мнѣ совмѣстно съ В. И. Танѣевымъ, котораго я привыкъ издавна любить и уважать. Я пробѣжалъ ее еще разъ и вполнѣ раздѣляю Вашъ взглядъ на обязанности адвоката, которымъ я никогда не измѣнилъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ я о преніяхъ, которыя происходили по этому предмету въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ. Повидимому, Вы побѣдили противниковъ блистательнымъ образомъ. Можетъ быть, адвокаты и будутъ вести попрежнему неправыя дѣла, но, по крайней мѣрѣ, не посмѣютъ оправдывать свои поступки исполненіемъ какихъ-то святыхъ обязанностей своей профессіи.

Признаюсь, долговременная практика убѣдила меня, что несогласное съ здравымъ смысломъ и совѣстью рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ исключительнымъ основаніемъ одно своекорыстное отношеніе къ дѣлу въ средѣ адвокатовъ, но коренится гораздо глубже, — а именно: въ странномъ взглядѣ вообще большинства русскихъ юристовъ на правосудіе. Взгляните на судей, и Вы увидите въ ихъ числѣ множество *безкорыстныхъ кляузниковъ по образу мыслей*. Есть такіе и въ числѣ сенаторовъ Касс. Департаментовъ. Это—совершенно чистые люди по образу дѣйствій: они не возьмутъ взятки и не поддадутся просьбамъ и ходатайствамъ, хотя бы и со стороны сильныхъ людей. Но они смотрятъ на существо дѣла *глазами завзятаго кляузника* и сдѣлаютъ, согласно съ установившимся у нихъ образомъ мыслей, такую пакость, которой подивится даже старинный взяточникъ. Вѣдь у насъ производятся по цѣлымъ годамъ такія дѣла, которыя по здравому смыслу въ одну минуту правильно рѣшитъ первый попавшійся на улицѣ мужикъ. А юристы считаютъ эти дѣла особенно трудными и сложными, рѣшаютъ ихъ различно въ раз-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ инстанціяхъ и, прежде чѣмъ доберутся до правильнаго рѣшенія, дадутъ мерзавцамъ окончательно завладѣть предметомъ спора, вслѣдствіе чего очень часто позднее правильное рѣшеніе, послѣ нѣсколькихъ инстанцій, не въ силахъ уже возстановить правды.

Экземпляръ, присланный Вами для М. Е. Салтыкова, я ему передалъ. Салтыковъ — въ прежнемъ положеніи: ему то лучше, то хуже. Впрочемъ, зимою ни разу не выходилъ изъ дому: постоянно сидитъ, окруженный лекарствами. Такая жизнь — совершенное мученіе. Я еще ни разу не видалъ больного, который, подобно ему, не мирится, ни на одинъ день, съ своимъ положеніемъ.

Передайте мой поклонъ В. И. Танѣеву и В. М. Соболевскому.

Преданный Вамъ

А. Унковскій.

2.

С.-Петербургъ. 11 марта 1888 г.

Не подумайте, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, что я, не отвѣчая на вашу телеграмму, невполнѣ понимаю честь, которой удостоило меня Московское Юридическое Общество. Дѣло вотъ въ чемъ: съ 2-го марта я страдаю безпрерывною лихорадкою, которая, увеличиваясь со дня на день, съ 7-го марта уложила меня въ постель, въ которой я находился въ температурѣ 40°; и только сегодня температура уменьшилась до 39°. Поэтому ваша телеграмма попала въ то время, когда я лежалъ почти безъ памяти и семья не допускала до меня ни одной бумаги, и теперь я диктую это письмо съ большимъ трудомъ. Долженъ признаться, что хотя я и польщенъ этимъ избраніемъ, но я не понимаю, по какому поводу оно произошло: вѣдь послѣ моей дѣятельности, какова бы она не была, протекло уже четверть столѣтія.

Пожалуйста, сообщите о моей болѣзни, кому слѣдуетъ, чтобы меня не подозрѣвали въ неделикатности. Едва ли я могу написать въ Общество ранѣе двухъ-трехъ недѣль.

Преданный Вамъ *А. Унковскій.*

3.

Посылаю Вамъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, портретъ Вашего любимца — кажется, довольно удачный.

Книга Ваша о С. И. Зарудномъ мнѣ чрезвычайно понравилась. Она очень кстати пришлась по нынѣшнему времени. Только едва ли можно сдѣлать что нибудь убѣжденіемъ. Ломающіе судебные уставы хорошо понимаютъ, что они дѣлаютъ. У насъ ничего

Библиотека "Руниверс"

хорошаго не слышно. Извѣстно только, что въ какой-то тайно дѣйствующей компаніи изъ Монассеина, Плеве и . . . . . идетъ подпольная работа, подрывающая всѣ основанія правосудія. Главное начало, принятое ими, состоитъ въ томъ, чтобы судьи были лакеями администраторовъ. Вотъ все, что могу сказать о происходящей въ нашемъ центрѣ всероссійской глупости.

Салтыковъ немного отдышался, а то чуть было не умеръ на дняхъ. Въ понедѣльникъ, 3-го апрѣля, едва дышалъ, не говорилъ ни слова и медики ожидали смерти. Дней шесть какъ онъ ничего не ѣстъ и не пьетъ, кромѣ одной рюмки молока въ часъ. А теперь, со вторника, хотя и задыхается, но немного говоритъ. Впрочемъ, надежды больше нѣтъ.

Всѣ мои Вамъ шлютъ усердный поклонъ.

Преданный Вамъ *А. Унковскій.*

7 апрѣля 1889 г.

4.

С.-Петербургъ. 20 февраля 1891 г.

...Вчера мы справляли здѣсь юбилей крестьянской реформы. Признаюсь, мнѣ опротивѣли всѣ эти торжества. Чему радоваться, когда сидишь въ помойной ямѣ? Пожалуй, можно всякій день торжествовать, вспоминая уничтоженіе мѣстничества, освобожденіе отъ монгольскаго ига, покореніе Крыма, отмѣну тѣлесныхъ наказаній и т. п. и забывая, что теперь опять порютъ попрежнему, возстановляютъ крѣпостное право въ другомъ видѣ и уничтожаютъ всѣ торжествуемыя реформы. Посмотрѣли бы вы, какое судопроизводство введено въ Остзейскомъ краѣ. Мнѣ удалось познакомиться съ нимъ на практикѣ, защищая, по назначенію, *въ одинъ день* три довольно серьезныя уголовныя дѣла эстляндскія и курляндскія, восходящія въ здѣшнюю судебную палату по апелляціоннымъ жалобамъ и протестамъ. Тамъ суда присяжныхъ нѣтъ, и дѣла производятся на русскомъ непонятномъ для подсудимыхъ и свидѣтелей языкѣ такимъ образомъ, что въ сущности рѣшаются на основаніи показаній переводчиковъ. Я самъ испыталъ въ Палатѣ, какъ нелѣпъ перекрестный допросъ переводчика. И здѣсь-то въ Петербургѣ не могутъ найти переводчиковъ, знающихъ оба языка въ достаточной степени, чтобы можно было понять, что говорятъ свидѣтели и подсудимые, а что происходитъ тамъ на мѣстѣ, я не могу и представить. Между тѣмъ, дѣла, которыя я защищалъ, окончились присужденіемъ въ арестантскія роты и высылкою изъ края въ мѣста еврейской осѣдлости съ конфискаціею всѣхъ товаровъ. А всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ

Библиотека "Руниверс"

въ этотъ день въ палатѣ, кажется, было чуть ли не болѣе 10-ти. У меня голова разболѣлась отъ этого судопроизводства. Не знаю, какъ прежнія уголовныя дѣла нѣмецкихъ губерній судились въ Сенатѣ, но хуже едва-ли могло быть.

Теперь мы наканунѣ реформы по адвокатурѣ. Кажется, положеніе наше будетъ хуже прежняго.

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

5.

С.-Петербургъ. 28 февраля 1891 г.

Еслибы я былъ такъ молодъ, какъ Пушкинъ въ то время, когда онъ страстно любилъ младую гречанку, то настоящее мое письмо къ вамъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, я началъ бы словами: съ новымъ генералъ-губернаторомъ, съ новымъ счастьемъ! Но такъ какъ я старъ и много видалъ на моемъ вѣку разныхъ видовъ, то погожу поздравлять васъ до тѣхъ поръ, пока въ Москвѣ въ самомъ дѣлѣ будетъ легче дышать и печатать, и когда очи мои увидятъ «Русскія Вѣдомости» излеченными отъ того столбняка, въ которомъ онѣ находились во время завѣдыванія Москвою засидѣвшагося не въ мѣру князя Долгорукова...

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ которомъ я просилъ васъ о справкѣ въ архивѣ Московскаго Окружнаго Суда, я не имѣлъ времени объяснить, зачѣмъ нужна эта справка. Вообразите, какія бываютъ на свѣтѣ обстоятельства. Въ 1865 году одна русская замужняя барыня, разошедшаяся съ мужемъ, родила въ Парижѣ ребенка и вслѣдъ затѣмъ въ родахъ умерла. Ребенка же почему-то записали родившимся отъ нея и одного француза, назвавъ ее прежней ея фамиліей и объяснивъ, что родители въ бракѣ не состоятъ. Ребенокъ жилъ года три у кормилицы въ окрестностяхъ Парижа, а послѣ того былъ взятъ въ Россію сестрою его матери, воспитанъ подъ фамиліей его незаконнаго отца, перекрещенъ въ православную вѣру, а когда умерла его богатая бабушка, выгнанъ на улицу. Теперь ему 25 лѣтъ, и онъ послѣдній уже годъ въ университетѣ. Между тѣмъ, какъ незаконнорожденный, онъ не пользуется не только правами состоянія, т.-е. дворянствомъ, но даже и наслѣдствомъ, слѣдующимъ ему по матери и достигающимъ, какъ говорятъ знающіе люди, суммы около 600 тысячъ рублей. Мнѣ кажется, что его положеніе можно исправить. Вѣдь по закону всѣ рожденные женщинами, состоявшими въ бракѣ, должны считаться законнорожденными, и такое право ихъ не можетъ зависѣть отъ чьего либо произвола. Вотъ для этого, узнавъ о томъ, что законный мужъ его матери начиналъ невозможное дѣло съ

Библиотека "Руниверс"

тещею о выдѣлѣ ему законной части, какая полагается вдовцамъ изъ имѣнія только тестя, и что такое дѣло производилось въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти жены, я и надѣюсь узнать изъ этого дѣла, гдѣ совершенъ былъ бракъ, при существованіи котораго родился русскій французъ...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

6.

С.-Петербургъ. 23 апрѣля 1891 г.

Приношу вамъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, мою искреннюю благодарность за присылку вашей послѣдней книги. Я получилъ ее болѣе недѣли тому назадъ, но не писалъ къ вамъ потому, что все это время былъ боленъ, между тѣмъ какъ хотѣлось вмѣстѣ съ благодарностью за ваше вниманіе, сообщить вамъ и то, что пришло мнѣ въ голову по поводу присланной книги...

Относительно книги вашей считаю долгомъ откровенно сказать, что она одновременно произвела на меня пріятное впечатлѣніе и навела на грустныя мысли. Особенно пріятно видѣть, что ваша энергія въ спорѣ съ врагами судебной реформы не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается, и что вы ловко обличаете ихъ въ невѣжествѣ или умышленной клеветѣ на составителей судебныхъ уставовъ. Надѣюсь, что этотъ сборникъ принесетъ практическую пользу, раскрывъ глаза нѣкоторымъ людямъ, находящимся въ невинномъ заблужденіи. Но какъ вглядишься пристальнѣе въ эту полемику, то невольно поддаешься грустному настроенію. Нѣтъ спора, что враги независимаго суда представляются людьми, мнѣнія которыхъ уважать нельзя, такъ какъ они — сторонники чистаго произвола. Сверхъ того, они и подлецы, потому что клевещутъ на людей противнаго лагеря, умышленно обвиняя совершенно невинныхъ лицъ чуть ли не въ государственныхъ преступленіяхъ. Но нельзя не признать ихъ стоящими на болѣе твердой почвѣ, въ сравненіи съ нами. Заявляя себя открыто сторонниками произвола, на которомъ, по ихъ мнѣнію, долженъ держаться весь государственный порядокъ, они совершенно логично считаютъ независимость суда и несмѣняемость судей противорѣчащими этому основному началу русской общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ. независимость суда не можетъ уживаться съ произволомъ. Въ этомъ едва ли можетъ быть споръ. Эта истина доказана у насъ горькимъ опытомъ, ибо на другой почти день по утвержденіи начала несмѣняемости едва не прогнали со службы члена высшаго судебнаго мѣста, покойнаго Любощинскаго, за нѣсколько словъ, сказанныхъ въ земскомъ

Библиотека "Руниверс"

собраніи. Слѣдовательно, враги судебной независимости правы въ томъ, что она несовмѣстима съ произволомъ и что она попала въ число законовъ по недоразумѣнію. Вопросъ лишь въ томъ, кто виновать въ изданіи такого закона, противнаго основнымъ началамъ государственнаго устройства? Вотъ о чемъ слѣдовало бы спорить. Нужно было бы доказать, что самая задача, предложенная дѣятелямъ по составленію проектовъ разныхъ реформъ, не допускала мысли о непоколебимости произвола, и что, поэтому, они были увѣрены, что начало судебной независимости и несмѣняемости судей войдетъ въ число основныхъ законовъ. Между тѣмъ такъ откровенно разговаривать въ печати по самому существу дѣла нельзя, и, потому, приходится, въ спорѣ съ сторонниками произвола, прибѣгать къ полемическимъ пріемамъ, представляющимъ составителей судебныхъ уставовъ и самое дѣло ихъ въ свѣтѣ непривлекательномъ и несогласномъ съ истиною. Мнѣ кажется, что въ пылу спора, желая оправдать этихъ дѣятелей по обвиненію въ обманномъ проведеніи закона, подрывающаго основы, вы немножко погрѣшили въ этомъ отношеніи. Доказывая, что судебная независимость, ими проектированная, нисколько не противорѣчитъ основамъ, ибо законъ о несмѣняемости, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, можетъ быть отмѣненъ сепаратнымъ указомъ, вы представляете составителей уставовъ лицами, имѣвшими въ виду установленіе несмѣняемости не въ дѣйствительности, а на одной лишь бумагѣ, принимая во вниманіе, что каждый судья можетъ быть смѣненъ такимъ же указомъ, какимъ онъ назначенъ.

Тогда въ чемъ же вы видите проектированную ими несмѣняемость? Вѣдь подобною же несмѣняемостью когда-то пользовался и я, будучи губернскимъ предводителемъ, но она не помѣшала удалить меня отъ должности безъ слѣдствія и суда. Такихъ привилегій у насъ всегда было много. Пропасть людей было избавлено отъ тѣлеснаго наказанія, пока не высѣкутъ. Неужли дѣятели по судебной реформѣ, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, разсчитывали на такое значеніе основного начала всей реформы? Но въ такомъ случаѣ они обманывали общество.

Мнѣ кажется, что съ врагами суда нельзя вести споръ на этой почвѣ. Я думаю, что нужно доказывать необходимость независимаго суда, какъ единственной гарантіи всякаго права, а на инсинуаціи ихъ не обращать вниманія, потому что противорѣчіе основного начала судебной реформы произволу оспаривать нѣтъ возможности. Дѣйствительно, всякая гарантія законнаго порядка противна произволу. Въ этомъ они правы...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

Библиотека "Руниверс"

7.

Дмитрюково. 14 августа 1891 г.

...Отъ души благодарю васъ за сдѣланное Вами распоряженіе о помѣщеніи въ «Русской Мысли» поправки относительно участія Головачева въ работахъ моихъ по Тверскому комитету, а то какъ-то совѣстно было, что его доля трудовъ приписывается мнѣ. Замѣтка же по этому предмету, помѣщенная черезъ два мѣсяца въ мѣсячномъ журналѣ, не опоздаетъ. Только ужъ очень вы меня возвеличиваете. И деревню-то мою считаете историческимъ памятникомъ. Право, это начинаетъ уже портить меня. Послѣ того недалеко и до статуи на Собачьей площадкѣ. А если до того дойдетъ, то не худо бы конную. Видите, до чего можетъ додуматься человѣкъ, одержимый маніею величія...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

8.

С.-Петербургъ. 15 октября 1891 г.

Извините, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо, переданное мнѣ П. А. Столповскимъ. Причиною этого было желаніе исполнить вашу просьбу, но, къ величайшему сожалѣнію, у меня не оказалось ни одного письма М. Е. Салтыкова, которое могло бы быть напечатано. Такъ какъ мы прожили съ нимъ около 25 лѣтъ не только въ одномъ городѣ, но даже большею частью на одной улицѣ, то я получалъ отъ него либо пустыя записки, не имѣющія никакого значенія, либо, при кратковременной разлукѣ, забавныя эпистолы неприличнаго содержанія. Поэтому, ничего выбрать изъ нихъ нельзя. Не печатать же письма, содержащія извѣстныя вамъ дѣтскія сказки?

А вы благое дѣло начинаете. Только по размѣрамъ нынѣшняго голода такими вещами, какъ сборники, не поможешь. Тутъ нужны десятки милліоновъ. Вотъ моменты государственной жизни, когда чувствуется живо отсутствіе представительства. Очевидно, что здѣсь дѣло не въ одномъ неурожаѣ. Кажется, что огромныя пространства лучшихъ земель, вслѣдствіе плохой культуры, совсѣмъ отказываются отъ доставленія средствъ пропитанія цѣлой четверти или даже трети населенія. Въ этомъ бѣдствіи ни частная благотворительность, ни бюрократическая распорядительность ничего не сдѣлаютъ. Безъ собранія представителей разныхъ мѣстностей и узнать нельзя дѣйствительное ихъ положеніе и размѣръ наличныхъ средствъ. Чего можно ожидать отъ

Библиотека "Руниверс"

чиновниковъ, мы видимъ на каждомъ шагу. Будучи въ деревнѣ, я видѣлъ, какъ собираются свѣдѣнія объ урожаѣ черезъ волостныхъ безграмотныхъ головъ, которые изъ страха предъ начальствомъ хлопочатъ лишь о томъ, чтобы къ такому-то числу представить, кому слѣдуетъ, разграфленные листки съ какими нибудь цифрами. А каковы новыя реформы? Каково, напр., упрощенное судопроизводство, къ которому никто не обращается? У насъ также, какъ и у васъ въ Москвѣ, съ 1 октября сидитъ особый членъ суда съ своимъ секретаремъ и не можетъ поймать ни одного истца. Всякій видитъ, что эта простота оттянетъ окончаніе дѣла на мѣсяцъ или на два и заставитъ десять лишнихъ разъ бѣгать по судамъ. Гдѣ же, при такомъ устройствѣ, думать о возможности измѣнить культуру страны? Мнѣ приходитъ въ голову, не поможетъ ли голодъ выбраться изъ ямы, въ которую завела насъ наша печальная исторія...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

9.

С.-Петербургъ. 29 октября 1891 г.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, и спѣшу увѣдомить васъ, что относительно изданія имѣющихся у меня дѣтскихъ сказокъ Салтыкова не можетъ быть никакого вопроса. Когда вы увидите ихъ, то сами скажете, что ихъ нельзя не только печатать, но даже и въ рукописи посылать иначе, какъ съ нарочнымъ и съ условіемъ не показывать никому, кромѣ ближайшихъ и надежнѣйшихъ друзей мужескаго пола. Это — ничто иное, какъ самые похабные фантастическіе разсказы на реальной подкладкѣ, имѣющіе значеніе самой злой и забавной сатиры. Само собою разумѣется, что въ нихъ нѣтъ не только ни одного приличнаго слова, но даже ни одного факта, который бы могъ быть разсказанъ при дѣтяхъ. Я удивляюсь, какъ вы ихъ не видали. Онѣ любопытны именно тѣмъ, что написаны Салтыковымъ въ то время, когда онъ не могъ дѣлать ни одного движенья вслѣдствіе страшныхъ ревматическихъ болей. Какъ это ни странно, но въ 1875 и 1876 годахъ, когда онъ почти неподвижно лежалъ или сидѣлъ больной въ Монтрё, я получалъ отъ него самыя веселыя письма. Вотъ въ это самое время имъ былъ написанъ забавный романъ въ перепискѣ Н... П... съ Поль-де-Кокомъ, пропавшій у одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ — Александра Николаевича Еракова, теперь уже умершаго.

Впрочемъ, чтобы вы не возъимѣли сомнѣнія въ справедливости моихъ словъ, я разскажу въ доказательство содержаніе одной изъ этихъ басенъ подъ заглавіемъ «Архіерейскій Насморкъ»...

Библиотека "Руниверс"

Дай Богъ вамъ издать затѣянный сборникъ. Только, при настоящихъ размѣрахъ голода, онъ не будетъ даже и каплею въ морѣ. Слишкомъ велико бѣдствіе. Нужно прокормить чуть ли не 20 милліоновъ народа. Мы собираемъ здѣсь вездѣ и по всякому поводу, хотя бы гроши, а въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ заоброчили себя періодическими взносами до сентября будущаго года. Что сдѣлано у васъ въ Москвѣ? Должно быть, этотъ неурожай — не случайное явленіе, а прямое слѣдствіе неправильнаго распредѣленія земель и плохой ихъ обработки. Гдѣ лучше почва, тамъ было больше жадности при надѣленіи крестьянъ, которые собственно и терпятъ нынѣшній голодъ. Какъ видно, отдѣльные владѣльцы меньше страдаютъ. У нихъ былъ какой-нибудь сѣвооборотъ, при которомъ земля и отдыхала, и удобрялась, а притомъ они не подвергались жестокому взысканію недоимокъ, вслѣдствіе котораго крестьяне вынуждаемы были ежегодно продавать наскоро только что вымолоченный хлѣбъ за какую попало цѣну. Вотъ теперь дворяне и другіе отдѣльные владѣльцы, имѣющіе побольше земли и получше качествомъ, хотя и мало соберутъ, но всетаки побольше крестьянъ, и продадутъ излишки по высокимъ цѣнамъ, тогда какъ крестьяне должны будутъ занять хлѣбъ по этимъ цѣнамъ для одного лишь собственнаго продовольствія и обсѣмененія полей, а скотъ продать за безцѣнокъ или уморить голодомъ. Думается, не научитъ ли насъ этотъ голодъ, какъ устроить управленіе страною. Одни уже газетныя извѣстія о распоряженіяхъ пособіями показываютъ, что безъ органовъ, служащихъ представителями общихъ интересовъ цѣлой страны, можетъ быть лишь полнѣйшій безпорядокъ. Одновременно и вездѣ распоряжаются земскія учрежденія, комитеты Краснаго Креста, какіе-то архіерейскіе комитеты и т. д. Какова белиберда? Очень можетъ быть, что въ одно мѣсто десять разъ пришлютъ пособіе, а въ другое ничего не попадетъ. Всѣ прелести бюрократическаго управленія на лицо...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

10.

С.-Петербургъ. 8 декабря 1891 г.

Вы хотите знать, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, какъ праздновался мой юбилей. Спѣшу удовлетворить ваше любопытство.

Мои товарищи задумали праздновать мое 25-ти-лѣтнее пребываніе въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ 2 декабря, такъ какъ я 2 декабря 1866 года принялъ присягу. Большое пиршество

Библиотека "Руниверс"

мы всѣ сочли неприличнымъ въ настоящіе дни голода, а отъ приглашенія на обѣдъ въ обществѣ товарищей по совѣту, т.-е. настоящихъ и бывшихъ членовъ совѣта, я не могъ отказаться, но, въ виду назначенія на этотъ день одного важнаго для меня гражданскаго дѣла къ слушанію въ Судебной Палатѣ, обѣдъ былъ отложенъ до 6 декабря. Въ этотъ день часовъ въ 12 утра ко мнѣ пріѣхали всѣ члены совѣта и нѣсколько бывшихъ членовъ прежняго состава, привезли мнѣ до крайности лестный адресъ и превосходный работы жетонъ и приглашеніе обѣдать съ ними въ ресторанѣ Донона, гдѣ мы и провели нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ. Тѣмъ бы и кончилось это чисто семейное торжество, еслибы не раздули его «Новости», въ которыхъ состоитъ сотрудникомъ мой старинный довѣритель, Викторъ Никитичъ Никитинъ — извѣстный тюрьмовѣдъ. Онъ, узнавъ о предполагаемомъ празднованіи, помѣстилъ по поводу его цѣлую статью.

Пожалуйста, не пишите ничего объ этомъ случаѣ, а то будетъ похоже на рекламу. Да и какой я адвокатъ? Ничѣмъ я на этомъ поприщѣ не отличался. А тутъ, какъ на грѣхъ, назначили меня защищать одну женщину, обвиняемую въ убійствѣ любовника. Поэтому, «Новости» во вчерашнемъ №, давая отчетъ о юбилеѣ, объявили и о томъ, что я буду на дняхъ защищать важное уголовное дѣло. Просто неловко. Точно, дескать пожалуйте въ нашу лавочку...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

11.

С.-Петербургъ. 12 декабря 1891 г.

Сейчасъ получилъ и прочелъ статью вашу обо мнѣ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, и спѣшу принести вамъ искреннюю благодарность за высокое обо мнѣ мнѣніе. Сердиться въ этомъ случаѣ странно, но въ самомъ дѣлѣ вы уже черезчуръ меня превознесли, а главное то, что необходимо исправить ошибку, допущенную въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ. Лютеранскихъ пасторовъ я никогда не защищалъ. Вообразите, что въ настоящую минуту я даже забылъ, что защищалъ ихъ... зналъ, но забылъ и не могу вспомнить. Справлюсь и напишу къ вамъ. Впрочемъ, это все равно, такъ какъ я не имѣлъ никакихъ отношеній къ этому дѣлу. Исправьте какъ нибудь эту погрѣшность.

Вотъ до чего доводитъ преднамѣренное желаніе превозносить человѣка выше дѣйствительнаго значенія. Если правду сказать, то я ничѣмъ въ адвокатурѣ не отличался, кромѣ обыкновенной честности, которую слѣдуетъ требовать отъ каждаго повѣреннаго.

Библиотека "Руниверс"

Правомъ, какъ наукою, занимался я мало. За юридическою литературою слѣдилъ плохо и обращался къ ней лишь по вопросамъ, которые возбуждались по дѣламъ, мною производимымъ. Краснорѣчіемъ также не обладаю. Поэтому я считаю себя заурядным адвокатомъ, и представлять меня иначе едва ли возможно. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы я ставилъ себя очень низко. Въ стадѣ я не послѣдній, потому что много есть мерзавцевъ, которымъ поручить ничего нельзя, а еще больше дураковъ. Притомъ, я обладаю нѣкоторою опытностью, и даже немалою. Вотъ видите, что я не могу быть обвиняемъ въ излишней скромности...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

12.

С.-Петербургъ. 21 февраля 1892 г.

...Хорошее вы дѣло затѣяли, намѣреваясь издать книжку въ память Бѣлинскаго. Пришлите мнѣ экземпляровъ сотню, и я постараюсь распространить ихъ въ кругу университетской молодежи черезъ старшаго сына... Когда я писалъ къ вамъ послѣднее письмо, кто-то ко мнѣ пріѣхалъ, и потому, дописывая его впопыхахъ, я совершенно забылъ сообщить вамъ о студенческомъ вечерѣ, на которомъ я присутствовалъ по приглашенію студентовъ 8 февраля, и объ оваціяхъ, которыя мнѣ дѣлались тамъ, вѣроятно вслѣдствіе вашихъ статей обо мнѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Мысли» и сборникахъ. Вообразите, человѣкъ 250 студентовъ устроили въ одной кухмистерской, имѣющей громадный залъ, вечерній чай и позвали туда нѣсколькихъ профессоровъ, литераторовъ и меня въ качествѣ почетныхъ гостей. Изъ профессоровъ были именно Бекетовъ, Свѣшниковъ, Карѣевъ, Яроцкій, Лесгафтъ и Боргманъ, а изъ литераторовъ Михайловскій, Успенскій и К. К. Арсеньевъ. Встрѣчали насъ такими аплодисментами, что строеніе едва устояло. Рѣчей было безъ конца, а меня заставили еще разсказать о моей прежней дѣятельности...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

13.

С.-Петербургъ. 23 апрѣля 1892 г.

...Вчера я получилъ отъ Плещеева изъ Ниццы 250 рублей и письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что въ старой записной книжкѣ увидѣлъ записи денегъ, взятыхъ у меня, и спѣшитъ ихъ возвратить. Письмо длинное и любезное. Повидимому, здоровье его не хорошо. Ему велятъ знаменитости прожить въ Ниццѣ и будущую зиму, а лѣтомъ онъ обѣщаетъ пріѣхать въ Россію?

Библиотека "Руниверс"

14.

С.-Петербургъ. 1 января 1893 г.

Поздравляю Васъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, съ новымъ годомъ и желаю Вамъ того же, чего и себѣ: прожить какъ наступившій годъ, такъ и всѣ слѣдующіе, подъ лучшими впечатлѣніями и, по крайней мѣрѣ, дождаться *хотя бы признаковъ* зари, которая могла бы разсѣять настоящій мракъ. Больше этого теперь даже и желать не смѣю, и даже въ исполненіе этого скромнаго желанія почти не вѣрую, ибо этотъ годъ начинается назначеніемъ въ члены Государственнаго Совѣта того Жихарева, который въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ усердно занимался истребленіемъ учившейся молодежи цѣлыми тысячами...

Преданный Вамъ *А. Унковскій.*

15.

Не подумайте, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, что я забылъ ваши порученія. Но вообразите — незадача мнѣ да и только.

Я уже писалъ вамъ, что Шильдеръ обѣщалъ разыскать ваши книги, но оказалось, что ихъ новой редакціи не сдавали. Я обратился къ вдовѣ покойнаго Семевскаго [1]). Она заявила, что эти книги, можетъ быть, остались у нея, и обѣщала ихъ доставить, но не прежде, какъ по выздоровленіи ея конторщицы, безъ которой она найти ихъ не можетъ. Я ждалъ очень долго, но вдругъ сегодня Семевская присылаетъ мнѣ одинъ экземпляръ безъ всякаго объясненія, куда дѣвались остальные...

Я отдамъ доставленный мнѣ экземпляръ Шильдеру, а вы напишите ему объ остальныхъ. Тогда онъ будетъ имѣть основаніе потребовать положительныхъ свѣдѣній о нихъ отъ лица, сдавшаго ему редакціонный складъ. Безъ этого онъ, кажется, затрудняется обратиться къ Семевской или ея повѣреннымъ...

Что же касается матеріаловъ, относящихся къ утвержденію университетскаго устава 1863 г., то я до сего времени ни у кого изъ знакомыхъ не нашелъ, но еще не отчаиваюсь. Есть экземпляръ въ казенномъ Кодификаціонномъ Отдѣлѣ, но взять его невозможно.

Съ декабря, — будучи приглашенъ юрисконсультомъ трехъ казенныхъ банковъ, Дворянскаго, Крестьянскаго и Особаго Отдѣла Дворянскаго Банка, которому переданы всѣ дѣла бывшаго Общества Поз. Кредита, — я заваленъ разрѣшеніемъ огромнаго количества вопросовъ, по большей части вздорныхъ или мелоч-

[1]) Е. М. Семевская, вдова редактора «Русской Старины» М. И. Семевскаго (умершаго въ 1892 г.). *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ныхъ, но не терпящихъ отлагательства, вслѣдствіе чего я вынужденъ писать краткія заключенія собственноручно, за неимѣніемъ времени отдавать ихъ въ переписку. А подавать совѣты словесно чрезъ дѣлопроизводителей и членовъ совѣтовъ, большинство коихъ, назначенное на должности по родству или близкому знакомству съ важными лицами, совершенные болваны, я опасаюсь, зная напередъ, что мои слова будутъ перевраны. А если бы вы видѣли, въ чемъ состоятъ недоразумѣнія и вопросы, то умерли бы со смѣху. Вы не можете себѣ представить, до чего доходитъ глупость, бездарность и невѣжество нынѣшней золотой молодежи, пользующейся особымъ покровительствомъ въ столицѣ, а также и провинціальныхъ правительственныхъ дѣятелей. Вездѣ и во всемъ происходитъ невообразимая ерунда, доходившая до того, что крестьяне разорялись отъ излишнихъ попеченій Крестьянскаго банка, результатомъ стараній котораго оказывалась помощь кулакамъ къ расширенію ихъ владѣній. Будетъ ли какой-нибудь толкъ отъ этихъ учрежденій, что-то не вѣрится. А просвѣта нѣтъ ни откуда. Такъ какъ вы — оптимистъ, то не примѣчаете ли вы его?...

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

11 февраля 1893 г.

16.

С.-Петербургъ. 25 марта 1893 г.

На письмо ваше, сейчасъ мною полученное, спѣшу увѣдомить васъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, что вы можете во всемъ, когда либо сообщенномъ вамъ въ моихъ письмахъ, ссылаться на меня безъ всякаго стѣсненія. Да иначе и быть не можетъ, если вы, кромѣ моихъ писемъ, не имѣете никакихъ источниковъ. Причины же скрывать мое пособничество я не имѣю, такъ какъ въ моихъ сообщеніяхъ не было ничего ни противнаго истинѣ, ни оскорбительнаго для чьей либо чести.

Какъ вы поживаете? У насъ ничего новаго не только нѣтъ, но даже и не предвидѣтся. До настоящей минуты господствуетъ то же глупое . . . . . направленіе, которое угрожаетъ уничтожить все, что есть лучшаго. И это направленіе называется консервативнымъ. Объ уничтоженіи суда присяжныхъ перестали-было говорить: увѣряли, что труды сенатора Безроднаго остались безъ послѣдствій; но теперь идетъ спѣшная работа по реформѣ сената. Кассаціонные Департаменты намѣреваются превратить во 2-ю апелляціонную инстанцію, на которую, конечно, будутъ допущены попрежнему жалобы. Такимъ образомъ, все судопроизводство приметъ дореформенный видъ. А въ сущ-

Библиотека "Руниверс"

ности оно уже и недалеко отъ этого и безъ дальнѣйшихъ реформъ. Понятіе о независимомъ судѣ совсѣмъ пропало.

Вотъ одного моего сообщенія не печатайте, потому что ему, пожалуй, не повѣрятъ, такъ какъ оно фактически не подтвердилось. Кажется, я писалъ вамъ о томъ, что по слухамъ въ Государственный Совѣтъ назначается извѣстный политическій дѣятель Жихаревъ. Но это не случилось лишь потому, что онъ былъ доставленъ въ пьяномъ видѣ, и, сколько ни старались сыны настоящаго вѣка, вытрезвить его не могли.

Преданный вамъ *А. Унковскій.*

17.

12 мая 1893 г.

Ваше письмо, глубокоуважаемый Григорій Аветовичъ, застало меня въ постели и въ такой слабости, что я не могъ на него отвѣчать даже чужою рукою до настоящаго времени. Со мною происходитъ то же самое, что и въ прошедшемъ году—отеки ногъ, и я долженъ опять лечиться молокомъ. Это и довело меня до такой слабости; впрочемъ, повидимому, болѣзнь уступаетъ леченію.

Что касается Герарда, то помочь Вамъ ничѣмъ не могу, потому что ни одно слово изъ того, что я говорилъ на обѣдѣ Герарду, не могло бы быть напечатано. Я свидѣтельствовалъ о гражданскомъ мужествѣ, съ которымъ онъ велъ защиту политическихъ дѣлъ. Этому я былъ свидѣтелемъ, сидя съ нимъ рядомъ по дѣлу о цареубійствѣ и еще по нѣсколькимъ прежнимъ дѣламъ. Въ этомъ отношеніи Герардъ выше всѣхъ адвокатовъ, исключая развѣ покойнаго Александрова. Передъ судьями и публикою, встрѣчавшими съ явнымъ негодованіемъ каждое слово, сказанное нами въ защиту обвиняемыхъ, рѣдкій изъ насъ рѣшился сказать что либо по существу дѣла. Между тѣмъ Герардъ и тутъ держалъ высоко знамя защиты, хотя за Кибальчича ему не дали ничего сказать, постоянно прерывая каждое его слово. Вотъ въ чемъ дѣло. Другихъ же сторонъ Герарда я представить не могу, такъ какъ его дѣятельности хорошо не знаю...

Нужно мнѣ еще Вамъ передать мое желаніе протестовать противъ заброшеннаго въ статью В. И. Семевскаго обвиненія противъ Тверского дворянства, будто бы оно желало завладѣть рѣшеніемъ крестьянскаго дѣла. Если бы я не былъ боленъ, то я сейчасъ бы написалъ объ этомъ, но теперь прибѣгаю къ Вашей помощи, нельзя ли Вамъ справиться у Скребицкаго или въ книгѣ Семенова о содержаніи всеподданнѣйшаго прошенія губернскаго собранія Тверского дворянства въ декабрѣ 1859 года; тамъ Вы увидите, что дворянству запрещено было говорить не только

Библиотека "Руниверс"

о крестьянскомъ дѣлѣ, но и обо всѣхъ дѣлахъ, которыя имѣли какое либо отношеніе къ нему. Между тѣмъ въ то время, очевидно, не было ни одного дѣла дворянства, которое не имѣло бы отношенія къ освобожденію крестьянъ. Мы хотѣли было поговорить и объ устройствѣ поземельнаго кредита, о рекрутской повинности и о другихъ нуждахъ тогдашняго времени, но ни о чемъ этомъ нельзя было говорить. Поэтому мы и просили только о дозволеніи говорить о предметахъ, касающихся крестьянскаго дѣла. Къ чему привело запрещеніе объ этомъ говорить, уже теперь ясно. Многое было бы исправлено, если бы объ этихъ предметахъ подумали раньше. Что же касается рѣшенія крестьянской реформы въ Твери, то это само собою разумѣется галиматья.

Жму Вашу руку.

Преданный Вамъ *А. Унковскій.*

Примѣчаніе къ письму А. М. Унковскаго отъ 12 мая 1893 г.

Въ этомъ письмѣ очевидно идетъ рѣчь о моей статьѣ «Изъ исторіи крестьянскаго вопроса. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова», напечатанной въ «Сборникѣ Правовѣдѣнія и Обществ. знаній. Труды Юридич. Общ., состоящ. при имп. моск. университетѣ». 1893 г., т. I. Въ статьѣ этой мнѣ пришлось дважды задѣть Унковскаго. Въ одномъ мѣстѣ я говорилъ: «Къ сожалѣнію, даже въ нѣкоторыхъ симпатичныхъ заявленіяхъ представителей дворянства проскальзывали иногда несимпатичные взгляды по крестьянскому вопросу. Такъ напр., во всеподд. адресѣ (въ окт. 1859 г.) 5 депутатовъ перваго призыва» (и въ томъ числѣ Унковскаго)... было, между прочимъ, сказано: «мы убѣдились, что *увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею* и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ». По этому поводу я замѣтилъ: «Это заявленіе 5 депутатовъ о предполагаемомъ общемъ «увеличеніи надѣла крестьянъ» [1]) тѣмъ болѣе странно, что оно совершенно несправедливо» (стр. 151—152). Въ другомъ мѣстѣ я указываю на то, что «даже г. Унковскій, тверской предводитель дворянства, извѣстный дѣятель въ эпоху крестьянской реформы, человѣкъ либеральнаго образа мыслей, въ проектѣ по крестьянскому вопросу, появившемся въ печати за границею въ апрѣлѣ 1859 г.» предлагалъ вознаградить помѣщиковъ при освобожденіи крестьянъ не только за отходящую отъ нихъ землю, но и за личность крестьянъ, «хотя послѣднюю обязанность авторъ и возлагалъ не на самихъ крестьянъ, а на государство» (стр. 165). Въ своей

[1]) Редакціонными Комиссіями.

Библиотека "Руниверс"

перепискѣ съ Джаншіевымъ Унковскій не разъ писалъ ему о моей статьѣ, и большая часть соотвѣтственныхъ мѣстъ въ этихъ его письмахъ напечатаны (не совсѣмъ исправно) въ книгѣ Джаншіева «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ» (М. 1894 г., стр. 73—75. 132—134). Для меня очень важно, что въ одномъ изъ писемъ Унковскій, по поводу своего участія въ адресѣ 5 депутатовъ (губернскихъ комитетовъ) перваго призыва, дѣлаетъ такое признаніе: «уѣзжая изъ Петербурга,... я подписалъ адресъ, составленный депутатомъ харьковскаго комитета Хрущовымъ, сгоряча, не обративъ вниманія на то, что высказанная въ немъ мысль объ увеличеніи редакціонными комиссіями надѣловъ можетъ быть принята за протестъ противъ необходимаго обезпеченія крестьянъ... *Если бы пришлось вновь переживать жизнь, то я этого бы не повторилъ*» (стр. 134). По другому вопросу (о выкупѣ личности крестьянъ) я не впалъ, вопреки мнѣнію Джаншіева, «въ недоразумѣніе», такъ какъ указалъ на то, что Унковскій предполагалъ возложить выкупъ личности не на самихъ крестьянъ, а на государство.

Что касается словъ Унковскаго въ печатаемомъ нынѣ письмѣ отъ 12 мая 1893 г., то они мнѣ не совсѣмъ понятны. Пересмотрѣвъ вновь свою статью въ «Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній»[1]), я не нашелъ въ ней приписываемаго мнѣ «обвиненія противъ Тверского дворянства, будто бы оно желало завладѣть рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса» [2]). Что же касается всеподд. адреса этого дворянства въ декабрѣ 1859 г., то нужно имѣть въ виду, что въ этомъ адресѣ оно напоминаетъ имп. Александру II объ его обѣщаніи, данномъ въ Твери 11 августа 1859 г. (*Джаншіевъ*, «А. М. Унковскій», стр. 145), а это обѣщаніе состояло въ томъ, что депутаты отъ губернскихъ комитетовъ будутъ вызваны «для присутствія и *общаго разсужденія* въ Петербургѣ при разсмотрѣніи Положеній всѣхъ губерній въ *Главномъ Комитетѣ*». (*Барсукова*, «Жизнь и труды М. П. Погодина», XVI, 61). Слѣдовательно въ своемъ адресѣ тверское дворянство намекало на неисполненіе такого обѣщанія государя, которое, будь оно исполнено, дало бы возможность дворянству (не тверскому только, а русскому дворянству вообще) имѣть еще болѣе сильное вліяніе на исходъ крестьянской реформы, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

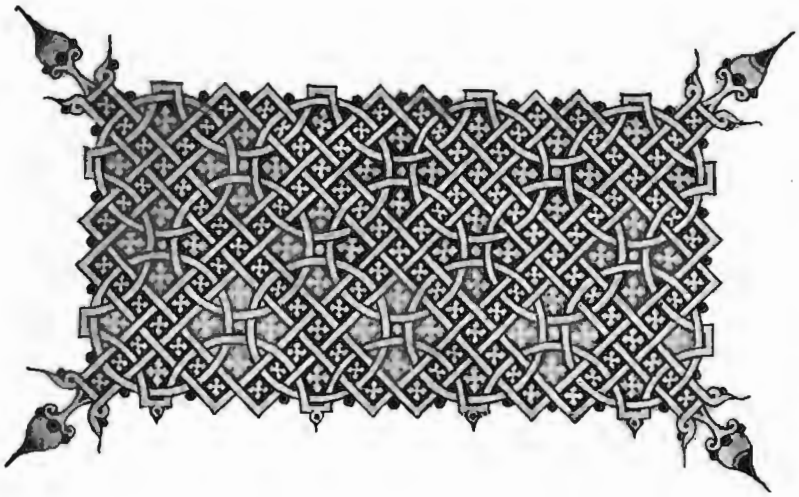
В. Семевскій.

---

[1]) Статья эта издана въ дополненномъ видѣ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова», изд. «Донской Рѣчи» Н. Е. Парамонова.

[2]) Изъ того, что Джаншіевъ не напечаталъ словъ Унковскаго о моей статьѣ въ этомъ письмѣ, можно думать, что и ему это замѣчаніе показалось не вызваннымъ мною.

Библиотека "Руниверс"



Турція, Германія и Европа.

I. Военныя миссіи европейскихъ державъ въ Турціи (XVIII—XIX вв.).

Мирное утвержденіе Германіи на берегахъ Босфора съ согласія младо-турецкой партіи и выдающаяся роль германской военной миссіи даетъ возможность Реджинальду Канну [1]) сдѣлать краткій историческій обзоръ военныхъ миссій европейскихъ державъ въ Турціи съ конца XVIII вѣка по наши дни.

Военная мощь Турціи достигла апогея при Солиманѣ Великолѣпномъ въ XVI вѣкѣ, послѣ того она стала медленно падать. Въ теченіе 200 лѣтъ основой турецкой арміи, страшившей Европу, былъ корпусъ янычаръ, составленный изъ солдатъ, оторванныхъ въ дѣтствѣ отъ христіанъ-родителей и воспитанныхъ затѣмъ въ мусульманской вѣрѣ. Янычары составляли строго замкнутую военную единицу и были отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ населеніемъ, обречены на безвыходную жизнь въ казармахъ.

При преемникахъ Солимана корпусъ янычаръ сталъ пополняться рекрутами, «податныя дѣти» исчезли (съ 1680 года), дисциплина пала, и мало-по-малу отборная гвардія превратилась въ опасныхъ преторіанцевъ, которые стали играть видную роль въ дворцовыхъ переворотахъ. Отсталость военной техники скоро обнаружилась въ хроническихъ пораженіяхъ турецкой арміи и принудила султановъ прибѣгнуть къ реорганизаціи войска съ помощью иновѣрныхъ офицеровъ. Уже съ XVII вѣка ренегаты

[1]) Revue de Paris. 15 janvier 1914. Missions militaires en Turquie.

Библиотека "Руниверс"

начинаютъ играть видную роль въ турецкой арміи. Къ концу XVII вѣка итальянецъ-ренегатъ Сарди стоитъ во главѣ пушечно-литейнаго завода Топханэ близъ Стамбула.

Въ началѣ XVIII вѣка видную роль въ Турціи начинаетъ играть ренегатъ-французъ Бонневаль. Благодаря своему рѣзкому неуживчивому характеру, онъ перессорился и съ товарищами, и съ военнымъ министромъ, перешелъ на австрійскую службу, но скоро поссорился и тамъ со своимъ покровителемъ, принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ, бѣжалъ въ Турцію, перешелъ въ исламъ, сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе султана, сдѣлался двухбунчужнымъ пашей и командиромъ корпуса артиллеріи. Онъ-то и былъ первымъ оффиціальнымъ генералъ-инструкторомъ турецкой арміи. Строптивый учитель встрѣтилъ въ лицѣ порученныхъ ему для обученія албанскихъ рекрутъ не менѣе строптивыхъ учениковъ. Бунтъ артиллеристовъ Бонневаля-паши навлекъ на послѣдняго опалу и изгнаніе, среди котораго застигла его смерть (1747).

Съ этого времени устанавливаются болѣе тѣсныя отношенія между Франціей и Турціей. Французское правительство старается косвенно поддержать Турцію въ ея борьбѣ съ Россіей. Посланникъ Людовика XV, де Сенъ-При, сумѣлъ помѣстить на турецкую службу знаменитаго авантюриста той эпохи барона Тотта, состоявшаго при французскомъ посольствѣ. Венгерецъ по происхожденію, типичный искатель фортуны XVIII вѣка, владѣвшій всѣми европейскими языками, знавшій всѣ дворы Европы, прекрасно чувствовавшій себя всюду, солдатъ, дипломатъ, архитекторъ, инженеръ, веселый собесѣдникъ и искусный льстецъ, Тоттъ сумѣлъ заинтересовать турецкихъ министровъ наглядной демонстраціей предполагавшихся военныхъ реформъ при помощи картинокъ и картинныхъ моделей, которыя онъ искусно изготовлялъ на ихъ глазахъ. Ему удалось заинтересовать чрезъ посредство итальянца-доктора самого султана. Послѣдній не разставался съ гравюрами, которыя были услужливо доставлены Тоттомъ. Между тѣмъ русская эскадра сокрушила турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ и грозила Дарданелламъ. Порта послала защищать ихъ Тотта. Послѣдній нашелъ единственную пригодную пушку крупнаго калибра: остальныя орудія были приведены въ полную негодность. Удачный отвѣтъ на русскую бомбардировку спасъ положеніе: русскій флотъ удалился къ Тенедосу. Чтобы ввести въ заблужденіе русскихъ флотоводцевъ, Тоттъ поспѣшилъ соорудить рядъ фальшивыхъ батарей на берегахъ Дарданеллъ, и въ то время, какъ эскадра графа А. Орлова отплывала въ Средиземное море, Тоттъ съ тріумфомъ возвращался въ Константинополь.

Библиотека "Руниверс"

Великій визирь объяснилъ свои пораженія, нанесенныя ему Румянцевымъ, совершенной негодностью полевой артиллеріи, которая не могла соперничать съ русской. Обыкновенно артиллерія слѣдовала за арміей сзади на телѣжкахъ, запряженныхъ волами. Артиллеристы умѣли только заряжать свои орудія.

Тогда Тоттъ получаетъ порученіе обучить корпусъ канонировъ европейскому военному искусству. Тоттъ сумѣлъ привязать къ себѣ своихъ солдатъ гуманнымъ обращеніемъ (онъ уничтожилъ тѣлесныя наказанія) и исправной выдачей жалованья. Популярность Тотта создала ему сильныхъ враговъ въ Диванѣ, которые попытались скомпрометировать его въ глазахъ правовѣрныхъ исламитовъ. Но ловкій и находчивый авантюристъ сумѣлъ отразить всѣ интриги и пріобрѣлъ скоро большое благоволеніе у султановъ Мустафы III и Абдулъ-Гамида I. Онъ теперь завѣдывалъ пушечнымъ заводомъ Топханэ, постройкой укрѣпленій на Босфорѣ, создалъ первоначальную школу для молодыхъ офицеровъ. Но кипучая энергія Тотта не нашла надлежащей поддержки въ турецкомъ правительствѣ. Диванъ, встревоженный громадными расходами Тотта, сумѣлъ убѣдить своего повелителя отставить слишкомъ расточительнаго инструктора. Тоттъ получилъ отъ султана отставку (1776) и вернулся во Францію, гдѣ нашелъ восторженный пріемъ въ обществѣ и былъ прославленъ Вольтеромъ. Появившіеся вскорѣ «Мемуары барона Тотта о Татарахъ и Туркахъ» имѣли шумный успѣхъ у публики салоновъ и привлекли вниманіе къ Турціи военной молодежи, которая наперерывъ стала предлагать Портѣ свои услуги. Извѣстный гранъ-сеньоръ герцогъ Люксембургскій представилъ Портѣ подробный проектъ организаціи образцоваго армейскаго корпуса,— мысль, осуществленная впослѣдствіи современными военными миссіями въ Японіи, Греціи и самой Турціи.

Но Порта, по минованіи опасности, впадала въ обычную апатію и проявляла активность лишь въ критическій моментъ. И лишь послѣ оккупаціи Россіей Крыма, Турція снова обращается къ французскимъ военнымъ инженерамъ съ цѣлью укрѣпленія Очакова и другихъ крѣпостей Черноморскаго побережья. Лейтенантъ Оберъ становится инструкторомъ артиллерійской батареи. Снова создается школа для офицеровъ, но война 1787 года съ Австріей и Россіей положила конецъ работамъ военной французской миссіи въ Турціи: императоръ Іосифъ II добился чрезъ свою сестру Марію Антуанетту отзыва миссіи во Францію.

Революція нанесла смертельный ударъ французскому вліянію на Ближнемъ Востокѣ. Султанъ Селимъ III сперва отказался даже принять посланниковъ первой республики, но вскорѣ

Библиотека "Руниверс"

сообразилъ, что республика является его естественнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ сосѣдней Австріей. Снова группа французскихъ офицеровъ направляется въ Константинополь, но столкновеніе съ тамошними французскими эмигрантами-роялистами парализуетъ ихъ дѣятельность. Въ этотъ именно моментъ Бонапартъ, причисленный къ топографическому отдѣлу военнаго министерства—августъ 1795 года,—хлопочетъ поступить на службу къ султану артиллерійскимъ инструкторомъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ подачи прошенія онъ былъ внезапно назначенъ командующимъ войсками для подавленія вандемьерскаго возстанія и началъ свою блестящую карьеру. Но его мысль о поддержкѣ турокъ не осталась втуне. Бывшій военный министръ генералъ Оберъ-Дюбейэ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ въ Турцію и отправился туда съ многочисленной свитой и большой военной миссіей (4 офицера, 80 солдатъ артиллеристовъ, 60 пушечныхъ мастеровъ), кромѣ того онъ везъ образцовыя полевыя орудія и мортиры.

Смерть императрицы Екатерины II сразу охладила интересъ Порты къ французской военной миссіи, и вскорѣ послѣдняя растеряла своихъ членовъ, большинство которыхъ вернулось назадъ. Но обученный французскими инструкторами батальонъ ренегатовъ оказалъ большія услуги туркамъ при отраженіи штурма арміи Бонапарта на крѣпость Сенъ-Жанъ-д'Акръ. Султанъ Селимъ III, восхищенный этимъ, хотѣлъ организовать по образцу этого батальона возможно большее количество полковъ, но встрѣтилъ ожесточенное сопротивленіе янычаръ. Наполеонъ, заключившій миръ съ Портой, хотѣлъ использовать силы Турціи противъ Россіи, но мало помышлялъ о реформѣ турецкой арміи. Его посланникъ, генералъ Себастіани, однако сыгралъ крупную роль во время русско-турецкой войны (1806—1812) при защитѣ Константинополя въ 1807 году. Военная англійская эскадра крейсировала въ Архипелагѣ, когда къ ней прибылъ англійскій посланникъ Арбёзнотъ, тщетно требовавшій отъ Порты высылки Себастіани. Послѣдній отправилъ къ капитану-пашѣ своего лейтенанта съ извѣстіемъ о грозящей опасности, но тотъ не хотѣлъ и допустить мысли о началѣ военныхъ дѣйствій съ Англіей. 19 февраля англійскій флотъ, пренебрегая канонадой жалкихъ батарей, благополучно прошелъ Дарданеллы—событіе, единственное въ исторіи! Командующій эскадрой адмиралъ Дёкуорзсъ сталъ на якорь у Принцевыхъ острововъ въ виду Стамбула и возобновилъ ультиматумъ Арбёзнота. Себастіани поддержалъ бодрость въ пріунывшемъ султанѣ и взялъ въ свои руки оборону столицы. Въ теченіе пяти дней непрерывныхъ работъ француз-

Библиотека "Руниверс"

скому генералу и его офицерамъ при помощи 200 французовъ, проживавшихъ въ Константинополѣ, и населенія столицы удалось установить до 1000 пушекъ на прибрежныхъ батареяхъ. Дёкуорзсъ, узнавъ, что въ то же время сооружается батарея въ Дарданеллахъ, поспѣшилъ, не начиная бомбардировки, уйти обратно; подъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ батарей онъ потерялъ два судна и нѣсколько сотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Но чрезъ два мѣсяца янычары, недовольные пристрастіемъ султана къ европейски-обученнымъ войскамъ, подняли возстаніе, и Селимъ III распустилъ въ угоду янычарамъ обученныя войска, но, несмотря на это, былъ низложенъ. На другой годъ та же судьба постигла его преемника Мустафу IV. Преемникъ послѣдняго, Махмудъ II, спасся, лишь согласившись на всѣ требованія янычаръ. Восемнадцать лѣтъ онъ таилъ жажду мести и лишь въ іюнѣ 1826 года, окруживъ себя преданными войсками, уничтожилъ возмутившихся янычаръ и положилъ навсегда конецъ этой преторіанской гвардіи.

Вскорѣ началась война съ Россіей. Кампанія 1828 года была очень счастлива для русской арміи, но затянувшіяся дѣйствія подъ Силистріей и Шумлой склонили императора Николая I благосклонно выслушать совѣты европейскихъ державъ, предлагавшихъ мирное посредничество. Пріѣхавши въ Берлинъ на бракосочетаніе принца Вильгельма Прусскаго, императоръ Николай I, стараніями французской и прусской дипломатіи, согласился принять посредничество прусскаго короля, при непремѣнномъ условіи возмѣщенія Турціей военныхъ издержекъ. Въ это время и отправляется первая извѣстная въ исторіи нѣмецкая миссія въ Турцію, правда, съ дипломатической цѣлью. Полномочнымъ спеціальнымъ посломъ явился извѣстный генералъ баронъ Мюффлингъ, бывшій начальникъ штаба Блюхера (1814 г.) и губернаторъ Парижа въ 1815 году, начальникъ штаба прусской арміи.

Покамѣстъ Мюффлингъ съ большими затрудненіями пробирался чрезъ Италію въ Турцію, турки были разбиты при Кулевчѣ, Дибичъ перешелъ чрезъ Балканы, Паскевичъ занялъ Эрзерумъ. Съ большимъ трудомъ, при упорномъ противодѣйствіи турецкихъ сановниковъ, послѣ безконечныхъ проволочекъ Мюффлингу удалось убѣдить райсъ-эффенди (министра иностранныхъ дѣлъ) и его повелителя въ безплодности дальнѣйшаго сопротивленія. Между тѣмъ Дибичъ занялъ Адріанополь. Наконецъ, султанъ согласился назначить уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ по выбору Мюффлинга и щедро одарилъ послѣдняго послѣ прощальной аудіенціи. 5 сентября Мюффлингъ по-

Библиотека "Руниверс"

кинулъ Константинополь, а 14 сентября былъ заключенъ въ Адріанополѣ миръ [1]).

Неудачная война съ Махмедомъ Али египетскимъ заставила Махмуда II обратиться снова къ Франціи за военными инструкторами. Его собственныя усилія реорганизовать армію привели лишь къ тому, что армія получила русскіе доломаны, французскій регламентъ, бельгійскія ружья, турецкій головной уборъ, венгерскія сѣдла и англійскія сабли. Но правительство Луи Филиппа отклонило просьбу турецкаго чрезвычайнаго посла.

Тогда султанъ обратился къ Пруссіи. Въ 1836 году съ согласія короля Фридриха Вильгельма отправилась въ Турцію великая миссія въ составѣ 4 офицеровъ, срокомъ на 3 года. Въ это время нѣкій капитанъ Мольтке, случайно остановившійся проѣздомъ чрезъ Константинополь, поступилъ на турецкую службу. Со своими товарищами, подъ предлогомъ топографическихъ съемокъ, онъ объѣздилъ Румелію и Анатолію, присутствовалъ при знаменитомъ Низибійскомъ сраженіи. въ которомъ турки были разбиты египетскимъ войскомъ Ибрагима-паши, слѣдовавшаго совѣтамъ французскаго офицера Бофора д'Опуля. Результатомъ трехлѣтняго пребыванія прусской военной миссіи былъ. быть можетъ, законъ 1843 года, предусматривавшій образованіе резервныхъ войскъ по образцу ландвера.

Крымская война снова подчинила Турцію французскому вліянію. Болѣе 9 лѣтъ работала французская военная миссія надъ реорганизаціей турецкой арміи. Созданы были образцовые кадры для пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, реформированы военныя училища, преобразовано училище Панкальди по образцу Сенъ-Сирскаго французскаго. Быть можетъ, вліяніе инструкторовъ коснулось и военнаго закона 1869, который былъ, по мнѣнію Р. Канна, отцомъ турецкой арміи, вынесшей войну 1877—78 г.г.

Храбрость турецкаго солдата лишь сильнѣе выдѣлила невѣжество командного состава и пробѣлы въ военной организаціи. И такъ какъ французская военная миссія была отозвана, когда разразилась франко-прусская война, то уже султанъ Абдулъ-Гамидъ въ 1881 г. настойчиво, но безуспѣшно, ходатайствовалъ предъ правительствомъ третьей республики о посылкѣ новой военной миссіи.

Тогда-то, полагаютъ, нѣкій бывшій адъютантъ Наполеона III, когда-то состоявшій при особѣ Абдулъ-Гамида, во время пребыванія его въ Парижѣ (1867) еще наслѣднымъ принцемъ, поступивъ на турецкую службу, рекомендовалъ султану обратиться за

[1]) Correspondant, 1914, 10 mars. Commandant Minart: Une mission diplomatique allemande à Constantinople en 1829.

Библиотека "Руниверс"

офицерами-инструкторами къ Германіи. Бисмаркъ не обнаружилъ сперва особенной предупредительности къ искательствамъ султана, но стараніями посланника, графа Гацфельда, вопросъ былъ формально улаженъ. И въ концѣ 1882 года спеціальная военная миссія, состоявшая изъ 4 офицеровъ и генерала Келера, представилась султану. Новый султанъ вовсе не походилъ на своихъ предшественниковъ, переуступавшихъ министрамъ значительную долю своей власти. Онъ ввелъ рѣзко-деспотическій режимъ, во все входя самостоятельно. Личный секретарь султана получалъ ежедневно до 1100 бумагъ. Деспотическая централизація соединена была съ усиленнымъ шпіонажемъ и наушничествомъ. При этихъ условіяхъ работа миссіи оказалась весьма затруднительной. Члены ея должны были выказать большую приспособляемость, что было нелегко для средняго прусскаго офицера того времени. Не стараясь нисколько приладиться къ новой средѣ, членомъ которой онъ становился, нѣмецкій инструкторъ «привозилъ съ собой всю Пруссію», говоритъ Каннъ, «онъ являлся со своими методами и снаряженіемъ: параднымъ шагомъ, крупповскими пушками, тактикой охвата и Маузеровскими ружьями».

Генералъ Келеръ съ жаромъ принялся за работу и выработалъ подробный планъ реформъ, въ которомъ было все предвидѣно и указано до мелочей. «Одинъ недостатокъ», замѣчаетъ подчиненный офицеръ Келера, былъ присущъ плану: онъ былъ чрезмѣрно полонъ и слишкомъ «длиненъ для восточныхъ человѣковъ»... Въ утѣшеніе и награду генералъ Келеръ получилъ чинъ второго начальника генеральнаго штаба безъ опредѣленныхъ функцій.

На слѣдующій годъ въ составъ миссіи вступилъ баронъ Кольмаръ фонъ-деръ-Гольцъ, подполковникъ генеральнаго штаба и извѣстный военный писатель (авторъ книги «Вооруженный народъ»). Онъ едва не былъ отосланъ назадъ за то, что началъ ученье въ окрестностяхъ Йилдизъ-кіоска, перепугавшее султана, который принялъ было военные маневры за военный бунтъ. Подозрительность Абдулъ-Гамида парализовала значительную часть усилій инструкторовъ. Чтобы не сдѣлаться жертвой доносовъ, турецкіе офицеры должны были вести строго-замкнутую жизнь. Полкамъ не давали патроновъ, ограничиваясь фронтовымъ ученьемъ. Солдатъ при такой выучкѣ быстро превращался въ автомата. Въ 1885 году умираетъ генералъ Келеръ. Выдающееся мѣсто въ миссіи занимаетъ тогда фонъ-деръ-Гольцъ. Высокаго роста, широкогрудый, съ открытой, улыбающейся, гладко выбритой физіономіей, онъ умѣлъ плѣнить высшія турецкія сферы своимъ веселымъ добродушіемъ, умѣлъ приспособиться къ случайнымъ настроеніямъ, скрѣпя сердце терпѣливо переноситъ неудачи. Ему и удалось

Библиотека "Руниверс"

провести нѣкоторые реформы: обязательную военную службу для мусульманъ, сформированіе корпусовъ второй линіи. Но султанъ никакъ не хотѣлъ подчинить реформы контролю ихъ вдохновителя. И когда чрезъ 12 лѣтъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша, осыпанный почестями и знаками отличія, покинулъ Константинополь (1895), можно было сказать, что онъ провелъ чисто отвлеченную реформу. Теоретически султанъ могъ мобилизовать до 1500000 человѣкъ; но болѣе трети ни разу не держала въ рукахъ ружье, другая треть пробыла всего нѣсколько дней въ казармахъ. Войска второй линіи были недостаточно вооружены и не имѣли артиллеріи. Спустя два года вспыхнула греко-турецкая война. Но побѣды турецкой арміи слѣдуетъ приписать полной дезорганизаціи ея противника. Уступая туркамъ по численности, эллины имѣли недостаточно аммуниціи, военныхъ припасовъ, абсолютно лишены были иниціативы. Съ перваго же сраженія солдаты діадоха должны были беречь свои патроны, мародерствовать для своего пропитанія. Нѣмецкіе инструкторы въ турецкой арміи играли во время военныхъ операцій болѣе чѣмъ второстепенную роль.

Нѣмецкая пресса восторженно встрѣтила турецкія побѣды. Тщетно самъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша старался умѣрить восторги прусскихъ журналистовъ предъ «возродителями Турціи». Германская миссія сумѣла добиться отъ недовѣрчиваго Абдулъ-Гамида одного важнаго разрѣшенія: ежегодной посылки дюжины молодыхъ офицеровъ въ Пруссію для практики въ нѣмецкой арміи по окончаніи военнаго училища. Такъ постепенно сложилась кучка образованныхъ офицеровъ, усвоившихъ идеи и традиціи нѣмецкой военщины. Подозрительный султанъ постарался услать ихъ изъ столицы въ глубь страны, но это не помѣшало имъ сплотиться, воздѣйствовать на армію и совершить революцію 1908 года.

Кончились празднества, прославлявшія братство Оттомановъ, подавлено было реакціонное движеніе 1909 года, и младо-турки пришли къ твердому рѣшенію реорганизовать армію. Для этого они, естественно, обратились къ старымъ своимъ профессорамъ и къ маршалу фонъ-деръ-Гольцъ-пашѣ. Старый учитель военнаго дѣла льстилъ себя надеждой получить широкія полномочія для военной реформы. Но военный министръ Махмудъ-Шефкетъ-паша далъ понять ему, что верховная директива будетъ принадлежать турецкому генералитету. 13 нѣмецкихъ офицеровъ, принятыхъ на турецкую службу въ 1909 г., были размѣщены по различнымъ армейскимъ частямъ. Въ каждомъ военномъ корпусѣ, одинъ полкъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи служилъ образцомъ, къ которому были прикомандированы одинъ или нѣсколько нѣмец-

Библиотека "Руниверс"

кихъ офицеровъ. Этимъ послѣднимъ было поручено спеціальное обученіе арміи. Собственно же реорганизаціей занялся турецкій штабъ. Онъ ввелъ въ армію солдатъ-христіанъ, произвелъ строгую чистку офицерскаго состава, организовалъ военное училище Панкальди по образцу колыбели прусскихъ подпоручиковъ Гроссъ-Лихтерфельде, создалъ военную академію, нѣсколько военныхъ училищъ. Армія была раздѣлена на дивизіи, состоявшія изъ трехъ полковъ. Всѣ реформы были проведены съ лихорадочной поспѣшностью. Занятые разрушеніемъ стараго военнаго режима, младо-турки не успѣли должнымъ образомъ изучить концентрацію новыхъ военныхъ единицъ, снабдить ихъ достаточной амуниціей, обдумать ихъ нужды. Жестокое пораженіе турецкой арміи въ балканской войнѣ 1912 года слѣдуетъ поэтому приписать, думаетъ Каннъ, столько же нѣмецкимъ инструкторамъ, какъ и ихъ ученикамъ, и едва ли не въ большей мѣрѣ послѣднимъ. Ученики турецкіе слѣпо вѣрили въ непогрѣшимость науки своихъ учителей. Они были убѣждены, что побѣда дается наступленіемъ съ охватываніемъ непріятеля. Эта идея отлилась въ умѣ турецкихъ выучениковъ въ неколебимую и узкую доктрину. Уже во время великихъ маневровъ подъ Адріанополемъ въ 1909 году обѣ турецкихъ арміи, стремясь охватитъ одна другую, растянули свой фронтъ до такой степени, что не хватило войска для атаки. Какъ маневрировали въ 1909 г., такъ и вели войну въ 1912 г. Командиръ ѳракійской арміи, Абдуллъ-паша, одинъ изъ любимыхъ учениковъ маршала фонъ-деръ-Гольца-паши, преждевременно развернулъ свою армію, чтобы обойти непріятеля. На всѣ указанія адъютантовъ, производившихъ развѣдки, онъ высказывалъ ироническое сожалѣніе, что они принимаютъ полки за корпуса. За симъ послѣдовалъ знаменитый разгромъ турецкой арміи при Киркилисе.

Но если раньше нѣмецкіе инструкторы занимали второстепенное положеніе въ турецкой арміи, подчиняясь турецкому главному командованію, иное положеніе заняла миссія генерала Лиманъ фонъ Сандерса. Принципъ децентрализаціи смѣнился крайней централизаціей. Прусскій генералъ становится помощникомъ главнаго начальника генеральнаго штаба и командиромъ 1 корпуса, а его 32 офицера занимаютъ мѣста командировъ дивизій и полковъ того же корпуса. Этотъ корпусъ долженъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ. Р. Каннъ, устраняя вопросъ о политическомъ значеніи миссіи Сандерса для Германіи и для партіи младо-турокъ, ограничивается критикой подобной военной реформы съ военной точки зрѣнія и сомнѣвается въ успѣшности реорганизаціи другихъ турецкихъ корпусовъ. Онъ ссылается на мнѣніе одного изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ инструкторовъ

Библиотека "Руниверс"

въ турецкой арміи, Имгофъ-пашу. Послѣдній отказывался представить себѣ быстрый успѣхъ дѣйствій образцоваго корпуса при долговременномъ походѣ на Багдадъ, Эрзерумъ и Дамаскъ, тѣмъ паче «что весьма сомнительно, чтобы тамъ онъ нашелъ для себя готовое тѣсто, на которое можно надлежащимъ образомъ подѣйствовать». И Каннъ не сомнѣвается въ томъ, что и реформа Сандерса можетъ имѣть лишь мѣстное вліяніе, которое не отразится на остальныхъ 13 корпусахъ.

Таковъ суховатый историческій очеркъ военнаго спеціалиста, изображающій нѣсколько тенденціозно роль французскихъ военныхъ миссій въ Турціи, не лишенный вмѣстѣ съ тѣмъ и пробѣловъ: Каннъ ничего не упоминаетъ о томъ, какъ отразилось на реформѣ турецкой арміи при Махмудѣ II пребываніе русскаго экспедиціоннаго корпуса, посланнаго императоромъ Николаемъ I для защиты султана отъ его мятежнаго египетскаго вассала, ничего не знаетъ также о роли англійскихъ инструкторовъ наканунѣ и во время послѣдней русско-турецкой войны (1876—78). Онъ сомнѣвается, какъ спеціалистъ, въ успѣхѣ спеціально-техническихъ цѣлей, поставленныхъ себѣ миссіей генерала Лимана фонъ Сандерса, и подтверждаетъ свои сомнѣнія ссылкой на нѣмецкіе же авторитеты.

II. Турція, какъ германская колонія въ политической программѣ пангерманистовъ.

Современныя событія уясняютъ вполнѣ другую цѣль миссіи германской въ Турціи—цѣль чисто политическую. Но эта цѣль уже раньше намѣчалась опредѣленной директивой пангерманской политики, основныя идеи которой ясно, откровенно и опредѣленно уже болѣе десяти лѣтъ излагаются извѣстнымъ идеологомъ пангерманизма, Паулемъ Рорбахомъ. Сжато и содержательно резюмируетъ сущность его пангерманизма Эдмондъ Вермейль[1]). П. Рорбахъ, весьма популярный въ Германіи публицистъ, уже двѣнадцать лѣтъ сотрудничаетъ въ Preussische Jahrbücher. Двѣ его работы разошлись за нѣсколько лѣтъ, одна въ 10-ти, другая въ пятидесяти тысячахъ экземпляровъ. Это не крайній правый пангерманизма, а представитель скорѣе средняго, особенно солиднаго его теченія. Сперва философъ, потомъ теологъ, затѣмъ практическій дѣятель, путешественникъ, географъ и знатокъ колоніальнаго вопроса—таковъ многогранный духовный обликъ этого пангерманиста. Онъ лично объѣздилъ Пале-

[1]) Revue de Paris. 1914. Un Théoritien du Pangermanisme: M. Paul Rohrbach.

Библиотека "Руниверс"

стину, Западную Азію, страну между Кавказомъ и Средиземнымъ моремъ, изслѣдовалъ германскія колоніи въ Африкѣ. Изъ неутомимаго путешественника вышелъ не книжный мечтатель, не карьеристъ чиновникъ, а опытный дѣловой практикъ, подчиняющій свою дѣятельность опредѣленной идейной директивѣ.

П. Рорбахъ допускаетъ, что въ исторіи совершается отборъ самыхъ сильныхъ. Но наравнѣ съ этимъ стихійнымъ міровымъ закономъ дѣйствуетъ національная идея, абсолютная самостоятельная сила, а не простой эпифеноменъ экономическаго развитія страны. Она и есть норма и цѣль всякаго всеобщаго прогресса. Всякая нація осуществляетъ коллективной работой своихъ гражданъ присущій ей идеалъ. Германская идея—германизмъ, разсматриваемый, какъ творческая сила—одна изъ идей, руководящихъ міромъ; и лишь самоутверждаясь, она лучше всего послужитъ человѣчеству.

Распространеніе національной идеи не обусловлено чрезвычайнымъ обиліемъ матеріальныхъ силъ. Это доказываетъ исторія евреевъ и грековъ съ одной стороны и арабовъ и монголовъ съ обратной: располагая громадными матеріальными средствами, послѣдніе мало способствовали росту цивилизаціи.

Но П. Рорбахъ не стремится опредѣлить составныя элементы германской культуры и отношеніе къ другимъ національнымъ идеямъ идеи германизма, не объясняетъ, почему вселенная заинтересована въ развитіи именно германизма. Онъ искусно замѣняетъ далѣе моральный анализъ германизма разборомъ матеріальныхъ выгодъ, проистекающихъ отъ всемірнаго распространенія для перенаселенной страны, торговля и индустрія которой непрестанно развиваются.

Такъ реалистъ безшумно поглощаетъ бывшаго философа-идеалиста.

Переходя къ исторіи, П. Рорбахъ рѣзко критикуетъ внѣшнюю политику Бисмарка. Послѣдній былъ занятъ лишь европейскими дѣлами. Заботясь помѣшать союзу между Франціей и Австріей и скрѣпить тройственный союзъ, великій канцлеръ предоставлялъ Англіи свободу дѣйствій и спокойно смотрѣлъ на колоніальный ростъ Франціи. Чрезмѣрный ростъ населенія, быстрый ростъ индустріи, растущія нужды вывоза и ввоза создаютъ для внѣшней политики новыя директивы. И Вильгельмъ II, по мнѣнію Рорбаха, понялъ, что надо «продолжать» Бисмарка, а не «канонизировать» его.

Къ 1925 году въ Германіи будетъ уже 80 милліоновъ. Что дѣлать имъ на бѣдной почвѣ? Послѣдовать примѣру Англіи? Но если нѣмецкая торговля догоняетъ англійскую, то этого

Библиотека "Руниверс"

недостаточно, чтобы сдѣлаться «міровой націей». Нуженъ еще міровой духъ, фактъ моральнаго порядка для Германіи, а не матеріальныя силы, которыми Германія уже богаче Франціи.

Матеріальныя силы Германіи растутъ непрерывно, но державы соперницы стоятъ поперекъ дороги; хватитъ ли нравственной силы для побѣды?

Рорбахъ на это смотритъ довольно пессимистически. Нація не созрѣла для задачи, которую налагаютъ на нее условія.

Первая причина слабости—отсутствіе единства территоріи, осколки Германской націи—нѣмецкая Австрія, Нидерланды, Бельгія (?) и Швейцарія (?) оторваны отъ Германіи, хотя и живы культурой германской. Нечего и думать объ усиленіи германской идеи путемъ аннексіи или возсоединенія этихъ странъ, тѣмъ болѣе что прусскій духъ неспособенъ одерживать моральныя побѣды: германизація Польши и Эльзасъ-Лотарингіи потерпѣла крахъ. Милліоны нѣмецкихъ эмигрантовъ тоже окончательно потеряны (?) для родины. Итакъ, у германской идеи нѣтъ такой окончательно-сплоченной носительницы, какъ у другихъ національныхъ идей.

Вѣроисповѣдный конфликтъ также стоитъ на дорогѣ будущему Германіи. И хотя пасторъ-протестантъ выше, по мнѣнію Рорбаха, пастора-католика въ борьбѣ за національную идею, но и протестантизмъ не на высотѣ задачи момента. Политическія партіи могли бы подвинуть эту идею впередъ, но нѣкоторыя изъ нихъ ей чужды. Таковы католическій центръ, аграрный консерватизмъ и соціалъ-демократія. Послѣдняя, по его мнѣнію (въ 1903 г.!), чрезмѣрно интернаціональна и потому «у́же» всѣхъ соціалистическихъ партій Европы. Единственной опорой національной идеи является поэтому промышленный либерализмъ. И онъ съ 1907 года примкнулъ къ новой политикѣ.

Итакъ нѣтъ территоріальнаго единства, религіознаго единства, нѣтъ единства политическихъ тенденцій. Нѣтъ и единства соціальнаго. Нѣмцы не понимаютъ и не питаютъ охоты къ предпріятіямъ коллективнымъ. Національная идея въ современной Германіи жертва классовыхъ и кастовыхъ предразсудковъ. Интеллигенція не знаетъ народа, жестокая налоговая прусская система жертвуетъ интересами малоимущихъ въ пользу зажиточныхъ, сервилизмъ предъ установленными властями въ Пруссіи достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Родятся отдѣльные геніи, но нѣтъ самопроизвольной организаціи свободныхъ лицъ. Католицизмъ не можетъ быть націоналенъ, протестантизмъ страдаетъ отъ сервилизма и остается религіей княжеской и классовой. Итогъ всего этого—слабость національнаго чувства. Нѣмцу присущъ лишь

Библиотека "Руниверс"

мѣстный патріотизмъ. Онъ чувствуетъ себя патріотомъ лишь при мысли о 1870—71 г., а не о будущей Германіи. Его считаютъ повсюду реакціонеромъ. Азіаты знаютъ военную и индустріальную мощь Германіи, но она не даетъ моральной побѣды. Между тѣмъ въ мірѣ совершается всеобщій прогрессъ демократизаціи, захватившій уже Турцію, Персію и Китай. Бисмаркъ геніально понялъ моментъ, даровавши Германіи всеобщее избирательное право. Не для чего поэтому сохранять старыя учрежденія, ибо одна міровая политика способна обновить состарившіеся общественные классы. Предъ ея задачами отступаютъ на задній планъ вѣроисповѣдныя различія и борьба классовъ.

Истинный германскій духъ—либераленъ и признаетъ за всякой самосознавшей реальностью право на существованіе. Онъ наслѣдникъ великаго теоретическаго либерализма начала XIX в. и составляетъ лишь практическое осуществленія идей послѣняго.

Между тѣмъ несомнѣнны существенные достоинства германскаго народа: его жизненная энергія, трудоспособность и высокая идея долга. Великолѣпны его техника, наука и армія. Но къ чему они, если не служатъ національной идеѣ, которая затемняется борьбой партій, вѣроисповѣданій и классовъ? Національныя добродѣтели превращаются въ педантизмъ и эгоизмъ и поглощаются прусской «рѣзкостью», которая дѣлаетъ всюду нѣмца ненавистнымъ. Но унывать нечего. Есть апостолы новаго Евангелія. Императоръ являетъ собой блестящій примѣръ. Рѣдко на протяженіи всемірной исторіи судьба великой націи такъ отчетливо воплощалась въ особѣ ея вождя, думаетъ Рорбахъ. Ему помогаетъ, услужливо замѣчаетъ патріотически настроенный авторъ, принцъ Генрихъ. Эта чета братьевъ символизируетъ Германію будущаго. Но если императоръ совершаетъ иногда ошибки, общественное мнѣніе, не забывая его заслугъ, должно безъ боязни высказывать ему порицаніе.

Въ цѣляхъ своеобразнаго грандіознаго національнаго воспитанія Рорбахъ посвящаетъ много вниманія колоніальному вопросу. Колонизація должна служить національной идеѣ. Слѣдуетъ подражать Англіи и создать въ Африкѣ «заморскую» Германію, которой должно смиренно подчиниться туземное населеніе.

Рорбахъ заклятый врагъ негрофиловъ. Чернокожіе обязаны воздавать бѣлымъ почетъ и повиновеніе. Бѣлая высшая раса должна главенствовать, цивилизуя черную расу. Предоставленные самимъ себѣ, негры неспособны къ цивилизаціи.

Поэтому Рорбахъ на основаніи тщательнаго изученія физическихъ, климатическихъ и экономическихъ условій каждой коло-

Библиотека "Руниверс"

ніи, предлагаетъ раціональную и послѣдовательную колонизацію посредствомъ переселенія въ Африку лишь зажиточныхъ людей, которые должны стать владѣльцами обширныхъ фермъ. Рядомъ съ богатымъ колонистомъ стоитъ жена его съ миссіей создать заморскую нѣмецкую семью подъ нѣмецкимъ флагомъ.

При такихъ обстоятельствахъ нѣмецкая Африка сможетъ помѣстить до 2000000 нѣмцевъ. Эта однородная масса въ свою очередь будетъ реагировать на метрополію: будучи свободна отъ предразсудковъ, состоя изъ рѣшительныхъ людей, она станетъ органомъ національной активности и сумѣетъ цивилизовать черныхъ.

Но Германія, кромѣ колоній, имѣетъ еще зоны своего вліянія, которыя нужно отстаивать отъ сосѣдей.

Самая важная изъ этихъ зонъ Европейская и Азіатская Турція. И отношенія Германіи къ сосѣднимъ странамъ Рорбахъ ставитъ въ непосредственную связь съ охраной этой зоны. Онъ съ удовольствіемъ распространяется въ 1903 году (и даже въ 1911) о финансовой и военной слабости Россіи. Россія, по его мнѣнію, послѣ Японской войны можетъ быть спасена лишь умственнымъ, нравственнымъ и моральнымъ возрожденіемъ. Основной причиной ея отсталости Рорбахъ считаетъ ея изолированное положеніе вслѣдствіе вѣрности византійской церкви. Но самый главный вопросъ— аграрная реформа. Финансовая система основана на черезмѣрномъ вывозѣ, отнимающемъ отъ крестьянъ необходимое. Крестьянинъ подчиненъ общинѣ, «міру». Онъ не «несетъ», а «выноситъ» русскую цивилизацію. Необходимо разложить «міръ». Когда Россіи замѣнитъ внѣшнія займы всесторонними реформами аграрнаго, политическаго и образовательнаго порядка, она будетъ въ силахъ бросить мечъ на вѣсы міровой политики.

Франція за тридцать лѣтъ сдѣлалась великой національной державой (11 милліоновъ кв. километровъ и 50000000 туземцевъ!). Но она вырождается и, чтобы быть въ силахъ защитить свои колоніи, должна плыть на буксирѣ англійскаго имперіализма.

Правящіе круги Франціи прекрасно учли свое положеніе и пресѣкли попытку Делькассе вызвать войну, понимая, что побѣдоносная война поставитъ колоніальную Францію въ совершенную зависимость отъ Англіи. Все же Германія должна учитывать воинственность своей сосѣдки. Легкомысленно предполагаютъ, что оккупація Франціи возмѣститъ уничтоженіе Англіей нѣмецкаго флота. Но, раздавивши Францію, Германія, въ свою очередь, падетъ подъ ударами европейской коалиціи, хотя Франція никогда силой не вернетъ Эльзасъ-Лотарингію. Впрочемъ, идея реванша потускнѣла послѣ русско-японской войны. Германія

Библиотека "Руниверс"

должна предоставить Францію самой себѣ: эта послѣдняя, вырождаясь, живетъ своимъ капиталомъ и нечувствительно дѣлается державой второго ранга.

Такимъ образомъ, главной опасностью является англійскій имперіализмъ, который является заклятымъ врагомъ Германіи и тройственнаго союза.

Потеря Туниса толкнула Италію въ тройственный союзъ. Послѣ абиссинскихъ неудачъ она обратила свое вниманіе на Албанію и Адріатику, отсюда неизбѣжный конфликтъ съ Австріей. Италія жаждетъ, вопреки интересамъ Австріи и Германіи, раздѣла Турціи. И вотъ Англія всячески завлекаетъ Италію и успѣла уже завлечь въ свои сѣти Португалію и Испанію.

Рорбахъ не скрываетъ своего восхищенія предъ міровой политикой Англіи. Англія, мать юныхъ націй, умѣетъ держать ихъ подъ своей эгидою, не покушаясь на ихъ независимость, и потому является прежде всего силой моральной. Не географическое положеніе, а расовыя качества создали могучую Англію. Англійская идея опирается на англійскій протестантизмъ кальвинистскаго происхожденія, который по своей цивилизаторской силѣ несравненно выше нѣмецкаго лютеранства.

Рѣчи лорда Кэрзона и Вилькока знаменуютъ новую эру въ развитіи англійскаго имперіализма. Мощнымъ выразителемъ его явился Эдуардъ VII, мечтавшій соединить чрезъ Месопотамію Египетъ съ Индіей и создать величественный поясъ непрерывной имперіи отъ Африки черезъ Азію до Австраліи. Для этого онъ отказался отъ политики «великолѣпнаго одиночества». Послѣ Фашоды Франція стала вассаломъ Англіи. Побѣжденная Японіей—англійскимъ солдатомъ въ Азіи,—Россія отказалась отъ южной Персіи. И, по мнѣнію Рорбаха, на свиданіи въ Ревелѣ 8 іюня 1908 года имѣлась въ виду ликвидація Турціи, при чемъ Англія получала Аравію, Месопотамію и южную Персію, а Россіи доставалась Арменія, Курдистанъ и сѣверная Персія. Турецкая революція помѣшала раздѣлу Турціи. Кромѣ того, Германія стояла насторожѣ. Самая опредѣленная политика Германіи—это упрочивать единство австро-венгерской монархіи и способствовать ея естественному движенію на юго-востокѣ, всѣми силами поддерживая ея балканскую политику противъ Россіи и Италіи. Серьезной внутренней преградой единенію Австріи является венгерская аристократія, упорно сопротивляющаяся всеобщему избирательному праву, котораго страстно желаетъ народъ.

Но главнымъ театромъ совмѣстныхъ дѣйствій для двухъ націй является Турція. Работать надъ сохраненіемъ цѣлостности

Библиотека "Руниверс"

Оттоманской имперіи—значитъ обезпечить будущую судьбу Германіи. Германія желаетъ своей доли вліянія въ чудесной странѣ Междурѣчья, но не требуетъ ни дюйма земли. Отстаивая цѣлостность Оттоманской имперіи и политику открытыхъ дверей, она домогается создать обширный рынокъ для своей промышленности, широкое поле дѣятельности для своей науки и культуры. Англійскому проекту желѣзной дороги чрезъ Багдадъ-Пальмиру на Египетъ Германія противопоставляетъ путь отъ Константинополя на Багдадъ чрезъ Алеппо. Поэтому, въ противовѣсъ Англіи, Германія должна охранять возродившуюся Турцію, Турцію младотурокъ, проникнутыхъ идеей національнаго единства. Вотъ почему отступленіе Россіи во время аннексіи Босніи и Герцеговины — одно изъ самыхъ крупныхъ событій послѣднихъ лѣтъ: оно показало уязвимое мѣсто въ политикѣ Эдуарда VII — слабость Россіи.

Но соперничающія націи могутъ остаться дружественными, признавъ другъ за другомъ взаимно право на міровую политику. Въ сущности Германія желаетъ не войны съ Англіей, а лишь имѣть такой флотъ, чтобы внушать страхъ своей соперницѣ. Для нея важно не Марокко, а укрѣпленія Гельголанда, окончаніе сѣверо-восточнаго канала, Багдадская желѣзная дорога и расширеніе вліянія своего въ Турціи.

Другія зоны вліянія могутъ открыться въ Китаѣ и Америкѣ. Послѣ тщательнаго изученія китайскаго вопроса Рорбахъ приходитъ къ заключенію, что самымъ важнымъ результатомъ русско-японской войны является не побѣда Японіи, а отраженіе ея въ Китаѣ. Германія должна играть главную роль въ драмѣ китайскаго возрожденія. Слѣдуетъ внушить китайцамъ, что германскія политическія и соціальныя учрежденія могутъ быть усвоены ими легче всего. Для этого не только слѣдуетъ придать болѣе національный духъ торговлѣ съ Китаемъ, но и обратить особенное вниманіе на религіозно-миссіонерскую и образовательную дѣятельность піонеровъ германской культуры въ Китаѣ.

Не менѣе важна американская проблема. Соединенные Штаты соперничаютъ съ Англіей и Японіей, но отнюдь не съ Германіей. И если Германія должна будетъ признать на сѣверѣ Америки доктрину Монроэ, то зато она можетъ создать солидную зону своего вліянія въ Южной Америкѣ. 300000 тамошнихъ нѣмецкихъ колонистовъ нетрудно превратить въ милліонъ; слѣдовало бы, путемъ дѣятельной пропаганды, направить нѣмецкую эмиграцію въ Бразилію, Уругвай, Парагвай и Аргентину, создавая такимъ образомъ первоклассный рынокъ для экспортной торговли.

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя положенія Рорбаха къ 1911 году.

Библиотека "Руниверс"

Отрицая виды на завоеваніе Австраліи и Южной Африки, востока и юга Латинской Америки, или на совмѣстное съ Австріей завоеваніе Малой Азіи и Месопотаміи, Рорбахъ подчеркиваетъ мирное стремленіе Германіи расширить сферы своего вліянія и свою міровую торговлю въ странахъ, принадлежащихъ другимъ народамъ: на турецкомъ востокѣ и въ Китаѣ. Но онъ признаетъ отсутствіе у Германіи опредѣленнаго и точнаго плана въ противоположность другимъ націямъ, среди которыхъ Англія желаетъ связать свои африканскія и азіатскія владѣнія; Россія лелѣетъ свою восточную мечту (?); Франція заботится консолидировать свою сѣверо-африканскую имперію. Тѣмъ болѣе основаній для Германіи наложить на міръ и свою печать. Если она сумѣетъ создать въ Турціи обширную сферу своего вліянія,—снова возвращается къ своей излюбленной темѣ Рорбахъ,—то ея положеніе въ мірѣ обезпечено.

Но въ 1912 году вспыхиваетъ балканская война, и въ 1913 году турки разбиты окончательно. И Рорбахъ послѣ своего возвращенія изъ путешествія въ центръ Африки находитъ полную перемѣну въ ситуаціи европейскихъ державъ.

Онъ не смотритъ теперь на Россію съ прежнимъ презрительнымъ удовлетвореніемъ. По его мнѣнію, Россія въ данный моментъ—страшная угроза для безопасности Германіи и европейскаго мира. Правда, ему не страшна миролюбивая русская бюрократія, не внушаютъ подозрѣній и русскіе клерикалы. Онъ боится третьей Россіи, которую называетъ панславистской: она болѣе аггрессивно настроена по отношенію къ Австріи и Германіи, чѣмъ въ 1909—1910 г.г., вспоминаетъ старый мотивъ нѣмецкой измѣны на Берлинскомъ конгрессѣ, подчиняетъ своему вліянію культурные круги. Пусть же Германія стоитъ насторожѣ и не даетъ свои капиталы, предоставляя Франціи субсидировать нуждающуюся Россію!

Онъ констатируетъ съ удовольствіемъ улучшеніе отношеній между Англіей и Германіей. Англія боится, по его словамъ, увеличенія нѣмецкаго флота и протектората Россіи на Балканахъ. Ему приходитъ на мысль, нельзя ли использовать для возстановленія добрососѣдскихъ отношеній системы компенсацій. На очереди стоитъ персидскій вопросъ. Но Германія не допуститъ раздѣла Персіи между Англіей и Россіей безъ соотвѣтствующей компенсаціи, которую она желаетъ получить въ Африкѣ. Разъ Англія согласится на это и гарантируетъ цѣлость Оттоманской имперіи, возможно доброе согласіе между обѣими державами. На первомъ планѣ, впрочемъ, для Рорбаха стоитъ турецкій вопросъ. Тройственный союзъ долженъ ревниво блюсти Азіатскую

Библиотека "Руниверс"

Турцію. Вѣдь народы англо-саксонскіе имѣютъ предъ собой великолѣпное будущее; Россія, навѣрное, сдѣлается современемъ міровой націей перваго класса; Австралія, Канада, Китай надѣются на то же. Что же будетъ съ Германіей, если у нея отнимутъ сферу вліянія въ Азіатской Турціи?

Если Германія увидитъ расчлененіе Азіатской Турціи и не получитъ при этомъ желаемыхъ компенсацій, то пусть откроются двери храма Януса! [1])

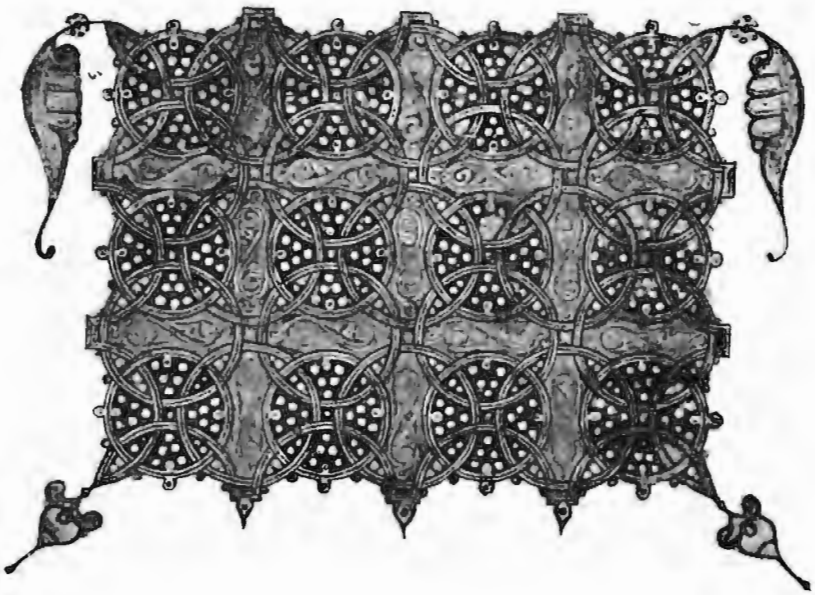
1-го февраля текущаго года въ одномъ изъ номеровъ «Биржевого Курьера» (Börsenkurrier) П. Рорбахъ снова повторялъ свои излюбленныя положенія. Еще разъ онъ высказывалъ свой скептическій взглядъ на будущія судьбы французскихъ колоній, лишній разъ подчеркивалъ желаніе Германіи поддержать свои притязанія на міровую политику передъ Россіей, Соединенными Штатами и особенно Англіей, снова говорилъ о желательности мирнаго соглашенія съ послѣдней державой на Востокѣ и въ Африкѣ.

Таковы оригинальныя идеи пангерманизма, выражаемыя, быть можетъ, самымъ крупнымъ его представителемъ. На идеалистическомъ основаніи, позаимствованномъ у Гегеля, искусный идеологъ германской буржуазіи воздвигаетъ стройное зданіе откровенно-эгоистической политики, сводящейся къ «справедливой», по его словамъ, эксплоатаціи сильными слабѣйшихъ. Скорбный гласъ новаго Іереміи, плачущаго о грѣхахъ и порокахъ народа, смѣшивается съ трубными звуками Тиртея; патріотическіе комплименты и восторги смѣняются многообѣщающимъ репримандомъ сознавшаго свою силу буржуа по адресу увлекающаго императора. И все кончается зловѣщей угрозой отворить дверь храма Януса. Таковъ воинствующій пангерманизмъ, отецъ великой европейской войны.

А. Васютинскій.

[1]) Такъ было въ древнемъ Римѣ при началѣ войны.

Библиотека "Руниверс"



Критика и библіографія.

Андрей Сиротининъ. Россія и Славяне. С.-Петербургъ. 1913 г. Цѣна 2 руб. 95 коп.

Убѣжденный поклонникъ славянской идеи, авторъ предвидитъ культурный расцвѣтъ славянства. Разбросанное по Европѣ славянство само по себѣ безсильно измѣнить свои политическія судьбы и дать просторъ своимъ силамъ и способностямъ. Какъ бы ни были сильны раздоры внутри самого славянства, послѣднее объединится, и тогда надъ славянами взойдетъ солнце свободы. «Взойдите вверхъ», говоритъ болгарскій поэтъ Вазовъ, «и вы увидите его». Этими взглядами автора опредѣляется и содержаніе озаглавленной выше книги. Это не стройное изслѣдованіе, это рядъ отдѣльныхъ очерковъ, объединенныхъ въ одной книгѣ, на фонѣ обще-славянской идеи, несущей міру не мечъ, а любовь, не ненависть, а свободу. Автору нельзя отказать въ прекрасномъ знаніи славянскихъ языковъ, въ литературномъ вкусѣ и художественномъ чутьѣ. Его очерки даютъ много новаго русскому читателю, вводятъ его въ необъятное и неизвѣданное море славянскаго творчества, но, все-таки, при всѣхъ хорошихъ намѣреніяхъ автора и безусловныхъ его знаніяхъ, книга не производитъ впечатлѣнія, не даетъ того, о чемъ говорилъ авторъ въ своемъ предисловіи. Эти отдѣльные очерки, случайные литературные экскурсы слишкомъ отрывочны, мимолетны и, взятые сами по себѣ, оторванные отъ соотвѣтствующей историко-литературной обстановки, доставляютъ мимолетное, калейдоскопическое впечатлѣніе, которое не даетъ, конечно, яснаго представленія о славянствѣ и славянской идеѣ. Изъ всѣхъ его литературныхъ экскизовъ едва ли не болѣе всего обработаннымъ и цѣльнымъ явился очеркъ «Пушкинъ и славяне». По мнѣнію автора, поэзія Пушкина оказала большое

Библиотека "Руниверс"

вліяніе на взаимодѣйствіе славянства и Россіи, хотя политика Россіи была, по завѣту Горчакова, «антиславянская», и русское правительство воздерживалось отъ «славянскихъ авантюръ». Пушкина цѣнили славянскіе поэты. Его поэзія была «сладостный звукъ его лютни на вольныхъ просторахъ славянства». Такъ думалъ чехъ Штуръ въ 1830 г., когда стали въ Чехіи появляться переводы изъ Пушкина. Подъ вліяніемъ Штура отозвался на смерть Пушкина и словацкій поэтъ Сладковичъ, видящій въ Пушкинѣ отраженіе генія славянства.

О, геній, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей!—

съ грустью пишетъ словацкій поэтъ. По мнѣнію другого поэта, благодаря поэзіи Пушкина

Міръ новый предо мною оживаетъ,
Тамъ творчества огонь пылаетъ вѣчный,
Небесной музыки струится лучъ...

И сербскій поэтъ Петръ II Нѣгоша полонъ восторга отъ творчества Пушкина: «въ областяхъ надзвѣздныхъ, куда не достигаетъ умственный взоръ человѣка, на вершинахъ небеснаго свода, гдѣ возженныя рукою Создателя безпрестанно новыя и новыя солнца осыпаютъ роемъ созвѣздій пологъ небесный,—тамъ зародился твой геній и далъ печать помазанія твоимъ пѣснопѣніямъ». И болгарская литература испытала вліяніе Пушкина. Въ стихотвореніи Вазова «На столѣтнюю годовщину Пушкина» юбилей, который празднуетъ Россія,—это и болгарскій праздникъ.

«Ея тріумфъ, ея мы гордость дѣлимъ съ ней.
Прими жъ привѣтъ, о, геній нашъ славянскій!
И мы плетемъ тебѣ признательный вѣнецъ...
Плѣнилъ, очаровалъ и насъ, народъ балканскій,
Твоей волшебной лиры звукъ, о, братскій намъ пѣвецъ»!

Почувствовали вліяніе Пушкина и словинцы, когда стали появляться переводы изъ Пушкина. Но раньше всего оцѣнили Пушкина поляки, преклонявшіеся передъ «его чарующей лютней». А стихотвореніе Мицкевича «Памятникъ Петру Великому» является признаніемъ со стороны польскаго генія и генія Пушкина, и близости его творчества къ душѣ поляка. Такъ поэзія Пушкина, вызывая поэтическія отраженія среди славянства, явилась его объединяющимъ центромъ, основой славянской взаимности и міропониманія. Славянское тяготѣніе другъ къ другу находитъ авторъ въ «Мѣдномъ всадникѣ» Пушкина и «Дзядахъ» Мицкевича, несмотря на полную противоположность ихъ другъ другу. Недаромъ Пушкинъ молился о возвращеніи мира въ его озлобленную душу, а самъ Мицкевичъ съ скорбной душой слалъ свой привѣтъ друзьямъ-москалямъ, противополагая ихъ русскому правительству. Мало удаченъ очеркъ «Хомяковъ, Мицкевичъ и декабристы». Если отношенія Мицкевича и декабристовъ освѣщены правильно (хотя при изложеніи взглядовъ декабристовъ на будущее Польши въ ея отношеніяхъ къ Россіи

Библиотека "Руниверс"

есть неточности), то между Хомяковымъ, съ одной стороны, и Мицкевичемъ и декабристами, съ другой — общаго очень мало. Національное чувство декабристовъ не тождественно со взглядами Хомякова. Любопытенъ этюдъ о вліяніи Нѣмцевича на творчество Рылѣева. Остальные очерки посвящены отдѣльнымъ славянскимъ народностямъ. Для знакомства съ ними авторъ преподноситъ читателю немножко исторіи, немножко поэзіи и литературы. Авторомъ переведено не мало славянскихъ стихотвореній, ласковыхъ, нѣжныхъ, поэтически прекрасныхъ; приведены и образцы художественной прозы. Все это можетъ заинтересовать читателя, пробудить интересъ къ славянству. А вѣдь мы мало знаемъ и его исторію, и его литературу. Между тѣмъ, поэтическое его творчество необозримо богато и разнообразно. Это можно сказать и относительно народной поэзіи большинства славянства. И если книга Сиротинина отчасти открываетъ читателю закрытую сокровищницу славянскаго творчества, въ которомъ мы можемъ узнать родственные напѣвы, родственныя настроенія, какъ жаль, что авторъ забылъ «украинскихъ славянъ». А вѣдь ихъ народная поэзія удивительно близка по духу, по мотивамъ и сюжетамъ съ богатѣйшимъ сербскимъ фольклоромъ.

В. Пичета.

Н. С. Державинъ. Болгаро-сербскія взаимоотношенія и македонскій вопросъ. Петроградъ, 1914 г.

Авторъ книги принадлежитъ къ числу друзей болгарскаго народа. По его словамъ, «Болгарія, оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ и разбитая въ своихъ мечтахъ, стала... намъ теперь еще ближе, дороже»... Горячее чувство, порой выраженное съ большой страстностью, чувствуется въ каждой мысли этой работы, безусловно заслуживающей самого большого вниманія. Но тотъ энтузіазмъ, съ которымъ писалъ авторъ свою работу, имѣетъ и обратную сторону. Обвиняя страстно однихъ сербовъ въ пристрастности, подтасовкѣ фактовъ, авторъ и самъ далеко не всегда бываетъ объективенъ; тогда его работа теряетъ характеръ научности и превращается въ горячій политическій памфлетъ. Авторъ поставилъ своею задачей изучить болгарско-сербскія отношенія изъ-за Македоніи, обвинить однихъ и доказать правоту другихъ. Авторъ прекрасно оцѣниваетъ значеніе Македоніи для національнаго объединенія болгаръ; въ македонскомъ вопросѣ, можно сказать, по мысли автора, «воплощена вся сущность національно-историческаго и соціально-политическаго міропониманія народа». Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ возрожденіе или упадокъ національной жизни болгаръ. Такъ можно формулировать мысль автора. Считая, что неразрѣшеніе македонской проблемы тормозитъ національное развитіе болгарскаго народа, Державинъ посвятилъ свою работу посильному разрѣшенію этого вопроса. Не разрѣшая еще этого запутаннаго вопроса, авторъ уже предрѣшаетъ свой выводъ, признавая Македонію болгарской... По существу, вся работа его посвящена доказательству этого тезиса, весь научный аппаратъ пущенъ въ ходъ для обоснованія этой аксіомы. Можетъ быть,

Библиотека "Руниверс"

сужденія автора были бы еще болѣе авторитетны, если бы его выводъ не предрѣшалъ изслѣдованіе, а вытекалъ изъ него. Македонская проблема стала очень острой послѣ крушенія національнаго идеала болгаръ, послѣ заключенія Бухарестскаго мира, но и раньше, когда еще Македонія была турецкой провинціей, уже ломались изъ-за нея копья болгарскими и сербскими публицистами и учеными. Каждый изъ нихъ подходилъ съ своей точки зрѣнія, подыскивалъ свои собственные аргументы, и получались научныя работы, написанныя съ болгарской и сербской точекъ зрѣнія. Вся страстность и запутанность этого вопроса заключается въ томъ, что то или другое рѣшеніе его равно необходимо и болгарамъ и сербамъ. Полученіе болгарами Македоніи создаетъ Великую Болгарію и укрѣпляетъ ее на берегу открытаго моря, благодаря чему, конечно, экономическое развитіе Болгаріи пошло бы быстрѣе. Съ другой стороны, Сербія, окруженная кольцомъ Австріи, лишенная выхода къ морю, находится въ полной экономической зависимости отъ Австріи. Для сербовъ выходъ къ морю—условіе для ихъ политическаго и экономическаго развитія, источникъ спасенія своей національности отъ натиска германизма. Выходъ къ морю сербы могли бы получить захватомъ Босніи и Герцеговины. Послѣднее казалось невозможнымъ по политическимъ условіямъ, по соотношенію международныхъ силъ. Поэтому вниманіе сербовъ было обращено въ сторону меньшей сопротивляемости—въ сторону Македоніи, въ надеждѣ черезъ нее добиться выхода къ морю. Балканская война перваго періода принесла сербамъ много огорченія. Благодаря Австріи было образовано игрушечное королевство Албанія, и Сербія лишилась выхода къ морю. Ее не поддержала Болгарія, рекомендовавшая униженность. Молчала и русская дипломатія. Даже территоріальное расширеніе не улучшало положенія Сербіи, не освобождало ее отъ экономической зависимости отъ Австріи. Географическое же положеніе Сербіи, сближеніе истоковъ Моравы съ истоками Вардара—естественно толкали ее въ сторону Македоніи, къ открытому морю. Борьба болгаръ съ сербами изъ-за Македоніи—это борьба за доступъ къ морю. Это—главная причина, а національная подоплека—это только поводъ, основаніе для борьбы за море.

Такъ мы смотримъ на македонскій вопросъ. Не чуждо это мнѣніе и самому автору, хотя онъ подвергаетъ рѣзкому осужденію подобныя сужденія сербскихъ ученыхъ, впрочемъ, высказанныя нѣсколько «наскокомъ», безъ достаточной научной аргументировки. Не пытаясь глубже разобраться въ соперничествѣ изъ-за моря болгаръ и сербовъ, г. Державинъ подходитъ къ разрѣшенію вопроса исключительно съ національной политической точки зрѣнія. Мы не будемъ касаться взглядовъ автора и его отношенія «къ сербской точкѣ зрѣнія и сербскихъ методовъ трактовки вопроса». Среди этой литературы есть и хорошія работы, есть и никуда негодные памфлеты. Обращать вниманіе только на первые и закрывать глаза на вторые едва ли это будетъ научно. Почему авторъ ни слова не говоритъ «о болгарской точкѣ зрѣнія и болгарскихъ методахъ». Зачѣмъ скрывать отъ читателя книги, продиктованныя узкимъ націонализмомъ, переходящимъ

Библиотека "Руниверс"

въ крайній шовинизмъ. Вѣдь эти чувства въ одинаковой степени свойственны и болгарамъ, и сербамъ. «Объективность» (?) автора, однако, коснулась только сербовъ. Аргументацію своихъ взглядовъ (?) Державинъ обставилъ историческими фактами и филологическими наблюденіями надъ языкомъ македонцевъ.

Давъ краткій очеркъ заселенія славянами Балканскаго полуострова и воспользовавшись для этого всѣми новѣйшими работами, особенно посвященными разбору извѣстій Константина Багрянороднаго, авторъ приходитъ къ совершенно правильному выводу, что сербы и хорваты—части славянскихъ племенъ, распылившихся по Балканскому полуострову уже въ XII в., хотя о нихъ греческіе писатели отдѣльно не говорятъ и не называютъ ихъ. Затѣмъ два историческихъ очерка посвящены исторіи болгаръ и сербовъ. Оба очерка не имѣютъ никакой цѣны—одно внѣшнее перечисленіе фактовъ; и автору, лишенному исторической перспективы, не удалось уловить сущности исторической жизни болгаро-сербовъ. Автору эти очерки очень нужны. Ему надо доказать, что болгары имѣютъ историческія права на Македонію, что они владѣли ею гораздо южнѣе, чѣмъ сербы при Душанѣ, что у сербовъ движеніе на югъ началось позднѣе, чѣмъ у болгаръ. Ссылка на исторію, какъ на прецедентъ для владѣнія, вообще мало научна, въ особенности, когда дѣло идетъ о пестрыхъ взаимоотношеніяхъ на Балканахъ. И сербовъ и болгаръ тянуло къ морю, къ Константинополю. Династическая политика развала областей одинаково гибельно отразилась и на сербахъ, и на болгарахъ. Злосчастная Македонія чаще всего и дольше всего была греческой, а не сербской и болгарской. Несомнѣнно, впрочемъ, одно, что восточная Македонія съ Охридой была связана крѣпко съ собственно Болгаріей культурными связями, что здѣсь довольно рано началась «болгаризація» славянскаго населенія, которое въ XI—XII в. рѣзко отличалось отъ болгаръ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Словомъ, для разрѣшенія этой проблемы историческіе экскурсы не имѣютъ никакого значенія. Это вопросъ не археологическій, а жизненный. Какія бы филологическія изысканія не приводили сторонники «болгарской точки зрѣнія», все-таки въ смыслѣ языка Македонія не однотипна и, конечно, восточная болгаризована и культурными связями и экзархистской церковью. Съ успѣхомъ можно найти вліяніе сербовъ на македонцевъ западной части Македоніи, бывшей въ культурно-историческихъ сношеніяхъ съ сербами. И «сербская точка зрѣнія», сколько бы ученыхъ колкостей не вызывала со стороны г. Державина, отчасти справедлива, но только по отношенію къ западной Македоніи. Конечно, македонцы, стонавшіе подъ турецкимъ игомъ, не считали себя ни сербами, ни болгарами. Болгарскіе и сербскіе политики, стремившіеся къ морю, хотѣли создать изъ нихъ желательный для нихъ культурно-историческій типъ и съ этой цѣлью подбирали всевозможные аргументы, и г. Державинъ лишній разъ ихъ только повторилъ, не сказавъ ничего новаго. Мы согласны съ г. Державинымъ, что болгарамъ нужна Македонія, но для выхода къ морю, ибо имъ обусловливаются жизненныя задачи

Библиотека "Руниверс"

Болгаріи. Но море нужно и сербамъ. Они тоже хотятъ свободы. Дайте сербамъ другое море, и Македонія станетъ болгарской. Политическіе дѣятели Болгаріи не будутъ тогда заносить удара въ спину. Это не мѣшаетъ помнить страстному защитнику болгарскихъ притязаній. Меньше страстности, больше спокойствія въ обсужденіи вопросовъ, больше уваженія къ своимъ научнымъ и національнымъ противникамъ.

В. Пичета.

Путешествіе въ Петербургъ аббата Жоржеля въ царствованіе имп. Павла I. Переводъ Н. Соболевскаго, предисловіе А. А. Кизеветтера. М. Изд. Некрасова. Ц. 1 р. 20 к.

Аббатъ Жоржель, въ качествѣ одного изъ представителей Мальтійскаго ордена, пробылъ въ Петербургѣ около полугода: съ середины декабря 1799 г. до конца мая 1800 г. Это уже былъ конецъ царствованія Павла, когда и личность его, какъ правителя, и вся система управленія выявились вполнѣ во всей своей неприглядности, «Царство ужаса и страха» уже сказало свое послѣднее слово, и тѣмъ цѣннѣе свидѣтельство о немъ такого современника, какъ аббатъ Жоржель: видимо расположенный къ Павлу, какъ къ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена, аббатъ Жоржель не разъ называетъ имп. Павла «великимъ» и «умнымъ» (стр. 81, 99, 151 и т. д.), хвалитъ его правленіе, и тѣмъ не менѣе изъ-подъ его пера выходитъ такая характеристика этого православнаго гроссмейстера католическаго ордена и такая картина подвластной ему державы, что онѣ не уступаютъ по силѣ самымъ враждебнымъ отзывамъ недруговъ Павла. Тонъ записокъ Жоржеля спокойный и дѣловитый, и потому тѣмъ большій вѣсъ получаютъ его заключенія о томъ, что «вообще внезапныя повышенія, равно какъ и опалы, представляютъ въ настоящее царствованіе очень частое явленіе» (стр. 141), и, что самъ Павелъ «легко поддавался необузданнымъ вспышкамъ гнѣва» (стр. 161) и держалъ свою семью «въ полномъ порабощеніи» (стр. 207).

Времени, проведеннаго Жоржелемъ въ Петербургѣ, было достаточно для того, чтобы въ общихъ чертахъ познакомиться съ внѣшнимъ обликомъ сѣверной столицы, придворной средой, нѣкоторыми сторонами русскаго быта; но шести мѣсяцевъ, конечно, было недостаточно для того, чтобы познакомиться съ русской исторіей, съ соціальными отношеніями и экономическимъ строемъ Россіи. Поэтому записки Жоржеля неодинаково равноцѣнны во всѣхъ своихъ частяхъ. Тамъ, гдѣ онъ описываетъ свой путь отъ Кракова до Петербурга и обратно, пребываніе въ Петербургѣ, его внѣшній видъ, нравы общества, придворную среду, онъ даетъ много интересныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній; однако, и въ этихъ своихъ частяхъ записки Жоржеля не свободны отъ неточностей или даже прямо ошибокъ,—нѣкоторыя изъ нихъ, хотя далеко не всѣ, оговорены редакторомъ перевода; такъ, Чудское озеро онъ называетъ Ладожскимъ (стр. 54); Петръ Великій на статуѣ Фальконета изображенъ, по его словамъ (стр. 105), «въ національномъ костюмѣ»; онъ совершенно отрицаетъ существованіе въ Петербургѣ колодцевъ и фонтановъ (стр. 109), хотя извѣстно, напримѣръ, что еще Петръ I устроилъ тамъ много

Библиотека "Руниверс"

фонтановъ, и т. п. Но гораздо больше неточностей и ошибокъ Жоржель допускаетъ въ своихъ экскурсахъ въ область русской исторіи; такъ, онъ говоритъ, напримѣръ (стр. 88), что «стрѣльцы—свирѣпое и недисциплинированное войско,—привыкли свергать царей съ престола и руководить ими»,—обобщеніе, которое онъ не подтверждаетъ фактами; «Петръ», продолжаетъ онъ, «собралъ стрѣльцовъ, обезоружилъ ихъ и *всѣхъ* (курсивъ нашъ) обезглавилъ». Далѣе онъ утверждаетъ (стр. 90), что въ царствованіе Людовика XIV о русскихъ царяхъ «едва знали», а въ лѣтописяхъ того времени, по его словамъ, «мы даже читаемъ, что короли Польши покоряли ихъ иногда и диктовали имъ законы». Затѣмъ онъ неточно излагаетъ исторію постройки Зимняго дворца (стр. 94—95), и проч. Впрочемъ, подобныя историческія ошибки и неточности—обычное явленіе въ мемуарахъ иностранцевъ о Россіи, и можно даже сказать, что у Жоржеля ихъ меньше, чѣмъ у другихъ. Видимо, собираемыя свѣдѣнія онъ старался черпать изъ надежныхъ источниковъ, и, можетъ быть, даже провѣрялъ ихъ. Вотъ, можетъ быть, почему онъ даетъ близкую къ дѣйствительности цифру тогдашняго населенія Россіи: 33—34 милліона человѣкъ (стр. 139) вмѣсто 36; тутъ, конечно, легко было сдѣлать ошибку; къ тому же вполнѣ возможно, что тогдашнія данныя, которыми располагалъ Жоржель, давали именно эту цифру. Зато мы находимъ у него совершенно необыкновенную классификацію населенія Россіи по сословіямъ (стр. 197); кромѣ сенаторовъ, онъ различаетъ такіе «разряды подданныхъ»: князья, придворные вельможи, министры, военные, кавалеры орденовъ, литераторы, мѣщане и ремесленники; вся остальная масса населенія представляетъ рабовъ.

Какъ католикъ, Жоржель не могъ отнестись спокойно и объективно къ православной церкви, и потому его глава о религіи (стр. 125—136) содержитъ цѣлый рядъ полемическихъ выпадовъ; между прочимъ, тутъ имѣется очень рѣзкая характеристика Александра Невскаго.

Живо и интересно, но въ то же время спокойно и дѣловито написанныя записки аббата Жоржеля занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ мемуарахъ, относящихся къ царствованію Павла; поэтому нельзя не признать, что изданіе ихъ на русскомъ языкѣ вполнѣ цѣлесообразно. Переводъ г. Соболевскаго сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ.

К. Сивковъ.

Гр. Е. Ѳ. Комаровскій. Записки. Редакція П. Е. Щеголева. Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкаго. Изд. «Огни» Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

Издательство «Огни» выпустило, какъ знаетъ читатель, въ отдѣльномъ изданіи уже нѣсколько мемуаровъ — В. С. Аксаковой, А. Е. Лабзиной, кн. М. Н. Волконской и др. и, кромѣ того, затѣяло особую «библіотеку мемуаровъ», подъ редакціей П. Е. Щеголева, въ первую серію которой вошли, между прочимъ, записки декабристовъ бр. Бестужевыхъ, Басаргина, директора канцеляріи депар. полиціи при Александрѣ I де-Санглена, Г. С. Винскаго.

Библиотека "Руниверс"

Въ эту серію входятъ и записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго, дѣятеля Павла и Александра I. Хотя все это въ большинствѣ воспоминанія очень извѣстныя, нѣкоторыя и совсѣмъ недавно печатавшіяся (Дневникъ Аксаковой въ «Мин. Годахъ»), тѣмъ не менѣе появленіе ихъ въ отдѣльномъ изданіи, конечно, можно лишь привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ печатаются съ дополненіями и иногда значительными примѣчаніями. Есть ли однако какая-нибудь идея у издательства, почему одни воспоминанія появляются въ «библіотекѣ», другія независимо отъ нея,— трудно сказать: во всякомъ случаѣ, связи какой-либо не видно, развѣ только то, что библіотеку редактируетъ г. Щеголевъ, редактировавшій, впрочемъ, и записки Волконской. Но совершенно непонятно, почему именно въ первую серію включены записки Комаровскаго. Авторъ вступительной замѣтки почему-то придаетъ имъ чрезмѣрно большое значеніе, утверждая, что «онѣ чрезвычайно (?!) богаты фактическими данными, установляющими различные моменты внутреннихъ отношеній въ средѣ лицъ, дѣлавшихъ офиціальную исторію Россіи въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX столѣтія». Едва ли это вѣрно. Записки Комаровскаго не утомительны для чтенія и, конечно, заключаютъ въ себѣ немало чертъ для характеристики эпохи. Но въ сущности большой цѣнности онѣ не имѣютъ. Онѣ цѣликомъ были опубликованы въ 1897 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и врядъ ли стоило ихъ издавать отдѣльно или въ особенности ставить въ первую очередь. Есть множество воспоминаній, гораздо болѣе заслуживающихъ отдѣльнаго изданія. Еще два слова о редакціи. Желательно здѣсь видѣть бо́льшую выдержанность: если одни воспоминанія снабжаются примѣчаніями, пожалуй, съ излишнимъ изобиліемъ, то другія, какъ въ данномъ случаѣ записки Комаровскаго, не имѣютъ не единаго. Не слѣдуетъ ли это объяснить тѣмъ, что въ запискахъ Комаровскаго, по словамъ Е. А. Ляцкаго, «нѣтъ ни одного слова выдумки?» Смѣемъ увѣрить, что такихъ воспоминаній вообще нѣтъ. У Комаровскаго во всякомъ случаѣ есть ошибки и вольныя и невольныя. Нельзя не указать на чрезмѣрно высокую цѣну книги.

С. Мельгуновъ.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ редакц. проф. С. А. Венгерова. Изд. Т-ва «Міръ». Москва.

Вышелъ первый выпускъ новаго изданія т-ва «Міръ», посвященный небольшому періоду русской литературы на рубежѣ девятнадцатаго и двадцатаго вѣковъ, періоду, который, несомнѣнно, является цѣльнымъ и законченнымъ. Всѣ еще недавно «новыя» теченія теперь уже изжиты, и мы находимся сейчасъ «у самаго конца бурнаго періода послѣдняго двадцатилѣтія». «Передъ нами, говоритъ С. А. Венгеровъ, полный спадъ литературной волны, недавно еще столь высокой и стремительной. Затихли бои и выпады, исчезъ задоръ, прекратились демонстративныя выступленія. Такъ или иначе установились литературныя репутаціи представителей «новыхъ» теченій самыхъ различныхъ наименованій. Недавніе дебютанты всѣ уже подвели

Библиотека "Руниверс"

итоги своей дѣятельности, издали полныя собранія своихъ сочиненій, и новыхъ откровеній отъ нихъ никто уже не ждетъ. Все то, что такъ недавно шумѣло и гудѣло: апоѳеозъ босячества, декадентство, символизмъ, «половая проблема», вычуры и ломанія всяческаго рода,—все это отошло уже въ область исторіи. Циклъ завершился, начинается что-то новое...»

Но, конечно, чрезвычайно трудно, а подчасъ и совершенно невозможно написать исторію этого періода, хотя бы и законченнаго и отошедшаго въ область исторіи. Это, очевидно, сознавалось и редакторомъ настоящаго изданія, давшимъ ему заглавіе «Русская литература XX вѣка». а не «Исторія русской литературы». Это, разумѣется, пустякъ, но въ настоящемъ изданіи встрѣчается разногласіе, которое можетъ представиться прямо-таки противорѣчіемъ. Редакторъ труда, проф. С. А. Венгеровъ, которому принадлежитъ статья «Этапы неоромантическаго движенія» (собственно три статьи, по одной въ каждомъ изъ трехъ предполагаемыхъ томовъ), предлагаетъ дать изучаемому періоду въ исторіи русской литературы названіе «неоромантизма». Правъ онъ или неправъ, предлагая такое названіе, это другой вопросъ. Но когда во главу угла кладется такая общая идея, то ждешь, что и остальныя части труда будутъ съ нею согласны. А между тѣмъ въ первой же статьѣ, слѣдующей за вышеупомянутой руководящей статьей редактора, посвященной характеристикѣ творчества К. Д. Бальмонта и принадлежащей перу проф. Е. В. Аничкова, встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: «Оттого хотя заявленіе Бальмонта, ставшее лозунгомъ «новыхъ вѣяній»: «пять чувствъ—дорога лжи, но есть восторгъ экстаза», производило впечатлѣніе возврата къ романтизму, и новымъ романтикомъ сочли Бальмонта, какъ мы еще увидимъ яснѣе, когда прослѣдимъ его дальнѣйшее поэтическое поприще, совсѣмъ не романтикъ Бальмонтъ» (стр. 75). Итакъ, первый представитель, если только не родоначальникъ этого «новаго» теченія, которому дается названіе «неоромантизма», оказывается вовсе не романтикомъ. Такое противорѣчіе, конечно, прежде всего объясняется тѣмъ, что эти двѣ статьи, первая—вводная и вторая—характеристика Бальмонта, принадлежатъ разнымъ авторамъ, и въ сборныхъ трудахъ, каковъ настоящій, подобнаго рода разногласія, а иногда и противорѣчія, подчасъ прямо-таки неизбѣжны. Очевидно, еще не вполнѣ точно опредѣлилось и выяснилось это теченіе, изученіе его только что еще начинается, и вполнѣ естественно, что не всѣ согласны въ томъ, какое ему дать названіе. По поводу этого послѣдняго должно сдѣлать одно замѣчаніе. Привьется или нѣтъ названіе «неоромантизма», предлагаемое проф. С. А. Венгеровымъ, или можетъ быть будетъ предложено и принято какое-нибудь другое, это, конечно, еще вопросъ, но, несомнѣнно, что если бы даже и было то или другое принято, все-таки не будетъ окончательно сдано въ архивъ названіе «символизма», прочно установившееся за этой школой. Уже отмѣченное противорѣчіе ясно свидѣтельствуетъ, какъ еще далеки мы отъ написанія «исторіи» даннаго періода нашей литературы.

Врядъ ли будетъ признана удачной попытка почтеннаго редактора установить «психологическое единство 1890—1910 гг.».

Библиотека "Руниверс"

Чрезвычайно заманчивыми и въ значительной степени справедливыми являются его слова, что «психологическое единство, несмотря на все внѣшнее разнообразіе и пестроту, несомнѣнно можетъ и должно быть установлено по отношенію къ отдѣльнымъ моментамъ разсматриваемаго двадцатилѣтія. Есть красныя нити, которыя проходятъ по всему періоду нынѣ закончившихся «новыхъ теченій» и соединяютъ въ одни и тѣ же психологическіе порывы и даже въ одни и тѣ же соціологическія настроенія людей и стремленія, съ перваго взгляда какъ будто ничего общаго между собою не имѣющіе» (стр. 6). Но уже натяжкой кажется его сопоставленіе Горькаго и Бальмонта. «Конечно, Горькій—общественникъ и марксистъ, а Бальмонтъ—индивидуалистъ и символистъ, но они, тѣмъ не менѣе, во многомъ братья по духу», заявляетъ С. А. Венгеровъ. «Дерзкій вызовъ марксизма и бодрая вѣра въ свои силы, съ одной стороны, и, съ другой—буйныя стремленія Бальмонта «разрушить зданія», его гордое желаніе «быть, какъ солнце», его бурныя, жгучія страсти,—все это объединяется въ одинъ вызовъ традиціямъ, условности и, вообще, формамъ буржуазной жизни». Одинъ этотъ вызовъ въ сущности еще ничего не объясняетъ. Нужно показать, во имя чего дѣлается этотъ вызовъ. А тутъ-то и обнаруживается громадная разница между Горькимъ и Бальмонтомъ.

Еще большей натяжкой представляется сопоставленіе побѣдоносцевщины и марксизма. «Связующія нити, по словамъ С. А. Венгерова, могутъ быть найдены между явленіями, самое сопоставленіе которыхъ оскорбляетъ. А между тѣмъ, это такъ. Побѣдоносцевщина и марксизмъ, напримѣръ, развѣ они не относятся съ одинаковымъ пренебреженіемъ къ роли интеллигенціи и, вообще, идеологіи въ жизни страны? Развѣ и Побѣдоносцевъ и марксизмъ не выдвинули на первое мѣсто соціологическое значеніе массъ? Побѣдоносцевъ для того, чтобы въ укрѣпленіи невѣжества народа найти опору для сокрушенія оппозиціонной и крамольной интеллигенціи, марксизмъ—для того, чтобы въ массѣ найти, наконецъ, базисъ, болѣе прочный, чѣмъ героическія усилія ничтожной количествомъ кучки интеллигентскихъ борцовъ за свободу» (стр. 7). Но что же общаго между этими двумя общественными теченіями, которыя, какъ будто, оперируютъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ—народными массами? Самъ почтенный авторъ указываетъ между ними такую глубокую разницу, что врядъ ли можетъ быть и рѣчь объ ихъ сопоставленіи. Гдѣ же тѣ «красныя нити», которыя ихъ объединяютъ. «Пренебреженіе къ роли интеллигенціи и, вообще, идеологіи въ жизни страны»—это, скорѣе, тѣ бѣлыя нитки, которыми сшиваются явленія, которыя во что бы то ни стало надо сшить.

Какое-то недоразумѣніе или, лучше сказать, недосказанность скрывается въ замѣчаніяхъ С. А. Венгерова о методѣ, примѣняемомъ М. О. Гершензономъ въ своихъ работахъ о Кирѣевскомъ и Чаадаевѣ, который редакторъ разбираемаго изданія характеризуетъ, какъ «методъ отъединенія личности отъ общества» и который, по его словамъ, ведетъ «къ совершенно невѣрному освѣщенію реальнаго хода историко-литературныхъ со-

Библиотека "Руниверс"

бытій». Однако, должно замѣтить, что М. О. Гершензонъ, по словамъ его же критика, ничего не извращаетъ. Индивидуально его портреты Кирѣевскаго, Чаадаева, дающіе новый обликъ, мало похожій на тотъ, къ которому мы привыкли, вѣрны. Но чрезмѣрно преувеличивая значеніе индивидуальности въ общемъ ходѣ исторіи, г. Гершензонъ считаетъ себя въ полномъ правѣ игнорировать то воспріятіе читателя, которое во всякомъ историко-литературномъ явленіи играетъ самую рѣшающую роль. Такъ, характеристику Ивана Кирѣевскаго онъ строитъ на интимномъ письмѣ, остававшемся неизданнымъ полстолѣтія... Но Кирѣевскій, какъ одно изъ реальныхъ проявленій исторіи русской мысли, по замѣчанію С. А. Венгерова, есть только тотъ Кирѣевскій, которымъ онъ предсталъ въ своихъ сочиненіяхъ, оставившихъ въ умахъ читателей точное и прочное впечатлѣніе... А то, что обликъ Кирѣевскаго гдѣ-то, въ какомъ-то затаенномъ мѣстѣ, въ интимномъ письмѣ, болѣе «доподлинно» отразился, чѣмъ въ сочиненіяхъ—это, какъ выражаются французскіе протоколы, non avenu, это для историка совсѣмъ и не случилось. И такимъ образомъ «доподлиннымъ» Кирѣевскимъ долженъ считаться только тотъ Кирѣевскій, который, какъ личность, можетъ быть, какъ разъ «не доподлинно» воспринятъ» (стр. 9).

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Значитъ ли, что біографъ Кирѣевскаго имѣетъ право игнорировать указанное интимное письмо лишь потому, что оно осталось неизвѣстнымъ читателямъ. Конечно, мы должны допустить, какъ это дѣлаетъ и самъ С. А. Венгеровъ, что «это письмо абсолютно законодательно для установленія «доподлиннаго» душевнаго и духовнаго облика Кирѣевскаго». На мой взглядъ, біографъ Кирѣевскаго не имѣетъ права игнорировать это письмо, по Венгерову выходитъ какъ будто, что онъ долженъ его игнорировать. Ошибка, по моему мнѣнію, заключается въ неправильномъ употребленіи слова «доподлинный». «Доподлиннымъ»-то все-таки, я думаю, будетъ тотъ Кирѣевскій, обликъ котораго отразился «гдѣ-то, въ какомъ-то затаенномъ мѣстѣ, въ интимномъ письмѣ». А вотъ «историческимъ» будетъ тотъ Кирѣевскій, «которымъ онъ предсталъ въ своихъ сочиненіяхъ, оставившихъ въ умахъ читателей точное и прочное впечатлѣніе». Задача біографа Кирѣевскаго, на мой взглядъ, заключается въ томъ, чтобы обрисовать того и другого Кирѣевскаго, и «доподлиннаго», и «историческаго», и, конечно, онъ не долженъ и не имѣетъ права игнорировать тѣхъ документовъ, касающихся жизни изучаемаго писателя, которые не были извѣстны въ свое время его читателямъ, онъ только долженъ отмѣтить этотъ фактъ.

То же самое должно сказать и по поводу замѣчаній С. А. Венгерова о работѣ М. О. Гершензона о Чаадаевѣ, которую онъ самъ же называетъ замѣчательной и на которой, по его словамъ, «еще ярче сказалась непригодность метода отъединенія личности отъ общества». «Автору, говоритъ онъ, безусловно удалось не то, чтобы совсѣмъ заново, но съ привлеченіемъ новаго и яркаго матеріала показать, что обычное включеніе Чаадаева въ цѣпь русскихъ оппозиціонныхъ настроеній всего менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительной настроенности Чаадаева. Если подходить съ

Библиотека "Руниверс"

той же точки зрѣнія авторскихъ намѣреній, то, конечно, еще болѣе неправильнымъ должно показаться стремленіе Герцена включить Чаадаева въ исторію развитія революціонныхъ идей въ Россіи. По интимнымъ, задушевнымъ переживаніямъ своимъ Чаадаевъ, какъ это вполнѣ доказано М. О. Гершензономъ, былъ на сто верстъ далекъ отъ революціи и вообще отъ земныхъ дѣлъ. Онъ, несомнѣнно, мистикъ не только въ высшемъ смыслѣ слова, онъ человѣкъ почти вѣрующій въ чертовщину и духовъ. Долженъ ли, однако, историкъ придавать какое-нибудь значеніе этимъ интимнымъ переживаніямъ Чаадаева? Да ни малѣйшаго! И по той простой причинѣ, что мистицизмъ Чаадаева читателями его знаменитаго «философическаго письма» абсолютно не былъ воспринятъ. Абсолютно не замѣтили мистицизма, совершенно не говорили о немъ».

Получается что-то странное! Лишь потому, что современники Чаадаева, не замѣтивъ его мистицизма, не говорили объ этомъ послѣднемъ, не должны и мы говорить о немъ. Не правильнѣе ли будетъ, отмѣтивъ этотъ мистицизмъ, указать, что современники о немъ не говорили. По замѣчанію С. А. Венгерова, «даже прямая безспорная ложь сплошь да рядомъ въ исторіи есть правда, а правда только призракъ, съ которымъ историку нечего дѣлать». Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы навсегда должны удовлетвориться только одной безспорной ложью, не пытаясь открыть настоящей правды. Историку нечего дѣлать съ правдой: онъ только долженъ ее раскрыть. Истинная его задача такимъ образомъ опять-таки сведется къ тому, чтобы раскрыть ложь, которую считали за правду, и правду, которая была только призракомъ. И съ того момента, когда онъ раскроетъ ту и другую, установится новое отношеніе къ изучаемому имъ общественному и литературному явленію.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя вызываетъ у меня 1-й выпускъ «Русской литературы XX вѣка». Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о распредѣленіи матеріала въ настоящемъ изданіи. Главное содержаніе изданія, по словамъ предисловія, составляетъ рядъ литературныхъ портретовъ, въ которыхъ каждый писатель, хотя и пріуроченный къ тому или другому періоду, вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривается самъ по себѣ, по основнымъ чертамъ своего творчества. Въ первомъ выпускѣ помѣщенъ такой литературный портретъ К. Д. Бальмонта, принадлежащій проф. Е. В. Аничкову. Литературнымъ портретамъ предшествуютъ біографическія данныя. Большею частью это автобіографическія данныя. Изъ двухъ автобіографій, помѣщенныхъ въ 1-мъ выпускѣ, Бальмонта и Брюсова, особенно обращаетъ на себя вниманіе автобіографія послѣдняго.

Нечего говорить о томъ, какую большую цѣнность представляютъ подобнаго рода историко-литературные матеріалы.

Чрезвычайно полезенъ будетъ библіографическій указатель, прилагаемый въ концѣ каждаго тома и составленный по матеріаламъ богатаго литературнаго архива С. А. Венгерова.

Пожелаемъ скораго выхода въ свѣтъ настоящаго, очень интереснаго изданія.

Н. Кашинъ.

Библиотека "Руниверс"

«*У Троицы въ Академіи*». М. 1914. Ц. 3 р.

Къ столѣтнему юбилею Московской Духовной Академіи (1 октября 1914 г.) группа бывшихъ учениковъ выпустила сборникъ статей и матеріаловъ, «рисующихъ академическій бытъ за минувшее столѣтіе или характеризующихъ выдающихся дѣятелей Академіи». Этотъ огромный томъ (около 800 стр.) даетъ много сырого матеріала для исторіи Академіи. Правда, нѣкоторые изъ напечатанныхъ документовъ способны вызвать лишь недоумѣніе. Такъ, одинъ изъ друзей В. О. Ключевскаго, г. Барсовъ, записалъ въ 1907 г. свой разговоръ съ покойнымъ историкомъ относительно Максима Горькаго. Эта запись и воспроизводится въ юбилейномъ изданіи, посвященномъ исторіи Московской Духовной Академіи. Повидимому, публикаторъ и весь редакціонный комитетъ изданія, состоящій изъ 12 лицъ, приводятъ запись, какъ документъ, характеризующій «выдающихся дѣятелей Академіи». Отзывъ Ключевскаго, въ передачѣ г. Барсова, однако болѣе, чѣмъ страненъ, чтобы не сказать большаго. Онъ сводится къ тому, что произведенія одного изъ наиболѣе популярныхъ нашихъ писателей годятся лишь для «отбросовъ» общества. «Просвѣщенная публика» должна «съ омерзѣніемъ» отвертываться отъ Горькаго, который «по плечу» только тому «слою низменныхъ людей», которые мнятъ себя «интеллигентами». Академія Наукъ, выбравшая Горькаго въ почетные академики, показала «отсутствіе элементарнаго этическаго чувства у академиковъ нашей эпохи» и т. д.

При какихъ условіяхъ были приведены эти поистинѣ изумительные отзывы и насколько правильно записалъ ихъ г. Барсовъ (моральная отвѣтственность за сообщенное лежитъ на немъ)— не знаемъ, но неужели почитателямъ таланта В. О. Ключевскаго, которыхъ такъ много на словахъ среди бывшихъ воспитанниковъ Духовной Академіи, не стыдно печатать, къ тому же ни къ селу, ни къ городу, подобные «документы»? Во всякомъ случаѣ, для серьезнаго юбилейнаго изданія совершенно непростительная оплошность.

Остальные матеріалы въ значительномъ своемъ большинствѣ послужатъ на пользу историку Академіи, такъ какъ въ нихъ найдется не мало чертъ для характеристики быта и прежнихъ дѣятелей Академіи; въ юбилейные дни этотъ матеріалъ, вѣроятно, съ интересомъ будетъ читаться бывшими воспитанниками Академіи, для которыхъ каждая черта изъ исторіи учрежденія, гдѣ они учились, болѣе или менѣе занимательна: знакомые образы, знакомая среда и бытъ. Однако, матеріалы въ общемъ довольно сѣрые, и немногое можетъ представить общій интересъ.

Самое значительное въ сборникѣ, это—довольно цѣльный очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ наиболѣе выдающихся академическихъ ученыхъ, А. В. Горскаго, составленный свящ. Постниковымъ, и, кромѣ очерка, довольно много и матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ Горскому (письма и пр., всего около 260 стр.). Среди нихъ воспроизводится изъ литографированнаго курса Н. С. Тихонравова (1881—82 гг.) лекція, посвященная работамъ Горскаго и Невоструева. Горскій—большой эрудитъ, и въ этомъ его значеніе, но видѣть въ немъ «свѣтлую, великую,

Библиотека "Руниверс"

геніальную личность» едва ли есть какія-либо основанія. Можно говорить о крупныхъ научныхъ заслугахъ въ очень спеціальной области, но не болѣе того. Это былъ, въ сущности, довольно узкій человѣкъ, не чуждый извѣстнаго сервилизма передъ сильными міра сего и, въ частности, передъ грознымъ «святителемъ» митр. Филаретомъ. Этотъ излишній сервилизмъ не одобрялъ даже Погодинъ, писавшій въ 1842 г., между прочимъ, Горскому: «Я не понимаю вашего страха іудейскаго? Рабъ вы, что ли? Кто имѣетъ право на вашу мысль и дѣло? Во всякомъ случаѣ, статья безъ имени автора никакого вреда причинить вамъ не можетъ. Такого деспотизма вообразить трудно, или, лучше, такого восточнаго подданства. Вы, вы сами виноваты». Это вѣдь писалъ Погодинъ 40-хъ годовъ!!. А вотъ что писалъ самъ Горскій (1850 г.) Невоструеву, возмущенному довольно обычной грубостью Филарета: «Владыка всѣмъ извѣстный ἐργοδιώκτης (надзиратель за работами евреевъ въ Египтѣ). Будемъ это помнить и *дрожать*»... Недостаточно ли это показательно для характеристики независимости ученаго? Осторожность Горскаго шла еще дальше. «Разсказъ Саввы Романова о Стрѣлецкомъ бунтѣ,—пишетъ онъ уже въ 1861 г. другому академическому ученому Смирнову,—кажется, уже не секретъ послѣ выдержекъ, напечатанныхъ у Снегирева и Устрялова. Но намъ не годится публиковать или не слѣдуетъ допускать, чтобы другіе о насъ публиковали, что мы раскольническія рукописи готовы употреблять или сообщать другимъ для такихъ цѣлей, какія имѣютъ въ виду извѣстные господа». Естественно, что при такихъ условіяхъ Ѳ. И. Буслаеву приходилось убѣждать (1859 г.) проф. Смирнова, что «литературное обращеніе къ расколу и старовѣрчеству не только не противоцензурно, но даже было бы одобрительно съ точки зрѣнія такъ называемой благонамѣренности».

Характерная черта для академическихъ ученыхъ эпохи конца 50-хъ годовъ, т.-е. въ моментъ проведенія крестьянской реформы. Выйдя изъ духовной среды, они въ общемъ недоброжелательно относятся къ крѣпостническимъ тенденціямъ дворянства. Горскій и его товарищи сочувственно относятся къ уравненію сословій. Это опредѣленно сквозитъ изъ переписки, напр., проф. Казанскаго съ А. Н. Бахметевой (кстати одной изъ наиболѣе интересныхъ въ сборникѣ): «Здѣсь,—пишетъ онъ 24 марта 1861 г.,—при встрѣчѣ съ бывшими душевладѣльцами боишься и высказать радость, потому что принимаютъ ее за злорадованіе, за выраженіе торжествующей вражды къ сословію». Но эта прогрессивность не шла, однако, далѣе сочувствія реформѣ. Вы видите въ остальномъ полное отрицаніе всего передового, какую-то слѣпую близорукость. Для того же проф. Казанскаго Грановскій, Бѣлинскій, Добролюбовъ «умы все посредственные, скудные положительными знаніями». Горскій, въ свою очередь, очень недоволенъ, что «непризванные дѣятели (журналистики) часто только профанируютъ все дѣло нравственной реформы общества». Однако, время беретъ свое, и молодежь Духовной Академіи невольно реагируетъ на окружающія общественныя теченія и споритъ «за и противъ по поводу покушенія на убійство Трепова въ Петербургѣ Вѣрой Засуличъ» (воспоминанія студ. 70 гг.).

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ воспитанниковъ Духовной Академіи даетъ небезынтересные иногда матеріалы для характеристики умственной атмосферы въ Академіи въ прежніе годы, напр., о попыткѣ учредить въ 1816 г. среди студентовъ общества «ученыхъ бесѣдъ». Надо сказать, что уровень поступающихъ въ Академію подчасъ былъ очень низокъ. Прот. Надеждинъ въ своихъ запискахъ (1832 г.) разсказываетъ такой автобіографическій эпизодъ. На экзаменѣ по церковной исторіи при поступленіи въ Академію на вопросъ, «что сдѣлалъ Сампсонъ», онъ, только что окончившій семинарію, могъ лишь отвѣтить: «многое кое-что сдѣлалъ... онъ связалъ у лисицъ хвостъ съ хвостомъ». Но и занятія въ самой Академіи, несмотря на всю строгость Филарета и авторитетъ Горскаго, повидимому, и въ позднѣйшее время не всегда стояли на должной высотѣ. Въ 1854—55 г. гражданскую исторію читалъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ академистовъ, проф. С. К. Смирновъ, авторъ премированной, Академіей Наукъ «Исторіи славяно-греко-латинской Академіи», посвящавшій, по словамъ одного изъ слушателей, «нѣсколько лекцій» «дѣлу о дѣвицѣ Хлоповой, избранной невѣстѣ царя Михаила Ѳеодоровича». Излагалъ онъ предметъ «анекдотически, забавно, интересно», но едва ли слушатели много выносили познаній изъ русской исторіи при такомъ изображеніи.

Сборникъ въ своей совокупности вообще даетъ много матеріала для характеристики академическихъ дѣятелей. Среди воспоминаній нельзя не отмѣтить живо написанный Маріей Голубцовой очеркъ о Ключевскомъ. Здѣсь интересенъ, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ Ключевскому въ 1906 г. хотѣлось попасть въ депутаты и онъ думалъ пройти въ Троицкомъ посадѣ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ начало автобіографическихъ записокъ извѣстнаго церковнаго историка Голубинскаго: въ сборникѣ помѣщено лишь описаніе дѣтства, остальное появится въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.». Напечатанный отрывокъ имѣетъ бытовой интересъ.

С. Мельгуновъ.

Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. II. С. Б. Веселовскій. Документы о постройкѣ Пустоозерской тюрьмы, о попѣ Лазарѣ, Иванѣ Красулинѣ и Григорьѣ Яковлевѣ. *Тоже — III. В. Г. Дружининъ.* Пустозерскій сборникъ. *Лѣтопись занятій Импер. Археограф. Комм. Вып. XXVI. Спб. 1914.*

Два года тому назадъ Я. Л. Барсковымъ были опубликованы подъ общимъ названіемъ «Памятниковъ первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества» весьма интересные документы и письма, представляющіе цѣнный матеріалъ для первоначальной исторіи старообрядчества. Эти документы, извлеченные въ большинствѣ изъ старыхъ дѣлъ Государственнаго Архива, оказались особенно замѣчательными также и потому, что нѣкоторые изъ нихъ представляли подлинники — автографы знаменитыхъ старообрядческихъ дѣятелей: протопопа Аввакума, свящ. Лазаря, діакона Феодора, боярыни Ѳ. П. Морозовой и нѣк. др. Недавно сразу двумъ лицамъ, С. Б. Веселовскому и В. Г. Дружинину, снова посчастливилось найти нѣсколько важныхъ документовъ, служа-

Библиотека "Руниверс"

щихъ какъ бы дополненіемъ къ матеріаламъ, изданнымъ ранѣе Я. Л. Барсковымъ. Въ предлагаемыхъ II и III выпускахъ «Памятниковъ первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества», напечатанныхъ теперь Императорской Археографической Коммиссіей и заключаются эти новооткрытые матеріалы.

Вып. II-й настоящаго изданія содержитъ 13 офиціальныхъ документовъ, найденныхъ г. Веселовскимъ въ дѣлахъ такъ называемой Новгородской четверти Моск. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ и касающихся постройки въ 1668—70 гг. тюрьмы въ г. Пустозерскѣ для сосланныхъ туда старообрядцевъ, «сказокъ» попа Лазаря и сосланныхъ на сѣверъ старообрядцевъ, нѣкоего Ивана Красулина и попа Григорья Яковлева. Изъ нихъ особенно важными являются 5 бумагъ (№№ 3—7 включ.), относящихся къ дѣлу о посылкѣ священникомъ Лазаремъ изъ Пустозерской тюрьмы своихъ извѣстныхъ двухъ «сказокъ»: царю и патріарху. На основаніи новыхъ данныхъ, заключающихся въ книгѣ г. Веселовскаго, между прочимъ легко объясняется та хронологическая путаница, которая возникла въ исторической литературѣ старообрядчества относительно вопроса о времени написанія указанныхъ «сказокъ» попа Лазаря. Дата написанія «сказокъ» февраль 1668 г. и дата посылки — февраль 1670 г. въ настоящее время могутъ считаться вполнѣ точными. Кромѣ того, теперь при сличеніи найденнаго г. Веселовскимъ подлиннаго автографа Лазаря (съ котораго въ концѣ книги прилагается фототипическій снимокъ) съ оригиналомъ «сказки» патріарху, напечатанной Я. Л. Барсковымъ («Памятники перв. лѣтъ русск. старообр.», стр. 53—67) выяснилось, что послѣдняя писана также собственноручно ея авторомъ. Таково въ общемъ значеніе новыхъ матеріаловъ, опубликованныхъ С. Б. Веселовскимъ.

В. Г. Дружининъ подъ заглавіемъ «Пустозерскаго сборника» (въ видѣ III вып. «Памятниковъ») напечаталъ пять вновь найденныхъ имъ произведеній первыхъ старообрядческихъ писателей. Рукописный сборникъ, изъ котораго извлечены настоящія сочиненія, былъ недавно пріобрѣтенъ г. Дружининымъ для своего извѣстнаго собранія, и, какъ видно изъ его подробнаго описанія, прилагаемаго къ книгѣ, оказался весьма замѣчательнымъ. Тщательная провѣрка и сличеніе этого сборника съ извѣстными ранѣе автографами первыхъ старообрядческихъ дѣятелей показали, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, писаныхъ собственноручно протопопомъ Аввакумомъ, діакономъ Федоромъ и, вѣроятно, старцемъ Епифаніемъ. Но что особенно подчеркиваетъ значеніе этой драгоцѣнной рукописи, это — находящееся въ ней знаменитое «житіе» Аввакума, *писаное его собственной рукой*. Изъ изданныхъ въ книгѣ В. Г. Дружинина статей, заимствованныхъ изъ указаннаго «Пустозерскаго сборника» наибольшій интересъ представляютъ три первыя: О книгѣ «Жезлъ Правленія», «Свидѣтельство очевидца о наказаніи протоп. Аввакума, попа Лазаря, дьякона Феодора и старца Епифанія 14 апрѣля 1670 г. въ Пустозерскѣ» и «Запись прот. Аввакума о томъ, какъ постились въ великій постъ 1671 г. онъ, попъ Лазарь, дьяконъ Феодоръ и старецъ Епифаній». Первая изъ этихъ статей показываетъ между прочимъ, что первоучители старообрядчества, повидимому, хорошо

Библиотека "Руниверс"

были освѣдомлены объ издававшихся противъ нихъ сочиненіяхъ отъ лица господствующей русской церкви. Хотя авторъ этой статьи не указанъ, но можно предполагать, что она писана діакономъ Феодоромъ. «Свидѣтельство» — сочиненіе неизвѣстнаго очевидца заслуживаетъ большого вниманія своимъ довольно подробнымъ описаніемъ такъ называемой «второй» пустозерской «казни», при чемъ точно указываетъ, бывшее до сихъ поръ неопредѣленнымъ, время совершенія этой «казни» — 14 апрѣля 1670 г. «Запись» интересна какъ лишній штрихъ къ біографіи «богатыря-протопопа», свидѣтельствующій еще разъ объ его неисчерпаемомъ запасѣ нравственныхъ силъ. Остальныя двѣ статьи: сочиненія Аввакума «о сложеніи перстовъ» и «о никоніанской жертвѣ», хотя были извѣстны и раньше, но въ иной редакціи и поэтому также представляютъ значительный интересъ.

Въ предисловіи къ изданнымъ статьямъ, авторъ заявляетъ, что къ другимъ находящимся въ сборникѣ сочиненіямъ онъ надѣется «вернуться въ ближайшемъ будущемъ». Съ большимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать обѣщаннаго г. Дружининымъ напечатанія остальныхъ статей «Пустозерскаго сборника».

Вообще же матеріалы, напечатанные какъ г. Веселовскимъ, такъ и г. Дружининымъ, проливаютъ значительный свѣтъ на нѣкоторые, малоизслѣдованные до сихъ поръ, моменты первоначальной исторіи русскаго старообрядчества и поэтому опубликованіе ихъ, безъ сомнѣнія, окажетъ большую услугу дѣлу ея научнаго изученія.

П. Власовъ.

А. Морэ. Во времена фараоновъ, переводъ Е. Григоровичъ, Москва. 1913.

А. Морэ, Цари и боги Египта, переводъ Е. Григоровичъ, Москва. 1914.

Книгоиздательство М. и С. Сабашниковыхъ сочло возможнымъ издать русскій переводъ двухъ сборниковъ популярныхъ статей и лекцій по египтологіи парижскаго ученаго А. Морэ. Нѣкоторыя изъ статей перваго сборника («Au temps des Pharaons») были напечатаны на французскомъ языкѣ уже въ 1906 году; сборникъ «Rois et dieux d'Égypte» вышелъ изъ печати въ 1911 году.

Самъ Морэ говоритъ въ первомъ изъ упомянутыхъ сборниковъ (стр. 173 русскаго перевода): «не будемъ скрывать отъ себя, что большинство современныхъ мнѣній, складывающихся съ чрезчуръ стремительной, но необходимой для успѣховъ науки (sic!) поспѣшностью, будутъ забыты или пересмотрѣны въ недалекомъ будущемъ, когда грядущія открытія разобьютъ ихъ или подвергнутъ критикѣ документы». Поэтому не могу считать особенно удачнымъ выборъ для перевода хотя бы перваго изъ сборниковъ: въ немъ нѣсколько уже устарѣвшихъ взглядовъ. Такъ, едва ли кто-либо изъ слѣдящихъ за наукой будетъ нынѣ утверждать, что «нашествіе (изъ Азіи) внесло въ Египетъ новую народность египтянъ исторической эпохи», что «египетскій языкъ представляетъ развѣтвленіе семитической вѣтви» и «что стиль памятниковъ подтверждаетъ первое предположеніе» (стр. 159 и 178). Мы

Библиотека "Руниверс"

теперь даже въ любомъ учебникѣ исторіи Египта прочтемъ, что египетскій языкъ исторической эпохи родственнен не только семитическимъ языкамъ, но также восточно-африканскимъ языкамъ бишари, галла и самали, и сѣверо-африканскимъ берберскимъ; и во всякомъ случаѣ возможное переселеніе сравнительно менѣе культурныхъ семитическихъ кочевниковъ на свободныя нильскія степи не могло бы наложить отпечатка на египетскую культуру, культуру самобытную, африканскую, какъ объ этомъ говорятъ археологическія находки, особенно архаическіе глиняные сосуды, найденные въ громадномъ количествѣ и прекрасно изданные, напр., въ трудахъ Egypt Exploration Fund'a. Никто не отрицаетъ переселенія семитовъ въ Египетъ даже еще въ историческое время (оно даже изображено въ Бени-Хасанѣ,—Newberry, Beni Hasan, I, Pl. XXXI); число заимствованій изъ семитическихъ языковъ увеличивается особенно въ Новомъ Царствѣ, когда «азіатская мода» вообще играетъ нѣкоторую роль, между прочимъ такъ рѣзко проявляется въ костюмѣ; египетская исторія знаетъ нѣсколько попытокъ не только семитовъ, но также ливійцевъ и эѳіоповъ, захватить прекрасныя пастбища Египта, поживиться богатствами этой благодатной страны. Но все это не измѣнило характера египетской культуры, она сохранила свой своеобразный оттѣнокъ, и даже еще теперешнее населеніе страны сильно отличается отъ семитовъ (а также отъ негровъ), но сохранило черты своихъ предковъ, родственныхъ ливійцамъ (или сѣверо-африканцамъ) и выше упомянутымъ восточно-африканскимъ племенамъ. Не «невозможно», какъ говоритъ Морэ,—«чтобы туземное населеніе додинастическаго времени превратилось въ кузнецовъ и каменщиковъ Абидоса и Негады», а возможно вполнѣ, ибо, какъ читаемъ въ «Исторіи Древняго Востока» проф. Тураева (стр. 159 и 160 перваго тома),—«новѣйшія раскопки у Нага-эд-Деръ въ Верхнемъ Египтѣ и въ Абидосѣ доказали, что передъ нами не какая-то неизвѣстная доисторическая раса, а уже предки классическихъ египтянъ, что не было рѣзкаго перелома въ культурѣ, объясняемаго появленіемъ другого этнографическаго элемента. Измѣненія происходили постепенно подъ вліяніемъ прогресса техники, главнымъ образомъ, распространенія металлическихъ орудій... Краніологическія изслѣдованія наилучшимъ образомъ подтвердили эти выводы, доказавъ, что «династическіе» египтяне—прямые потомки «додинастическихъ» и не обнаруживаютъ никакой примѣси посторонней расы».

Не указалъ Морэ въ томъ же первомъ сборникѣ также на связь, такъ-называемаго, «храма сфинкса» (по Mariette'у) съ пирамидой Хефрена (стр. 179); встрѣчаются еще другія устарѣлыя теоріи [1]), касаться которыхъ, однако, не позволяютъ рамки настоящей рецензіи.

Далѣе недостаткомъ какъ этого сборника, такъ и другого

---

[1]) Есть неточности также во второмъ сборникѣ, гдѣ, напр., на стр. 199 неправильно истолкована фреска, изображающая пляску не «негра», а «жреца въ уборѣ карликообразнаго божества», какъ объ этомъ писалъ еще до появленія сборника проф. Биссингъ.

Библиотека "Руниверс"

(«Rois et dieux d'Égypte») является выборъ статей безъ всякой системы (статьи: «Реставрація египетскихъ храмовъ», «Дипломатія фараоновъ», «Египетъ до пирамидъ», «Вокругъ пирамидъ», «Книга мертвыхъ» и «Магія въ древнемъ Египтѣ»,—въ первомъ сборникѣ, и «Царица Гаттожиту и ея храмъ», «Религіозная революція Аменофиса IV», «Страсти Озириса», «Безсмертіе души», «Мистеріи Изиды», «Нѣсколько легендарныхъ путешествій египтянъ въ Азію», «Гомеръ и Египетъ» и «Чтеніе гіероглифовъ»—во второмъ) и, главное, размѣщеніе ихъ въ сборникахъ въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ нѣкогда были написаны авторомъ. Отдѣльныя статьи въ томъ и другомъ сборникѣ не объединены общей идеей или планомъ; обще имъ лишь то, что всѣ онѣ трактуютъ объ Египтѣ, а помѣщеніе въ первомъ сборникѣ статей о храмахъ и дипломатіи фараоновъ Новаго Царства передъ статьями о древнѣйшемъ Египтѣ непріятно прерываетъ мысль, тѣмъ болѣе, что авторъ въ послѣднихъ статьяхъ того же сборника опять возвращается къ болѣе позднему времени. И то же встрѣчаемъ во второмъ сборникѣ, послѣдняя статья котораго, впрочемъ, могла бы служить прекраснымъ введеніемъ ко всѣмъ, особенно въ томъ случаѣ, если бы русскій издатель не постѣснился въ своемъ изданіи соединить оба сборника вмѣстѣ и видоизмѣнить порядокъ размѣщенія статей. У насъ, въ Россіи, до сихъ поръ такъ мало печаталось объ Египтѣ и, разумѣется, также мало читалось, что тѣ слои общества, для которыхъ предназначены сборники (для спеціалистовъ они мало пригодны) едва ли съ успѣхомъ воспользуются ими.

Что касается перевода, то его въ общемъ слѣдуетъ считать удовлетворительнымъ, хотя нельзя не пожалѣть, что встрѣчаются неудачныя транскрипціи не только египетскихъ именъ (напр.: «Изида» рядомъ съ «Нефтисъ»—стр. 205 перв. сб. и стр. 95 вт. сб., или «Жебъ» вмѣсто «Гебъ» или «Кебъ»—стр. 104 вт. сб.), но также фамилій современныхъ ученыхъ (напр.: «Куртъ Сэтъ» вмѣсто «Куртъ Сете»—Sethe—стр. 154 пер. сб.). Смѣла также транскрипція имени царя второй династіи «Нофирки» (стр. 180 перв. сб.), вмѣсто болѣе осторожнаго «Неферка» или «Неферкаре», и совершенно непонятна въ русской книгѣ французская транскрипція египетскихъ словъ (напр., стр. 213, 221 и 283 перв. сб.), вмѣсто болѣе простой латинской или даже русской. Наконецъ, у Исиды не было вовсе въ рукахъ «ключа жизни» (стр. 175 II сб., это просто символъ жизни), точно такъ же, какъ не было у Осириса какого-то «крючка» (вт. сб.), а былъ жезлъ.

Ф. Баллодъ.

Библиотека "Руниверс"

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Авальяни, С. Зависимыя сословія на Сѣверномъ Кавказѣ. Одесса, 1914 г. **Авальяни, С.** Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. III Одесса—1914. **Библіотека войны** №№ 2; 10—15; 18—23; 25; 26; 28—30; 35—36. Ц. книжки 10 к. Москва Кн-во К. Ф. Некрасова. **Бухгеймъ, Б.** По Италіи. Москва. 1914. Ц. 2 р. 25 к. **Извѣстія** Калужской ученой архивн. комиссіи. Вып. XXII подъ ред. В. И. Ассонова. 1913 годъ. Калуга 1914. Ц. 1 р. 50 к. **Лависсъ, Э. и Рамбо, А.** Эпоха крестовыхъ походовъ. Ч. I и II. Москва. 1914. Изд. М. и С Сабашниковыхъ. Цѣна за обѣ части 4 руб. **М. Ю. Лермонтовъ въ русской поэзіи.** Сбор. стихотв. подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Ц. 40 к. **Павловскій, И.** Полтавцы іерархи, госуд. и общест. дѣятели и благотворители. Изд. Полтав. уч. арх. ком. Полтава. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. **Сарсе.** Осада Парижа. Москва. Кн-во К. Ф. Некрасова. 1914 г. Ц. 1 р. **Сборникъ** Томъ XV вып. IV и V. Въ пам. 300 л. царств. дома Романовыхъ. Дѣйствія Нижег. Губ. Уч. Арх., ком. Нижній-Новгородъ. 1913 г. **Сборникъ** Томъ XVII вып. II и III. Дѣйствія Нижег. Губ. Уч. Арх. Ком. Нижній-Новгородъ. 1914. **Французскіе лирики** XVIII в. Сбор. перев., сост. I. М. Брюсовой подъ ред. и съ пред. В. Брюсова. Москва Кн-во К. Ф. Некрасова. MCMXIV Ц. 2 р.

Изъ исторіи «Баллады о Рыцарѣ, влюбленномъ въ Дѣву».

(По поводу замѣтки В. В. Каллаша).

По мнѣнію В. В. Каллаша[1]), «Баллада о Рыцарѣ, влюбленномъ въ Дѣву» (такъ назвалъ ее однажды самъ Пушкинъ) не была напечатана до появленія въ «Репертуарѣ русскаго театра» 1839 г., и, судя по заглавію, данному тамъ: «Баллада изъ трагедіи *Домъ Аспеновъ*», для г. Каллаша «пока загадочному», представляетъ собою не оригинальное произведеніе нашего поэта, а переводъ!

И то, и другое невѣрно.

Баллада въ той самой редакціи (не считая, конечно, опечатокъ и разночтенія «S. M. V.» вмѣсто «А. М. Д.»), которую изъ «Репертуара» вопроизводитъ г. Каллашъ, была напечатана двумя годами ранѣе: въ V т. «Современника», 1837 г., въ составѣ «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ».

Что же касается до трагедіи «Домъ Аспеновъ», то никакой загадки въ ней нѣтъ. Покойный П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. VIII, 1905 г., стр. 326—329) не только сослался на «Репертуаръ», указаній на который г. Каллашу «въ Пушкинской литературѣ не приходилось встрѣчать», но и познакомилъ читателей съ содержаніемъ «Дома Аспеновъ» — перевода трагедіи Вальтеръ-Скотта («The house of Aspen»). Композитору баллады, которая не принадлежитъ В. Скотту и должна была на русской сценѣ служить «вставнымъ номеромъ», не было надобности, какъ предполагаетъ г. Каллашъ, «получить стихотвореніе непосредственно отъ Пушкина», такъ какъ оно было опубликовано раньше.

Н. Лернеръ.

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» № 7.

Библиотека "Руниверс"

Станиславъ Понятовскій и его мемуары.

Станиславъ Понятовскій, впослѣдствіи Станиславъ-Августъ, послѣдній король Польши, имѣлъ вкусъ къ перу. Уже въ 1771 г., занимая польскій тронъ, онъ нашелъ возможнымъ приступить къ писанію мемуаровъ. Конечно, онъ предавался этой литературной работѣ съ частыми перерывами, но все же постоянно возвращался къ ней при первой же возможности и за время своего недолгаго царствованія успѣлъ закончить первую часть мемуаровъ. Утрата короны, жизнь въ Гродно и потомъ въ Петербургѣ на полномъ досугѣ еще болѣе привязали его къ литературнымъ занятіямъ. Онъ началъ писать дневникъ и неутомимо продолжалъ составленіе мемуаровъ. Адамъ Чарторыйскій, посѣщавшій Станислава-Августа въ Петербургѣ во времена Павла I, сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что ему нерѣдко приходилось заставать бывшаго польскаго короля по утрамъ, въ халатѣ, еще непричесаннымъ и погруженнымъ въ писаніе мемуаровъ. Чарторыйскому удалось достать себѣ ту часть этихъ мемуаровъ, въ которой изложено пребываніе Понятовскаго въ Петербургѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны. «Остальные томы—замѣчаетъ Чарторыйскій—были такъ хорошо спрятаны или уничтожены, что отъ нихъ не осталось, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ слѣдовъ»[1].) Князь Чарторыйскій впалъ тутъ въ ошибку. Мемуары Понятовскаго цѣликомъ сохранились до нашего времени. По смерти бывшаго польскаго короля одинъ изъ его секретарей Фризе передалъ восемь томовъ этихъ мемуаровъ князю Репнину, а два послѣдніе тома были взяты графомъ Сергѣемъ Румянцевымъ. Репнинъ, по повелѣнію императора Павла, представилъ свои восемь томовъ въ Императорскій Кабинетъ, откуда они уже въ 1832 г. были переданы по приказанію императора Николая I въ Государственный Архивъ, гдѣ и хранились въ запечатанномъ пакетѣ, который разрѣшено было вскрыть уже въ настоящее царствованіе. Что же касается двухъ послѣднихъ томовъ, попавшихъ къ графу Румянцеву, то они были переданы графомъ въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а позднѣе были переданы оттуда въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и вошли въ составъ собранія документовъ, касающихся Польши.

Въ настоящее время Академія Наукъ приступила къ изданію всѣхъ этихъ десяти томовъ подъ редакціей начальника Государ-

---

[1]) «Мемуары кн. Адама Чарторижскаго». Переводъ А. Дмитріевой. изданіе К. Ф. Некрасова. М. 1912 г., т. I, стр. 149.

Библиотека "Руниверс"

ственнаго Архива г. Горяинова, извѣстнаго многими сочиненіями и изданіями, посвященными русской исторіи. Передъ нами—первая книга этого академическаго изданія, объемлющая четыре первыхъ тома мемуаровъ Станислава Понятовскаго[1]). Описаніе дѣтства и юности Понятовскаго, его поѣздки во Францію и Англію, его пребыванія въ Петербургѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны и сближенія съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной, будущей императрицей Екатериной II, исторія избранія его на польскій престолъ и разсказъ о первыхъ годахъ его царствованія до начала 1772 г.,—вотъ что составляетъ содержаніе той части мемуаровъ, которая вошла въ первый томъ академическаго изданія.

Не все представляетъ здѣсь полную новость. Я уже упомянулъ о томъ, что первыя двѣ части мемуаровъ были сообщены въ копіи князю Адаму Чарторыйскому самимъ Станиславомъ-Августомъ. Эта копія хранится до сихъ поръ въ Краковскомъ музеѣ князей Чарторыйскихъ. По всей вѣроятности по этой именно рукописи и были предприняты въ 60 и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія печатныя изданія нѣкоторыхъ фрагментовъ этихъ мемуаровъ. Такъ, въ 1862 г. въ Познани былъ напечатанъ на французскомъ языкѣ разсказъ Понятовскаго о его пребываніи въ Петербургѣ при Елизаветѣ Петровнѣ, а въ 1870 г. въ Дрезденѣ вышелъ въ свѣтъ польскій переводъ двухъ первыхъ томовъ мемуаровъ Понятовскаго [2]).

Теперь мы впервые получимъ полный текстъ мемуаровъ, оставленныхъ послѣднимъ польскимъ королемъ, со всѣми примыкающими къ нимъ отдѣльными набросками и очерками.

Напечатанныя до сихъ поръ части мемуаровъ Понятовскаго представляютъ наибольшій интересъ въ смыслѣ характеристики личности самого ихъ автора. Судьба поставила этого человѣка въ одно изъ такихъ положеній, въ которыхъ люди, одаренные глубокой и сильной натурой, возвышаются до трагическаго величія. Но въ натурѣ Станислава Понятовскаго какъ разъ не было и слѣда ни глубины, ни силы. Онъ занялъ польскій престолъ въ тотъ роковой моментъ, когда надъ польскимъ королевствомъ уже была занесена смертоносная коса. Понятовскій былъ настолько уменъ, чтобы понять всю остроту опасности, нависшей надъ его родиной. И онъ дѣйствительно понималъ эту опасность; онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько были необходимы для спасенія Польши тѣ органическія государственныя преобразованія, которыхъ никакъ не хотѣли допустить ни Пруссія, ни Екатерина II. Онъ сознавалъ, что отклоненіе этихъ реформъ обрекаетъ польское королевство на безнадежную агонію, исходъ которой не могъ подлежать никакому сомнѣнію. И, сознавая все это, онъ не только не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшей способности противостать враждебнымъ его родинѣ силамъ, но, напротивъ того, полагалъ свое личное счастье въ томъ, чтобы служить этимъ силамъ, въ химерической надеждѣ, что такимъ путемъ онъ

[1]) «Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski». Tome I, S.-Petersb., 1914. стр. 720. Ц. 5 р.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія о судьбѣ рукописей Понятовскаго мы заимствуемъ изъ предисловія г. Горяинова къ академическому изданію.

Библиотека "Руниверс"

вернетъ себѣ рано или поздно расположеніе русской царицы, которая нѣкогда подарила его ласками любви, а затѣмъ съ холодною расчетливостью рѣшила сдѣлать изъ него послушное орудіе своихъ политическій комбинацій относительно Польши.

Трагедію погибающей родины этотъ король съ беззаботной непринужденностью растворялъ въ своемъ сознаніи въ романическихъ печаляхъ и надеждахъ собственной маленькой личности. Онъ могъ бы съ полнымъ основаніемъ избрать девизомъ своего царствованія извѣстное изрѣченіе «après nous le deluge». Сознавая критическое положеніе Польши, видя надвигающіяся на нее грозовыя тучи, Станиславъ-Августъ началъ царствовать такъ, какъ будто его родина переживала цвѣтущее время высшаго счастья. Какъ ни въ чемъ не бывало, король веселился безпечно и легкомысленно, толкая на тотъ же путь и примыкавшія къ его двору общественныя группы. Король и его дворъ поистинѣ «танцовали на вулканѣ». Поверхностное меценатство, роскошныя придворныя забавы, безудержная расточительность и развратъ цѣликомъ поглощали энергію Станислава-Августа, а на будущность своего народа, принимавшую все болѣе зловѣщій характеръ, онъ какъ будто махнулъ рукой, предоставляя событіямъ развиваться своимъ чередомъ. Питалъ ли онъ надежду на то, что на его вѣкъ хватитъ этой продолжительной агоніи его королевства, которая не мѣшала ему превращать свою жизнь въ сплошной праздникъ? Мы не знаемъ этого. Но если такая надежда не была чужда его душѣ, то ей вскорѣ суждено было разбиться о жестокую дѣйствительность. Погибло польское королевство, опрокинулся тронъ Станислава-Августа, величайшая катастрофа рѣзко оборвала праздничный угаръ его жизни. Въ глубокихъ натурахъ такія катастрофы производятъ мгновенныя нравственныя перерожденія. Ничего подобнаго не произошло со Станиславомъ-Августомъ. Онъ подчинился удару судьбы съ безусловной пассивностью и, довольствуясь сохраненіемъ личнаго комфорта, поплылъ себѣ дальше по теченію своего жизненнаго потока, какъ будто превращеніе изъ короля въ празднаго писателя мемуаровъ, содержимаго на счетъ поработителей его родины, мало чѣмъ отличалось въ его глазахъ отъ принудительнаго выхода со службы въ отставку съ полученіемъ хорошаго пожизненнаго пенсіона. Онъ жилъ въ Гродно, потомъ въ Петербургѣ въ полной праздности, и окруженный роскошью. У него былъ превосходный поваръ, великолѣпная сервировка, широкій кредитъ. Чего же было еще желать? Правда, въ послѣдніе годы его жизни кредитъ началъ изсякать. Кредиторы становились все прижимистѣе. Но и тутъ нашлось средство выходить изъ затрудненій. У неунывающаго ex-короля былъ богатый камердинеръ. Подъ подпись на векселѣ этого камердинера ростовщики еще соглашались давать ссуды. Камердинера звали Рух. И ростовщики острили, говоря, что подпись Рух значитъ для нихъ больше, нежели подпись Rex. Въ почетномъ заключеніи, также какъ и на королевскомъ тронѣ, Станиславъ-Августъ привыкъ находить въ веселыхъ остротахъ, приправленныхъ чудесами поварскаго искусства, вполнѣ достаточное забвеніе отъ призраковъ надвигающихся катастрофъ.

Библиотека "Руниверс"

Но мы знаемъ теперь, что этотъ неисправимо-беззаботный жуиръ посвящалъ цѣлыя утра писанію мемуаровъ. И вотъ является вопросъ: въ этихъ уединенныхъ бесѣдахъ съ самимъ собой за письменнымъ столомъ, повѣряя бумагѣ свое прошлое, не раскрывалъ ли онъ какія-нибудь тайныя движенія своей души, которыя могли бы бросить новый свѣтъ на его личность? Быть можетъ, онъ умышленно надѣвалъ передъ людьми маску безчувственнаго эгоизма, предпочитая раскрыть интимную сущность своей духовной жизни не современникамъ, а потомству? Печатаемые теперь мемуары Понятовскаго и даютъ на этотъ вопросъ опредѣленно-отрицательный отвѣтъ. Читаемъ эти мемуары и передъ нами вырисовывается совершенно законченный типъ человѣка, представляющаго собой утонченный продуктъ салонной цивилизаціи, въ которой все было направлено на внѣшній блескъ, прикрывающій душевную пустоту, и безсердечный эгоизмъ. Согласно кодексу этой салонной цивилизаціи человѣкъ долженъ былъ отличаться образованностью, воспитанностью и добропорядочностью. Но при этомъ подъ образованностью разумѣлся извѣстный minimum внѣшнихъ формальныхъ свѣдѣній, а вовсе не пріобщеніе мысли къ высшимъ умственнымъ интересамъ своего времени; подъ воспитанностью—усвоеніе обязательныхъ въ свѣтскомъ обществѣ манеръ, а вовсе не укрѣпленіе въ твердыхъ правилахъ морали; подъ добропорядочностью—ровное самообладаніе при всякихъ случаяхъ жизни, проистекающее, однако, не изъ силы воли и не изъ внутренняго душевнаго закала, а просто изъ того свѣтскаго предразсудка, по которому человѣку comme il faut неприлично терять душевное равновѣсіе и проявлять какое-либо сильное волнующее чувство. Такъ, можно было являться человѣкомъ, по мнѣнію свѣта, образованнымъ, благовоспитаннымъ, добропорядочнымъ и въ то же время отличаться по существу достаточною невѣжественностью, полнымъ равнодушіемъ къ серьезнымъ жизненнымъ запросамъ, деревянной черствостью сердца и неограниченнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію аппетитовъ сластолюбія и плотоугодія.

Такимъ именно человѣкомъ comme il faut, бездушно-пустымъ, поверхностнымъ и эгоистичнымъ, и являлся Станиславъ Понятовскій отъ младыхъ ногтей и до конца жизни, несмотря на то, что необычайные переломы его измѣнчивой судьбы могли бы, казалось, пробудить въ его душѣ болѣе глубокія чувства, болѣе возвышенныя стремленія.

Автобіографическая повѣсть этого человѣка вся проникнута такимъ, я сказалъ бы, беззаботно-диллетантскимъ отношеніемъ и къ радостямъ и къ печалямъ жизни.

Первая часть мемуаровъ Понятовскаго, въ которой онъ описываетъ свое дѣтство и молодость до встрѣчи своей съ Екатериной, представляетъ интересъ по разсѣяннымъ въ ней довольно яркимъ картинкамъ и сценкамъ изъ быта аристократической Польши XVIII столѣтія. Перо мемуариста живо передаетъ различные эпизоды изъ борьбы партій на польскихъ сеймикахъ; обстановку придворныхъ празднествъ, бытъ крупныхъ польскихъ магнатовъ; нравы захолустныхъ мелкихъ усадьбъ; свое-

Библиотека "Руниверс"

образные пріемы управленія; всю эту пеструю смѣсь новой государственности съ многочисленными пережитками феодальнаго средневѣковья, изъ которой слагалась политическая и общественная жизнь тогдашней Польши. Нельзя сказать, чтобы въ яркости этого изображенія было повинно литературное дарованіе автора мемуаровъ. Писанія Понятовскаго вовсе не блещутъ литературнымъ талантомъ. Но факты, имъ приводимые, сами по себѣ такъ колоритны, что изъ совокупности ихъ въ умѣ читателя незамѣтно слагается выпуклая бытовая картина. Записывая всѣ эти факты на страницы своихъ мемуаровъ, авторъ, однако, не обнаруживаетъ сколько-нибудь вдумчиваго къ нимъ отношенія. Для него это просто-на-просто матеріалъ для занимательнаго разсказа. Ему нѣтъ дѣла до рокового политическаго значенія наблюдаемыхъ имъ явленій, которыя онъ преподноситъ читателю лишь, какъ любопытные анекдоты. Ему вообще нѣтъ дѣла до серьезной стороны жизни, его разсѣянное вниманіе скользитъ лишь по ея наружной поверхности.

Разсказываетъ Понятовскій и о своемъ путешествіи во Францію и Англію. Какую обильную пищу для ума могло бы представить такое путешествіе для образованнаго иностранца во второй половинѣ XVIII столѣтія! Отъ мемуаровъ Понятовскаго остается, однако, такое впечатлѣніе, какъ будто онъ совсѣмъ не замѣтилъ и не почувствовалъ того мощнаго умственнаго броженія, которое совершалось тогда на западѣ Европы, того обостренія соціальныхъ контрастовъ, которое уже начинало грозить Европѣ «стараго порядка» революціонной катастрофой. Пріѣхавъ въ Парижъ въ 1753 г., Понятовскій вошелъ въ знаменитый салонъ госпожи Жоффренъ, которую онъ впослѣдствіи звалъ «maman»; ему приходилось присутствовать тамъ на вечерахъ, на которые собирались перворазрядныя знаменитости ученаго и литературнаго Парижа. И что же счелъ онъ нужнымъ разсказать объ этихъ вечерахъ въ своихъ воспоминаніяхъ? Да всего на всего лишь то, что на одномъ изъ такихъ вечеровъ Монтескье спѣлъ пѣсенку своего сочиненія въ честь Ла-Валльеръ, а на другомъ вечерѣ Фонтенелль шутливо спросилъ Понятовскаго, умѣетъ ли онъ говорить по-польски такъ же хорошо, какъ по-французски. Вотъ и всѣ впечатлѣнія Понятовскаго отъ тѣхъ вечеровъ, которые служили однимъ изъ центральныхъ фокусовъ умственнаго движенія тогдашней Франціи. Мы знаемъ, что Понятовскаго гораздо болѣе привлекалъ веселящійся свѣтскій Парижъ съ его распущенными забавами, но объ этой сторонѣ своего пребыванія во Франціи онъ предпочитаетъ почти совсѣмъ умалчивать въ своихъ мемуарахъ. Говоря о своемъ пребываніи въ Англіи, онъ набрасываетъ бѣглыя характеристики нѣкоторыхъ представителей высшей англійской знати, но—что также весьма характерно—ни въ чемъ не обнаруживаетъ серьезнаго интереса къ своеобразному строю государственныхъ учрежденій этой страны.

Вторая часть мемуаровъ Понятовскаго имѣетъ особенное значеніе, потому что здѣсь излагается романъ Понятовскаго съ Екатериной, завязавшійся въ 1755 г., когда Понятовскій прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла отъ

Библиотека "Руниверс"

польскаго королевства. Разсказъ Понятовскаго объ этомъ знаменательномъ эпизодѣ его жизни любопытно сопоставить съ тѣмъ, что сообщаетъ о томъ же Екатерина II въ своихъ автобіографическихъ запискахъ и въ нѣкоторыхъ интимныхъ своихъ письмахъ. До насъ дошло любопытнѣйшее письмо Екатерины II къ князю Потемкину, написанное около 1774 г. и содержащее откровенную исповѣдь Екатерины о ея романическихъ увлеченіяхъ до сближенія съ Потемкинымъ. Вотъ что читаемъ здѣсь о Понятовскомъ. Сказавъ о своемъ романѣ съ Салтыковымъ, Екатерина продолжаетъ: «по прошествіи двухъ лѣтъ С. С. послали посланникомъ, ибо онъ себя нескромно велъ, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была въ силѣ его удержать. По прошествіи года и великой скорби пріѣхалъ нынѣшній король польскій, котораго отнюдь не примѣтили, но добрія люди заставили пустыми подробностями догадаться, что онъ на свѣтѣ, что глаза были отменной красоты и что онъ ихъ обращалъ, хотя такъ близорукъ, что далѣе носа не видитъ, чаще на одну сторону, нежели на другія. Сей былъ любезенъ и любимъ отъ 1755 до 1761 г., по тригоднишной отлучкѣ, то-есть отъ 1758 и старательства кн. Гр. Гр., котораго паки добрія люди заставили примѣтить, переменили образъ мыслей»[1]). Въ автобіографическихъ запискахъ Екатерина такъ излагаетъ исторію сближенія съ Понятовскимъ. Она увидѣла молодого польскаго посла въ первый разъ на одномъ изъ придворныхъ праздниковъ въ Ораніенбаумѣ. Понятовскій участвовалъ въ танцахъ. Екатерина смотрѣла на танцующихъ и обратила вниманіе на Понятовскаго. Любопытно, что какъ разъ въ этотъ моментъ около Екатерины оказался англійскій посолъ Вилльямсъ, который тотчасъ же началъ расхваливать великой княгинѣ интереснаго танцора. Екатерина переживала въ это время тяжелыя минуты разрыва съ Салтыковымъ. Ея натура не могла перенести одиночества и кто-то усердно заботился о томъ, чтобы срокъ этого одиночества оказался для нея возможно болѣе краткимъ. Левъ Нарышкинъ, съ семьей котораго Екатерина въ это время была очень дружна, вдругъ началъ присылать Екатеринѣ письма, яко бы въ виду болѣзни, удерживавшей его дома. «Я совершенно ясно видѣла,—разсказываетъ Екатерина въ «Запискахъ»,—что эти письма писаны нъ Нарышкинымъ. Я отвѣчала. Въ этихъ письмахъ онъ просиле прислать то варенья, то другихъ подобныхъ же мелочей, потомъ онъ меня благодарилъ. Письма были очень хорошо написаны и чрезвычайно веселы. Онъ говорилъ, что пишетъ его секретарь. Наконецъ, я узнала, что секретаремъ этимъ былъ Понятовскій, который не жилъ у себя, а водворился въ домѣ Нарышкина». 17 декабря 1755 г. часу въ седьмомъ вечера, Левъ Нарышкинъ явился въ комнату Екатерины Алексѣевны и предложилъ провести ее тайкомъ отъ великаго князя въ домъ жены своего брата. Екатерина изъ предосторожности надѣла мужской костюмъ, они отправились къ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной и... нашли тамъ Понятовскаго. Черезъ нѣсколько дней при помощи того же

[1]) «Сочиненія императрицы Екатерины II». Изданія Академіи Наукъ, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1907 г., т. XII, стр. 697.

Библиотека "Руниверс"

Нарышкина Понятовскій отдалъ визитъ Екатеринѣ, будучи такъ искусно проведенъ Нарышкинымъ въ комнату Екатерины, что никто этого не замѣтилъ. «Такъ начался 1756 годъ,—читаемъ въ «Запискахъ» Екатерины,—мы находили особое удовольствіе въ этихъ тайныхъ свиданіяхъ [1]).

Въ мемуарахъ Понятовскаго находимъ дальнѣйшій объяснительный комментарій къ этимъ краткимъ сообщеніямъ Екатерины. Понятовскій пишетъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ и увидавъ великую княгиню, онъ пылко полюбилъ ее. Англійскій посолъ Вилльямсъ, къ которому Понятовскій относился, какъ къ своему ближайшему другу и ментору, сталъ повѣреннымъ его любовнаго увлеченія и немедленно проявилъ особую заботливость о томъ, чтобы устроить сближеніе Понятовскаго съ Екатериной. Благодаря Вилльямсу, дѣйствовавшему заодно съ Бестужевымъ, Понятовскій былъ представленъ Екатеринѣ въ одинъ день съ графомъ Лендроффомъ, при чемъ Екатерина высказала, что изъ двухъ этихъ кавалеровъ «полякъ ей понравился больше». Эту фразу слышалъ Левъ Нарышкинъ, который тотчасъ же сблизился съ Понятовскимъ, передалъ ему слова Екатерины и началъ настойчиво подогрѣвать и окрылять его надежды. Послѣ долгихъ колебаній Понятовскій рѣшился написать записочку великой княгинѣ. Нарышкинъ взялся передать записочку по назначенію и на слѣдующій день принесъ отвѣтъ. «А черезъ нѣсколько дней,—пишетъ далѣе Понятовскій,—онъ (т.-е. Нарышкинъ) привелъ меня къ ней, предупредивъ ее объ этомъ лишь тогда, когда я находился уже у двери ея гардеробной, въ вечерній часъ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было ожидать черезъ какіе-нибудь четверть часа прохода великаго князя, такъ что ей не оставалось ничего иного, чтобы меня спрятать, какъ ввести меня къ себѣ, иначе она могла бы подвергнуть и меня и себя самое величайшей опасности». «Не могу отказать себѣ въ удовольствіи,—пишетъ далѣе Понятовскій,—описать здѣсь нарядъ, въ которомъ я ее нашелъ въ этотъ день: то было платье изъ бѣлаго сатина; единственнымъ украшеніемъ ея былъ легкій кружевной уборъ съ розовыми лентами. Она никакъ не могла взять въ толкъ, какимъ образомъ оказалось возможнымъ, что я очутился въ ея комнатѣ; правда, я и самъ часто задавалъ себѣ впослѣдствіи этотъ вопросъ».

Какъ видите, разсказы Екатерины и Понятовскаго о подготовкѣ ихъ сближенія и обстоятельствахъ ихъ перваго свиданія не во всемъ совпадаютъ другъ съ другомъ. Но въ общемъ эти разсказы сходны и, что особенно важно отмѣтить, въ обоихъ разсказахъ—у Екатерины мимоходомъ, а у Понятовскаго совершенно открыто,—указано на роль Вилльямса въ завязкѣ этого романа. Намъ теперь извѣстно во всѣхъ подробностяхъ, что Вилльямсъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ изъ политическихъ побужденій. То былъ моментъ, когда въ Петербургѣ вокругъ великой княгини Екатерины велась сложная «конъюнктура», какъ говорили тогда, или политическая интрига, какъ сказали бы мы теперь. Вилльямсъ стоялъ въ центрѣ этихъ махинацій.

---

[1]) Ib., стр. 357—364.

Библиотека "Руниверс"

Онъ воспользовался Понятовскимъ, какъ своего рода магнитомъ, посредствомъ котораго онъ разсчитывалъ крѣпче притянуть Екатерину къ своему кругу и, слѣдовательно, къ своимъ комбинаціямъ [1]). Извѣстно, что Екатерина, всегда отлично умѣвшая разграничивать въ своей душѣ любовь и политику, удовлетворила свою кратковременную страсть къ Понятовскому, продолжая разсчитывать свои политическіе шаги совершенно независимо отъ хода любовнаго увлеченія. Измѣнилась «конъюнктура», явился и новый предметъ увлеченія, а Понятовскому дана была чистая отставка, чему онъ, впрочемъ, по своей недальновидности, долго не хотѣлъ повѣрить.

Вотъ набросанный Понятовскимъ портретъ Екатерины, относящійся ко времени ихъ сближенія: «ей было 25 лѣтъ; у нея были черныя волосы и ослѣпительно бѣлый цвѣтъ кожи; большіе голубые, очень выразительные глаза съ длинными черными рѣсницами; острый носъ; ротъ, какъ будто зовущій къ поцѣлуямъ; великолѣпныя руки; стройная, скорѣе высокая, нежели низкая, талія; легкая и въ то же время въ высшей степени благородная походка; пріятно-звучный голосъ; веселый смѣхъ и веселое расположеніе духа, благодаря которому она совершенно легко переходила отъ самыхъ ребяческихъ забавъ къ занятіямъ за письменнымъ столомъ, за которымъ она никогда не боялась ни физическаго утомленія, ни трудностей дѣловыхъ бумагъ, какъ бы ни было многозначительно или даже опасно ихъ содержаніе. Она обладала многими познаніями; привѣтливая, отлично умѣющая затронуть слабую сторону каждаго человѣка, она, опираясь на любовь общества, проложила себѣ впослѣдствіи путь къ трону, столь много ею прославленному».

Кажется, не будетъ ошибкой сказать, что въ этомъ портретѣ отдана нѣсколько преувеличенная хвала физическимъ совершенствамъ молодой Екатерины—которая вовсе не была такой писаной красавицей—и зато слишкомъ мимоходомъ оцѣнены интересныя свойства ея духовной природы, правда далекой отъ геніальности, которую ей безъ всякаго основанія приписывали льстецы разныхъ эпохъ, но все же недюженной и во многихъ отношеніяхъ весьма примѣчательной. Въ глазахъ Понятовскаго «красавица» какъ будто заслонила собою въ личности Екатерины ея духовные дары. Женскія прелести Екатерины Понятовскій перечисляетъ съ словоохотливостью влюбленнаго, а относительно сильныхъ сторонъ ея умственной индивидуальности онъ ограничивается бѣглой общей фразой. Не проливаетъ ли это нѣкотораго свѣта на ихъ взаимныя отношенія? Понятовскій преимущественно оцѣнилъ въ Екатеринѣ то, что было болѣе доступно кругу его интересовъ. Должно быть, и Екатерина отдала себѣ отчетъ въ томъ, дальше чего не простираются интересы этого новаго временнаго друга ея сердца. Въ этомъ отношеніи не лишенъ характерности одинъ любопытный штрихъ: Екатерина, какъ извѣстно, много и усердно читала. Монтескье былъ ея настольнымъ писателемъ;

---

[1]) См. переписку Вильямса съ Екатериной, опубликованную недавно г. Горяиновымъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древн. россійскихъ».

Библиотека "Руниверс"

произведенія Вольтера дѣйствовали на нее, какъ оживляющее лѣкарство; у нея хватало отваги погружаться въ спеціальнѣйшіе ученые трактаты Блекстона, Блюменфельда и т. д. И вотъ характерно, что для чтенія вмѣстѣ съ Понятовскимъ изъ всей литературы ея любимыхъ авторовъ была выбрана только поэма Вольтера... «Pucelle».

Какъ въ автобіографическихъ запискахъ Екатерины, такъ и въ мемуарахъ Понятовскаго находимъ далѣе довольно подробное описаніе тѣхъ пріемовъ, къ которымъ великой княгинѣ и польскому послу приходилось прибѣгать для устройства своихъ свиданій такъ, чтобы можно было избѣжать всякихъ подозрѣній со стороны великаго князя Петра. Разсказы объ этомъ Екатерины и Понятовскаго опять таки, дополняя другъ друга въ частностяхъ, сходятся въ основномъ. Приходилось прибѣгать и къ переодѣваніямъ и къ разнымъ другимъ маленькимъ хитростямъ, которыя удавались тѣмъ легче, что Петръ Ѳедоровичъ не отличался ни дальновидностью, ни догадливостью и нерѣдко самъ безсознательно содѣйствовалъ удачному осуществленію направленныхъ противъ него замысловъ альковной тактики и стратегіи. Останавливаться на этихъ эпизодахъ мы не будемъ. Гораздо интереснѣе отмѣтить, что мимолетному счастью влюбленныхъ настоящая опасность грозила совсѣмъ съ другой стороны.

Сближеніе Екатерины съ Понятовскимъ, устроенное Вилльямсомъ и Бестужевымъ, являлось вѣдь однимъ изъ частныхъ эпизодовъ сложной политической комбинаціи, направленной противъ антипрусской политики Елизаветинскаго правительства. Вилльямсъ, какъ представитель Великобританіи, стремился къ разрушенію союза Россіи съ Австріей и Франціей, направленнаго противъ Пруссіи. Для достиженія этой цѣли рѣшено было опереться на Екатерину, и пылкую страсть Понятовскаго Вилльямсъ рѣшилъ использовать лишь для того, чтобы тѣмъ надежнѣе удержать Екатерину въ сферѣ своего вліянія. Понятовскій являлся не болѣе, какъ маріонеткой, которую Вилльямсъ держалъ и дергалъ за ниточку, мечтая о томъ, чтобы къ той же ниточкѣ привязать и Екатерину. Расчеты эти лопнули вслѣдствіе того, что руководимый Вилльямсомъ комплотъ былъ разоблаченъ. Сама Екатерина оказалась на краю бездны, такъ какъ арестъ Бестужева могъ повести къ отысканію въ его бумагахъ компрометирующихъ Екатерину писемъ. Но многоопытный Бестужевъ успѣлъ все во-время сжечь. Уличающіе Екатерину документы такимъ образомъ исчезли, а что касается голословныхъ подозрѣній, то разсѣять ихъ взялась сама Екатерина и въ бесѣдѣ съ императрицей Елизаветой выполнила эту задачу съ присущимъ ей апломбомъ и талантомъ искусной актрисы на сценѣ придворной жизни. Итакъ Екатерина спаслась отъ политической катастрофы. Но надъ романомъ съ Понятовскимъ пришлось поставить крестъ. Вилльямсъ и всѣ связанныя съ нимъ лица,—а въ томъ числѣ и Понятовскій,—должны были покинуть Россію. Понятовскій уѣзжалъ въ той увѣренности, что рано или поздно, при наступленіи болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, онъ вернется къ Екатеринѣ, какъ неизмѣнный владыка ея сердца. Екатерина самымъ рѣшительнымъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ разбила эту увѣренность. Когда совершилось ея воцареніе, Понятовскій ожидалъ, что онъ тотчасъ бедутъ призванъ въ Петербургъ. Онъ сталъ бомбардировать Екатерину запросами въ этомъ смыслѣ. Отвѣтъ получался все одинъ и тотъ же. При малѣйшей чуткости Понятовскій сразу долженъ былъ бы понять, что надъ прошлымъ поставленъ крестъ. Но Понятовскій упорно продолжалъ проситься въ невскую столицу. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ умѣ Екатерины ему уже была предназначена опредѣленная роль не въ Петербургѣ, а въ Варшавѣ. Для полученія русскаго трона услуги Понятовскаго Екатеринѣ не понадобились. Но она рѣшила, что Понятовскій долженъ будетъ помочь ей разрушить тронъ польскихъ королей. И для этой цѣли Екатерина самаго Понятовскаго сдѣлала послѣднимъ королемъ обреченной на гибель Польши.

Въ третьей и четвертой частяхъ своихъ мемуаровъ Понятовскій излагаетъ исторію своего избранія на польскій престолъ и первыхъ лѣтъ своего царствованія. Конечно, эти части имѣютъ первостепенное историческое значеніе, совершенно независимо отъ степени точности и полноты сообщаемыхъ здѣсь фактическихъ данныхъ. Для изученія подлинной исторіи паденія польскаго королевства историки пользуются совокупностью многихъ взаимно провѣряемыхъ источниковъ и мемуары Понятовскаго, конечно, также будутъ подвергнуты съ этой цѣлью критической провѣркѣ. Но каковы бы ни оказались результаты этой провѣрки, на которую я лично отважиться не могу, не считая себя для того достаточно компетентнымъ въ вопросахъ польской исторіи,—все же мемуары Понятовскаго во всякомъ случаѣ останутся важнымъ для историка памятникомъ именно потому, что они вышли изъ-подъ пера послѣдняго короля Польши. Намъ во всякомъ случаѣ важно знать, какъ претворились въ памяти этого, именно, человѣка описываемыя имъ событія, *что* и *какъ* счелъ онъ возможнымъ сообщить потомству изъ исторіи свой дѣятельности въ столь трагическій для его родины моментъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все царствованіе Понятовскаго приходится разсматривать, какъ прологъ къ паденію польскаго королевства. Борьба польскихъ патріотовъ за проведеніе такихъ реформъ, которыя могли бы укрѣпить и возродить къ новой жизни государственный организмъ Польши и неуклонное подавленіе Пруссіей и Россіей всѣхъ такихъ обновительныхъ попытокъ—вотъ что составляло главное содержаніе польской исторіи за тѣ годы, которыхъ касаются разсматриваемыя части мемуаровъ Понятовскаго. Къ чему же сводилась роль самого Понятовскаго въ этихъ событіяхъ? Согласно общераспространенному взгляду, Понятовскій очень скоро сталъ почти пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ кн. Репнина, русскаго посланника, опиравшагося на 30-титысячную русскую армію и возбуждавшаго часть шляхты противъ всякаго преобразованія государственнаго строя Польши. Приходится признать, что мемуары Понятовскаго не колеблютъ этого представленія, а только подкрѣпляютъ его. Правда, Понятовскій какъ будто старается во многихъ мѣстахъ своего повѣствованія подчеркнуть свою оппозицію Репнину, но эти старанія

Библиотека "Руниверс"

все же ни въ чемъ не измѣняютъ смысла самихъ фактовъ, излагаемыхъ и Понятовскимъ и показывающихъ, что Екатерина знала, что она дѣлала, возводя Понятовскаго на польскій тронъ. Польша погибала; это не подлежало никакому сомнѣнію. Для спасенія ея требовались бы беззавѣтныя героическія усилія. Но героическія настроенія, какъ мы уже знаемъ, были совершенно чужды природѣ Понятовскаго. Онъ и не помышлялъ о томъ, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ отчизной. Комфортабельное прозябаніе на берегахъ Невы, послѣ паденія его трона, улыбалось ему въ большей мѣрѣ, нежели героическая гибель на берегахъ Вислы въ послѣдній часъ существованія его королевства. Третья и четвертая часть мемуаровъ Понятовскаго еще не подводятъ насъ къ этому роковому моменту, но уже ясно обозначаютъ наклонную плоскость, по коей Станиславу-Августу суждено было спуститься до того почетнаго плѣна, который составилъ трехгодичный финалъ его жизни.

Отмѣтивъ главнѣйшіе моменты въ автобіографическомъ разсказѣ Понятовскаго, въ заключеніе пожелаемъ скорѣйшаго завершенія академическаго изданія его мемуаровъ.

А. Кизеветтеръ.

Библиотека "Руниверс"

Романтизмъ какъ патологическое явленіе[1]).

Романтизмъ сталъ теперь однимъ изъ самыхъ модныхъ вопросовъ: ежегодно и на Западѣ, и у насъ появляется по нѣскольку изслѣдованій объ этомъ явленіи, при чемъ у новѣйшихъ критиковъ все чаще и чаще встрѣчается склонность разсматривать романтизмъ, какъ особое міроощущеніе, какъ особый комплексъ чувствъ и настроеній, возникающій при опредѣленныхъ условіяхъ и въ извѣстныя эпохи. Такой *методъ* мы считаемъ въ *принципѣ* совершенно правильнымъ, но должны замѣтить, что онъ требуетъ очень большой осторожности: при малѣйшей оплошности, изслѣдователь, примѣняющій этотъ методъ, рискуетъ совершить рядъ крупныхъ ошибокъ. Это и случилось съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ изслѣдователей романтизма; къ нимъ мы еще вернемся; пока замѣтимъ, что идея разсматривать романтизмъ съ психологической точки зрѣнія не нова. Современная критика заимствовала ее у Гегеля, при чемъ перенесла вопросъ о романтизмѣ изъ области метафизики на почву эмпирическаго изслѣдованія[2]).

I.

Изученіе психики романтиковъ пока дало довольно-таки неожиданные результаты. Ученымъ пришлось констатировать у этихъ писателей наличность болѣзненныхъ, анормальныхъ чертъ, а это дало поводъ считать романтиковъ невропатами и самый романтизмъ—психическимъ недугомъ.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія большую сенсацію въ ученомъ мірѣ произвела книга доктора Мебіуса о Руссо[3]). Мебіусъ доказывалъ и притомъ весьма убѣдительно, что Руссо былъ неврастеникомъ, эротоманомъ, страдалъ тѣмъ, что въ наши дни называютъ гиперестезіей и мазохизмомъ. Противъ этого утвержденія, какъ и слѣдовало ожидать, раздались протесты: нѣмец-

---

[1]) По поводу книгъ о романтизмѣ: *Laggere'a* «Le Romantisme français». Paris 1907; *E. Estève'a* «Byron et le romantisme français», Paris, 1907; *E. Seillière* «La Philosophie et l'Impérialisme».

IV-й томъ посвященъ романтикамъ и переведенъ на нѣмецкій языкъ подъ назв: «Die Romantische Krankheit», 1-е изд. 1907; 2-е — 1912.

Фриче. «Поэзія кошмаровъ и ужаса», Москва, 1912.

Луи Мэгронъ. «Романтизмъ и нравы», переводъ съ франц. Т. Х. предисловіе *И. Игнатова*. Москва 1914.

[2]) См нашу книгу «Литературное движеніе на западѣ въ первой трети XIX-го столѣтія». М. 1914 стр. 138.

[3]) *Möbius* «J. J. Rousseau's Krankheitsgeschichte». Leipzig, 1889.

Библиотека "Руниверс"

каго ученаго обвинили въ пристрастіи, въ желаніи «развѣнчать» великаго писателя и т. п. Но противники Мебіуса не привели противъ его тезисовъ никакихъ вѣскихъ аргументовъ: зато нѣкоторые серьезные ученые присоединились, правда съ оговорками, къ мнѣнію почтеннаго доктора [1]).

Гораздо дальше этихъ критиковъ пошелъ Лассэръ въ своей книгѣ о романтизмѣ. Лассэръ считаетъ душевно-больными не только Руссо, но и большинство романтиковъ вообще. Ихъ эгоцентризмъ, по его словамъ,—это нарывъ на здоровомъ организмѣ французской націи, романтическое же движеніе въ цѣломъ—психозъ, которымъ страдало и продолжаетъ страдать европейское общество.

Книга Лассэра была въ свое время разобрана мною[2]), и потому я не стану теперь долго на ней останавливаться. Замѣчу лишь мимоходомъ, что я совершенно не раздѣляю взгляда тѣхъ, кто считаетъ трудъ Лассэра «блестящимъ, но крайне поверхностнымъ и парадоксальнымъ»[3]).

Въ книгѣ Лассэра, конечно, есть недостатки, его сужденія о романтикахъ подчасъ односторонни, но зато у него встрѣчаются замѣчанія чрезвычайно мѣткія и глубокія. Одинъ изъ первыхъ онъ сдѣлалъ попытку изучить психическую организацію французскихъ романтиковъ: не его вина, если онъ нашелъ въ ней много болѣзненнаго и анормальнаго. Не слѣдуетъ забывать, что культура конца XVIII и начала XIX столѣтія наряду съ здоровыми, жизненными элементами заключала въ себѣ элементы разложенія и вырожденія, а это не могло не отразиться на психикѣ писателей того времени. Новѣйшія работы по романтизму подтвердили справедливость если не всѣхъ, то многихъ изъ тѣхъ сужденій о французскихъ романтикахъ, которыя были высказаны Лассэромъ. Такъ Рюдлеръ въ своемъ трудѣ о Б. Констанѣ отмѣчаетъ въ характерѣ этого писателя тѣ же черты, что и Лассэръ[4]). Докторъ Мишель, изучившій психическую организацію Шатобріана, нашелъ въ ней много анормальнаго.

И не только среди французскихъ, но и среди нѣмецкихъ романтиковъ было много людей, страдавшихъ истеріей, извращеніями полового чувства и т. п.

Новалисъ—эротоманъ, половое влеченіе порождаетъ у него мысль о «пожираніи» любимаго существа. «Половое влеченіе, говоритъ Новалисъ—только извѣстный видъ людоѣдства... Любить это пожирать (sic!) любимаго человѣка, питаться имъ, ассимилировать его себѣ. Вотъ почему любовь соприкасается съ жестокостью: чѣмъ болѣе сопротивляется тотъ, кого мы хотимъ пожрать, тѣмъ больше наше наслажденіе» [5]).

Мысли о смерти ассоціируются у него съ эротическими эмо-

---

[1]) См., напр., *A. Binet et Magnan.* «Études de psychologie expérimentale»: *Chatelain.* «La Folie de J. J. Rousseau», Paris 1890;
F. Brunetière. «Études critiques», 4-e série, Paris 1898.

[2]) См. «Критическіе очерки по исторіи романтизма», Кіевъ, 1908.

[3]) См., напр., *М. Н. Розановъ:* «Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в.». Т. I, стр. 8. М. 1910.

[4]) *G. Rudler.* «La Jeunesse de B. Constant», Paris, 1909.

[5]) «Novalis Schriften». Berlin, 1901. II S. 505.

Библиотека "Руниверс"

ціями. Какъ это отмѣтилъ Спенле [1]), нѣмецкіе романтики считаютъ болѣзнь, физическое страданіе источникомъ всезнанія. Чтобы стать ясновидцемъ, необходимо истощить свое тѣло всѣми способами, не бороться съ болѣзнями, а, напротивъ, способствовать ихъ развитію. «Въ наши дни» — пишетъ Жанъ Поль Рихтеръ въ «Невидимой ложѣ»—«всякая избранная душа должна быть лишенной тѣла (entkoerpert)». Клейстъ всю жизнь одержимъ idée fixe: умереть насильственною смертью вмѣстѣ съ близкимъ человѣкомъ. Ему и удалось осуществить эту мечту вмѣстѣ съ г-жей Фогель. Среди женщинъ эпохи романтизма свирѣпствуетъ эпидемія самоубійствъ: вспомнимъ судьбу Шарлотты Штиглицъ. Каролины изъ Гундероде и друг. Больше всего болѣзненнаго и уродливаго — у «сатанистовъ» 20-хъ и 30-хъ годовъ. Какъ это отмѣтилъ Эстэвъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о французскомъ байронизмѣ, «сатанистамъ» мало тѣхъ ужасовъ, которые они нашли въ раннихъ произведеніяхъ Байрона. Самоубійство, братоубійство, отцеубійство, кровосмѣшеніе—таковы сюжеты, излюбленные этими писателями. Ихъ жизнь сплошной кошмаръ: ихъ больному воображенію мерещатся инкубы, сукубы, вампиры, оборотни. Пристрастіе къ такой чертовщинѣ видимъ мы и у нѣмецкихъ романтиковъ: вспомнимъ, хотя бы, «Наслѣдниковъ майората», и «Изабеллу, королеву Египетскую» Арнима, «Ночные разсказы» Гофмана и друг.

Слѣдуетъ ли принимать романтическій сатанизмъ и некроманію за чистую монету? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ литературной модой или съ явленіями соціальнаго и нравственнаго порядка?

И какъ относилась къ этому сатанизму читающая публика? Отразился ли онъ на нравахъ, вызвалъ ли подражаніе въ самой жизни? Отвѣтить на эти вопросы пытается Луи Мегронъ въ своей книгѣ «Романтизмъ и нравы».

II.

Мегронъ давно пользуется въ наукѣ почетною извѣстностью: его капитальный трудъ о В. Скоттѣ и его вліяніи на французскій романъ [2]) справедливо считается однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій по литературѣ начала XIX-го столѣтія. И новый трудъ этого ученаго, хотя вызываетъ много возраженій, все же является въ научномъ отношеніи очень цѣннымъ.

Книга Мегрона «Романтизмъ и нравы» распадается на двѣ части. Первая посвящена изученію психическаго склада французскихъ писателей 30-хъ годовъ. Въ этомъ вопросѣ Мегронъ идетъ по слѣдамъ Эрнеста Сейльера. Въ психической организаціи романтиковъ Мегронъ вмѣстѣ съ Сейльеромъ отмѣчаетъ слѣдующія черты: восторженность и склонность къ экзальтаціи, культъ страсти, которую романтики считаютъ признакомъ духовной мощи, наконецъ ненависть къ обществу и его учрежденіямъ, какъ

[1]) См. *E. Spenlé*, «Novalis. Essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne», ch. III. Paris 1904.

[2]) «Le Roman historique à l'époque romantique. Essai sur l'influence de Walter Scott». Paris 1898.

Библиотека "Руниверс"

къ оковамъ, стѣсняющимъ свободное проявленіе личнаго «я» (стр. 16).

Романтики страдаютъ гипертрофіей воображенія, которое у нихъ беретъ верхъ надъ разсудкомъ. Мечтательность развивается въ ущербъ другимъ душевнымъ функціямъ, а это ведетъ сперва къ ослабленію, а затѣмъ къ разрушенію воли. Чувствуя себя безсильнымъ бороться съ дѣйствительностью, романтикъ ощущаетъ болѣзненную потребность выйти изъ того круга, въ который заключили его житейскія нужды. Отсюда увлеченіе романтиковъ экзотизмомъ, ихъ страстная любовь къ странамъ солнца, свѣта, лазури, къ Испаніи, Италіи, Востоку; отсюда также увлеченіе средневѣковьемъ (стр. 21—22).

Крайній индивидуализмъ, вѣра въ священную миссію поэта переходятъ у нихъ въ манію величія. Романтики убѣждены, что міръ существуетъ лишь, какъ матеріалъ для искусства. Не находя въ жизни осуществленія своего идеала, многіе изъ романтиковъ впали въ пессимизмъ, сочли себя непонятыми и неоцѣненными (гл. III).

Кромѣ гипертрофіи воображенія, романтики страдаютъ также гипертрофіей чувствительности. Ихъ чувствительность не просто пылкая — говоритъ Мегронъ, — она должна быть яростной, еще лучше — вулканической. Доводятъ до крайности воображеніе, переутомляютъ чувствительность, а когда не находятъ того, что отъ нихъ ожидали, доходятъ до самыхъ прискорбныхъ и отталкивающихъ распутствъ. Болѣзненное влеченіе ко всему нездоровому, отталкивающему или ужасному, смакованіе развращенности и зла, чужого страданія, садизмъ, жажда небывалыхъ ощущеній, дѣлаютъ чувствительность способною на все лишь бы гальванизировать себя. Романтики потребуютъ и возбуждающихъ наркотиковъ, чтобы они создали «искусственный рай» (стр. 161).

Таковъ у Мегрона діагнозъ романтическаго vomito negro, какъ остроумно выразился Лассэръ. Слѣдуетъ ли признать этотъ діагнозъ вполнѣ правильнымъ? Въ изложенной нами I-ой части книги Мегрона прежде всего бросается въ глаза слѣдующій методологическій промахъ: изучая психику романтиковъ, Мегронъ останавливается только на самыхъ ненормальныхъ и болѣзненныхъ представителяхъ этой школы, какъ бы намѣренно игнорируя ея здоровые элементы.

Изъ крупнѣйшихъ представителей французскаго романтизма Мегронъ остановился преимущественно на Мюссе, Ж. Зандъ и Флоберѣ, и только отчасти на Стэндалѣ и Сентъ-Бёвѣ. Въ сторонѣ остались Виньи, Ламартинъ, Гюго. Вотъ почему Мегронъ проглядѣлъ тотъ здоровый стоицизмъ, который присущъ нѣкоторымъ изъ тогдашнихъ французскихъ писателей, между прочимъ Виньи. Проглядѣлъ Мегронъ также свѣжесть и непосредственность чувствъ у Ламартина: наконецъ, авторъ книги «Романтизмъ и нравы» словно забылъ о колоссальной энергіи и работоспособности Гюго, о его служеніи общественнымъ идеаламъ, о его патріархальномъ образѣ жизни, любви къ дѣтямъ и т. п.

Другая ошибка Мегрона, по моему мнѣнію, въ томъ, что,

Библиотека "Руниверс"

указывая на ненормальность романтиковъ, онъ не ставитъ вопроса: не были ли у того или другого изъ нихъ сатанизмъ, экзальтація и гипертрофія воображенія временнымъ недугомъ? Вѣдь, если хорошенько поискать, то каждый изъ насъ найдетъ въ своей жизни такой моментъ, когда, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, онъ страдалъ гипетрофіей чувствительности и воображенія. Но слѣдуетъ ли отсюда, что всѣ мы невропаты, оргіасты, эротоманы и вообще люди психически неблагополучные? Если бы Мегронъ изучилъ психику романтиковъ не въ одинъ какой-нибудь данный моментъ, а на всемъ протяженіи ихъ жизни, онъ убѣдился бы въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ излѣчились отъ своей «болѣзни». Возьмемъ напр., Стэндаля. Изъ его дневника, изданнаго Стріенскимъ[1]), видно, что это былъ человѣкъ практичный, дѣловой, разсчитывавшій каждый свой шагъ и всегда стремившійся къ опредѣленной цѣли. Петрусъ Борель, прозванный «Оборотнемъ» и воспѣвавшій въ своихъ стихотвореніяхъ всевозможные ужасы, былъ образцовымъ чиновникомъ; Авзоній де Шансель, ярый сатанистъ, умеръ въ должности супрефекта; Берліозъ, на пылкость и нервную неуравновѣшенность котораго указываетъ Мегронъ, умѣлъ отлично устраивать свои дѣла и. т. д. и т. д.

Кромѣ того Мегронъ часто считаетъ патологическими явленіями такія черты, въ которыхъ нѣтъ ничего болѣзненнаго. Мы не видимъ большой бѣды, напр., въ томъ, что 19-ти-лѣтній Флоберъ убѣжденъ, что онъ «рожденъ быть кохинхинскимъ императоромъ, курить трубку длиной въ 36 туазовъ, имѣть шесть тысячъ женъ, кривыя сабли, чтобы рубить головы людямъ, чья физіономія ему не нравится, нумидійскихъ коней, мраморные бассейны».

Ничего трагическаго, по нашему мнѣнію, нѣтъ и въ томъ, что французскіе романтики увлекаются поэзіей далекихъ странъ и чужихъ горизонтовъ. Кто изъ насъ не тосковалъ по солнцу и лазури? Не мечталъ объ Италіи, Испаніи и Востокѣ? Въ дѣтствѣ не собирался бѣжать въ Америку, начитавшись романовъ Купера, Эмара и Майнъ-Рида? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы одержимы «маніей экзотизма».

Вторая часть книги Мегрона посвящена вопросу первостепенной важности — вліянію литературы на общество. Это вопросъ злободневный. Два года тому назадъ онъ былъ поднятъ у насъ по поводу «Miserere» Юшкевича; недавно къ этому вопросу вернулся Максимъ Горькій въ извѣстномъ письмѣ по поводу инсценировки «Бѣсовъ».

Самая постановка вопроса Мегрономъ о вліяніи романтизма на нравы — явленіе знаменательное. Она служитъ показателемъ того, какъ живучи во Франціи здравыя научныя традиціи, какъ чуждъ французскимъ историкамъ литературы тотъ пошлый буржуазный лже-эстетизмъ, который развился за послѣднее время у нѣкоторыхъ изъ нашихъ критиковъ, повторяющихъ съ настойчивостью попугаевъ старые парадоксы Кроче и Оскара Уайльда.

Конечно, и Мегронъ, и другіе французскіе ученые придаютъ

---

[1]) «Journal de Stendhal (1801—1814)», publié par *C. Stryienski et F. de Nion.*

Библиотека "Руниверс"

большое значеніе *формѣ* литературныхъ произведеній: мы едва-ли ошибемся, утверждая, что методы для изученія пріемовъ художественнаго мастерства, стиля были выработаны преимущественно французскими критиками. Но никто изъ этихъ критиковъ не станетъ доказывать, подобно нашимъ эстетамъ, что «все дѣло въ формѣ», что содержаніе литературнаго произведенія не имѣетъ особеннаго значенія. Никому изъ нихъ не придетъ въ голову нелѣпая мысль доказывать приматъ формы посредствомъ математическихъ формулъ, какъ это дѣлаетъ самый типичный изъ нашихъ критиковъ-дилетантовъ и горе-футуристовъ г. Евлаховъ[1]).

Для французскихъ ученыхъ литература — прежде всего могущественный соціальный факторъ. Ее создаетъ собирательная біо-психія общества, а литература, въ свою очередь, оказываетъ огромное вліяніе на моральную жизнь самаго общества. Вотъ это взаимоотношеніе литературы и общественности въ пору романтизма и хочетъ изучить Мегронъ.

Всякая эстетика, — говоритъ онъ въ самомъ началѣ своей книги, — всегда заключаетъ въ себѣ и предполагаетъ этику. Если литература эпохи Возрожденія такъ мало похожа на средневѣковую, это оттого, что съ XIII по XVI столѣтіе представленіе о человѣкѣ совершенно измѣнилось... Безполезно умножать примѣры: это общій законъ, притомъ самъ собою очевидный (стран. 15).

Въ методологическомъ отношеніи II часть книги Мегрона гораздо выше первой части. Автору удалось раздобыть большой матеріалъ: письма, дневники, замѣтки частныхъ лицъ. Все это писалось «не для потомства», для печати не предназначалось. Въ этомъ, несомнѣнно, историческая цѣнность документовъ, приведенныхъ Мегрономъ. «Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, — говоритъ онъ, — что имѣешь дѣло не съ авторами, а съ людьми: а для насъ именно это и важно».

Далѣе Мегронъ совершенно правильно ставитъ вопросъ о томъ, кто же были тѣ читатели романтическихъ произведеній, чьи дневники и письма дошли до насъ. Оказывается это представители среднихъ классовъ общества, студенты, новички-литераторы, адвокаты, чиновники, жены мелкихъ буржуа. Какъ видно изъ документовъ, приведенныхъ Мегрономъ, воздѣйствіе романтической литературы на нравы было очень сильнымъ и имѣло печальныя послѣдствія. Мегронъ предвидитъ возраженіе, что литература не создаетъ психологическихъ состояній, что она лишь изображаетъ настроенія, уже существующія въ обществѣ. Слѣдовательно не она здѣсь элементъ, служащій первоисточникомъ, а общество. На это Мегронъ отвѣчаетъ, что, воплощая присущими ей способами психологическое состояніе не выдуманное ею, литература придаетъ этому состоянію ясность, гибкость, которыя, по-истинѣ, дѣлаютъ изъ него нѣчто новое и одновременно сообщаютъ новую силу распространенія, такъ что, давая обществу болѣе ясное представленіе о немъ самомъ, литература роковымъ образомъ укрѣпляетъ привычки этого общества. Мегрону и удалось доказать, что «сатаническая» литература принесла французскому

[1]) См. «Реализмъ или ирреализмъ?» Варшава, 1914.

Библиотека "Руниверс"

обществу временъ іюльской монархіи извѣстный вредъ. Она способствовала *усиленію, обостренію* того недовольства жизнью и дѣйствительностью, которые ощущались многими послѣ того, какъ получалось разочарованіе въ томъ, во что европейское общество такъ долго и горячо вѣрило. Мегронъ констатируетъ тотъ фактъ, что эпидемія самоубійствъ свирѣпствовала въ продолженіе романтическаго періода съ необычайной силой. Правда Мегронъ тутъ же дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «несправедливо было бы приписывать романтизму большинство зарегистрированныхъ тогда добровольныхъ смертей... Отвращеніе къ жизни вошло въ міръ вмѣстѣ съ самою жизнью. Притомъ отвращеніе это вызывалось въ ту эпоху слишкомъ многими причинами, въ которыхъ литература нисколько неповинна. Дошло даже до того, что въ дѣло вмѣшалась мода: самоубійство на время сдѣлалось однимъ изъ элегантнѣйшихъ видовъ спорта. Но, сдѣлавъ эти оговорки, нельзя не указать, что съ 1830 г. количество самоубійствъ возросло и что надо признать за романтизмомъ его долю участія въ созданіи и развитіи печальной эпидеміи» (стр. 293).

Такую же долю участія признаетъ за романтизмомъ Мегронъ и въ развалѣ семьи, въ пониженіи нравственнаго чувства и т. д.

Все это онъ подтверждаетъ строго провѣренными фактическими данными, и въ этомъ несомнѣнное и крупное достоинство его книги. Нельзя, однако, не пожалѣть, что французскій критикъ пишетъ «на тезисъ» и потому представляетъ романтизмъ въ слишкомъ одностороннемъ освѣщеніи. Да, Мегрону удалось доказать, что литература 30-хъ годовъ принесла обществу извѣстную долю вреда, но почему онъ не спрашиваетъ себя: не принесла ли она не меньшую, а можетъ быть, и большую долю пользы? Искусство —великая стихійная сила, и, какъ всякая стихія,—сила одновременно разрушительная и созидательная.

Мегронъ привелъ цѣлый рядъ случаевъ, когда романтическая литература способствовала размноженію самоубійствъ, но мнѣ думается, онъ могъ бы привести еще большее число случаевъ, когда та же литература спасла то или иное лицо отъ разочарованія въ жизни, а, можетъ быть, и отъ самоубійства. Какъ нами уже указывалось выше, сатанизмъ и некроманія были лишь однимъ изъ теченій романтической литературы. Среди писателей 30-хъ годовъ было не мало такихъ, которые звали общество къ жизни, къ борьбѣ, къ прогрессу.

Въ мрачную эпоху безвременья, въ пору полной моральной прострации они поддерживали въ людяхъ энтузіазмъ, вѣру въ красоту и въ служеніе идеалу. Развѣ романтическій энтузіазмъ не сыгралъ ровно никакой роли въ великіе іюльскіе дни? Развѣ среди борцовъ за свободу въ 1830 г. во Франціи, а раньше того въ Италіи не было романтиковъ? И развѣ не глава романтической школы во Франціи, Гюго, выдвинулъ высоко-гуманное ученіе о томъ, что преступленія порождены несовершенствами политическаго и соціальнаго строя?

Сочиненія Жоржъ-Зандъ могли, конечно, внушить мысль о разводѣ нѣсколькимъ барынямъ, тяготившимся семейною жизнью, но тѣ-же сочиненія въ значительной степени способствовали эмансипаціи женщины.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя не пожалѣть также, что Мегронъ лишь мимоходомъ коснулся вопроса о томъ, каковы были причины соціальныя и политическія, которыя породили «романтическій недугъ» въ литературѣ и въ обществѣ 30-хъ годовъ. Правда, какъ нами будетъ указано ниже, въ его книгѣ есть по этому поводу нѣсколько очень интересныхъ замѣчаній, но ихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало и генезисъ цѣлаго ряда явленій остается невыясненнымъ. Поэтому мы и хотимъ остановиться на этомъ вопросѣ.

III.

Одною изъ причинъ того моральнаго недуга, или, вѣрнѣе, тѣхъ моральныхъ недуговъ, которыми страдало поколѣніе 30-хъ годовъ, Мегронъ считаетъ общій застой, наступившій въ умственной, политической и соціальной жизни Франціи въ пору «буржуазной» іюльской монархіи. Молодежъ эпохи романтизма — говоритъ онъ,—опьянялась грезами за невозможностью насытиться дѣйствіемъ (стр. 45—46).

Героемъ дня дѣлается поэтъ, существо «не отъ міра сего», стоящее выше жизни, облеченное таинственною миссіею. Такое представленіе о «жрецѣ искусства» возникло вслѣдствіе естественной эволюціи типа литератора въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка. Уже въ пору Просвѣщенія литература пріобрѣла новое значеніе: у нея требуютъ не развлеченій и увеселеній, какъ прежде, но совѣтовъ, наставленій, почти моральнаго руководства. Литераторъ импонируетъ, главенствуетъ и становится повсюду необходимымъ. Его призываютъ въ совѣты, ему довѣряютъ министерства, онъ подчасъ замѣняетъ духовника (стр. 83).

У писателей развивается безмѣрная гордость, огромное тщеславіе. Художникъ-романтикъ чувствуетъ презрѣніе глубокое, непримиримое къ девяти-десятымъ зауряднаго человѣчества (стр. 92).

Но этого мало: художникъ-романтикъ презираетъ также все, что полезно, все, что не «чистое искусство», питаетъ отвращеніе ко всякому труду. Этимъ презрѣніемъ ко всему, что не поэзія, было заражено все молодое поколѣніе 30-хъ годовъ. Опьяненіе лиризмомъ, тогда почти всеобщее, — говоритъ Мегронъ,—заставляло терять сознаніе реальнаго и даже возможнаго (стр. 86—87).

Историческими обстоятельствами объясняетъ Мегронъ и ту гипертрофію чувства, которою страдало общество въ пору іюльской монархіи. На развалинахъ стараго общества поднялось общество новое: оно выросло среди переживаній наиболѣе сильныхъ и острыхъ, какія могутъ сжать сердце человѣка. Романтизмъ съ самаго начала былъ осужденъ на преувеличенія, такъ какъ въ дѣйствительныхъ событіяхъ Революціи и Имперіи заключалось нѣчто чрезмѣрное (стр. 124).

Въ связи съ этими событіями развивалась и «болѣзнь вѣка»— романтическая неврастенія. Души были потрясены грандіозной драмой, разыгравшейся въ теченіе болѣе 20-ти лѣтъ и завершившейся крушеніемъ всѣхъ надеждъ и упованій (стр. 258—259).

Но, кромѣ историческихъ причинъ, возникновеніе «болѣзни

Библиотека "Руниверс"

вѣка», по мнѣнію Мегрона, объясняется также и причинами физіологическими. Съ одной стороны раса оскудѣла, такъ какъ въ теченіе четверти вѣка ряды ея безпрестанно опустошались на поляхъ битвъ, съ другой стороны, какъ это указалъ Бурже въ своихъ «Очеркахъ современной психологіи», постоянныя войны создали естественный отборъ. Уцѣлѣли люди съ избыткомъ физической силы, съ душой, вѣчно напряженной: эти люди быстро изнурялись, страдали отъ невозможности дать волѣ достаточное удовлетвореніе. Исчезъ типъ зауряднаго «средняго» человѣка. Его замѣнили либо люди анемичные и безвольные, либо легковозбуждаемые энтузіасты. Поколѣніе, которому въ 1830 г. было 20 лѣтъ, страдало полною моральною неуравновѣшенностью.

Во всемъ этомъ много вѣрнаго. Нельзя, однако, не замѣтить, что тѣ причины болѣзни вѣка, на которыя указываетъ Мегронъ, всѣ такъ или иначе связаны съ французскою революціей. Между тѣмъ и романтическая неврастенія, и такъ наз. «міровая скорбь» (Weltschmerz) возникли задолго до переворота 1830 года. Событія Революціи, бойни Имперіи, застой въ общественной и политической жизни Европы въ пору Реставраціи могли способствовать усиленію «романтическаго недуга», но породили его другія причины.

Въ своей интересной книгѣ «Поэзія кошмаровъ и ужаса» В. М. Фриче указываетъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка на смѣну Рококо пришелъ Романтизмъ. Изъ распавшагося феодально-монархическаго міра вырисовывалось постепенно новое буржуазно-капиталистическое общество. Воцареніе индустріализма безжалостно сметало остатки патріархальнаго уклада. Этотъ процессъ обнаружился прежде всего въ Англіи. Въ большихъ промышленныхъ городахъ образовался новый классъ — промышленный пролетаріатъ, поставленный въ самыя тяжелыя условія существованія, а рядомъ съ нимъ страдала и голодала богема, нищіе интеллигенты, въ родѣ геніальнаго отрока Чаттертона, погибшаго такой трагической смертью [1]).

Въ Германіи распадался старый ремесленно-феодальный міръ. Положеніе «средняго сословія» становилось все стѣсненнѣе. И Франція также превращается въ царство промышленнаго капитализма. Аристократія не можетъ найти себѣ мѣста въ формирующемся новомъ буржуазномъ обществѣ. Въ столицѣ скоплялись кадры интеллигенціи, обреченной на жалкое существованіе богемы, напр. кружокъ Жераръ де Нерваля. Г. Фриче слѣдитъ за психологическими послѣдствіями, возникшими изъ охватившаго всѣ европейскія страны соціально-экономическаго перелома. Такія переходныя эпохи представляютъ очень благопріятную почву для повышенной нервозности. «Съ одной стороны распадаются вѣками существовавшія формы быта и связанныя съ ними вѣрованія и чувства, съ другой — возникаетъ настоятельная необходимость приспособленія къ новымъ условіямъ жизни. При такихъ обстоятельствахъ психика людей легко расшатывается

---

[1]) «Поэзія кошмаровъ и ужаса», стр. 113—115.

Библиотека "Руниверс"

и взвинчивается. Нервы натягиваются отъ каждаго ничтожнаго соприкосновенія».

Основною сущностью психической болѣзни, которой сопровождалась эпоха промышленнаго переворота, была, по словамъ г. Фриче, крайняя нервозность. Первоначально эта болѣзнь обнаружилась въ повышенной дѣятельности чувства, въ чрезмѣрной «чувствительности». «Чувствительный» человѣкъ — это прежде всего человѣкъ чрезвычайно нервный и потому неустойчивый, неуравновѣшенный. У него чувственность переплетается съ чрезмѣрной мечтательностью, съ мрачными видѣніями. По мѣрѣ приближенія къ концу XVIII-го вѣка мечты визіонеровъ принимаютъ зловѣще-мрачный оттѣнокъ. На почвѣ этого повышенно-нервнаго настроенія, располагавшаго ко всему таинственному и страшному, возникла въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія во всей Европѣ новая разновидность поэзіи кошмаровъ и ужаса [1]).

Книга г. Фриче — далеко не единственная попытка поставить «болѣзнь вѣка» въ связь съ экономическими условіями. Такой тезисъ краснорѣчиво защищалъ напр. Себастьенъ Форъ [2]).

По существу это тезисъ совершенно правильный. Не подлежитъ сомнѣнію, что великіе экономическіе перевороты создаютъ почву чрезвычайно благопріятную для развитія пессимистическаго взгляда на жизнь, создаютъ общую атмосферу тревоги, неувѣренности человѣка въ себѣ и т. п. Но все же это ученіе нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Прежде всего далеко не всѣ виды пессимизма и скорби имѣютъ свои корни въ экономическомъ строѣ общества. Скорбь Фауста, напр., вовсе не находилась въ связи съ бѣдственнымъ положеніемъ «третьяго сословія» Германіи. Это — скорбь философская: она встрѣчается также у писателей, которые живутъ въ эпохи, когда никакого рѣзкаго экономическаго и соціальнаго переворота не происходитъ. Ее мы находимъ, напр., у Паскаля, у Мольера и друг.

Кромѣ того нерѣдки случаи, что великіе общественные и экономическіе кризисы вызываютъ у того или иного писателя не скорбь, а состояніе какъ разъ обратное. Развѣ вымираніе нѣмецкой деревни, полное экономическое порабощеніе низшихъ классовъ Германіи помѣшали Гёте успокоиться на олимпійско-спокойномъ міросозерцаніи? Развѣ бѣдственное положеніе французскаго пролетаріата помѣшало выходцу изъ народа, Беранже, воспѣвать радости жизни, а промышленный кризисъ Англіи Роберту Бёрнсу — писать такія произведенія, въ которыхъ нѣтъ и слѣда меланхоліи? Въ пору романтизма экономическій кризисъ, переживаемый тогда европейскимъ обществомъ, былъ только *одною* изъ многихъ причинъ, породившихъ въ литературѣ и въ обществѣ мрачный пессимизмъ, некроманію, извращеніе полового чувства и т. п.

Рамки настоящей статьи не позволяютъ намъ подробно разсмотрѣть эти причины: мы коснемся вкратцѣ только тѣхъ изъ нихъ, которыя считаемъ самыми существенными.

---

[1]) Стр. 132, 144.

[2]) «Міровая скорбь. Опытъ независимой философіи», русскій переводъ. Вильна, 1905.

Библиотека "Руниверс"

Прежде всего укажемъ на причины физіологическія. То истощеніе расы, о которомъ говоритъ Мегронъ, началось задолго до кровавой Наполеоновской эпопеи. Конецъ XVII и все XVIII столѣтіе—эпоха самаго безудержнаго разврата. Тѣ похожденія, которыя описываются въ «Приключеніяхъ Шевалье де Фоблаза», въ опасныхъ связяхъ «Шадерло де Лакло, не вымыселъ романтистовъ: pendant къ нимъ нетрудно найти въ безчисленныхъ мемуарахъ того времени, напр., въ запискахъ Лозена, Казановы и друг.

Въ пору Регентства и въ царствованіе Людовика XV «моднымъ львомъ» въ жизни и въ литературѣ становится Le Roué — «Развратникъ», какимъ былъ, напр., герцогъ Ришелье [1]).

Онъ смотритъ на любовь, какъ на спортъ, гордится тѣмъ, что является виртуозомъ разврата, соблазняетъ жанщину не изъ любви и даже не ради наслажденія, а чтобы имѣть «жертву», онъ утонченно золъ, для него истязаніе той, которая его любитъ,— искусство. Садизмъ, мазохизмъ, всѣ виды распутства въ ту пору не только не считаются чѣмъ либо предосудительнымъ, а напротивъ, выставляются на показъ, какъ особаго рода «молодечество». Мужчины и женщины хвастаютъ своими «побѣдами», чѣмъ больше у того или другого изъ нихъ было скандальныхъ связей, тѣмъ они болѣе «въ модѣ».

Ближайшимъ слѣдствіемъ такого повальнаго распутства было постепенное вырожденіе высшихъ и среднихъ классовъ общества. Не они создали французскую революцію, не они участвовали въ походахъ Наполеона. Изъ ихъ рядовъ вышли тѣ юноши анемичные и безвольные, едва начавшіе жить и уже во всемъ пресытившіеся, которыхъ изображаетъ литература эмигрантовъ. Такими дегенератами были многіе изъ писателей начала XIX столѣтія. Изучая исторію семьи того или другого изъ романтиковъ, мы часто находимъ у нихъ патологическую наслѣдственность. Итальянскій ученый Патрици отмѣтилъ въ генеалогіи фамиліи Леопарди цѣлый рядъ случаевъ сумашествія, преступности, истеріи [2]). Тѣ же черты Спенле нашелъ въ семьѣ Новалиса. Мать Гофмана страдала нервными припадками; мать Захарія Вернера умерла въ состояніи полнаго умопомѣшательства; отецъ Шатобріана—ипохондрикъ, его сестра Люсиль—истерička и т. д. и т. д.

Кромѣ причинъ физіологическихъ, были также причины соціальныя, коренившіяся во всемъ укладѣ жизни свѣтскаго общества XVIII вѣка. Въ этомъ обществѣ процессъ разложенія семьи и полнаго притупленія нравственнаго чувства (sens moral) начался задолго до романтизма. Уже во времена Расина въ Парижѣ за одно десятилѣтіе насчитывалось до 4000 уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ фигурировали жены, отравившія своихъ мужей, либо мужья, отравившіе своихъ женъ. Въ XVII и XVIII вв. бракъ былъ сдѣлкой, которую заключали родственники жениха и невѣсты, принимая при этомъ въ расчетъ исключи-

---

[1]) См. *G. Gendarme de Bevotte* «La Légende de Don Juan», Paris 1906.

[2]) См. «Saggio psicho-antropologico su Giacomo Leopardi e la sua famiglia». Torino, 1896.

Библиотека "Руниверс"

тельно лишь денежные и фамильные интересы. Дѣвушки изъ высшаго круга смотрѣли на бракъ, какъ на средство для того, чтобы попасть въ свѣтъ, стать предметомъ поклоненія, имѣть многочисленныхъ ухаживателей. Въ аристократическомъ обществѣ эпохи Просвѣщенія любовь между супругами считалась признакомъ «дурного тона». Братья Гонкуры приводятъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ рисовки супруговъ своимъ равнодушіемъ по отношенію другъ къ другу [1]).

Намъ уже случалось отмѣтить тотъ фактъ, что въ свѣтскомъ обществѣ XVIII вѣка царило полное презрѣніе къ семейной жизни, къ воспитанію дѣтей, къ обязанности матери и. т. п. [2]).

Свѣтская культура эпохи Просвѣщенія развила въ людяхъ того времени крайній эгоизмъ, черствость, заглушила въ нихъ сердечные инстинкты, а все это въ концѣ концовъ породило чувство недовольства жизнью и душевной пустоты. Женщинами это taedium vitae ощущалось сильнѣе. Скукой, сплиномъ страдаетъ большинство женщинъ высшаго круга XVIII вѣка. Чтобы спастись отъ скуки, онѣ ищутъ сильныхъ ощущеній, душевныхъ эмоцій. У нихъ пробуждается интересъ ко всему таинственному, неизвѣданному; онѣ увлекаются спиритизмомъ, оккультизмомъ, опытами Мэсмера, при чемъ увлеченіе всѣмъ этимъ нерѣдко принимаетъ уродливую форму.

Другая соціальная причина романтическаго недуга заключалась въ томъ воспитаніи, которое получала молодежь въ концѣ XVIII вѣка. Воспитаніе это отставало отъ жизни: молодые люди, выходившіе изъ коллежей, были совершенно не подготовлены для борьбы за существованіе. Они росли въ разслабляющей атмосферѣ комфорта, были изнѣжеными, слабовольными, не умѣли приноравляться къ обстоятельствамъ [3]). Наконецъ, ко всѣмъ перечисленнымъ нами причинамъ романтическаго недуга слѣдуетъ еще присоединить причины моральнаго порядка.

Скептическая и матеріалистическая философія XVIII вѣка разрушила всѣ старые устои морали и традиціонной религіи: она пыталась создать новые догматы, основанные на разумѣ и наукѣ. Но и наука, и разумъ не смогли разрѣшить извѣчные вопросы о Богѣ, душѣ, смыслѣ жизни и т. п. Между тѣмъ со второй половины XVIII в. европейское общество, мучимое предчувствіемъ близкой катастрофы, ощущаетъ смутную жажду вѣры, ищетъ синтетическаго, цѣлостнаго міросозерцанія, абсолюта. Въ ту пору новые запросы времени находятся въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ прошлымъ, со всѣми тѣми идеями и понятіями, на которыхъ были воспитаны люди эпохи Просвѣщенія. Развитая личность ощущаетъ тогда болѣзненное раздвоеніе, предается самоанализу, страдаетъ отъ избытка рефлекса. Возникаетъ та моральная болѣзнь, которая въ новѣйшее время получила названіе «отравы мысли» [4]).

---

[1]) *E. et. S. de Goncourt* «La Femme au XVIII s.», Paris 1890, p. 236.
[2]) См. «Шатобріанъ и поэтика міровой скорби». Кіевъ 1905 стр. 21.
[3]) См. *Taine* «Philosophie de l'Art», ch. VIII.
[4]) Подробный діагнозъ ея см. у проф. *Гилярова* «Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи». Кіевъ 1901 г. стр. 86—114.

Библиотека "Руниверс"

Одни изъ лицъ, страдавшихъ отъ избытка рефлекса, замкнулись въ себѣ самихъ, вообразили себя исключительными «высшими натурами». Они сторонятся отъ общества, презираютъ его законы и учрежденія, замыкаются въ «башню изъ слоновой кости» и въ концѣ концовъ чувствуютъ себя лишними людьми, страдаютъ отъ «моральнаго одиночества» [1]).

Другіе — страстные идеалисты — уходятъ въ міръ грезъ, мечтаютъ о полномъ преобразованіи всей жизни человѣчества, и, разочаровавшись въ своихъ мечтаніяхъ, подобно гётевскому Вертеру, въ концѣ-концовъ перестаютъ вѣрить въ свои собственныя творческія силы.

Такъ возникли разные виды «болѣзни вѣка». Выше нами было указано, что далеко не все поколѣніе 30-хъ годовъ и не всѣ представители молодой романтической школы страдали этимъ недугомъ. Ошибка критиковъ, изучавшихъ патологію романтизма, именно и заключается въ томъ, что болѣзненныя явленія, констатированныя ими у нѣкоторыхъ писателей 30-хъ годовъ, они обобщили, приписали всѣмъ представителямъ романтической школы. Но, сдѣлавъ такую оговорку, мы должны признать за этими изслѣдователями большія заслуги: они разработали обширный и въ высшей степени интересный сырой матеріалъ, выяснили многія черты психической организаціи нѣсколькихъ писателей. Вотъ почему, несмотря на указанныя нами дефекты, труды Лассэра, Сейльера, Мегрона и друг. являются очень цѣнными вкладами въ научную литературу о романтизмѣ.

Гр. Ф. де Ла-Бартъ.

---

[1]) См. *René Canat* «Le Sentiment de la Solitude morale chez les romantiques et les parnassiens». Paris 1904.

Библиотека "Руниверс"

Германія и Польша[1]).

Война европейской коалиціи съ Германіей поставила на очередь польскій вопросъ въ такомъ объемѣ, въ какомъ стоялъ онъ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1814 г., послѣ побѣды европейской коалиціи надъ Франціей. Въ 1814 г. Александръ I стремился къ объединенію подъ своей властью всѣхъ польскихъ земель, но Александръ I вынужденъ былъ считаться съ Австріей и Пруссіей, какъ съ союзницами въ новой борьбѣ съ Наполеономъ. 21 апрѣля 1815 г., по соглашенію Россіи съ Пруссіей и Австріей, были проведены по польской землѣ границы, которыя затѣмъ, получивъ санкцію Вѣнскаго конгресса, въ теченіе столѣтія оставались неприкосновенными: Галиція осталась за Австріей, Герцогство Варшавское, подъ именемъ Царства Польскаго, было присоединено къ Россіи, но безъ Познани и Бромберга, отошедшихъ къ Пруссіи. Съ этого момента, вплоть до самаго послѣдняго времени, польскій вопросъ во всемъ его объемѣ на очередь не ставился; всякій разъ, какъ онъ поднимался, рѣчь шла лишь объ одной какой-нибудь части Польши. Это было и въ 1863 г. во время польскаго возстанія, когда послѣдовало дипломатическое вмѣшательство Англіи и Франціи: хотя послѣдними польскій вопросъ и трактовался, какъ международный, чего не хотѣла допустить Россія, но рѣчь шла лишь о русской Польшѣ. И только теперь въ войнѣ, стирающей границы, санкціонированныя Вѣнскимъ конгрессомъ, снова встаетъ польскій вопросъ во всемъ его объемѣ, какъ вопросъ международный.

Въ виду этихъ событій пріобрѣтаютъ большой интересъ тѣ произведенія польской публицистики, въ которыхъ польскій вопросъ трактуется во всемъ его объемѣ, таковы: вышедшая на польскомъ языкѣ 2-мъ изданіемъ и написанная еще въ 1908 г. книга Дмовскаго «Германія, Россія и польскій вопросъ»[2]) и вышедшая въ 1913 г. на французскомъ языкѣ книга Евг. Старчевскаго «Европа и Польша».

Дмовскій[3]) разсматриваетъ польскій вопросъ во всѣхъ трехъ

---

[1]) Roman Dmowski, Niemcy, Rosya polska. Warszawa 1914,—Eugène Straczewski. L'Europe et la Pologne. Paris 1913.

[2]) Вышла на русскомъ языкѣ.

[3]) Романъ Дмовскій, вдохновитель польской національ-демократической партіи, является политикомъ клерикальнаго и націоналистическаго направленія. Авторъ настоящей замѣтки, находя интересными и заслу-

Библиотека "Руниверс"

частяхъ Польши, и если въ заголовкѣ его книги не упоминается Австрія, то потому что, не приписывая послѣдней самостоятельнаго значенія, онъ разсматриваетъ политику ея въ связи съ ролью Германіи, все болѣе и болѣе подчинившей себѣ Австро-Венгрію.

Вся книга Дмовскаго проникнута мыслью, что главный врагъ Польши—Германія. Онъ много говоритъ не только объ антипольской политикѣ въ самой Пруссіи, но и о германскомъ вліяніи въ Россіи и Австріи во вредъ польской національности.

«Для Германіи», пишетъ Дмовскій, «польскій вопросъ въ Россіи имѣетъ теперь первостепенное значеніе. Выступленіе поляковъ съ требованіемъ автономіи Царства Польскаго и подъемъ національной энергіи въ этой части Польши въ высокой степени встревожили общественное мнѣніе Германіи. Дѣйствительно, освобожденіе этой самой важной и самой сильной части польскаго народа изъ-подъ гнета, въ какомъ она сейчасъ находится, дало бы полякамъ возможность развить свои національныя силы, а это развитіе, въ свою очередь, уменьшило бы шансы Германіи на господство на берегахъ Вислы».

Антипольская политика Германіи совпадала со стремленіями русской бюрократіи, заинтересованной въ обрусеніи Царства Польскаго, и была, по мнѣнію Дмовскаго, однимъ изъ главныхъ рычаговъ германскаго вліянія въ Петербургѣ. Колебаніямъ этого вліянія въ зависимости отъ міровой политики и группировки державъ, борьбѣ въ прошломъ русской политики германофильской и англофильской симпатій Дмовскій отводитъ много мѣста въ своей книгѣ. Австріи, какъ я уже говорилъ, Дмовскій отводитъ совершенно подчиненную роль въ отношеніи къ Германіи:

«Австрія, несмотря на всѣ преобразованія ея, происшедшія послѣ Садовой, остается по духу своему и учрежденіямъ германскимъ государствомъ. Нѣмецкій языкъ, несмотря на равноправіе языковъ, остался все же государственнымъ языкомъ Австріи, нѣмецкой является самая сильная въ государствѣ національность, нѣмецкими остаются тѣ правящіе круги, которые, несмотря на парламентаризмъ, оказываютъ рѣшающее вліяніе на политику, дворъ, центральная бюрократія, высшее военное начальство, нѣмецкой остается династія и всѣ государственныя традиціи... Австрійскіе нѣмцы все болѣе и болѣе подчиняются очарованію мощи Германіи, въ ней видятъ они залогъ своего собственнаго будущаго и въ конечномъ счетѣ имъ грезится полное сліяніе съ Германіей.

Союзъ Германіи и Австріи, это не союзъ двухъ равныхъ державъ, а подчиненіе австрійской политики германской. Это чувствуется въ поведеніи австрійской дипломатіи, которая часто играетъ лишь вспомогательную роль при берлинской дипломатіи. И расширеніе вліянія Австріи на Балканахъ является прежде всего ростомъ германскаго вліянія, въ томъ смыслѣ,

---

живающими вниманія мысли г. Дмовскаго относительно положенія Польши въ международной политикѣ, относится совершенно отрицательно къ его позиціи во внутренней жизни польскаго общества.

Библиотека "Руниверс"

что австрійцы пріобрѣтаютъ тамъ позиціи не какъ чехи, венгерцы и т. д., а какъ нѣмцы. Идутъ туда изъ Австріи главнымъ образомъ нѣмцы, которые ничѣмъ не отличаются. Австрія служитъ не преградой для расширенія германскаго вліянія на юго-востокѣ, а мостомъ между Берлиномъ и Константинополемъ. Въ то же время сама Австрія экономически завоевывается Германіей». Исходя изъ этихъ соображеній, Дмовскій отказывается связывать судьбу Польши съ судьбой Австріи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые австрофилы, мечтающіе о присоединеніи Царства Польскаго къ Галиціи, гдѣ поляки пользуются національной и политической свободами.

«Въ русскомъ государствѣ,—рѣшительно заявляетъ Дмовскій,—лежитъ ключъ къ рѣшенію польскаго вопроса. Отъ судебъ русской части Польши зависитъ будущее всего народа. Въ то же время отъ отношенія Россіи къ польскому вопросу зависитъ въ значительной мѣрѣ ея собственное будущее».

Изъ книги Дмовскаго мы видимъ такимъ образомъ, что идея польско-русскаго сближенія, обнаружившагося въ современныхъ, уже раньше назрѣвала въ умахъ нѣкоторыхъ польскихъ политиковъ.

Совершенно иную позицію занимаетъ въ этомъ вопросѣ авторъ книги «L'Europe et la Pologne». Онъ такъ же, какъ и Дмовскій, считаетъ Германію главнымъ врагомъ Польши, въ исторической части своей работы онъ много говоритъ о роли Пруссіи въ раздѣлѣ и паденіи Польши, но онъ увѣренъ въ силѣ Германіи и слабости Россіи. «Россія,—писалъ этотъ авторъ еще такъ недавно,—никогда не рѣшится на войну съ Германіей. Участвуя въ тройственномъ согласіи, направленномъ противъ Германіи, она въ сущности своей нерачительностью склоняетъ чашу вѣсовъ въ пользу Германіи». Надежды свои авторъ возлагаетъ на Австрію. Разсужденія его объ исторической роли послѣдней не лишены оригинальности. Онъ не раздѣляетъ распространеннаго взгляда на Австрію, по которому она—какой-то историческій пережитокъ, обреченный на близкое исчезновеніе. По мнѣнію автора, это скорѣе—государство будущаго, союзъ народовъ.

«Австрія, которой столько разъ предсказывали скорое разложеніе,—пишетъ онъ,—оказывается очень живучей. И она будетъ жить не потому, чтобы она была нужна для европейскаго равновѣсія, какъ думаютъ нѣкоторые, а потому что она нужна Германіи. Только при помощи Австріи Германія можетъ осуществить грандіозную мечту созданія единой имперіи отъ Берлина до Багдада. Австрія со временемъ—думаетъ авторъ,—войдетъ въ составъ германской имперіи, но это не будетъ торжествомъ Пруссіи, а началомъ новой эпохи въ жизни германской націи, которая будетъ концомъ прусской политики. Узконаціоналистическая политика, которою Германія обязана Пруссіи, несовмѣстима съ той ролью міровой державы, къ которой призвана Германія. И Австрія внесетъ новые принципы въ германскую имперію, ибо она является той ареной, гдѣ нѣмцы ведутъ не политику искорененія другихъ народовъ, какъ Пруссія въ Познани, а политику мирнаго сожительства съ другими

Библиотека "Руниверс"

національностями. Въ Австріи вырабатываются принципы, на которыхъ будетъ построенъ союзъ славянскихъ народовъ подъ гегемоніей Германіи, и австрійскіе нѣмцы пріучатъ германскихъ нѣмцевъ къ мирному сожительству со славянами. Благодаря Австріи, Германія достигнетъ такой мощи и такого величія, какихъ не могла ей дать Пруссія. Въ этотъ союзъ славянскихъ народовъ подъ гегемоніей Германіи войдутъ Украйна и Польша». Въ этихъ разсужденіяхъ авторъ исходитъ не изъ симпатій ъ Германіи, а изъ вѣры въ непобѣдимость Германіи.

Что можетъ помѣшать Германіи въ осуществленіи ея грандіозныхъ плановъ? Ни Франція, съ ея убывающимъ населеніемъ, ни Россія, которую внутренній застой обрекаетъ на внѣшнее безсиліе, не могутъ, по мнѣнію автора, положить предѣла росту германской мощи. Можетъ это сдѣлать только Англія. И рано или поздно вспыхнетъ страшная война между Германіей и Англіей, отъ которой пострадаетъ вся Европа, а выиграютъ Америка и пробуждающіяся къ жизни страны Востока. Чѣмъ кончится эта борьба предсказывать авторъ не хочетъ, но наиболѣе вѣроятнымъ считаетъ тотъ исходъ, что ни на одной сторонѣ не окажется рѣшающей побѣды. Англія не сможетъ уничтожить могущества Германіи на сушѣ, Германія будетъ безсильна противъ Англіи на морѣ. Возможно, что, предвидя такой результатъ, Англія и Германія откажутся отъ войны и подѣлятъ между собой сферы вліянія.

Любопытно, что авторъ книги «Европа и Польша» побѣду Англіи надъ Германіей находитъ нежелательной и даже гибельной для поляковъ: если Германія лишится колоній и торговаго флота, то она постарается вознаградить себя за счетъ польскихъ земель. Drang nach Osten станетъ еще стремительнѣе и причинитъ полякамъ еще больше вреда, чѣмъ самые драконовскіе законы современной Пруссіи.

Польскій публицистъ, такимъ образомъ, не вѣритъ, чтобы можно было остановить напоръ германскихъ силъ и для него лишь вопросъ, куда онъ направится, и естественно, что онъ хочетъ, чтобы онъ направился на океаны и заморскія страны и миновалъ родныя польскія поля.

Подобные взгляды не популярны сейчасъ въ Польшѣ: большинство желаетъ побѣды европейской коалиціи надъ Германіей и вѣритъ въ эту побѣду.

Л. Козловскій.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

Библиотека "Руниверс"

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются сочиненія

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. **Политическія и общественныя идеи декабристовъ.** 1909 г. (болѣе 700 стр.). Цѣна **3** руб. **50** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 25%).

2. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. I и т. II. Приготовляется къ печати новое изданіе.

3. **Крестьяне въ царствованіе Императр. Екатерины II.** Т. I изд. 2-е, 1903 г. Стр. XXXVII+643. Т. II, 1901 г. Стр. XLV+864. Цѣна **5** руб. (Продается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5-я лин., д. № 28.

4. **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.** Историческое изслѣдованіе. Т. I. Цѣна **3** руб., т. II, цѣна **3** руб. (Продается въ книжномъ складѣ Стасюлевича).

5. **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Біографическій очеркъ съ портретомъ. Цѣна **50** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

6. **Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова.** Цѣна **20** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

7. **Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ сороковыхъ годовъ.** (Петрашевцы). Цѣна **15** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія

ПОПУЛЯРНЫЯ ИЗДАНІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. **Разсказы изъ Русской исторіи.** Вып. 1-й. Содержаніе: Разсказы изъ лѣтописи Нестора.—Слово о полку Игоревѣ.—Нашествіе Батыя на Русскую землю.—Александръ Невскій.—Дмитрій Донской.—Народныя былины.—Великій Новгородъ.—Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III. Цѣна **40** коп. Изданіе 13-е.

2. **Разсказы изъ Русской исторіи.** Вып. 2-й. Содержаніе. Іоаннъ III и сынъ его Василій.—Смерть Василія III.—Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго.—Сильвестръ и Адашевъ.—Опричина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ.—Домострой.—Образованіе и быть народа.—Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Ц. **60** к. Изд. 11-е.

3. **Очерки изъ Русской исторіи XVIII вѣка.** Ц. **1** р. **50** к. Содержаніе: Допетровская Русь.—Переходное время (патріархъ Никонъ и Крижанинъ.—Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царствованіе Петра В., Екатерины I Петра II, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I.—Петръ III и Екатерина II.—Царствованіе Екатерины II.—Имп. Павелъ I и его время. Изд. 3-е.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ
ПОДАРОКЪ
для дѣтей и взрослыхъ

ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЕ
ЯКОРНЫЕ
КАМЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ
КУБИКИ.

Эта игрушка удобна для родителей, не желающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и, постепенно докупая затѣмъ дополнительные ящики, незамѣтно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложныя сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Отдѣленіе и фабрика Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К°.
Петроградъ, Николаевская ул., № 14. Тел. 4-30-78.

Иллюстрированный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ К. высылаемъ безплатно.

Товарищество суконной торговли и складовъ
„М. Поповъ съ Сыновьями".

МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.
МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.

СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ,
РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.
ПЛЭДЫ и ОДѢЯЛА.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТОВАРА
ДЛЯ ФОРМЕННАГО ПЛАТЬЯ.

Библиотека "Руниверс"

Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ съ 1-го сентября с. г. предпринято изданіе новаго еженедѣльнаго журнала

„ИЗВѢСТІЯ И. В. Э. ОБЩЕСТВА“.

Задачи журнала, какъ онѣ намѣчаются редакціей «притти на помощь всѣмъ, работающимъ надъ удовлетвореніемъ нуждъ, порожденныхъ обстоятельствами военнаго времени, путемъ освѣдомленія о томъ, гдѣ и что дѣлается въ этомъ направленіи и путемъ посильной разработки и освѣщенія очередныхъ экономическихъ и культурныхъ потребностей страны».

Содержаніе журнала намѣчается въ видѣ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Правительственныя распоряженія.
2) Дѣятельность **И. В. Э. Общества.**
3) Руководящія статьи по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ.
4) Хроника экономической жизни.
5) Хроника экономическихъ мѣропріятій земствъ и городовъ.
6) Корреспонденціи и пр.

Подписная цѣна установлена въ **1 руб. 50 коп.** на 4 мѣсяца (съ 1-го сентября по 31-е декабря 1914 г.), на одинъ мѣсяцъ—**50 коп.**

Отдѣльный номеръ—15 коп.

Контора и редакція въ помѣщеніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.
Петроградъ, Забалканскій, 33.

XXVI г. Изданія. | ОТКРЫТА ПОДПИСКА | 1915 г.

на журналъ

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—**5 р.**, съ доставкой и пересылкой—**6 р.**, въ полгода—**3 р.**, съ пересылкой за границу—**7 р. 50 к.**, для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—**5 р.** Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10% и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ—15%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и **15** руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32, во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

Библиотека "Руниверс"

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЗАДРУГА“

приступило къ изданію серіи народныхъ брошюръ на современныя темы подъ общимъ заглавіемъ

„ВОЙНА и ТРУДЪ“.

Въ составленіи брошюръ предполагается участіе слѣдующихъ лицъ: **Е. А. Звягинцева, Л. С. Козловскаго, Ѳ. Д. Крюкова, Е. П. Луковникова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. П. Огановскаго, В. С. Озерецковскаго, И. С. Рябинина К. В. Сивкова** и другихъ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЫШЛИ БРОШЮРЫ:

№ 1. *Н. П. Огановскаго.* **„ОТЧЕГО ЗАГОРѢЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА?“** 32 стр. ц. **8** коп.

№ 2. *К. В. Сивкова.* **„ВОЙНА и КУЛЬТУРА. ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ и ТЕПЕРЬ“.** 32 стр. ц. **8** коп.

Съ требованіями обращаться по адресу кн-ва: Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6, тел. 4-50 61, а равно во всѣ большіе книжные магазины Москвы и Петрограда.

При выпискѣ отъ издательства на сумму не менѣе 3 руб. пересылка на счетъ издательства.

Въ настоящій моментъ на складѣ издательства имѣются слѣдующія книги:

Эркманъ-Шатріанъ. (Авторъ книги «Исторія крестьянина»). **«Исторія новобранца 1813 года»** повѣсть, съ рисунками. Сокращенный переводъ съ французскаго **В. Керженцева.** 120 стр. цѣна **25** коп.

Эркманъ-Шатріанъ. «Конецъ Наполеона». Продолженіе «Исторіи новобранца 1813 г.». Съ рисунками. Сокращенный переводъ съ французскаго. **В. Керженцева.** 120 стр. цѣна **25** коп.

Москва, М. Никитская, д. 29. кв. 6. Тел. 4-50-61. Складъ кн-ва „Задруга“.

Библиотека "Руниверс"

Стр.

ковъ. Путешествіе аббата Жоржеля. **С. П. Мельгуновъ.** Е. Ѳ. Комаровскій. Записки. **Н. П. Кашинъ.** Русская литература XX в. **С. П. Мельгуновъ.** У Троицы въ Академіи. **П. И. Власовъ.** Памятники первыхъ лѣтъ старообрядчества. **Ф. Баллодъ.** А. Морэ. Во времена фараона. Его-же. Цари и боги Египта. **Н. О. Лернеръ.** Къ исторіи «Баллады о Рыцарѣ». 269

VI. Изъ текущей литературы.

А. А. Кизеветтеръ. Станиславъ Понятовскій и его мемуары. . . 289
Гр. Ф. Г. Де-ла Бартъ. Романтизмъ, какъ патологическое явленіе 300
Л. С. Козловскій. Германія и Польша. 312

VII. Рисунки.

Портреты **П. Н. Обнинскаго и Г. А. Джаншіева. Заставки** изъ евангелій XVI в. въ собраніи А. А. Титова.

VIII. Объявленія.

КАТАЛОГИ **НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ** ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА, Моховая, д. 26.

НОВАЯ КАРТА
Европейской войны
20 × 15 верш. въ 7 красокъ съ статистич. свѣд. о Европейскихъ государств. и объясненіемъ нѣкоторыхъ военныхъ терминовъ. **Цѣна 40 коп.**
Складъ изд. при книгоизд. **„ЗАДРУГА“**, Мал. Никитская, д. 29, кв. 6. Тел. 4 50-61.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

подъ редакціей *С. П. Мельгунова* и *В. И. Семевскаго.*

(2-ой годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.
IV. Историческая беллетристика.
V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
VI. Критика и библіографія.
VII. Новости русской и иностранной науки.
VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 10 руб., на 1/2 года 5 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб., за границу 12 руб., 1/2 года 6 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка:
При подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюля 3 руб., 1 октября 2 руб.

Перемѣна адреса 20 коп.

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала 1 руб., налож. плат. 1 р. 25 к.
Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1).
На пересылку накладывается платежъ.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29, тел. 4-50-61).

Подписка принимается и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

Библиотека "Руниверс"